

**Министерство образования и науки
Российской Федерации**

Байкальский государственный
университет экономики и права

Академия наук Монголии

Институт истории
Институт международных исследований
Институт национального развития

Россия и Монголия в начале XX века ДИПЛОМАТИЯ, ЭКОНОМИКА, НАУКА

Книга 3

Часть 2. История отношений России и Монголии в документах

Сборник архивных документов

Иркутск
Улан-Батор
Издательство БГУЭП
2014

УДК 061.1:911(470+517.3)
ББК 26.89(5)
Р76

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета экономики и права

Научный руководитель проекта
с российской стороны
д-р экон. наук, проф. **М.А. Винокуров**

Научный руководитель проекта
с монгольской стороны
акад., проф. **Б. Энхтувшин**

Редакционная коллегия
д-р экон. наук, проф. **А.П. Суходолов**,
д-р ист. наук, проф. **Ю.В. Кузьмин**,
канд. ист. наук, доц. **В.А. Василенко**,
Д.А. Папонова (отв. секр.)

Редакционная коллегия
д-р экон. наук, проф. **Т. Дорж**,
д-р экон. наук, проф. **Б. Болдбатор**,
д-р ист. наук, проф. **О. Батсайхан**,
Ж. Орхон (отв. секр.)

Р76   Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, на-
ука. — Кн. 3, ч. 2 : История отношений России и Монголии в документах :
сб. арх. док. — Иркутск ; Улан-Батор : Изд-во БГУЭП, 2014. — 218 с.

ISBN 978-5-7253-2735-9

Содержит архивные документы по истории отношений России и Мон-
голии, подготовленные для III Международной научно-практической кон-
ференции, отражающие различные аспекты российско-монгольских отно-
шений.

Для всех интересующихся вопросами истории отношений России и
Монголии.

ББК 26.89(5)

ISBN 978-5-7253-2735-9

© Издательство БГУЭП, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ

Документы по истории отношений Монголии и России (середина XIX века – 1921 год)

Ильина Е.В. Документы Государственного архива Иркутской области по истории русско-монгольских отношений в начале XX века.....	6
Историко-географический очерк Монголии и ее политическое устройство	8
Отдел I. Монголия. а) Халха (монголо-китайская борьба, обращение князя Наянту с письмами к Хутухте, обучение монгольской конницы).....	11
Отдел I. Монголия. а) Халха (Поездка в Ургу бывшего посланника в Пекин г. Коростовца, аудиенция у Хутхты уполномоченного нашего правительства г-на Коростовца, Признание независимости Монголии, переговоры о соглашении с Монголией, опасения китайского правительства относительно).....	12
Отдел I. Монголия. а) Халха (Текст соглашения России с Монголией, подписанный 21 октября в Урге, русско-монгольское соглашение, тайные статьи договора с Монголией)	15
Депеша И.Я. Коростовца. Урга, 30 Сентября 1912 года, № 3 о встрече с Главой Ургинского правительства и секретные телеграммы на его имя Министра Иностранных дел	17
Секретная телеграмма Министра Иностранных дел в Ургу на имя И.Я. Коростовца от 14 ноября 1912 года № 2736.....	18
Секретная телеграмма Министра Иностранных Дел И.Я. Коростовцу в УРГУ от 15 Ноября 1912 г. № 2743.....	18
Краткий очерк золотопромышленности в Монголии	19
Докладная записка потомственного почетного гражданина Михаила Михайловича Коковина «По вопросу о развитии торговых сношений с Монголией»	21
Ф.А. Парняков «Русские в Монголии»	25
Копия протокола смешанного совещания комиссии по разработке вопроса об учреждении в Урге средне-учебного заведения и родителей, желающих поместить своих детей в это училище, состоявшегося 27 Июля 1915 года в помещении русской школы попечительства Ургинского Самоуправления	36
Телеграмма Иркутского генерал-губернатора Князева Министру Иностранных дел от 21 декабря 1912 г. о составе монгольского посольства.....	38
Донесение Иркутского генерал-губернатора Председателю Совета Министров от 23 декабря 1912 г. с сообщением о монгольском посольстве в Петербург.....	39
Донесение начальника Забайкальской железной дороги Иркутскому генерал-губернатору Л.М. Князеву о предоставлении вагона для представителей монгольского посольства от 17 декабря 1912 г.	41
Письмо Министра Иностранных дел С.Д. Сазонова Иркутскому генерал-губернатору Л.М. Князеву о личности ст. сов. Люба от 11 января 1913 г. № 33.....	42
Секретная телеграмма Д С С Коростовца от 25 декабря 1912 г. № 2266 о Цыремпилове, Москитине, Малиновском и Люба	45
Письмо Министра Иностранных дел Иркутского генерал-губернатору Л.М. Князеву о представителе в Урге ст. сов. Люба. от 27 марта 1913 г. № 290	47
Донесение Генерального консула в Монголии А. Миллера Иркутскому генерал-губернатору о личности губернского секретаря М.Д. Цыренпилова от 11 сентября 1913 г. № 2215	51
Карта-схема территории Внешней Монголии, 1912 г.	56
Фотография священника Ф.А. Парнякова. Монголия, Улангом, 1917 г.	57

Шинковой А.И. Документы из Государственного архива Иркутской области.....	57
Ответ Агопова, священника Российской духовной миссии в Пекине, на ранее полученное из Иркутска письмо за подписью барона П.А. Фредерикса, генерал-губернатора Восточной Сибири	58
О духовной степени монгольских лам, с предостережением российского консула в Урге Я. Шишмарева о возможных последствиях от ввода правил об ограничении въезда иностранных лам в Россию.....	59
Письмо Департамента духовных дел иностранных исповеданий МИД России генерал-губернатору Восточной Сибири П.А. Фредериксу о намерении ввести в практику визирования въездных билетов монголам в ургинском консульстве. О не дозволении исполнять требы иностранным ламам в российских пределах.....	60
Кяхтинский пограничный комиссар Е.В. Пераффиус с донесением генерал-губернатору Восточной Сибири о предоставлении копии перевода письма царгучея, начальника Маймачена и ответ комиссара царгучею.....	61
Копия отношения начальника кяхтинского Маймачена кяхтинскому пограничному комиссару. Мнение царгучея относительно получения въездных билетов монголами в Российском консульстве в Урге	61
Ответ кяхтинского пограничного комиссара Е.П. Пераффиуса на письмо царгучея кяхтинского Маймачена.....	62
Письмо Бандида-хамбо-ламы Даши Доржи Итигэлова генерал-губернатору Восточной Сибири. О предупредительных мерах в отношении самостоятельных бесконтрольных действий иностранных лам, подданных Китая, Тибета и Монголии, в пределах Российской империи. Мнение хамбо-ламы относительно мнимых монгольских хубилганах и их обрядов богослужения	62
Александр Николаевич Кульков, первый драгоман Русского консульства в Урге с письменным сообщением в Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества о начале издательской деятельности российско-монгольской типографии в Урге	63
Маланова А.А. Об установлении дипломатических отношений России и Монголии.....	66
Записка А.И. Деспота-Зеновича «О мерах для сближения с Монголией».....	67
Докладная записка полковника Боборыкина.....	76
Попов А.Л. Царская Россия и Монголия в 1913–1914 гг.	78
Ванчинбалын Инжинаш. Краткие пояснения / пер. и публ. Л.Г. Скородумовой	97
Полянская О.Н. Письма монголоведов — источник по истории российской научной школы монголоведения: из переписки Б.Я. Владимирцова (к 130-летию со дня рождения ученого)	110
Дацышен В.Г., Дудникова А.В. Документы из фонда «Бийское уездное полицейское управление», хранящегося в государственном архиве Алтайского края об отправке русских войск в западную Монголию в 1913 г.	114
Временное положение об устройстве и службе военных дорог и этапов для ново-николаевского и Зайсанского отрядов, выдвигаемых из омского военного округа в Кобдоский и Алтайские района Монголии и Китая	116
Старцев А.В. Документы по истории российско-монгольских отношений 1912–1923 гг.	121
В независимой Монголии (рост г. Улангома. Спектакли в Улясутае)	121
Васенев А.Д. Русские задачи в Монголии	122
Декларация России и Китая о признании автономии Внешней Монголии.....	125

История отношений России и Монголии в документах

Заключение Министерства торговли и промышленности на проект устава «Сибирско-монгольского торгово-промышленного акционерного общества».....	125
Кожевенная промышленность в Автономной Внешней Монголии	127
Временно управляющий Министерством иностранных дел А.А. Нератов председателю Совета министров В.Н. Коковцову	128
Общий обзор положения русской торговли и промышленности в Монголии за период 1917–1918 гг.....	131
Отчет агента Министерства торговли и промышленности А.П. Болобана о ходе русско-монгольской торговли за 1914 г.	132
Особый журнал Совета министров от 15/2 августа 1912 г. По вопросу о заключении соглашения с ургинским хутухтой и князьями Халхи	134
Особый журнал Совета министров от 15/2 августа 1912 г. По вопросу о продлении С.-Петербургского русско-китайского договора 1881 г.	138
Протокол к соглашению между Россией и Монголией об автономии Внешней Монголии	141
Соглашение между Россией и Монголией об автономии Внешней Монголии	144
Из торгового отчета по Кобдоскому Округу за 1915 год.....	145
Трехстороннее соглашение России, Китая и Монголии об автономии Внешней Монголии	146
Доклад заведующего Алтайским отделением Всероссийского текстильного синдиката Ю.Г. Лукьянова о поездке в Монголию в августе 1923 г.	149
Батсайхан О. Документы по истории Монголии и монголо-русских отношений	156
Диллион Е.Ж. Отделение Монголии от Китая	159
Письмо Богдо гэгээна и четырех ханов Халха Монголии Российскому императору с просьбой о помощи.....	162
Декрет Богдо хана о восстановлении Монгольского государства и назначении министров Правительства	168
Очерк личности главного деятеля и души переворота - Хутухты, возведенного ныне избранием князей на ханский престол 18 января 1912 года.....	169
Договор России и Монголии 1912 года о дружбе	171
Ноты Монгольского правительства США, Англии, Германии, Дании, Японии и другим странам.....	176
Зулькафиль М., Чойсамба Ч. Первые газеты Монголии	176
Кузьмин Ю.В., Василенко В.А. Русско-монголо-китайские отношения в Урянхайском крае	180
О монгольской агитации в Урянхайском крае и мерах противодействия оной.....	181
Записка по вопросу границы Урянхайского края.....	185
Кузьмин С.Л. Документы, посвященные деятельности барона Унгерна в Монголии	189
Договор 1913 г. между Монголией и Тибетом	189
Опубликованный указ Богдо-гэгэна о награждении Р.Ф. Унгерна и других	193
Циркуляр военного министерства правительства Монголии об установлении правопорядка, март 1921 г.....	194
Дневник, веденный летом 1904 г. хори-бурятом Ц. Жамцарановым, командированным Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в Ургу и Забайкальскую область для собирания этнографическо-лингвистического материала / публикация Ц.П. Ванчиковой	194

Раздел пятый

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ МОНГОЛИИ И РОССИИ (середина XIX века — 1921 год)

Е.В. Ильина

начальник отдела использования и публикации документов ОГКУ ГАИО

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ИСТОРИИ РУССКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Документальные источники Государственного архива Иркутской области по истории русско-монгольских отношений датируются второй половиной XIX–XX вв. Массив документов по этой тематике сосредоточен в архивных фондах региональных органов государственной власти и управления: № 24 «Главное управление Восточной Сибири», № 25 «Канцелярия Иркутского генерал-губернатора», № 32 «Иркутское губернское управление»; в фондах учреждений по материальному, провиантскому обеспечению армии: № 71 «Экспедиция по закупке скота в Монголии для нужд действующей армии», № 353 «Уполномоченный Министерства земледелия по закупке скота в Монголии для нужд действующей армии (Ц.Г. Бадмажаров); научное изучение Монголии представлено фондом № 293 «Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества (ВСОРГО) и фондами личного происхождения путешественников Григория Николаевича и Александры Викторовны Потаниных (Ф. 779), писателя и историка Николая Михайловича Ядринцева (Ф. 295), биолога Виталия Чеславовича Дорогостайского (Ф. р-3492), историка-монголоведа Елены Марковны Даревской (Ф. р-3462).

Из богатого тематического архивного комплекса для публикации были отобраны отдельные документы из двух фондов Канцелярии Иркутского генерал-губернатора и Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, освещающие межгосударственные русско-монгольские отношения и научный интерес к Монголии после провозглашения ее независимости в 1911 г.

Документы Государственного архива Иркутской области начала XX в. дают возможность проследить процесс становления Монгольско-

го государства через призму отношений с Российской империей. Основным документальным источником в исследовании этой темы является архивный фонд № 25 «Канцелярия Иркутского генерал-губернатора». Канцелярия была учреждена в 1887 г., на основании именного указа от 2 июня 1887 г. вместо ликвидированного Главного управления Восточной Сибири (ГУВС) для управления Иркутской, Енисейской губерниями, Якутской и Забайкальской областями, как исполнительный орган при Иркутском генерал-губернаторе. В компетенцию ведомства, в частности, входило — посредничество в дипломатических и торговых отношениях России со странами Дальнего Востока. Для ведения текущего делопроизводства по дипломатическим вопросам в структуре ведомства была создана дипломатическая канцелярия. Именно здесь отложились документы о дипломатических и социально-экономических отношениях Российского государства и Монголии.

Для освещения событий периода становления монгольской государственности, опубликованы четыре статьи из журнала «Сведения о государствах Дальнего Востока (обзор периодической печати о Китае, Монголии, Японии, Тибете), издаваемого разведывательным отделением штаба Иркутского военного округа. Статьи представляют собой ежемесячные информационные обзоры и сводки, подготовленные военными специалистами по данным зарубежной и отечественной печати. В них содержится: краткое описание историко-географического положения Монголии, дается оценка ее внутренней политической ситуации, отслеживаются события военных действий на территории Северной Монголии в борьбе за

свою независимость, указывается на стратегические, политические и экономические интересы России и описываются дипломатические шаги, предпринимаемые Российским правительством в решении монгольского вопроса.

21 октября 1912 г. между Российским государством и Монголией было заключено русско-монгольское соглашение и подписан торговый протокол. Подготовительную работу по заключению соглашения проводил Русский уполномоченный в Монголии действительный статский советник Иван Яковлевич Коростовец. В фонде канцелярии отложились его телеграммы и депеши на имя Министра Иностранных дел со сведениями о ходе переговорного процесса с монгольским правительством. В данном сборнике опубликовано три текстовых документа — депеша И.Я. Коростовца, которая содержит отчет о торжественном приеме Коростовца Главой Ургинского правительства 28 сентября 1912 г. и две ответных телеграммы на депешу Министра Иностранных дел: о согласии Государя Императора принять депутацию монгольского правительства в Петербурге и с выражением благодарности Николаю II И.Я. Коростовцу за проделанную работу. Информация о приеме русского дипломата уже известна исследователям из опубликованного дневника И.Я. Коростовца «Девять месяцев в Монголии»¹, но публикация официальных документов дипломатической переписки из фонда Государственного архива Иркутской области может быть интересна исследователям как документальный образец работы русско-дипломатического корпуса на важнейшем направлении международных отношений на Дальнем Востоке. Другим ценнейшим визуальным источником, зафиксировавшим описываемые события, является коллективная фотография членов комиссий по заключению русско-монгольского соглашения 21 октября 1912 г., которая сохранилась в фонде Канцелярии Иркутского генерал-губернатора.

Представляет интерес публикуемый очерк «История золотопромышленности в Монголии», подготовленный для Кяхтинского совещания по обсуждению монгольских дел в связи с заключением русско-монгольского соглашения. Российской стороной предусматривалось подготовка особого горного устава или свода правил, которые могли бы служить руководством для российских и монгольских властей в обла-

сти предоставления концессий на разработку горных богатств Монголии. В очерке описывается история создания золотодобывающей компании «Монголор» и даны сведения о количестве добытого русскими золота в Монголии.

Представители русских торговых фирм поднимали вопросы о путях сообщения в Монголии, которые были необходимы им для проведения успешной торговли в этой стране. В публикуемой докладной записке потомственного почетного гражданина Михаила Михайловича Коковина «По вопросу о развитии торговых сношений с Монголией», подготовленной им 14 декабря 1912 г. дается не только оценка существующего состояния торговых российско-монгольских отношений, но и указывается на насущные проблемы в этом направлении, определяются пути их решения. Со знанием дела М.М. Коковин рассматривает вопросы: необходимости строительства железнодорожного сообщения от Кяхты до Урги, и сети сухопутных дорог на территории Монголии, развитии банковского дела и почтового сообщения, улучшении судоходности реки Селенги, снижении тарифов на перевозки. Автор записки обращает внимание Российского правительства на тот факт, что успешное развитие торговых отношений с Монголией благоприятно скажется и на экономическом освоении и состоянии Забайкалья.

Развитие русско-монгольских торговых отношений предопределило наличие русских колоний в основных монгольских населенных пунктах Урге, Улясутае, Кобдо и др. По словам священника Ф. Парнякова «...взаимные отношения русских оставляют желать много лучшего. Живут разобщено и, даже, недружелюбно, что неблагоприятно отражается и на устройстве русского дела...». Русскими консулами неоднократно поднимался вопрос об упорядочении жизни русских колонистов, создании при русской колонии в Урге общественного управления, полицейской части, кредитного учреждения, организации образования для детей колонистов и др. Для освещения жизни русских колоний в Монголии подготовлены к публикации два документа: рукопись священника Ф. Парнякова «О русских в Монголии» и протокол Смешанного Совещания Комиссии по разработке вопроса об учреждении в Урге средне-учебного заведения.

Священник Федор Александрович Парняков родился в феврале 1870 г. в г. Балаганске

Иркутской губернии. В 1891 г. он закончил Иркутскую духовную семинарию. Служил священником Бельской Сретенской церкви, был благочинным градоиркутских церквей. Летом в 1914 г. Ф.А. Парняков уехал в Монголию на внештатную должность священника Ургинской консульской церкви. Он был единственным священником во всей Монголии. По его инициативе в 1914 г. было создано Ургинское приходское попечительство в Монголии. Деятельность Ф.А. Парнякова не ограничивалась Ургой. Ежегодно он совершал поездки по Монголии. В публикуемом документе описана его поездка в 1916 г. в Дзаин-Шаби, Таряты, Улясутай, Шумалтай, Мурэн и Ван-Хурэ для оказания религиозно-нравственной и культурно-просветительской поддержки русским колонистам. Свои путевые наблюдения он записывал и посылал во ВСОРГО. Его записки сообщают много конкретных сведений: о русских колонистах в Монголии, о их торговой и хозяйственной деятельности, о взаимоотношениях с коренным населением, а также о положении самих монголов². Некоторые выписки из рукописи священника Ф. А. Парнякова были опубликованы в статье Е.М. Даревской «Необычная судьба сибирского священника (Федор Александрович Парняков)³. В полном объеме рукопись публикуется впервые.

Второй документ отображает нужды русского населения Урги в области образования. Дети, проживающие в русском поселении в

Урге (Курене), обучались преимущественно в г. Троицкосавск (Кяхта) в Алексеевском реальном училище и женской гимназии. Из-за дороговизны обучения и содержания детей, среди русских подданных возникла мысль открыть училище в Урге. Помещение предоставлял на бесплатной основе кяхтинский купец коммерции советник М.М. Коковин⁴. Коммерческое училище было открыто в 1916 г., устав утвержден 7 апреля 1916 г. Училище восьмиклассное, состояло в ведении учебного отдела Министерства торговли и промышленности. В училище преподавали следующие предметы: Закон божий, русский язык и словесность, монгольский, английский и французский языки, историю, географию, математику, политическую экономику, законоведение и др.⁵

Ряд документов представлен нами для публикации в отсканированном виде. В них содержатся сведения о составе специальной миссии монгольского правительства в Петербург в 1912 г. Официальная переписка Министерства иностранных дел с Иркутским генерал-губернатором и русскими консулами в Монголии, представленная в электронных копиях о сотрудниках русского консульства в Урге: консуле В.Ф. Люба, советнике Москвитине, переводчике М.Д. Циренпилове и др. содержит полярные точки зрения о них, что, по нашему мнению, поможет исследователю в объективности оценки их деятельности.

Примечания

¹ Коростовец И.Я. Девять месяцев в Монголии. Дневник Русского уполномоченного в Монголии, август 1912 — май 1913 г. / сост. О. Байтсайхан. УБ., 2009.

² ОГКУ ГАИО. Ф. р-3462. Оп. 1. Д. 82. Л. 5, 38–48.

³ Парняков Ф.А. Сибирь (альманах). Иркутск, 1971. № 3. С. 78–88.

⁴ ОГКУ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 120. Л. 2–3.

⁵ Там же. Л. 41–45.

Историко-географический очерк Монголии и ее политическое устройство*

(Сведения о государствах Дальнего Востока (обзор периодической печати) за февраль месяц 1912 года. Иркутск: Типолиитография штаба округа, 1912. С. 18–24)

Борьба происходящая в Китае с конца прошлого года, естественно должна была вызвать волнения на окраинах его: в Тибете, Восточном Туркестане, Монголии; это в действительности и случилось, как только стало обрисовываться бессилие центральной власти в Пекине. Особую решимость в стремлении к отделению от Китая проявила Северная Монголия, объединившаяся 17-го ноября прошлого года под главенством сво-

его духовного вождя, Ургинского Хутухты, и объявившая себя независимой.

В виду близости этих областей к нашим границам, интересно взглянуть на их историко-географическое положение и политическое устройство.

Монголия занимает собою возвышенное плато между 37° и 53° северной широты, 85° и 124° восточной долготы, считая от Гринвича; в пределах своих она заключает громадные степи, из-

вестные под именем Монгольских Гоби (Гоби по монгольски — степь). С севера Монголия окаймлена хребтами: Алтайским, Саянским и Кэнтэй, на юге Нань-шанем, с запада в нее врываются отроги Алтая и Тянь-Шаня и на востоке граница соприкасается с Маньчжурией и проходит почти вдоль линии Южно-маньчжурской железной дороги.

Климат Монголии сухой и континентальный, лето знойное, зимы суровые, орошение скудное, дождей выпадает незначительное количество, вследствие чего встречаются громадные бездонные пространства; реки и озера встречаются преимущественно на севере и западе; на юге же Монголию замыкает обширный водный бассейн Куку-нора.

Население состоит преимущественно из монголов-скотоводов, численностью около 4 миллионов, распадающихся на несколько племен, и незначительного количества китайцев, составляющих чиновничий и торговый классы. Земледельцы-китайцы густо расселены на границах с собственным Китаем и реже — с Россией, где земледелие еще в зародыше.

Монголы круглый год живут в юртах, перекочевывая со своими стадами с места на место; питаются главным образом чаем, молоком, мясом и бузою (пшено, просо). По вероисповеданию буддисты-ламаиты, во главе которых, занявший ныне Ханский престол, Ургинский Хутухта Чжебцун-дамба.

О монгольских племенах известно, что они уже в третьем столетии до Р.Х.* совершали частые набеги на Китай, вследствие чего китайцы отгородились от монголов стенами, которые при императоре Ши-хуан-ди (237 г. до 221 гг.) были соединены в одну. Под властью своих князей монгольские племена образовали отдельные уделы и ханства. Временами же все племена объединялись под властью одного хана. В VII столетии по Р.Х. в Монголии возвышается племя Уйгуров и с этого времени в китайской истории монгольские племена встречаются под нынешним именем Менгу т.е. Монголы. Достоверная история монголов начинается с Чингис-хана, успевшего, как известно, в четверть века из ничтожного кочевого племени создать Великую Историю и сделаться ее повелителем. Потомок его Хубилай, продолжая завоевания в Китае, сверг царствующую там династию Сунскую и в 1267 году перенес свою столицу в Пекин, где и утвердил на китайском престоле Монгольскую династию (под названием Юаньской¹). Последующие ханы не отличались государственными талантами и спустя сто лет в 1368 году Юаньская династия прекратила свое существование в лице императора Тогон —Темура, бежавшего после вспыхнувшее в Пекине мятежа

* Здесь и далее — Рождества Христова.

в глубь Монголии. С этих пор Монголия повела отдельное существование под управлением своего Хана; началось обычное дробление ее между многочисленными потомками на мелкие уделы, пошли внутренние раздоры и междоусобицы, а с ними и окончательное обессиливание монголов; этим пользуется маньчжурский князь Нурхаци, объединивший под своей властью бродячие маньчжурские племена в 1616 году, и начинает подчинять монгольских князей одного за другим своей власти. Последним ханом, сумевшим объединить под свою власть враждующих монгольских князей, был Даян-Хан. С его смертью в 1543 году вся Монголия, по обычаю, была разделена между его сыновьями, при чем Северная Монголия или Халха досталась в удел младшему его сыну Гэрэ-Сэнцзе; с этого же времени начинается политическая обособленность областей Монголии, т.е. деление на Северную, Южную или Внутреннюю и Западную.

Халха, разделившись в свою очередь между родом Гэрэ-Сэнцзе на ряд мелких княжеств, осталась самостоятельной до 1691 года.

В 1688 году воинственный Чжунгарский князь (Западная Монголия) Галдан -Бошукту, желая объединить под свою власть Монголию, двинул свои войска в Халху. Бесперывно враждовавшие дотеле Халхасские князья принужденны были бежать на юго-восток и собрались на сейм обсудить свое положение. Председателем сейма был избран Ургинский Хутухта Ундур-Гэгэн, которому, вследствие разделения голосов, было представлено право решить вопрос, у кого из двух государей — русского Царя или Маньчжурского Богдыхана просить защиты. Хутухта выбрал — последнего и сейм решил признать над собою власть Маньчжурского Дома...

Официальное присоединение произошло в гор. Долон-Норе в присутствии Императора Канси в 1691 году.

В политическом отношении Монголия разделяется: 1) на Внешнюю или Северную Монголию.

- а. Халха
- б. Кобдоский округ
- в. Алтайский округ
- г. Земля Танну-Урянхайцев

2) Внутреннюю или южную Монголию.

Халха в административном отношении делится на 4 сейма или Аймак (старинное монгольское название).

Цэцэн-хановский (Курулен-барс-Хотосский сейм), в состав его входит 23 княжества (хошуна).

Тушету-хановский (Хан-уласский сейм), в состав его входит 20 княжеств.

Сайн-Нойновский (Цэцэрликский сейм), в состав его входят 24 княжества.

Цзасакту-хановский (Цзак-гольский или Биндурьяновский сейм), в состав его входят 19 княжеств (хошунов).

Кобдосский округ один сейм — Саин Цзяягату (2 хошуна хойтов и 14 хошунов дурбетов). Кроме того в ведении Кобдосского Хэбэй амбана находится: 1) аймак захачинов, 2) аймак мингат и 3) хошун олетов.

По склонам хребта Танну-ула кочуют Танну-Урянхи, разделяющиеся в административном отношении на 5 управлений: 1) Косогольское, 2) Кемчикское, 3) Тучжийское, 4) Салыжинское, 5) Таннуское и находящиеся в ведении Цзахатухановского и Сайн-Ноиновского аймаков, Ургинского Хутухты и Улясуйтайского Военного губернатора.

Внутренняя Монголия разделяется на 6 сеймов и 49 княжеств.

Во главе каждого сейма (Аймака) стоит председатель, выбираемый из числа правителей хошунов данного аймака. При нем — один товарищ председателя и один помощник по военным делам. Сейм собирается раз в 3 года и занимается разбором: 1) вопросов относящихся к внутреннему устройству в хозяйственном отношении всего аймака и превышающих компетенцию правителей хошунов, 2) судебных дел, 3) административных дел, 4) дел по производству переписи; когда же сейм разъезжается, председатель и его помощник выполняют постановления сейма.

Хошуном управляет князь (Цзасак), который ведает гражданскими, военными и религиозными делами и распределяет повинности. Исполнительным органом при князе является хошунное управление или ямынь, во главе которого стоят два помощника цзасака: *тусалакчи*, который ведает всеми гражданскими делами княжества и *цзахиркачи*, ведающий военными делами хошуна, как то: изданием инструкций для обучения войск, наблюдением за их вооружением, снаряжением и проч. При военном помощнике-цзахиракчи* — состоит один или (когда в хошуне более 10 сумунов) 2 начальника бригады (Мейрену-цзангин). Во главе стоит Цзалану-цзангин, во главе эскадрона (сумун) командир эскадрона — Сумуну цзангин. При последнем 4 младших офицера — кундуй и 6 урядников (бошко). В мирное время чины военного управления несут на себе большую часть полицейско-административные функции.

Монгольские князья по своей родovitости разделяются на несколько степеней и ведут свою родословную от Чингисхана.

Все мужское население княжества в возрасте от 18 до 60 лет обязано нести (по крайней мере, в теории) воинскую повинность; каждая семья выставляет по одному всаднику, из которых образуются сотни (сумон) по 150 человек. Вооружение таких сумонов состоит из ружей самых разнообразных систем: от фитильных до

винтовок Маузера, Манлихера и Бердана; преобладающее большинство — последней системы; сумоны вооружены также луками со стрелами, шашками и пиками.

Монголы исповедуют буддизм, точнее ламаизм. Одну из мировых религий, которая насчитывает более 525 миллионов последователей. Основателем буддизма считается Будда Гаутама, сын Индийского Царя, живший в начале 5-го столетия до Р.Х. В последствии (в 1-м веке по Р.Х.) буддизм распался на северный (Великая колесница) и южный (Малая колесница). В Тибет и Монголию проник северный буддизм. Каждое из названных учений опять распадается на несколько сект. В 15 столетии некий Цзонхава сделался основателем новой секты, названной «гелугба» или сектой желто-шапочников в отличие от других сект, например, красно-шапочников.

Ламаизм (желтая вера), который основан на принципе, что «без ламы нет спасения», вытесняет остальные верования и делается господствующим в Монголии. Таким образом, духовенству дана первенствующая роль в жизни народа, исповедующего это учение.

Во главе ламаитов в Монголии ныне стоит 8-й перерожденец святого Чжебцун-дамба Хутухты, который всегда пользовался не только духовным, но и политическим влиянием на свой народ. По верованию буддистов будды (или святые), достигшие совершенства на земле, погружаются в нирвану и остаются безучастными к живым существам, страдающим в этом мире, поэтому в противовес этим, пассивным буддам, учение ламаитов выдвинуло будд, достигших совершенства и готовых уже вступить в нирвану, но не пожелавших сделать это ради спасения живых существ, страдающих в этом мире. Эти будды обладают свойством воплощаться на земле в человеческие образы, образуя собой институт перерожденцев или хубилганов. К разряду таких, живых святых, принадлежит и Ургинский Хутухта, воплотившийся в Тибете в 1874 году. Его божественное происхождение всегда усиливало ему политическое влияние во всех его предыдущих перерождениях и сделало его популярнейшим в среде монгольской аристократии, среди которой он занимал центральное положение и это обстоятельство, главным образом, выдвинуло его на ханский престол при объявлении независимости 17-го ноября 1911 года.

Р.О.Ш.И.В.О.

¹ Юаньская царствовала с 1267 по 1368 г.
Минская (китайская) с 1368 по 1644 г.
Цинская (Маньчжурская) с 1644 по 1912 г.

* Так в документе.

Отдел I. Монголия. а) Халха

(Сведения о государствах Дальнего Востока (обзор периодической печати) за сентябрь месяц 1912 года. Иркутск: Типо-Литография штаба округа, 1912. С. 1–2)

Монголо-Китайская борьба

Халха переживает тревожное время. Отовсюду надвигаются китайские войска и постепенно охватывают ее кольцом. На востоке происходят зверские расправы китайцев с населением внутренней Монголии; с юга прибыли чахарские и китайские войска в Дарингангу, присоединившуюся к Халхе, и захватили в свои руки весь скот; на западе к Кобдо подходил* из Гучена китайский отряд в 1000 человек. Все это производит удручающее впечатление на ургинское правительство, которое больше всего опечалено тем, что Халха не может ничем помочь своим сородичам во Внутренней Монголии. Хутухта неоднократно обращался к русскому правительству с просьбой разрешить восточным монголам купить за деньги из России оружие, но всегда получал на это категорический отказ, который сопровождался обыкновенно советом избегать вооруженных столкновений с китайцами во Внутренней Монголии. Несмотря на разгром хошунов Чжасакувана и Тушегуна китайцами, наши дипломаты ограничились лишь сообщением ургинскому правительству самого факта. Мер же к прекращению зверств во Внутренней Монголии, никаких не принимается вовсе. *Н.В.*

Обращение Князя На-янту с письмами к Хутухте

В Ургу прибыли посланные от князя Наянту** с письмами к Хутухте и Саин-Нону. Юаньшикай через Наянту просит Хутухту и князей отказываться от независимости. В таком случае Халхе обещается автономия во внутренних делах и сохранение прежних привилегий духовенства и князей. Последним будет увеличено жалованье. Наянту просит Хутухту, как своего учителя, разрешить ему приехать в Ургу для совместного обсуждения вопросов, связанных с укреплением веры и устройством быта народа. Наянту говорит, что он сам, как халхаский князь, отлично понимает выгоды своей родины и стремится только к тому, чтобы свести монголов с ложного пути, на котором они находятся в данное время. Ходят слухи, что здешнее правительство ведет тайные сношения с Пекином о восстановлении китайской власти. *Н.В.*

Основание Русско-Монгольского Банка

Главный русский советник Хутухты г. Москвитин, подал доклад русскому министру финансов рекомендуя основать банк в Урге.

По словам американского генерального консула в Москве, господина Снодграсса, главной задачей банка будет оказание финансовой поддержки Монголии, чтобы дать ей возможность покрывать неизбежные, усиленные ныне расходы, а также содействовать монгольскому правительству в отыскании новых источников дохода.

Снабжая монгольское правительство необходимыми средствами, русский банк этим приобретает право контроля над расходами; кроме того, он будет иметь возможность регулировать собирание земельных налогов и сконцентрировать в своих руках все коммерческие операции.

Несмотря на неблагоприятные обстоятельства экономическое развитие Монголии удовлетворительно. *Peking Daily News*

Обучение Монгольской конницы

Из Урги сообщают, что русскими инструкторами запасных чинов забайкальского казачьего войска закончено обучение 3 сотни Монгольской конницы. В настоящее время конный полк совершенно обучен. *Мансю ници-ници*

Обвинение Далай-вана

Не успели сформировать в Урге военное ведомство, как уже несколько халхаских князей представили доклад, в котором они обвиняют военного министра Далайвана во взяточничестве и просят произвести следствие. *Х.В.*

ОГКУ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 150. Л. 386–386 об.

* По последним сведениям отряд этот вернулся назад.

** Вновь назначенный Улясутайским Цзян-Цзюнем.

Отдел I. Монголия. а) Халха

(Сведения от государствах Дальнего Востока (обзор периодической печати) за октябрь месяц 1912 года.
Иркутск: Типо-литорафия штаба округа, 1912. С. 1–7)

Поездка в Ургу бывшего посланника в Пекин г. Коростовца

Бывший посланник в Пекин г. Коростовец, находится в настоящее время в Урге. Его приезд в столицу Монголии объясняется, как посылка в роли уполномоченного русского правительства для посредничества в переговорах о примирении между монголами и китайцами. Такое объяснение поездки г. Коростовца дано официозным телеграфным агентством и самим г. Коростовцем.

По-видимому, почти годовая борьба между монголами и китайцами переходит в последнюю стадию. Сопровождавшаяся незначительными сражениями и победами монгол над деморализованными незначительными отрядами павшей в Китае власти Дайцинов, эта борьба не дала прочности существования и порядка Монголии и не отбила у китайцев охоты владеть Монголией. Они как считали Монголию своей, так и не отказываются от нее и теперь. Напротив, китайцы приготовились разгромить независимую Монголию. И сделали бы уже это, если бы не были вынуждены считаться с интересами России, тесно связанной экономически с Монголией.

О том, что китайцы готовы разгромить монгол, мы судим по следующему: в цичикарской провинции сосредоточена значительная армия, способная рассеять в сущности неспособные к войне монгольские полчища. Китайская армия снабжена новейшими ружьями, орудиями, и пулеметами. Не говорим уже, что китайскую армию сопровождают шайки хунхузов, предающие огню и смерти все, что осталось в недавнюю компанию в Восточной Монголии после разгрома монгол армией, и наводящие ужас на тысячи верст по степи. На юге, в Калгане, также формируется карательный корпус для похода на Халху. В Западной Монголии китайские войска стягиваются для нападения для нападения с запада. Между прочим, в распоряжение не падающему духом кн. Палты отданы китайские войска Кашгара и Кульджи.

Может быть, и излишни столь большие приготовления китайцев для борьбы с монголами. Вероятно, для разгрома Монголии было бы достаточно армии, сформированной для подавления одной Восточной Монголии. Не ставят ли китайцы в задачу своих приготовлений не только подавления монгол, но и демонстрацию перед русскими своего решения подавить монгол? Как бы ни были не страшны в глазах русских приготовления китайцев, как демонстрация они должны, учитываться теперь в определении политической ситуации на Дальнем Востоке, где не дремлет и Япония, постепенно, без шума, подчиняющая своему экономическому и политическому влиянию юго-восточную Монголию.

При таком положении на Дальнем Востоке понятна и необходима посылка г. Коростовца в Ургу. Вероятно, его приезд в Ургу согласован и с желаниями китайского правительства; иначе трудно было бы рассчитывать на успех миссии.

Мы хотели бы думать, что г. Коростовцу удастся достигнуть положительных результатов; что его поездка увенчается успехом и ему окажется по силам то, что удалось достигнуть послать Юаньшикая*. Мы не можем умолчать и о том, что примирение Китая и Монголии оказало бы благотворное влияние и на положение русского дела в Монголии и в Маньчжурии, страдающего теперь от неуверенности в завтрашнем дне. *Н.Ж.*

Аудиенция у Хутухты Уполномоченного нашего Правительства г-на Коростовца

28 сентября состоялась аудиенция уполномоченного нашего правительства Коростовца у хутухты, в присутствии генерального консула Любы, чинов консульства и двух офицеров конвоя. Прием был обставлен с небывалой здесь торжественностью. В 4 часа дня в консульство прибыл министр иностранных дел Хандаван и сообщил, что хутухта ожидает посланника в городском дворце и для передвижения прислал ему по монгольскому обычаю конные носилки, а лицам сопровождающим — китайские телеги. По пути следования процессии на протяжении более версты, от дворца стояли шпалерами монгольские войска, которые при проезде присоединились, и когда кортеж приближался к дворцу, сзади неслась на лошадях тысячная толпа солдат, чиновников и народа, составлявшего нечто вроде конвоя. Около самого дворца стояли в одну линию ламы, из которых двое были одеты

---

* Так в документе.

в древние костюмы богатырей. Прием состоялся в огромной юрте, где на троне восседал хутухта, окруженный с правой стороны духовенством во главе с да-ламой, а с левой — князьями во главе с Сайн-ноином. Подойдя к хутухте, Коростовец приветствовал его от имени Государя Императора. Следом за ним приветствовал генеральный консул, после чего предложено было всем сесть в приготовленные заранее на полу небольшие возвышения. Затем Коростовец обратился к хутухте с речью, в которой подчеркнул неизменно благожелательное отношение к Халхе Государя Императора и указал на то, что наше правительство, признав ее автономию, решило закрепить торговые права и преимущества русских подданных, которыми они пользовались здесь ранее, непосредственным соглашением с Богдыханом и его правительством. Обратив далее внимание хутухты на важность такого шага для Халхи, Коростовец просил не затягивать этого дела.

На эту речь хутухта отвечал благодарностью за внимание, которое ему оказывает Россия. В конце аудиенция хутухта вызвал министра иностранных дел и финансов и военного, которые, став перед ним на колени, выслушали его повеление отправиться сейчас же с посланником и угостить его обедом. Этим прием был закончен, после чего все поехали в дом, где был приготовлен обед, на котором, по распоряжению хутухты, не должны были появляться китайские кушанья. После обеда весь кортеж был доставлен в консульство тем же способом. *Н.В.*

Признание независимости Монголии

Как известно, вопрос о признании независимости Северной Монголии, отложившейся от Китая после низвержения Дайцинской династии, был поставлен на очередь еще минувшей весной, когда из Халхи были изгнаны китайские войска и власти. Этого признания права Северной Монголии на самостоятельное существование повелительно требовали интересы России и соображения гуманности. Нам давно пора ликвидировать последствия завоевательной политики маньчжурских императоров и вновь воздвигнуть между желтой расой и европейской цивилизацией ту великую китайскую стену, через которую полстолетия назад начал переливаться поток земледельческой колонизации из бассейнов Пейхо и Хуанхэ. Восстание монголов в Халхе дало в руки нашей дипломатии прекрасный случай превратить пески великой азиатской пустыни, тянущееся от Тянь-Шаня до Хингана, в непреступный барьер между Россией и Китаем, который должен обеспечить нам мир и спокойствие на необъятной южной границе Сибири. Международное право отнюдь не препятствует признанию иностранными державами независимости восставших провинций какого-либо государства, если только отделившиеся провинции сумели организовать прочное правительство, обеспечить порядок в стране и с оружием в руках отстоять свою независимость. Так была признана в XVIII веке независимость Соединенных Штатов, а в XIX веке независимость средне и южно-американских республик и Бразилии и отделение Бельгии от Голландии. Именно подобные же по значению события произошли и в Халхе. В лице ургинского хутухты отложившаяся Северная Монголия обрела себе главу, который сумел объединить различные племена от Алтая до Селенги и создать правительственную власть в стране. Китайские войска в пределах Халхи были уничтожены или обезоружены монголами, а китайские власти спаслись бегством через Россию.

Наша дипломатия — в монгольском вопросе не упустила удобного случая оправдать свою исконную славу. Сначала петербургский кабинет вел переговоры с токийским кабинетом о невмешательстве Японии в монгольский вопрос, хотя соответствующее соглашение о разграничении сфер влияния было уже заключено г. Извольским. После выяснения взглядов правительства микадо г. Сазонов, видимо поджидал, что скажет Англия. Представление английским посланником минувшим летом ноты пекинскому правительству с требованием признания почти полной независимости Тибета ясно показало, что сентджэмский кабинет отнюдь не склонен поддерживать агрессивную политику Юаньшикая и работать на пользу китайского национализма или, вернее, шовинизма. Пока шли переговоры русского правительства с пекинским, сопровождаемые обычными проволочками китайское правительство, заручившись авансом в счет будущего займа (который, кстати сказать, недавно с треском провалился в Лондоне, при чем свыше 60% облигаций осталось в портфеле банкиров, реализовавших заем), снарядило карательную экспедицию в Южную Монголию. Огнем и мечем китайские орды опустошили беззащитную страну. Когда нашествие варварских полчищ Срединной республики стало угрожать и Северной Монголии, наша дипломатия сделала решительный шаг и послала своего представителя в Ургу.

Прием миссии г. Коростовца хутухтой и предложение русского правительства обсудить совместно с монгольским правительством будущие отношения Монголии к Китаю на практике равносильны

признанию Халхи особым государством. Быть может, это новое государство на первое время будет номинально находиться в вассальных отношениях к Китаю. Уплата небольшой дани, присутствие китайского резидента в Урге и свобода китайской торговли в пределах Монголии не помешают развитию Халхи. Необходимо добиться, зато полной внутренней автономии Северной Монголии, права воспрещения китайской колонизации Халхи и права самостоятельного урегулирования правительством хутухты экономических и политических отношений с иностранными державами. Само собою, разумеется, китайские гарнизоны, во избежание столкновений с туземцами, отнюдь не могут быть допущены в пределы нового государства; порядок должен поддерживаться монгольской милицией. Приблизительно такая же программа была изложена в предложениях о посредничестве, сделанных несколько месяцев назад от имени России в Пекине. От этой программы — минимум мы не можем отступить, если не желаем поступиться интересами и достоинством России.

Для признания независимости Монголии выбран не совсем удобный психологический момент, когда мы по горло заняты балканскими делами. Ближневосточный кризис может создать на Дальнем Востоке обманчивое представление о бессилии России отстаивать свои права и интересы на границах Сибири. Недаром вице-король Маньчжурии заговорил именно теперь о снаряжении экспедиции для покорения Халхи, а правительство Юань Ши-кая вновь усвоило вызывающий образ действий по отношению к России. Но в Пекине глубоко заблуждаются, если думают, что балканский пожар совсем связал нам руки. В случае крайней нужды Россия сумеет постоять за себя одновременно на Босфоре и за Байкалом. Для острастки Китая досрочно мобилизовать несколько корпусов в Туркестане и Сибири, без которых, все равно нам придется обходиться в Европе. Впрочем, твердой воле России Средняя республика покорится беспрекословно. *Р.С.*

Переговоры о соглашении с Монголией

Китайское правительство, что бы удержать Монголию в своих руках, намерено открыть ее для международной торговли, сохранив за собой сюзеренные права. В настоящее время Россия ведет через г. Коростовца переговоры о соглашении с Монголией. Этим соглашением Россия стремится закрепить только те права и преимущества русских подданных, которыми они пользовались здесь ранее в силу договоров с Китаем. Монголы согласны сохранить за нами все прежние права и даже склоняются к их расширению, но просят только одно, чтобы в соглашении было ясно сказано о признании независимости Монгольского государства. Этот вопрос, по-видимому, вызывает колебания наших дипломатов. Очень возможно, что пока они думают над этим, китайцы откроют Монголию для всех и у нас не будет ни какой почвы для отстаивания завоеванных прежде преимуществ. Необходимо сделать монголам уступки, которые льстят их самолюбию, в противном случае мы упустим момент и потеряем здесь все, на что вправе претендовать. *Н.В.*

Опасения китайского правительства относительно Халхи

В виду того, что Наянту, назначенный на пост Улясутайского цзян-цзюня долгое время не отправлялся к месту службы, Хутухта почувствовал себя очень смелым и разослал своих агентов в Тибет, Кукунор, Синьцзян и др. места с призывом к монголам объединиться под общим его верховенством в одно независимое от Китая государство. Сведения эти получены от шпионов из Урги, которые при этом советуют президенту послать сильный карательный отряд на Ургу до 2-го ноября, в противном случае Халха будет потеряна окончательно. *Шунь-тянь-ши-бао.*

Удобный момент заставить Хутухту отказаться от Независимости

Шанхайская пресса выражает надежду, что благодаря Балканской войне и затяжной революции в России, последняя ослабила свое внимание к Монголии и поэтому представляется очень удобный случай заставить Хутухту отказаться от независимости силой. *Peking Daily News*

Из фельетона китайской газеты о признании независимости Халхи

Русское правительство уже признало независимость Халхи, о чем оповестили все газеты. Наше же правительство заявляет, что ему ничего не известно по этому поводу. Действительно, стоит ли обращать внимание на пустяки! *Шунь-тянь-ши-бао*

Отдел I. Монголия. а) Халха

(Сведения о государствах Дальнего Востока (обзор периодической печати) за ноябрь месяц 1912 года.
Иркутск: Типо-литография штаба округа, 1912. С. 1–6, 17)

*Текст соглашения России с Монголией,
подписанный 21 октября в Урге*

В виду всенародного выраженного желания монголов сохранить исторически сложившийся само-бытный строй своей страны, китайские войска и власти были удалены с монгольской территории и повелителем монгольского народа был провозглашен Чжебзун-Дамба-Хутухта. Прежние отношения Монголии к Китаю, таким образом, прекратились. Ныне, в виду вышеизложенного, а также существующей между русским и монгольским народами исконной взаимной дружбы и в виду необходимости точно определить порядок взаимной русско-монгольской торговли, действительный статский советник Иван Коростовец, по уполномочию ИМПЕРАТОРСКОГО Российского правительства, и председатель монгольского совета министров, покровитель 10,000 учений Сайн-ноин-хан Намнан-Сурун, полномочный министр внутренних дел Чин-сузукту-цин-ван, Лама Церин-Чимит, полномочный министр иностранных дел, в звании хана Эрдени-Дайцин-ван-хан Дорджи, полномочный военный министр Эрдени-далай-цзюнь-ван Гомбо-сурун, полномочный министр финансов Тушету-цзю-ван Чак-Дорчжаб и полномочный министр юстиции Эрдени-цзюнь-ван Намсарай, по уполномочию повелителя монгольского народа, монгольского правительства и князей правителей, договорились о нижеследующем:

Ст. 1) ИМПЕРАТОРСКОЕ Российское правительство окажет Монголии свою помощь к тому, чтобы сохранился установленный ею автономный строй, а также право содержать свое национальное войско, не допуская на свою территорию китайских войск и колонизацию своих земель китайцами.

Ст. 2) Повелитель Монголии и монгольское правительство предоставят русским подданным и русской торговли, по-прежнему, пользоваться в своих владениях правами и преимуществами, перечисленными в прилагаемом протоколе. Само собою, разумеется, другим иностранным подданным не будет предоставлено в Монголии более прав, чем те, которыми пользуются там русские подданные.

Ст. 3) Если бы монгольское правительство сочло нужным вступить в отдельный договор с Китаем или другим иностранным государством, то новым договором ни в коем случае не могут быть нарушены или изменены статьи настоящего соглашения и протокола без согласия на то ИМПЕРАТОРСКОГО Российского правительства.

Ст. 4) Настоящее дружественное соглашение войдет в силу со дня его подписания».

Русско-Монгольское соглашение

Только что опубликованное русско-монгольское соглашение является давно ожидавшимся актом официального признания со стороны русского правительства создавшегося в Монголии положения вещей. В нем, строго говоря, нет ничего нового. Монголы в течение своего годичного независимого существования доказали и свою дееспособность в смысле поддержания порядка в стране, и свои стремления к существованию в качестве независимого народа, и свои права на такое существование. Исходным пунктом для заключения соглашения, как и постоянным регулятором всех действий русского правительства в отношении монгольского народа, являлась воля последнего, нарушать которую русское правительство, очевидно, не считает ни справедливым, ни целесообразным, так как подобное нарушение ее могло повлечь за собой нежелательные для нас пограничные осложнения с постоянно добрыми соседями — Монголами.

Из этой воли монгольского народа исходило заявление России Китаю, о котором было сделано сообщение [Государственной] Думе 13 апреля 1912 г. Как известно, наше правительство указало тогда Китаю три гарантии неприкосновенности создавшегося в Монголии самобытного строя: отказ китайского правительства от введения в этой стране китайской администрации, от расквартирования там китайских войск и от колонизации Китаем ее земель. Этого, безусловно, требовали сами Монголы, и возможно, что вопрос был бы улажен, тогда же, если бы дело не осложнилось царившей во внутреннем Китае разрухой и существованием во главе страны никем доселе непризнанного республиканского правительства.

Из той же воли Монголии проистекает и заключенное ныне соглашение. Как мы уже знаем из опубликованных С.-Петербургским агентством и специальным корреспондентом «Нового Времени» телеграмм, а равно из корреспонденции из Урги, напечатанной 24 октября в «Новом Времени», И.Я. Коростовец заявил первоначально хутухте о признании автономии Халхи. Монгольские

же министры во время переговоров объявили ему о своем решении и распространить силу соглашения не только на Халху, но и на все монгольские народности: Чахаров, Баргутов, Солонов, Олетов, жителей Внутренней Монголии и пр. В опубликованном соглашении мы видим, что имя Халха заменено более широким понятием Монголии. Это очевидно сделано по требованию самих Монголов, свободному самоопределению которых предоставлено устанавливать географические размеры своей страны. Россия в это дело не вмешивается: в состав Монголии естественно могут войти все те хошуны и аймаки, которые добровольно пожелают признать над собою власть хутухты, как «эцзэн-хана», т.е. самодержавного государя, каковым его желают видеть сами Монголы.

Признание русским правительством воли монгольского народа идет так далеко, что оно, судя по сообщению Осведомительного бюро, не встретило бы даже препятствий к тому, чтобы Монголы при известных условиях признали даже и сюзеренитет Китая. Можно сомневаться, что бы хутухта и его министры добровольно подставили опять свои шеи под китайское ярмо, но это уже их дело. Русское правительство ограничивается требованием при этом лишь обеспечения его собственных интересов.

Из этого последнего положения вытекает, очевидно, и терминология соглашения, называющая Монголию «автономной», а не «независимой». Если предусматриваемого договора с Китаем у правительства хутухты не последует, то, конечно, Монголия должна остаться независимой. Уже самое заключение соглашения непосредственно с правительством хутухты доказывает, его ipso признание Россией права Монголии на ведение самостоятельных международных сношений, что присуще только государствам независимым. Далее соглашение предусматривает возможность заключения монгольским правительством подобных же международных договоров и с другими государствами и дарование чужеземным подданным таких или других прав на своей территории, причем, на этот случай, монгольское правительство уже приняло по собственной воле известные обязательства пред правительством русским. По статье третьей соглашения определяется, например, возможность договорных отношений Монголии и с Китаем, причем последний ставится в ряд с другими государствами, не имеющими никаких особых отношений к ново-создавшемуся государству. Все это больше указывает на независимость Монголии, нежели на ее автономность, но однако, дальнейший ход событий соглашением предоставлен исключительно усмотрению правительства хутухты и его народа.

Таким образом, русским правительством сделан надлежащий шаг к упорядочению дел самой Монголии. Считающие Русского Государя хубилганом (т.е. воплощенцем) богини милосердия Цаган-Дара-эхе Монголы действительно могут молиться теперь на него, как на избавителя от тяготившего над ними 200 лет китайского ига, и от них самих зависит дальнейшее развитие и упорядочение своей страны.

Что сделало наше министерство иностранных дел для улучшения положения русских подданных в Монголии и для обеспечения их интересов, мы сейчас сказать не можем. Протокол, определяющий права и преимущества, которыми русские подданные и русская торговля будут пользоваться в автономной Монголии, будет опубликован дополнительно, и тогда мы к нему возвратимся.

Тайные статьи Договора с Монголией

Китайское общественное мнение и пресса, как известно, встревожены состоявшимся на днях русско-монгольским договором, видя в нем признание со стороны России независимости Монголии, что, по мнению пекинской, прессы, грозит в будущем осложнениями. «Ут. Рос.» со слов пекинского корреспондента «Франкфурт Цейтунг» сообщает по этому поводу следующие очень интересные сведения.

Дело в том, что когда в свое время отдельные провинции Китая подняли знамя восстания против маньчжурской династии и провозгласили себя отложившимися от центрального правительства, их примеру тогда же последовала и Монголия, при чем центром этой отложившейся Монголии сперва была избрана Урга, а позднее Улясутай и Кобдо. Русское влияние на монгольскую промышленность и торговлю, если и нельзя считать преобладающим в сравнении с китайским, то, во всяком случае, русские в Монголии своим радушием и покладистостью заслужили среди населения нескрываемые симпатии; не малую роль сыграло здесь и русское золото, кредит и выгодные условия торговли. Нет ничего удивительного, что монголы видели в русских своих друзей и покровителей. Этим же объясняется проезд в прошлом, 1911 году, монгольской депутации в Петербург в поисках за защитой от чрезмерных китайских притязаний. Тогда, однако, Россия не сочла возможным открыто выступить на защиту прав Монголии. В следующем же году, когда Китаю пришлось пережить серьезные внутренне осложнения, и Монголия объявила свое отложение от Китая, русские приняли на себя посредничество в сношениях между монголами и Китаем, и русский консул в Урге стал весьма влиятельным лицом для Монголии.

Попытки Китайских эmissаров, посланных в Ургу в целях увещевания монголов, не увенчались успехом; эmissары не рискнули добраться до Урги и поспешно вернулись на китайскую границу.

Россия предложила Китаю свое посредничество, соглашаясь воздействовать на Монголию в смысле признания с ее стороны китайского суверенитета, под условием, однако, не посылать, кроме одного главного комиссара, в Монголию никаких чиновников, не содержать в Монголии китайских войск и не предпринимать никаких колонизационных планов. Китайское правительство на это предложение не дало ответа, так как в Пекине не решались занять в этом вопросе какую-либо определенную позицию. Тем временем русское правительство вошло с хутухтой в непосредственные дипломатические сношения; ясно, что русское влияние стоит здесь очень высоко.

Китайские газеты приводят некоторые извлечения из того тайного соглашения, которое уже заключено между хутухтой и Россией. Ст. 7. Монголия оставляет за собою право самоуправления, но вместе с тем обязуется соблюдать интересы русского правительства. Ст. 8. Россия ссужает Монголии 5 миллионов рублей, получая в обеспечение монгольские земли. Ст. 30. Монгольская армия должна управляться русскими инструкторами.

Ст. 31. В виду того, что Россия оказала поддержку Монголии в ее провозглашении самостоятельности, Монголия обязуется выплачивать России ежегодно 120.000 руб. Ст. 32. В случае нападения на Монголию какого-либо третьего государства, Россия выплачивает Монголии убытки. *Н.Ж.*

...

*Характеристика Хутухты,
сделанная английским миссионером*

Один из миссионеров Британского библейского общества в своем отчете за 1911 год говорит следующее об ургинском хутухте: «Я несколько раз бывал у него во дворце... Ему более 40 лет; он мал ростом, имеет суровый вид и очень молчалив. Он одевается, как все ламы в северной Монголии — в желтую шелковую курму, тяжелые кожаные сапоги и т.д. У него 3 или 4 разных дворца в Урге. Почти ежедневно его можно видеть переезжающим из одного дворца в другой, сидящем в хорошем русском экипаже, запряженном верховными монголами. Впереди несутся один из близких сановников, около дюжины прочих монгол и несколько собак. С ним находится большого роста, толстая рябая монголка. Даже для знатных монгольских князей трудно получить аудиенцию у Хутухты, хотя он постоянно принимает от них деньги и ценные подарки. Я видел, как ходили к его секретарю с подарками в 500 лан, обернутыми в шелк. Каждый день хутухта забавляется, каким-нибудь образом. Иногда он в компании сам стреляет в цель, и у него две комнаты, полные всякого рода ружьями и винтовками, он также любитель стрельбы из лука. За некоторых из своих собак он заплатил русским 800 долларов. Рядом с самым большим храмом у него целый зверинец. Раз, когда я находился во дворце, ламы стремглав бросились в свои палатки и поспешно начали срезать и сбривать свои усы. «Хутухта так приказал», говорили они; они обязаны подчиняться каждому его, хотя самому сумасбродному приказанию. *Der Ostas Lloyd.*

...

ОГКУ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 150. Л. 509–511об., 517

Депеша И.Я. Коростовца. Урга, 30 Сентября 1912 года, № 3

В четверг 28 Сентября, как я уже имел честь сообщить Вашему Высокопревосходительству телеграммой от того же числа я был принят в торжественной аудиенции Главою Ургинского правительства Чжамбзун Дамба Хутухтою. Прием, обставленный, как здесь утверждают, небывалой еще торжественностью и почетом, состоялся в городском Хутухтинском дворце «Дундат ордо», где ранее давались аудиенции маньчжурским амбаням.

В пятом часу вечера за мною были присланы от Хутухты конные носилки, которыми здесь пользуется лишь сам Гэгэнь и князья, а в распоряжение сопровождавших меня лиц были предоставлены дворцовые повозки. Вместе со мною ехали Ген[еральный] Консул с.с. Люба, состоящий при мне колл[ежский] асс[ессор] Эльтеков, секретарь Консульства г. Попов, находящийся в командировке в Монголии Ген[ерального] Штаба кап[итан] Тонких, начальник сопровождавшего меня конвоя подъес[аул] Назоров и Советник при Ургинском Правительстве г. Москвитин. На пути на протяжении версты слишком были выстроены спешившиеся войска со значками, а около самого дворца почетный караул занимала в конном строю монгольская сотня, обучаемая русскими инструкторами. При следовании процессии к ней примыкали войска, образуя почетный конвой,

сопровождая нас до самого дворца. Дворец этот состоит из большой парадной юрты с приемной, в которой находилась дворцовая прислуга, и был разведен большой костер.

Гэгэн сидел на троне в парадном одеянии. Наступившие сумерки и полумрак в юрте не позволяли хорошо рассмотреть правителя Халхи, тем более, что он был в темных очках, так как уже давно страдает глазами и почти совсем лишен зрения. По правую сторону его стоял Да-Лама во главе высшего духовенства в красных одеяниях, наполнявшего эту часть юрты. По левую сторону Первосвященника находился Сайн Ноин, во главе князей пребывающих в настоящее время в Урге, и личной свиты Хутухты / дониров, сойбонов/. После того как мною и Генеральным консулом были донесены Хутухте, по местному обычаю подарки, нас попросили занять соответственно рангу места, приготовленные против трона. Тогда я передал Богдо, приветствие ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и Российского Правительства и, указав на неизменное расположение России к Монголии, выразившееся в дружественных действиях, искренность этого расположения, я обратил внимание Богдо на значение предлагаемого нами соглашения, текст которого был тщательно обдуман и всесторонне обсужден в Петербурге, и выразил надежду, что соглашение это будет принято по возможности без изменений и излишних затяжек.

Гэгэн, вообще не отличающийся многословием и всегда стесняющийся в присутствии иностранцев, особенно же в столь торжественной обстановке, кратко выразил мне свою радость по случаю моего приезда и благодарность за переданные приветствия и неизменно благожелательное отношение к нему ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и Российского Правительства и заявил, что рассмотреть соглашение и вести переговоры он поручил своим Министрам. При этом, как мне, так и сопровождавшим меня лицам, были переданы хадаки и подарки Гэгэна в виде кусков шелка, шкурок соболей, четок т[ому] под[одобное]. И был предложен чай и монгольские сласти, после чего я произнес несколько прощальных и приветственных слов, и аудиенция закончилась. В ответ на полученные подарки, мною на следующий день были отправлены Хутухте и его жене серебряные вещи.

После аудиенции нам было предложено монгольское угощение, которым по приказанию Богдо, заведовали Министр иностранных дел Ханда цин ванн, военный Министр Далай хан и министр финансов Тушету ван. В виде особенно почетного блюда был предложен на огромном медном тазе вареный баран с головой. Вкусив этой трапезы и обменявшись приветствиями и пожеланиями с Министрами, мы тем же порядком в сопровождении Ханда цин ванна и под эскортом монгольской сотни, вернулись домой.

Особая торжественность приема и чрезвычайные почести, которые мне были оказаны, а также характер общего народного торжества, которое придало ему громадное стечение народа, свидетельствуют о том значении, которое придают ургинские Правители прибытию сюда Чрезвычайного Посланника, а так же о действительно искреннем расположении к нам Хутухты.

С отличным и пр.

ОГКУ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 37. Л. 82–83.

Секретная телеграмма Министра Иностранных дел в Ургу на имя И.Я. Коростовца от 14 ноября 1912 года № 2736

На всеподданнейшем докладе моем об обстоятельствах, при коих Вами заключено соглашение 21 Октября с Монгольским Правительством, ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было начертать. Выражаю МОЮ благодарность Коростовцу.-

Поздравляю Вас с этим знаком МОНАРШЕЙ милости.-

ОГКУ ГАИО. ф.25. оп.11, д.37, л.221.

Секретная телеграмма Министра Иностранных Дел И.Я. Коростовцу в УРГУ от 15 ноября 1912 г. № 2743

Телеграмма № 1969 получена.-

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно соизволить на принятие депутации, которую Монгольское Правительство предполагает отправить в Петербург для выражения благодарности ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ.-

О времени, к которому депутация может прибыть в Петербург буду Вам телеграфировать дополнительно.-

ОГКУ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 37. Л. 224.

Краткий очерк золотопромышленности в Монголии

Согласно религиозным верованиям монголов разработка недр земли беспокоит и оскорбляет духов земли, почему добыча золота монголами не производится. Когда в Монголию начался приток китайцев, то последние обратили внимание и на золото и начали разрабатывать хищнически; за китайцами пошли и более смелые монголы, которые пренебрегли религиозным страхом, толкаемые на этот путь нуждой.

В общем, разработка золота велась тайно и без всякого контроля. Но среди монголов ходили и в данное время ходят предания о богатстве тех или иных мест золотом. Как появились эти предания, сказать трудно. Во всяком случае, эти предания верны только от части, именно в смысле богатства этих месторождений золотом, эти предания во многих случаях ложны.

Так предания монголов говорят о богатстве месторождений золота в долине реки «Байдарик» в аймаке Саин-Ноин-хана. Когда же начали проверять эти предания, то, правда, в этой долине месторождения золота были найдены, но река «Байдарик» по богатству золотом не выделяется сильно от прочих золотоносных рек Монголии. Предания же о богатстве были вызваны тем, что в долине реки «Байдарик» имеются пласты глины со слюдой, которая при солнечном свете давала полную иллюзию золота. По исследованиям русских золотопромышленников все монгольские месторождения золота напоминают своим характером Чикойскую тайгу /Забайкальской области/ их можно причислить к третьеразрядной тайге.

Из русских первым за выборку золота в Монголии взялось Общество «Монголор»*, которое заключало в 1900 году с китайским правительством договор, в копии при сем прилагаемый. Как видно из договора, общество «Монголор» обязалось уплачивать Китайскому Правительству 16,5% с валовой добычи золота. Из этих 16,5% в пользу центрального китайского правительства в Пекин отчисляло 15 %, а остальные 1,5% шли на содержание в Урге чиновников, и частью выдавалось моголам. В данное время, с объявлением Монголии независимой 16,5% идут в пользу Монгольского Правительства и Общество «Монголор» за 1912 год уплатило около 355.000 рублей.

Но общество «Монголор» не занимается добычей золота, а золотоносные места в Тушетухановском Цэцэнхановском аймаках сдает от себя в аренду или русским более или менее крупным

арендаторам, или же просто золотничникам на разнообразных условиях. Доказательством такого положения является отчет «Монголора» по добыче золота за I-ю половину 1912 года, из коего видно следующее:

Выработано золота аренда- торами	19 п.	39 ф.	61 з.
Золотничниками	32	32	02
Разных поступлений	—	27	44
ИТОГО	53	19	11

Из этого отчета явствует, что больше всего выработывается золота мелкими золотничниками. Кроме того, при приеме золота от арендаторов и золотничников, общество «Монголор» взвешивает с точностью до 4-х долей, благодаря каковой осторожности «Монголор» получает «разных поступлений» свыше 27 фунтов золота.

В данное время выработка золота происходит главным образом в бассейне реки «Иро», левого притока Орхона, в пределах Тушетухановского аймака. Кроме того, ведется добыча золота мелкими русскими предпринимателями в приграничной полосе, так называемой, караульной, которая выделена из общей территории аймаков и находится под особым управлением. Из мест добычи золота в караульной полосе можно отметить реки Кудара, Куйтень, какие речки, начинаясь в Монголии, входят в Забайкалье.

Относительно богатства различных мест золотом имеются такие данные, основанные на опыте русских золотопромышленников.

1/ В Тологой, местности системы реки Бугунтая, притока Иро, со 100 пудов общего отложения /торфы и золотоносный пласт вместе / — 77 долей, со 100 пудов песку по промывке 2,25 золотника.

2/ На реке Кудара /приток Чикоя/ со 100 пудов общего отложения 30 долей; со 100 пудов песку по промывке I зол. 24 доли.

3/ На реке Бурла, притоке Иро, со 100 пудов общего отложения 35 долей, со 100 пудов песку по промывке I зол. 29 долей.

Общество «Монголор» платит арендаторам за каждый добытый золотник золота по 3 руб. 50 коп., 3 руб. и 2 руб. 75 коп., смотря по условиям работы, золотничникам по 2 рубля 50 коп., и 2 рубля.

Согласно подсчетам специалистов, при пробе добытого золота в 890, Общество «Монголор» получает дохода при ценах за золотник:

При цене:

3 р. 50 к. 284/7%	3 р. 38 %	2 р. 75 к. 44 %	2 р. 50 к. 49 %	2 р. 55%
----------------------	--------------	--------------------	--------------------	-------------

* Акционерное Общество рудного дела в Тушетухановском и Цэцэнхановском аймаке в Монголии.

Если же пробу золота принять в 800, что крайне сомнительно, то Общество «Монголор» получает ниже следующий доход:

20 ½%	31,8%	37,5 %	43,12%	54,5 %
-------	-------	--------	--------	--------

Условия работы несколько разнообразятся в зависимости от того, кто работает.

Как сказано выше, арендаторы обязуются сдавать все добытое золото по 3 руб. 50 коп., 3 рубля и 2 р.75 коп., за золотник; в пользу Общества «Монголор», с арендатора идет по 1 рублю в месяц с каждого рабочего у арендатора; на некоторых приисках взимается в пользу Общества по 1 рублю в месяц с каждого рабочего у арендатора; на некоторых приисках взимается в пользу Общества по 1 рублю с каждого приходящего на прииск воза товаров или пищевых продуктов и за прогон скота.

Золотничники сдают Обществу золото по 2 рубля 50 коп., и 2 рубля за 1 золотник; также уплачивают 1 рубль в месяц с каждого рабочего и по 1 рублю с каждого воза за товары, пищевые продукты.

Крупные арендаторы обязаны содержать за свой счет монгольскую полицию; доставку почты и содержание в исправности дорог также за счет арендаторов на их приисках. Содержание же полиции на приисках мелких арендаторов и золотников Общество «Монголор» принимает на свой счет.

Вообще на каждом прииске, более или менее крупном, требуется такой штат полиции: 1 старший / галда/-150 руб., в месяц, 1 писарь 40–50 рублей в месяц, 15 стражников/ цагда/ по 30 рублей в месяц. Впрочем, количество стражников зависит от количества промывающих приборов / бутарь/, а также от того, производится ли работа днем и ночью; если работа идет и днем и ночью, то число цагд удваивается. Впрочем, зимой, когда работ на приисках нет, то монгольская полиция живет в Урге и получает половинное содержание. Рубка леса на приисках производится даром, земельной подати нет.

Некоторые арендаторы имеют свои лавки для рабочих и по сведениям эти лавки приносят арендаторам около 10 % прибыли, среди наиболее крупных арендаторов Общества «Монголор» необходимо отметить: 1/Лушниковы, Михаил и Глеб, 2/Тропин Степан Степанович и 3/ Титов Кронид Васильевич.

Первые два арендатора, т.е. Лушниковы и Тропин взяли в аренду ключ «Тологой»тый» в системе реки Бугунтая. Ключ этот тянется верст на 8-10; он разделен между арендаторами пополам; выработку золота начали со середины и уже выработали по 2 версты т.е. всего 4 версты; верх и низ ключа остались еще не выработанными. Этот прииск имеет особо благоприятные условия 1/близость границы, что удешевляет доставку

провизии, инструментов; 2/ небольшие торфы, около 10 четвертей в среднем; со 100 пудов песку по промывке получают 2 золотника 24 доли. Общество «Монголор» принимает золото от Лушниковых и Тропина по 3 руб. 50 коп. за каждый золотник. Работают эти арендаторы с громадной прибылью; по отзывам местных специалистов, получают до 200 % на затрачиваемый капитал.

Третий арендатор, Титов, тоже сдает «Монголору» каждый золотник по 3 руб. 50 коп., выработку золота производит на реке Малый-Улянтуй /система реки Иро/. Со 100 пудов песку после промывки получает 1,5 золотника золота. Торфы 18 четвертей. Получает прибыль 40 %.

Мелкие арендаторы и золотничники, главным образом китайцы, получают прибыль ничтожную и весьма часто только на собственное пропитание.

Плата за работы довольно однообразна, хотя на приисках работают русские и китайские рабочие. Последние работают без лошадей; русские же рабочие или со своими лошадьми или с лошадьми арендатора.

Снятие и вывозка торфов. За снятие торфов в верхних слоях платится рабочим от 1 рубля 80., до 2 рублей с куба; в нижних слоях от 2 руб. до 3 рублей. 10 человек рабочих снимают в 1 день 1 ½ -2 куба. За вывозку куба торфов на собственных лошадях уплачивают такие же цены, как и за снятие. 4 русских рабочих вывозят в день 2-3 куба.

Подача песков на бутары. За подачу 1 куба песка на бутару рабочие получают 3 рубля. 4 рабочих на лошадях подают в день 1 ½ — 2 ½ куба. 10 человек китайцев в день могут подать в среднем 1 куб песку; переносят песок в корзинах.

Если работают с арендаторскими лошадьми, то уплачивается на 40 копеек дешевле на каждый куб торфа или песку.

Из вышеизложенного видно, что содержание золота в различных местностях Монголии различно и известно только для тех местностей, где произведены были разведки, а таких мест в Монголии крайне мало.

По данным русских золотопромышленников в Монголии можно работать с пользой, т.е. промышленное содержание золота при уплате в пользу Монгольского Правительства 20% с валовой добычи золота должно быть не менее 14 долей золота со 100 пудов породы, т.е. торф из золотоносного пласта вместе; в этом случае можно получить 10% на затраченный капитал. Что бы получить тот же процент прибыли при уплате Монгольскому правительству 25% валовой добычи, нужно получить 17,5 долей со ста пудов породы; при 30% — 21 долю, при 35% — 24,5 доли, при 40% — 28 долей, при 45% 31,5 доли. Из вышеизложенных данных усматривается, что развитие

золотопромышленности в Монголии возможно и со значительным доходом.

Общество «Монголор» арендовало в целях добычи золота громадную площадь двух аймаков, на какой площади добывать золото может только это общество. В виду того, что эти аймаки лежат ближе всего к русской границе, откуда дешевле всего можно доставлять припасы для рабочих, а также самих рабочих, вполне понятно, что русские и принялись за разработку золота в этих местностях, но эти местности были заняты «Монголором», почему другие русские должны были прииски арендовать у «Монголора». Условия аренды кажутся другим русским довольно тяжелыми, почему уже давно, а теперь в особенности начались попытки русских арендовать у Монгольского Правительства другие местности для выработки золота.

Конкуренция этих русских подняла подать в пользу Монгольского Правительства до 25% с валовой добычи золота /вместо 16,5% «Монголора»/. В последние дни заключили условие Синицын, Титов и Ко с Монгольским Правительством на разработку золота в караульной полосе /5 караулов/ и в Саин-ноиновском аймаке, по реке «Байдарик». В этой же полосе имеется два караула Ольхон, Бырхе, в системе реки Онона, каковые местности богаты золотом. Конкуренция Общества «Монголор» и других русских подняла подать в пользу Монгольского Правительства до 30%, но пока выше 30% никто не давал Монгольскому Правительству.

С подлинным верно Агент: Подпись.

ОГКУ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 68. Л. 37–41.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА.

По вопросу о развитии торговых сношений с Монголией

Потомст[венного] Поч[етного] Гражд[анина]
Михаила Михайловича КОКОВИНА

В соответствии с задачами, которые поставлены на разрешение предстоящего 14 декабря совещания у г. Генерал-Губернатора, я счел необходимым письменно изложить те соображения, которые относятся к предмету настоящего обсуждения:

I.

По вопросу оборудования путей сообщения с Монголией

Проведение линии железной дороги от Кяхты к одной из ближайших станций казенной Забайкальской дороги «Мысовск» безусловно, необходимая мера в виду того, что такая линия, протяжением не свыше 200 верст даст возможность установить безперегрузочное и беспересадочное прямое сообщение грузов и пассажиров из внутренней России вплоть до границы Китая; справедливость требует, однако надо сказать, что проведение одного такого ответвления от магистрали Забайкальской не будет иметь значения в смысле решающего фактора для оживления торговых сношений с Монголией, без проведения в тоже время железнодорожного пути от Кяхты до Урги на протяжении примерно 300 верст. При условии проведения путей между названными пунктами самая дальняя часть Монголии окажется тогда связанною с центральной Россией.

Выше замечено, что проведения линии от Мысовска до Кяхты не должно иметь решающе-

го фактора, если только при этом одновременно не будет осуществлено проведением железнодорожного пути от самой Кяхты на Ургу, хотя даже бесспорно одно соединение Мысовска с Кяхтой должно считаться имеющим свою важность, что доказывается одним тем, что кяхтинское купечество приняло известное участие в той группе предпринимателей, которая организовалась для исходатайствования концессии на эту дорогу.

Для устранения сомнения в решающей роли дороги Мысовск — Урга имеет значение два следующие обстоятельства. С одной стороны, от Верхнеудинска до Кяхты сносение производится по хорошо устроенному грунтовому тракту протяжением в 213 верст, а во-вторых, кроме сухопутного тракта Кяхта соединена с Верхнеудинском /железнодорожная станция/ рекой Селенгой, по которой грузовое и пассажирское движение производится в течение почти шести месяцев в году.

Если и во внутренней России раздаются жалобы на недостаточную заботливость правительства о водных путях, то состояние этих путей Забайкалье в отношении надзора за ними со стороны надлежющего ведомства равняется полному небрежению.

По реке Селенге пароходство давно установилось и лишь пять лет тому назад министерством Путей Сообщения командирована была экспедиция инженера Старицкого, которым производилось в течение двух лет исследование речно-

* М.М. Коковин — представитель крупнейшей сибирской торгово-промышленной фирмы «Коковин и Басов», действующей в Монголии, купец, меценат.

го фарватера; однако, о каких-либо результатах исследования и не слышно: не имеется доселе даже карты русла, не говоря уже об отсутствии каких-либо улучшений фарватера реки, или постановки баканов и предостерегательных знаков. Судовладельцам приходится на собственный риск и страх проводить по Селенге суда с грузами и пассажирами, а между тем эта река капризного течения, с переменным песчаным дном, изобилующая перекатами и разбоями.

Селенга берет свое начало в пределах Монголии, являясь, можно сказать, единственным кратчайшим путем от нашей границы в глубь Монголии, и поэтому, естественно, при пробудившемся сознании важности наших торговых сношений с Монголией, обратить внимание на природный путь принятием мер к урегулированию ложа реки столь своеобразным течением: необходимо углубить перекаты постановкой землечерпательных машин, преграждением вредных для коренного протоков, постановкой баканов и проч.

Неотложно необходимо принять такие меры в особенности в одной части реки, в так называемых, Монохоновском перекате, где река, имеющая вообще очень быстрое течение, развивает особенную быстроту, делает несколько крутых поворотов, разбиваясь на несколько отдельных рукавов. При мелководье редкий пароход проходит благополучно через Монохоновский перекат.

С применением же соответствующих улучшений фарватера р. Селенги, само собой разумеется, должен понизиться и тариф, как товарного, так и пассажирского движения. Высота тарифа водного движения по Селенге считается справедливо из причин тормозящих развитие наших торговых сношений с Монголией, поэтому, все внимание Правительства должно быть сосредоточено главным образом на устранении тех недостатков, о которых упоминается выше.

В связи с улучшением условий плавание окажется совершенно излишней та субсидия, которая проектируется самим Правительством для пароходовладельцев, в виде порейсовой платы за перевозку почт, казенных грузов, воинских частей и пр.

В настоящее время пароходство существует до Усть-Кяхты, отстоящей от самой Кяхты в расстоянии 23 верст; дальше Усть-Кяхты пароходное движение продолжается еще на протяжении 35 верст, вплоть до самой границы Монголии — до пункта «Дозорный камень». Кроме Селенги здесь имеется еще также приток — ее речка Орхон, впадающая в Селенгу на расстоянии 60 верст от Усть-Кяхты. Инженером Стариц[ким] делались попытки пройти по ней на мелкокосящем пароходе до устья другой речки «Иро», также впадающей в Селенгу, что вполне возможно обыкновенно только

во время половодья. В свою очередь Торговый дом «Коковин и Басов», в навигацию 1910 г. довел один из своих пароходов «Серафим» по Орхону до, так называемого, Шамарского перевоза при осадке в один аршин, хотя также во время половодья.

Таким образом, собственно по Селенге пароходы в настоящее время ограничиваются пунктом, где сливается эта река с Орхоном, дальше же пароходы не ходили по Селенге в пределах китайской Империи /ныне Монголия/, почему нельзя с уверенностью сказать, в какой мере и на каком протяжении доступна будет Селенга для открытия пароходного движения на дальнейшем протяжении [к] Монголии. Впрочем, наш торговый дом получил от владетельных монгольских князей разрешение на установление пароходного движения по рекам Монголии на неограниченном протяжении и мы намерены, организовать лоцманскую партию для производства разведок и промеров водных путей в самой Монголии. Так как предприятие это сопряжено с риском участи разведочной партии и с большими денежными затратами, то настоятельно необходимым предоставляется чтобы правительство сказало поддержку в таком деле.

Вообще же говоря, движение грузов по Селенге между Кяхтой и ближайшей станцией Забайкальской железной дороги «Верхнеудинск» из года в год возрастает; вот почему данный водный путь заслуживает внимания правительственных сфер, особенно если удастся продлить в пределах Монголии пароходное движение по Селенге и другим рекам этой обширной страны, с которой издавна установлены торговые наши сношения и продолжают поддерживаться доселе.

Насколько существенно для оживления торговли с Монголией обратить, не откладывая надолго, внимание на Селенгинскую водную артерию, можно убедиться из дальнейшего изложения настоящей докладной записки, где делается краткое описание состояния тракта, пролегающего от Кяхты до Урги.

Дороги по Монголии до Кяхты никем из интеллигентных путешественников, по-видимому, не обследовались. Командируемые от нашего купечества доверенные лица и приказчики описывают пути, уподобляя их нашим проселочным дорогам. Главным недостатком грунтовых дорог в Монголии является примитивная организация переправ на речках, где уровень стояния воды подвергается резким и притом частым переменам от весьма нередких случаев водополья; высокий уровень воды в них иногда держится весьма долго. Мостов почти нет совсем и переправа, как и самая перевозка товаров, производится большею частью вброд конными вьюками или же на арбах.

Неудобство вследствие неорганизованности пути способно до крайности спутывать расчеты

коммерческих людей в отношении своевременного прибытия грузов. В пути транспорту приходится переживать по нескольким неделям на одном месте в ожидании спада вод. В 1910 году, например, коммерсантам причинило значительные убытки разлитие рек. Были случаи, когда товары, отправленные в Кяхту на расстоянии 700 верст пути и обычно прибывающие через 20–25 дней, пришли к месту назначения через два с половиной месяца, при этом, несмотря на соответствующую их укупорку, товары подвергаются под мочке и повреждению, как тары, так и самого товара.

В результате такого положения вещей волей-неволей приходится транспортировку товаров производить без соображения со временем спроса на них, а сообразно с удобствами сезона, — обыкновенно осенью — в который перевозка сопряжена, бывает с меньшим риском для хозяина, результат чего отражается на уменьшении сбыта товара и в задолженности в дело вложенного капитала. Уценивая такие неблагоприятные условия, и страховые общества облагают товары в пути слишком высокими прениями, а иногда даже совсем отказывается от страховки.

II.

По предмету о тарифных ставках железной дороги

Остановившаяся на мысли, каким способом улучшить сухопутные пути по самой Монголии, нельзя не остановиться на возможности обложения особым сбором как привозимых, так и отвозимых в Монголию всех товаров вообще. Такой сбор существовал и прежде с привозимых из Урги в Кяхту чаев; — он одинаково возможен и даже необходим и теперь, что дает возможность покрывать расходы по постройке мостов и переправ и вообще по содержанию в исправности пути. Такой способ улучшения путей в чужой стране естественно объясняется недостатками государственного устройства, при котором Монгольские власти не в силах своими средствами оборудовать пути, столь важные для нашей торговли.

В связи с вопросом о тарифах, как способе направлять грузы в желательном направлении, позволяю себе остановить внимание совещания на следующее обстоятельство.

В период сооружения Забайкальской железной дороги управление этой дороги провело небольшую ветку протяжением не более двух с половиной верст от станции «Верхнеудинск» к пристани на Селенге; эта маленькая ветка теперь закрыта, а между тем существование ее должно значительно сократить накладные расходы, связанные для грузоотправителей вследствие необходимости перегружать товары на подводы и везти их на конях на указанном двух верстном протяжении.

Правда, управление дороги принципиально выразило свою готовность восстановить ветку, на деле же все остается по-прежнему и грузы с Верхнеудинской станицы на пристань точно также как и в обратном направлении продолжают свое передвижение с перевалкою и свалкою на конные подводы. Влиятельный голос совещания всеконечно в самом быстром времени подвинул бы управление дороги к решимости восстановить движение по ветке. По сделанному подсчету минимальное количество перевозимого по названной ветке груза составляет в настоящее время до одного миллиона пудов в год.

Не маловажное значение для облегчения торговых сношений с Монголией, а также и с внутренним рынком России будет иметь предстоящее открытие в Кяхте городской Железной Станции и хотя по соглашению, возникшему у Т-ва Байк. Т-ва с управлением жел. дороги, тарифные ставки предположено понизить по отношению к вывозимым русским фабрикантам, но крайне желательно было бы распространить льготные тарифы на товары идущие также из пределов Монголии через Кяхту.

III.

Организация правильного движения почт между местами в Монголии, где наши купцы производят торговлю, и русскими пограничными пунктами

По тракту в Монголию отсутствует почтовое движение за исключением Урги, вследствие чего приходится пользоваться попутным случаем, в случаях же исключительных приходится посылать в Монголию нарочных, что естественно бывает сопряжено с значительными расходами. К такому же приему командирования служащих приходится прибегать коммерсантам и в случае необходимости пересылки капиталов, доверяя в руки служащего большие суммы, причем такого служащего обыкновенно сопровождает особонанимаемый монгол; с таким проводником приходится командированному служащему делать расстояние до 700 верст в пределах Монголии. Кроме случаев нарушения доверия, путники с деньгами подвергаются различного рода случайностям нападения грабителей.

Кроме указанного риска потери капитала, чрезвычайно трудно хозяевам, благодаря отсутствию почтовых сообщений, следить за делом, на местах закупки, так что приходится давать служащим иногда нежелательный простор в исполнении поручений, лишаясь возможности направлять деятельность доверенных и приказчиков. Весьма не редкими являются при таких условиях и случаи злоупотреблением доверием.

Крайним неудобством для коммерсантов вообще является недостаточное количество про-

межуточных почтовых отделений, на которых могла бы получаться и отправляться почтовая корреспонденция, так, например, в текущем году установлено почтовое сообщение между Ургой и Улясутаем. Путь этот лежит через Цзанн-Хуре, который в настоящее время представляется одним из самых оживленных пунктов для наших торговых сношений, но несмотря на такое важное значение Цзанн-Хуре — там не принимают и не выдают корреспонденции, хотя бы и простой.

Наконец желательно бы достигнуть, по меньшей мере, разрешения пользоваться так называемыми в Монголии «Уртонскими» лошадьми, чего наше правительство могло бы, по-видимому, добиться без особых усилий путем дипломатических сношений с Монгольским правительством.

IV.

Развитие деятельности наших банков в Монголии

В Монголии в данное время нет ни одного банка, после того как в 1908 году закрылось в Урге существовавшее там Отделение Русско-Китайского банка, между тем учреждение банка в Монголии крайне не обходимо для правильной постановки торговли.

Банк должен бы быть открыт в Урге, причем ему следует придать характер эмиссионный, ибо независимо от чисто ученных и ссудных операций, облегчающий закуп русскими торговцами сырья в Монголии, он мог бы сосредоточивать продажу сырья в своих руках для непосредственного направления такого товара на заграничные рынки. При таком сосредоточении операций в одних сильных руках и сами цены неминуемо будут иметь большую устойчивость. Имея в своих руках и на собственных складах, банк, ничем не рискуя, в состоянии был бы, не стесняя своих клиентов-дебиторов, допускать пересрочки* кредитов, что усиливало бы быстроту обращения товаров.

V.

Условия товарообмена

Оборот капитала при покупке сырья в Монголии довольно продолжительный. Выдача монголам на местах задатков и наличный расчет за купленный у них товар начинается обыкновенно с марта месяца, реализовать же сделанные закупки наши коммерсанты и торговцы бывают в состоянии не ранее января или февраля, на Ирбитской ярмарке, следовательно капитал заложен бывает в деле почти целый год. Известно между тем, что банками к учету совсем не принимаются векселя со сроками свыше девяти месяцев. Указанную продолжительность оборота товара необходимо принять в расчет банку оперирующему наприм.

* Так в тексте, просрочки.

в Урге. Этот город играет доминирующую роль в торговых сделках наших с Монголией, на первое время можно бы ограничиться учреждением одного банка в этом городе, предоставив будущему решить вопрос о каком либо другом пункте, где могла бы оказаться настоятельная нужда в банковом учреждении.

VI.

Уменьшение таможенных формальностей и учреждение вольных складов на Монгольской границе

В отношении вывозимого из Монголии такого сырья как мытая шерсть, сурок, продолжают тяготеть совершенно непонятные обрядности, строго выполняемые таможенными чинами; продолжают требовать консульские удостоверения на эти предметы, не смотря на издание закона 16 Января 1909 года, причисляющего названные товары к числу провозимых беспошлинно. Между тем не редки, бывают случаи задержки в получении консульского удостоверения на прибывшие товары; в этом случае хозяевам партии приходится нести непроизводительные и, однако ж, ощутительные расходы, так как в ожидании получения консульского удостоверения приходится нанимать для хранения их помещения.

К отстранению этого рода неудобств важно было бы во первых устроить в Кяхте завозные склады для товаров и, во вторых, перенести таможенную с настоящего местонахождения ее вглубь нашей окраины, хотя на то месте, где она прежде до возобновления ее в недавнее время, находилась. Насколько нам известно, к мысли о необходимости такого перемещения таможни и независимо от ходатайства местного купечества перенести таможню с одного конца города на другой, противоположный.

VII.

Учреждение торговых школ с преподаванием монгольского языка и монголоведения, устройство курсов для взрослых, выставок товаров и проч.

По мере введения всех тех учреждений, какие намечены министерством в перечисленных выше шести пунктах и по мере их осуществления должна естественно возникнуть потребность и в учреждении курсов для взрослых, и в преподавании монголоведения и в устройстве выставки. Вообще же говоря, намечаемая в широких размерах программа нововведений должна быть чрезвычайно плодотворна для целей завоевания монгольского рынка и не может не вызывать горячего сочувствия в среде торгующего класса; несомненно только осуществление широко задуманной правительством программы преобра-

зования в деле рациональной постановки наших торговых сношений с Монголией даст блестящие результаты в более или менее близком будущем; с своей же стороны находил бы необходимым, что бы совещание обратило внимание на принятие мер менее радикальных, но такие, которые могли бы быть немедленно приведены в осуществление без всякого промедления, нисколько не препятствуя проведению всех других преобразований.

Вопрос сводится к следующему.

До сих пор в местных Кяхтинских и Троицкосавской школах преподают монгольский язык; было бы весьма необходимо также преподавание, по — крайней мере в реальном училище коммерческих наук, как-то бухгалтерии, коммерческой экономии и коммерческой географии.

Надо заметить, что эти предметы до 1907 года были в числе обязательных в реальном училище, но почему то совсем упразднены и притом совсем неожиданно для населения, крайне заинтересованного в их существовании. Воспитанники реалисты, прежних выпусков обладая, ходя и не обширными познаниями в этих прикладных науках, тем не менее, всегда охотно принимались на службу в коммерческих конторах наших коммерсантов в Китае. Если бы к изучению коммер-

ческих наук присоединено было обучение, хотя разговорного монгольского языка, то создавался бы кадр крайне полезных деятелей для развития торговых наших сношений с Монголией. Вероятно, какие либо чисто педагогические соображения заставили училищное начальство пренебречь насущными практическими нуждами края.

В Кяхте и в Троицкосавске проживает большое число лиц торгового и приказчьего класса, которые имеют торговлю в Монголии и для таких лиц большую важность должно бы иметь знание их детьми языка монголов и прохождение курса коммерческих наук, они естественно сделались бы незаменимыми для родителей сотрудниками при сношениях с монголами.

Для удовлетворения любознательности пробудившейся в нашем обществе к Монголии, ввиду коренного изменения во всем строе этой страны, весьма важное значение должно бы иметь образование особого музея, где могли бы быть сгруппированы предметы торговли внутреннего быта самой страны, и ее производства; представляя усмотрение совещания наметить пункт для устройства этого музея. *Подпись.*

Иркутск

14 декабря 1912 года.

ОГКУ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 67. Л. 11–18 об.

Ф.А. Парняков «Русские в Монголии»

Ургинское приходское попечительство поставило своею целью удовлетворение религиозно-нравственных нужд и культурных запросов проживающих в Монголии русских людей. В этих видах попечительство в 1915 году было занято устройством церковно-общественной жизни, прежде всего в Урге. Оно объединило людей, сочувствующих его задачам, распределило созидательную работу по разным вспомогательным организациям, способствовало школьному и научному просвещению, организовало библиотеку-читальню, открыло коммерческое училище и дало ряд культурных занятий и развлечений. О разнообразной деятельности попечительства за 1915 год составлен и отпечатан отчет.

Обосновавшись в Урге, Попечительство считает своей неременною обязанностью распространять свою деятельность и на другие, населенные русскими, пункты в Монголии. Оно решило ближе познакомиться с соотечественниками в Монголии, изучить их нужды и запросы, объединить их в тесно-сплоченные общины, помочь им в проведении русского дела в Монголии и оказать им всякую религиозно-нравственную и культурно-просветительскую поддержку.

С этой целью попечительство признало необходимым устроить поездку по Монголии своего члена настоятеля Ургинской Свято-Троицкой церкви.

Председатель попечительства, дипломатический агент Александр Яковлевич Миллер обратился к управляющему канцелярией Святейшего Синода, с ходатайством об ассигновании денежного пособия на поездку священника и, одновременно с этим, он разослал просьбы о посильной субсидии представителям крупных фирм, имеющих в Монголии торговые отделения с русскими служащими.

Св[ятейший] Синод перевел на поездку по Монголии 600 рублей. Из фирм откликнулись две: Коковина, ассигновавшего 500 руб. и Экспортное Товарищество 100 рублей. Остальные фирмы не сообразовали ответить. На полученные деньги были приобретены: дорожный тарантас, седла, кожаные сумы, палатка, походный инвентарь, теплая дорожная одежда, необходимый провиант и прочее. На путевые расходы осталось до 400 рублей, с каковыми деньгами, в надежде на гостеприимство соотечественников в Монголии, отправились мы 20 июня в далекий тяжелый путь.

О дороге, в смысле определенной, накатанной колеи, приходится только мечтать. Отдельные накатанные участки дорог можно встретить по тракту в Кяхту, на прииск Монголора — по направлению движения товаров и на подъездных путях к монастырям. Вообще же монгольские почтовые пути идут по тропинкам или даже без них по кратчайшему прямому направлению, определяемому глазомером и опытом ямщиков /улачины/. При отсутствии определенной дороги, путешествие по Монголии в тарантасе сопряжено с большими неудобствами и риском. Приходится ехать по камням, болотам, кочкам, подниматься на крутые подъемы громадных гор с опасными спусками, перебираться через горные, капризные реки, которые быстро вздуваются от каждого дождя и делают переправу невозможной. Приходится попадать под проливные дожди, снежные метели, ураганы. Тяжелые дороги разбивают и пассажиров и экипажи.

Почтовое передвижение в Монголии совершается по уртонам, суманам и ургой. Первый способ напоминает русский почтовый тракт. Станки /уртоны/ расположены один от другого на 30–40 верст. На урtone имеется десяток-два монгольских юрт. Обитатели их обязаны доставлять проезжающим лошадям до соседнего уртона за установленную монгольским правительством плату /по 1 р. 50 к. с лошади по частной надобности и по 50 коп. по казенной/.

По уртонам лошади стоят у коновязи. Улачинов бывает достаточно. Имеется грамотный монгол-бичечи, который контролирует подорожную /цзару/ и мелкий чиновник дзангин. Для проезжающих по казенной надобности устанавливается отдельная юрта с отоплением и слугой.

Уртонские улачины везут быстро, по 3–5 станков в день.

Суман соответствует русским междудворным станкам. Они обслуживают почту по хошунам, а поэтому рассчитаны для верховой езды. Однако не отказываются возить и тарантасы. Езда по суманам совершается сравнительно медленно. Готовых лошадей нет. Приходится ожидать, пока пригонят их из табунов. Лошади пугливы, боятся тарантаса. Улачинов бывает недостаточно, потому что на суманах находится не более 5–10 юрт. Везут старики, девичьи и мальчишки, не умеющие обращаться с «давнюрмом» тарантаса.

В тех местах, где нет уртонов и суманов, приходится ехать ургой, т.е. меняя лошадей от табуна до табуна. Это самый длительный и тяжелый способ передвижения. Лошадей приходится отыскивать по степям. Улачинов нет. Отдельной юрты проезжающему не отводят. Начальствующих лиц никаких не встречается. Благополучное путешествие всецело зависит от терпеливости пассажира и любезности монгол.

Мы поехали по Улясутайской уртонской дороге, с расчетом с 6 уртона свернуть на суманский тракт, идущий в Ван-Курен. Погода нам благоприятствовала. Лошади были сыты и легки. Дорога уртонская вследствие постоянного движения богомольцев в Ургинский курень, была накатанной. На другой день мы готовились направиться по тракту в Ван-Курень, но улачином 6 уртона не хотелось везти нас туда, через несколько больших гор и они стали уверять нас, что мы уже проехали поворот на Ван-Курень, а потому — де должны ехать вперед. На следующем урtone мы убедились в намеренном обмане улачинов. Это было для нас хорошим уроком и мы, в дальнейшем пути, стали недоверчиво относиться к показаниям улачинов.

С 11 уртона мы решили ехать на Цзаинь-Шаби. Улачины и этого уртона начали отговариваться отсутствием поворота пути, но мы им категорически заявили, что дальше, по направлению к Улясутаю, мы не поедим и будем жить на урtone, население же будет обязано предоставлять нам для питания баранов. Это подействовало на монголов. Они скоро подали лошадей и повезли нас на Цзаинь-Шаби. Здесь оказался хороший суманский тракт. Путь шел по красивой местности. Попадались речки, лесистые горы, глубокие долины с разнообразною растительностью. Население по суманам отличается благосостоянием, непринужденною любезностью и гостеприимством. На ночлег уступали нам свои юрты, при высоких подъемах предлагали личных лошадей. Мы незаметно доехали до намеченной цели.

Цзаинь-Шаби славится своими богатыми кумирнями и проживающим в нем перевоплощенным Гэгэном, который считается вторым после Ургинского. Курэ и дома русских колонистов расположены в красивой глубокой долине, защищенной с трех сторон громадными горами. Кумирни поднимаются террасами. Маленькие часовни в полугоре блестят своими золотыми главками. Еще выше, на каменном утесе, высечены и украшены золотою резьбой религиозные символы ламства.

Цзаинь-Шаби бойкий торговый пункт. Здесь торгуют 8 русских фирм: Коковина, Швецовых*, Балахнина, Жукова, Стукена**, Свирина, Кузнецова, отделение Монгольского национального банка. Фирмы имеют свои отделения, через которые и обслуживают свои районы в Монголии. Общее население колонии 70 человек. Она не имеет собственной фактории и строится на арендованных у китайцев

* «А.В. Швецов и Сыновья» — товарищество на вере, с 1911 года московская фирма вела крупные операции в Монголии, продавая российские товары и скупая пушнину и сырье.

** Стукен и Ко — крупная московская фирма, специализировалась на скупке шерсти.

и купленных у монгол участках. Ходатайства посылаются, консульство таковые поддерживает. Но местные хошунные власти упрямо отказываются в удовлетворении ходатайств в том объеме, на котором настаивает русское население.

Монгольские власти мотивируют свой отказ близостью священных мест. Так указывают: с Востока — на священную гору, с прогоном для скота Гэгэна, с Севера — постройки монастыря, с Юга — на гору со священными камнями и с Запада — на площадь для религиозных общественных торжеств. Но на самом деле это не так.

Ссылка монгольских властей на священные места не имеет значения и в отношении китайцев не применяется. Напр[имер], Хашан Тянь-цзин-Сина находится на площади монастыря, фирма Тун-Фа-Чан против священной горы и несколько других китайских построек, в настоящее время пустующих, расположены именно на тех местах, которые считаются священными. Вообще китайцы владеют в Цзаин-Шаби лучшими участками земли и в большем количестве. Они неодобрительно относятся к засилью и укреплению русских. Несомненно, что благодаря их проискам, монголы отказывают русским в отводе фактории в необходимом объеме.

Русское население Цзаин-Шаби сознательное, энергичное, хорошо понимает русские задачи в Монголии. Оно настойчиво, и не без успеха борется с китайской конкуренцией, несмотря на самые благоприятные условия для русской торговли в переживаемый момент.

Русский рубль упал до трех цынов, а поэтому китайцы имели возможность покупать монгольское сырье значительно дороже, чем русские, затем старые запасы русских товаров приходят к концу, а новых достать нельзя. Самые ходовые товары почти отсутствуют. Нет юфти, чугуна, железных и медных изделий, сукна, спичек, сахара и той русской мануфактуры /бязь, даба/, на которую спрос постепенно возрастал, благодаря ее доброкачественности и дешевизне, сравнительно с китайскими товарами. Китайцы же с освобождением Калганского пути от разбойничьих банд, получают свои товары в значительном количестве и продают их по повышенным ценам.

Кроме торговых предприятий русское население Цзаин-Шаби проявляет заботы об открытии культурно-просветительных учреждений. Три года функционирует почтовое отделение, заведена общественная аптечка, организуют библиотеку-читальню, решен вопрос об оборудовании начальной школы.

В настоящее время идет постройка обширного общественного дома, в котором будут помещаться почтовое отделение и другие общественные организации. В постройке общественного дома

пришли на помощь: фирма Коковина, давшая 2000 рублей и Г.М. Свинин, пожертвовавший 500 рублей. Для образования денежного капитала колония обложила 50-ти рублевым ежегодным налогом всех худонцев своего района. Благоустройству общественной жизни много способствовал энергичный и отзывчивый на все благие начинания, местный старшина О.Г. Балахнин, который в видах общей пользы, в течении нескольких лет, бесплатно заведовал и почтовыми операциями.

Общим собранием колонии установлен праздничный отдых для всех служащих всех торговых фирм, который и поддерживается установленными штрафами.

Цзаин-Шабинская колония готовилась к нашему приезду. Было приспособлено для временного храма обширное помещение. Внутренние стены его и потолки были обшиты белой материей и украшены разными тканями и декорированы зеленью. Восточная стена была убрана парчой и увешана иконами, пред которыми стояли наскоро сделанные, деревянные в белых чехлах, подсвечники. Временный храм производил приятное впечатление своею простотою и изяществом. Богослужение и частные требоисправления, по желанию колонистов, совершались в нем в течение 4 дней. В свободное от богослужений время русские колонисты собирались для обсуждения вопросов по устройству общественно-церковной жизни. Было решено отвести место для кладбища, соорудить часовню с алтарем, войти с ходатайством об ассигновании Министерством Народного Просвещения денежной субсидии на жалование учащему, открываемой школы и на другие культурные начинания.

Наболевшим вопросом является дело об отводе земельного участка для русской фактории, в тесной связи с которой находится дальнейшее развитие колонии.

Ходатайство цзаин-шабинцев остается без удовлетворения около двух лет. Возбуждался вопрос об этом и в попечительстве. Желая выяснить действительные причины отказа монгольских властей в отводе земельного участка, я посетил правителя хошуна и духовного главу монастыря — Гыгэна. Посещение мое сочли большою любезностью со стороны русского консульского «хара ламы» и обещали в скором времени удовлетворить ходатайство колонии, но, все же, в меньших границах, чем желают цзаин-шабинцы. Дело это неотложное и требует поддержки и содействия со стороны русской власти в Монголии.

Добрые цзаин-шабинцы устроили нам сердечные проводы. Дамы обеспечили нас печеньем и разными съестными припасами. Колония предложила проводника монгола до Улясутая, которого мы с величайшей благодарностью приняли.

Из Цзаин-Шаби дорога идет сразу же в гору крутым подъемом. Лошади с трудом поднимали пустой тарантас. Мы со спутником ехали верхами. Высокий перевал был водоразделом двух рек одного названия — Тамира-Урт и Тамира-Хот, которые ниже, около Курэ Луган, соединялись и впадали в реку Орхон. Спуск с дабана загроможден большими камнями, которые затрудняют путь.

С перевала открывалась широкая долина, богатая хорошими пастбищами, на которой и гуляли многочисленные стада разного скота. Посредине долины тянулась широкая лента зеленых ив, между которыми сердито бушевал Хот Тамир. Обычное место для переправы было залито поднявшейся водой и улачины повезли нас объездом к курэ ванги. Здесь Тамир разделился на три русла и был возможен для переправы. Все три русла широкие, быстрые, с прозрачной водой и дном, устланным камнем, но сравнительно мелкие, вода в них достигала до клейма лошади.

За вторым руслом встретили русские постройки купца П.Галахова. Он работает в Монголии почти 20 лет, хорошо знает местные условия жизни и пути сообщения, а потом сообщил нам много интересных сведений и направил нас по прямому направлению к русским в Таряты. После радушного гостеприимства он проводил нас через 3-е русло Тамира и познакомил нас с постройками монастыря, расположенного на левом берегу реки. Монастырь имел богатый вид, хорошие постройки. Со стороны подъезда находились витрины с записанными молитвами. Усердные богомольцы вертят эти витрины, предполагая, что этим самым они как будто прочитывают все написанные на них молитвы и этим могут снискать благоволение божества.

Рядом с курэ стояли пустынные обширные постройки владетеля Хошуна князя Цицин-Вана, который сам проживает в Пекине, и оттуда управляет Хошуном. Управление его сводится лишь к тому, что он широко пользуется удобствами и развлечениями столичной жизни и делает много долгов, а кредиторы его посылают особых уполномоченных в Хошун для сбора албы.

От Галахова до Тарятского курэ, на протяжении 200 верст, не было русских поселений. Правда, на берегу Хануй-гол встретились постройки купца Толмачева, но сам он окончательно ликвидировал свое дело и переехал в Кяхту на постоянное жительство. Постройки его временно занимает экспедиция по снабжению мясом русской армии.

Дорога тянется перевалами поперек горных рек: Хануй-Гол, Чалутый, Гэчигын, Торхэ-Гол и др. Попадается много горных ключей и речушек. Все они в дождливое время вздуваются, разливаются и делают проезд невозможным.

Путь усеян камнями, спускающимися по склонам гор вследствие разрушения горных пород. Северо-Западные склоны гор покрыты лиственным лесом. По рекам и озерам, изобилующим рыбой, встречаются дикие гуси и утки. По падам хорошая трава. Здесь пасутся многочисленные стада разного скота и разбросаны юрты монголов.

Не доезжая верст 30 до Тарятского курэ встречается громадное (8х3 в.) и красивое озеро Цаган-Нур. Оно лежит между горами, верхушки которых покрыты снегом. В озеро впадает река Тырхэ-Гол. Река горная и наносит в озеро много песка и илу, которые придают озеру особый характер. В озере масса рыбы, которая, по рассказам монголов, достигает больших размеров. Поверхность озера покрыта стадами лебедей, гусей, уток. Монголы почитают озеро святым и устраивают на западной стороне его моления, для каковой цели устроены деревянные жертвенники.

После восьмой перепряжки суманских лошадей мы приехали к Тарятам.

Небольшой торговый поселок, расположенный в 3 верстах от многочисленного и богатого курэ того же названия. Поселок находится в красивой гористой местности, на небольшой горной реке, орошающей в нижнем своем течении обширные луга. Здесь 4 фирмы русских: Коковина, Швецова, Стукена и Жукова. Кроме того до 20 китайских лавок. Торговля, в общем, идет бойко, русские торгуют мануфактурой, чаем, железными и медными изделиями и другими товарами, необходимыми для жизненного обихода монгола, а также занимаются скупкой разного монгольского сырья. За последнее время в торговле замечается затишье, что объясняется упадком русского рубля.

Русские еще не обстроились, вследствие задержки монгольскими властями отвода земельных участков. Живут в китайских фанзах, кое-как приспособленных. Не имеют надворных построек, амбаров и кладовых. Некоторые товары хранятся на дворах под брезентами.

Взаимные отношения русских оставляют желать много лучшего. Живут разобщено и, даже, недружелюбно, что неблагоприятно отражается и на устройстве русского дела. Фирма Жукова, как организовавшаяся далеко ранее других (18 лет), расположена ближе к курэ. Это беспокоит остальные фирмы и дает повод к недоброжелательству.

Враждебность в отношениях проявляется, особенно в сезон покупки шерсти. Фирмы Стукен и Швецов стали покупать шерсть высшею ценою сравнительно с фирмой Жукова. Последний набавил по 1 р. на пуд. Конкуренты, в свою очередь, стали делать надбавки по 1 р. на пуд. Цена на шерсть с 10 р. поднялась до 19 р. Тогда доверенный Жукова всю шерсть, закупленную ниже 18 рублей, сдал через знакомого монгола, своим

конкурентам и порядочно заработал. Отсутствие солидарности и взаимная конкуренция русских очень нравится китайцам и монголам, которые стараются использовать таковую в свою пользу.

Наш приезд несколько объединил колонистов. Они собирались на богослужения и на совещания по созданию лучших условий местной общественной жизни и вообще проведения русского дела в Монголии. Свою разобщенность и несолидарность колонисты оправдывают взаимными отношениями хозяев своих фирм, которые между собою конкурируют и измеряют работоспособность и усердие служащих количеством закупленного сырья сравнительно с другими фирмами. По этому вопросу выражались пожелания, чтобы крупные коммерсанты объединились в торговое товарищество для оптовой закупки монгольского сырья, что устранило бы вредную для купцов конкуренцию, вызывающую искусственное повышение цен.

Русские в Торяхтах изолированы от своих соотечественников кругом на 200 верст. От правительственных же учреждений и почтовых еще дальше. Почта получается случайно в месяц раз, если бывает попутный нарочный из Цзаин-Шаби. Для подачи телеграммы ездят нарочито на ст. Хаткул /в 300 верст/. Думается, при известной солидарности и объединенными силами, колонисты могли бы организовать более частые и правильные получения почты. В Торяхтах мы прожили 3 дня. Кроме обычных богослужений пришлось совершить венчание. В брачном торжестве принимали участие все колонисты. Это событие сблизило их между собою и объединило. Солидарность их, прежде всего, выразилась в том, что они пожелали общими средствами отвезти нас на Улясутайский уртонский тракт. Фирмы дали 5 лошадей и отъезд наш сопровождался проводами с выражением заявлений признательности и благопожеланий. На русских лошадях нам предстояло проехать 150 верст. Конечно, расчеты верст в Монголии очень проблематичны, так как никто этих верст не мерил, а только прикладывают их по расчету на верховую езду.

После небольшого перевала дорога шла вверх по Западному Терхи-Голу. На протяжении 40–50 верст замечался подъем. Природа была бедна. Кругом ни одного дерева, ни одного куста, растительность тощая и бурого цвета. Отсутствие хороших кормов объясняют поздним летом. Снег лежал, и холода стояли всю весну. Высота перевала, на который мы поднимались сутки, была значительной. Разреженность воздуха влияла на кровообращение. Тяжело было дышать. Спуск с перевала был постепенный и удобный для скорой езды. Мы быстро доехали до колониста Я.П. Ерина. Гостеприимная супруга его приняла нас любезно, дала возможность отдохнуть и подготовиться

к дальнейшему путешествию. Затем мы поехали по русским колонистам, которые разместились по р. Баингол и многочисленным притокам ее, на пространстве 300–400 верст. Удалось познакомиться с колонистами: Петраковым, Александровым, Шабалиным, Игнатьевым, Побединским, Казаковым, Дудачкиным, Устиновым, Коршуновым и Васильевым. Все они уроженцы Бийска. После первоначального образования в школах, начали свою торговую карьеру с приказчиков крупных фирм Игнатьева, Бодунова, Астанова и др. Большинство из них уже 15–20 лет ведут свои самостоятельные дела. Они размежевались друг от друга значительными 40–50 верстными расстояниями, разграничили сферу деятельности и ведут дела солидарно, без злостной конкуренции друг с другом. Основательны постройки и сравнительно удобные помещения свидетельствуют о том, что владельцы их живут давно на одном месте и ведут крупные предприятия. Все колонисты производят приятное впечатление определенностью типа, выработанного продолжительной и тяжелой жизнью в Монголии, при всяких неблагоприятных условиях. Отличительными чертами Бийского колониста является быстрая приспособляемость к местной жизни, отличное знание русского языка, обычаев монголов, предприимчивость, настойчивость, спокойная уверенность в своих силах, любезность и гостеприимство. Они не особенно расстроены упадком русской торговли, не выражают отчаяния и не падают духом в виду усиливающейся китайской конкуренции, но спокойно констатируют те причины, по которым создается конкуренция, это: 1/ отсутствие русских товаров, необходимых для торговли с монголами, 2/ нежелание фабрикантов приспособляться к вкусу и запросам монгольского рынка и 3/ то, что крупные торговые фирмы берут высокий процент за посредничество и лишают возможности мелкого худонского торговца дешевле продавать русский товар. При устранении указанных причин русская торговля, по крайней мере, в данном районе, будет вне конкуренции.

В районе жительства русских колонистов, природа — унылая и однообразная. Голые каменистые горы, совершенное, совершенное безлесье, отсутствие растительности, вследствие продолжительной засухи солнце выжгло даже по долинам рек. Все это производило удручающее впечатление. Отсутствие хороших кормовых трав влияло на благополучие скота. Рогатый скот не отличался сытостью. Уртонские лошади поражали своею худобою. Монголы очень боялись повторения голодного 1914 года, когда, вследствие бескормицы, пало 60 процентов крупного рогатого скота и 15 процентов мелкого. Около самого Улясутая стал попадаться реденький лесок на высоких ребрах почти неприступных гор. Появил-

ся мелкий кустарник и зеленые кочки, которыми питаются только верблюды.

В Улясутае прибыли 13 июля. При въезде в консульство нас встретили: управляющий Императорским Генеральным Консульством, представители русской колонии начальник конвоя, врач и местный монгольский губернатор. Последний спрашивал о том, хорошо ли монголы везли меня и не было ли каких неприятностей в дороге.

Улясутае — древняя столица, в нем сосредотачивалось все управление Монголии до перевода его в Ургу. В настоящее время он считается важным торговым центром громадного района и административного управления Северной Монголии. При всем этом он производит впечатление незначительного городка китайского типа.

Улясутае приютился около голой горы и с трех сторон окружен высокими горными громадами с узкими проходами, которые против него раздвинулись и образовали широкую долину. Небольшая речка, Богдын-гол, разбившись на несколько притоков, в половодье делается могучей рекой, опасной для переезда. Вдоль реки с южной стороны тянутся длинные огороды, обнесенные высоким тыном, с полями пшеницы, проса и разных овощей. Поля искусственно орошаются многочисленными канавками, проведенными из реки. В городе главная улица небольшая, узкая и грязная. По обеим сторонам улица застроена лавками русских и китайцев. Русских фирм семь: Экспортное Товарищество, Швецовых, Будунова, Тгнатъева, Артюшина, Бидермана и Стукена*. Все фирмы помещаются в хорошо приспособленных китайских фанзах или русских зданиях, обмазанных глиной. Здания обнесены основательными кладовыми, завознями и другими надворными постройками. В русских лавках имеется разнообразный товар русского производства. В обмене на товар и, главным образом на наличные деньги, производится скупка монгольского сырья.

В Улясутае резиденция Российского Императорского Консульства. Оно занимает в центре города значительную площадь; на ней находятся неудобные и холодные квартиры консула с канцелярией, врача, почтовой конторы, начальника конвоя и казармы 60 казаков. Кроме того стоит небольшой особняк, предназначенный для школы. В одной из половин этого особняка находится, в дорогом изящном киоте, ценная икона 12 праздников, приобретенная на пожертвования русских колонистов. В этом помещении читаются и поются богослужения по годовым праздникам местным хором любителей. Кроме русских в Улясутае находятся китайские учреждения: консульство, банк, маklerские конторы, склады товаров и 3 небольших

* После фамилии Стукена автор поставил знак вопроса.

кумирни. Китайская крепость с гарнизоном расположена через гору, в 4 верстах от Улясутае. По значительному преобладающему китайскому населению и доминирующему положению китайской торговли Улясутае можно назвать китайским городом.

Монгольских юрт в городе мало. Сотни две бедных юрт разбросались по реке. Обитатели их монголы занимаются черной работой на русских шерстомойнях, услужением, мелким торгом, а женщины проституцией. Последнее печальное явление развивается исключительно китайцами, которые приезжают в Монголию без жен. Общественная жизнь русской колонии не организована и бедна. Правда, состав колонии довольно хороший. Представители фирм и большинство служащих люди сознательные, опытные в торговом деле и проникнуты искренним желанием широко развить русское дело в Монголии. По собственной инициативе колония делала попытки создать лучшие условия для русской торговли. Так, возбуждалось ходатайство об устройстве биржи, об увеличении переводного аванса в телеграфной конторе до 50000 рублей и об оставлении ратников ополчения 2-го разряда. Принимались меры к поднятию нормальной стоимости русского рубля, делались сборы пожертвований на военные нужды.

С приездом нового управляющего консульством А.Н. Кулькова общественная жизнь в Улясутае оживилась, пробудились идейные стремления и появились культурные начинания; права и интересы русских получили энергичную поддержку и крепкую защиту. За время нашего пребывания, консулом было устроено несколько общих собраний колонистов, на которых получили решение и проведены в жизнь некоторые неотложные запросы местной жизни.

Попечительство, поставившее своей целью удовлетворение религиозно-нравственных нужд и культурно-просветительных запросов русских колонистов, получило жизненную постановку. Вопрос о сооружении храма принципиально принят и избран строительный комитет для подготовительной работы: сбора денег, составления плана и сметы и проч. Открыта библиотека-читальня. Выработан устав применительно к условиям местной жизни приспособлено для нее здание. Произведен сбор пожертвований, который дал в несколько дней более 2000 рублей. Организовался особый комитет по ведению образовательных чтений для казаков консульского конвоя устройству культурных занятий и разумных развлечений для русской колонии. Обсуждался вопрос об открытии отдельного Улясутаевского прихода с самостоятельным причтом и, пока, остался открытым. Дело в том, что мобилизация запасных распространилась и на русских колонистов в Монголии. Некоторые крупные фирмы сократили штаты служащих и за-

крыли свои отделения; призванные в армию худонские торговцы ликвидировали свои дела и со своими семьями выехали в Россию.

Вследствие этого население Улясуйтайского района значительно уменьшилось, а потому и вопрос об открытии самостоятельного прихода потерял свою остроту. Положительное решение его отложено до окончания войны.

С отъездом на родину многих семейств, призванных на войну исчезла также и нужда в немедленном открытии первоначальной школы. Все же на собраниях колонистов признано необходимым школу открыть и войти с ходатайством в Министерство Народного Просвещения об ассигновании средств на жалование учащему персоналу. На общих собраниях колонистов дебатировались и другие вопросы, настойчиво выдвинутые современной жизнью, как-то: об отсрочке от призыва ратников запаса, об упадке русской торговли, трудности конкуренции с китайцами, о коллективной выписке товаров, об образовании русского торгового кооператива в Монголии и, даже, о создании в Монголии русского печатного органа. По затронутым вопросам жизненным колонисты обменивались мнениями и делились опытом. В образовании кооператива и в создании печатного органа улясуйтайцы будут ожидать инициативы со стороны Ургинского попечительства. Не могу не отметить серьезной деятельности в Улясуйтайском районе экспедиции по закупке скота для нужд действующих армий. При самых неблагоприятных условиях работы /упадок русского рубля, постоянная задержка денег правительством, недоверие монголов к бумажным деньгам/ она закупила громадное количество скота. Затем Экспедиция поддержала русскую торговлю. При недостатке русских товаров, китайцы подняли цены на чай, далембу, цзембу и проч. Крупные русские фирмы старались придерживаться цен китайского рынка. Мелкий торговец по худонам сидел без товара: он не мог торговать в своем районе предметами, приобретенными по высоким ценам в виду китайской конкуренции на месте. Положение его было критическое. Ему пришла на помощь экспедиция. Она приобрела по оптовым ценам и распространила по худонам чай и далембу. Товар свой она отпускала по низким ценам и в обмен его на скот, и этим значительно улучшило положение мелкого русского торговца.

Далее экспедиция указала более устойчивые способы к оборудованию русской мясной торговли в Монголии, новые скотогонные пути и объединила общими интересами русских торговцев. Благоприятные для русского дела в Монголии результаты деятельности экспедиции скажутся с большею очевидностью после окончания войны. Непосредственным руководителем экспедиции Улясуйтайского района состоит М.А. Роов.

После удовлетворения религиозно-нравственных нужд мы 20 июля оставили гостеприимную Улясуйтайскую колонию. Перед отъездом было получено по телеграфу предложение от дипломатического агента проехать в Кобдо и далее по Западной Монголии. Но предупреждение местных колонистов о том, что по направлению к Кобдо пески, вследствие продолжительной засухи, расплылись и лишают возможности ехать в экипаже, побудили меня отложить поездку в Кобдо. Я направился в северную часть Монголии.

Проводить нас собралась вся русская колония, без различия национальности и вероисповедания. Все выражали искреннюю признательность за приезд. Супруга консула и другие дамы наделили нас в дорогу в изобилии всевозможными яствами.

Мы направились на Мурин. Поехали суманским трактом, меняя лошадей и улачинов через 30–40 верст. Природа от Улясуйтая шла однообразная и печальная. Голые каменистые горы. Сухие долины. Отсутствие леса и всякой растительности. Трава зеленела лишь по изредка попадавшимся ключикам.

Кругом сказывался отпечаток продолжительной засухи. Дожди последних дней не могли оживить увядшей природы.

Вследствие отсутствия хорошего корма суманские лошади были тощие и избитые. Везли шагом. К нашему благополучию перед 3-м станком недалеко от тракта оказалось жилище русских. Капитальные и широко раскинувшиеся постройки говорили о благосостоянии хозяина. В.И. Юрганов*, проживший на одном месте более 20 лет, имеет большое хозяйство, много скота, шерстомойку и хорошо обставленную лавку. Торговля большая. Цены очень умеренные. Конкуренция со стороны китайцев бессильна, а потому они сами являются покупателями Юрганова и сдают ему сырье. В торговом мире он заслуженно пользуется широкою популярностью честного и опытного коммерсанта. Взаимные отношения Юрганова с монголами хорошие, но он все-таки жалуется на прогрессирующую с каждым годом недобросовестность их, требование кредита и стремление освободиться от уплаты долгов, вследствие этого он старается сокращать торговлю в кредит.

На дальнейшем своем пути мы посетили Иванову, заведующего отделением фирмы Игнатьевых, и пытались заехать к вдове Матвеевой и на заимки иркутских мясоторговцев Кринкевича и Винтовкина. Но к огорчению нашему они жительствуют в 40–50 верстах от суманского тракта и улачины отказались завозить нас к ним.

* Юрганов Василий Иванович — чердынский мецанин, торговал в Улясуйтайском округе северо-западной Монголии.

С 5-го станка мы въехали на скотопрогонный путь, направляющийся к о. Косо голу. Природа начала оживать. Появилась сочная зелень. Стал встречаться реденький лесок. В падах попадались ключи и ручейки. Недалеко от реки Тесин-гол встретили хорошо обставленное заведение купца И.Г. Боброва. Он работает в Монголии около 25 лет, владеет местными языками, хорошо знает быт и нравы монголов. Он знаком с первыми пионерами русской торговли в Монголии и передает о них интересные подробности. Он уверяет, что влияние русских за последние годы падает. Монголы в отношении к русским сделались грубыми, требовательными и недобросовестными. Перемену отношений монголов Бобров объясняет интригами китайцев, двуличной политикой Монгольского правительства и отсутствием покровительства русских интересов со стороны консульской власти.

Рядом с Бобровым производится постройка собственного здания для телеграфной конторы, которая пока помещается в наемной квартире. Познакомиться с операциями конторы и выяснить интересовавшие меня вопросы относительно почты не посчастливилось, так как начальник конторы, не предупрежденный о моем намерении посетить его, выехал в лес за ягодами. И. Г. Бобров посоветовал нам оставить у него экипаж и съездить верхами в Шумалтай на его лошадях. Мы охотно воспользовались любезным предложением.

Дорога в Шумалтай проходила через высокую и топкую гору. Местность поражала своей живописностью. Красивые скалы нависали над дорогой. Сердитая речка с пеной и ревом стремилась через большие камни, заграждавшие ей путь. По склонам горы высился девственный лес, и зелена разнообразная растительность. Глаз, после печальных и тусклых видов Монголии, отдыхал на ярких красках зелени деревьев и травы. От обилия ключей и атмосферных осадков путь делался топким. Лошади глубоко вязли и быстро утомлялись. С большим трудом после 50 верстного перегона мы достигли долины Эдер-гола, одного из притоков Селенги. Долина изобиловала просторными пастбищами и массой питательных кормовых трав, что создало благоприятные условия для широкого развития скотоводства.

На берегу Эдер-гола стоит курэ Шумалтай. Постройки его небольшие и деревянные. Внутреннее убранство бедное. Лам только до 500 человек. Необеспеченность монастыря объясняется малочисленностью и бедностью населения хошуна. В близком соседстве с курэ находятся три русские фирмы: Коковина, Стукен и Бодунова*. Торговля идет не особенно бойко, хотя не встречается серьезной конкуренции со стороны китайцев. Сырье

* Бодунов Андрей Григорьевич — бийский 2-й гильдии купец.

покупается на наличные деньги. Много собирается масла. В минувшем году экспортировали его в Кяхту до 5000 пудов. Служащие фирмы семейные. Живут миролюбиво. Объединяет всех симпатичная семья А.В. Будунова. Сам он производит впечатление опытного и способного коммерсанта. В доме его мы совершали литургии. Крестили годового (так в документе) младенца. Совершались и частные требоисправления. Из Шумалтая мы вернулись в Тесин-гол. Гостеприимный Г.И. Бобров предлагал нам проехать в другую сторону на курэ Вагин, где были русские фирмы Коковина, Стукен и Кринкевича. Продолжительная верховая езда с тяжелым перевалом через гору утомила и разбила нас. Мы принуждены были отказаться от любезного предложения и на суманских лошадях поехали на Мурен. Дорога шла горами, но местность была сырая и изобиловала хорошим лесом и растительностью. Ближе к Мурину горы делались выше, и путь затруднялся перевалами. Горный пейзаж становился красивее и величественнее. С вершины гор перед 10 уртоном открылась чудная панорама целой цепи гор, сплошь покрытой лесом. Отдельные виды были поразительно красивы. После последнего перевала мы вошли в долину р. Мурина. Открылась огромная степь. Но красивая природа совершенно не гармонировала с нашим грустным и подавленным настроением, которое создали унижительные неприятности, постигшие нас на последнем сумане, называвшемся Гужирта. Дело было в следующем. На 11 сумане монголы заявили, что станок снят и лошади распущены по табунам. Гоньба не производится уже 10 дней. Монголы отказались возить потому, что правительство не желает расходы по содержанию станка засчитать в албу. Одновременно с этим заявлением какой-то монгол предложил свои услуги найти «вольных» улачинов за 15 рублей. Мы вынуждены были согласиться. На завтра утром является к нам цагда Луда и сообщает, что улачины собрались, но они не желают везти дешевле 30 рублей. Мы попытались убедить его, как местного начальника, помочь нам добраться до следующего станка на основании дзары. Цагда настаивает на 30 рублях. Мы отказались ехать. Позднее стали нанимать одну верховую лошадь для казака, который мог бы съездить в Муриин и привести для нас русских лошадей. Монголы отказали в лошади и начали вытеснять нас с сумана. Прежде всего, хозяйка юрты заявила нам, что она отправляется на богомолье в монастырь, а потому должна замкнуть юрту. Мы перетаскились в экипаж. Хозяйка удовлетворилась и оставила свое благочестивое намерение без исполнения. Цагда напомнил о своем желании везти нас за 30 рублей. Мы вторично отказались и предложили за перегон до сумана вчерашнюю цену 15 рублей. Скоро нам заявили,

что наш тарантас не должен стоять близко к юрте хозяйки, которая отправляется на богомолье. Мы передвинули тарантас далеко к речке и твердо решили держаться выжидательной позиции. Нас погнало от речки, потому что она считается священной. Положение становилось критическим. Мы показали вид, что собираемся идти к Мурину пешком, а экипаж с имуществом оставляем на ответственность всего населения сумана. Это успокоило монголов. Снова явился Цагда и стал предлагать везти нас за 27, 25, 20 и 17 рублей. На последнюю цену мы согласились и поехали. Деньги они с нас взяли авансом. Однако в пути нас ожидали новые неприятности. На первую же гору нам приказали идти пешком. Пробовали было отказаться, но безуспешно. С горы экипаж тормозился или спускался на руках, а потому пришлось путешествовать через несколько гор. Пред последней и очень крутой горой Цагда потребовал, чтобы наш казак заменил одного из улачинов, а мы со спутником подталкивали бы экипаж сзади. Казак отказался. Тогда цагда налетел на него с нагайкой. Казак схватился за шашку. Цагда направил на него дуло своей винтовки. Момент был очень опасным. Принуждены были покориться и исполнить требования цагды. Далее монголы потребовали от нас сухарей и мяса. Опасаясь быть покинутыми ямщиками, мы кормили их. Наконец, вблизи перевоза через Мури́н монголы заявили нагло, что они дальше нас не повезут, если мы не заплатим им сверх полученной суммы еще 5 руб. Уставшие физически, и измучившись морально, мы готовы были согласиться на все требования. Монголы получили деньги и повезли нас далее. У реки они бросили нас и стали выговаривать новую плату за перевоз. Терпение наше истощилось.

Казак отобрал лошадей, переплыл реку и сообщил о нашем положении Горбоносу, обширное поместье которого было на другом берегу Мурина. (*Об отношении к нам цагды Луды с улачинами сообщено было Улясутайскому Российскому консулу — примечание автора). Любезный М.Л. Горбонос немедленно послал тройку лошадей и своего доверенного, который с большой опасностью перевез нас через Мури́н. В своем доме радушный хозяин встретил нас с широким гостеприимством и обставил ночлег наш удобствами. С глубокою благодарностью мы отдохнули от пережитых испытаний. На завтра осматривали поместье. Обширное, с хорошим хозяйством, с большим огородом разных овощей, с полями овса и ячменя, оно производило приятное впечатление. На одном из протоков реки Мурина находится кожевенный завод, на котором 3 мастера при 4 чанах и 2-х зольниках. Выделяют до 2000 кож. Кроме кож Горбонос и К-о, в большом количестве скупает шерсть, масло, скот. Названное сырье направляется в Иркутск

через оз. Косогол, где рейсирует принадлежащий компании пароход. Поместье расположено на высоком берегу. Внизу величественно катился Мурин, обрамленный кустами тополей и ив. Голубая лента его уходила в глубь синеей дали. Глаз едва обхватывал широкое море зелени громадной степи. На далеком горизонте массивы гор, покрытых хвойным лесом, тянулись одна другой выше. На верхушках их, покрытых снегом, лучи утреннего солнца играли блеском алмазных искр. Местность была несомненно красива и предоставляла благоприятные условия для развития промышленности и сельско-хозяйственной культуры.

М.Л. Горбонос был до конца любезен и, после обеда, отправил нас на своих лошадях в курэ Мурин, находящийся в 15 верстах. Монастырь был многолюдный с хорошими постройками, но кумирни не отличались большими размерами и богатой отделкой.

В версте от курэ находятся три русских фирмы — Коковина, Стукен и Баязитова и 10 китайских. Русские пока помещаются в китайских фанзах, но в недалеком будущем предполагают построить собственные помещения, земля для которых уже занята и обнесена забором. Торговля русская идет вяло. Жалуются на отсутствие необходимых товаров, а также и на китайскую конкуренцию. Русских насчитывается до 35 человек. Обычно живут между собой не солидарно. Не производят обмена опытом по текущим делам, не оказывается взаимной поддержки. Семейные друг у друга не бывают. Наш приезд немного объединил колонию. Совершались общественные богослужения. Были собрания совещательные. Говорили о необходимости отвода земельного участка для русской фактории, выражали свое неудовольствие по поводу того, что телеграфная линия обошла Мури́н на 30 верст. По мнению колонистов, кратчайшим путем для телеграфа на Улясутай было направление Хаткул-Мури́н-Сангин-Далай и Шумалтай. Указанное направление имеет за собой неоспоримое преимущество: оно было бы короче идущего через Тосин-гол на 80 верст, прошло бы по более населенным и богатым местам и приблизилось бы к Тарятам. Последний русский пункт имеет будущее. В Мурине выяснилось, что по пути в Ван-Курен лошадей почтовых нет. Ехать ургой было опасно. Мы решили нанять верблюдов, но добрые колонисты не позволили и выразили желание отвезти нас на своих лошадях до курэ Банди-Гэгэн. Г.О. Мишарин и А.В. Носов дали по паре лошадей и татарин Г.Ф. Баязитов лошадь с проводником. Напутствуемые благожеланиями, мы направились по хорошо накатанной дороге в ближайший русский поселок — при курэ Банды-Гэгэн, находящийся от Мурина приблизительно в 140 верстах.

Езда на русской тройке имела свою прелесть и предоставила нам много удобств. Быстрый и дружный бег лошадок, перелив колокольчиков, веселый разговор ямщика, будили родные чувства. Остановки в поле у реки, запах свежего сена, ночевки у костра под открытым небом напоминали родные картинки.

На другой день дорога шла уклоном к долине реки Селенги. Далеко виднелась широкая зеленая полоса, в которой местами сверкали блестящие голубые вставки. Селенга была полноводная и заливала низкие луга. Она производила впечатление судоходной реки с сильным течением. Берега ее обрамлялись красиво тополями, ивами. Перевоз через реку самый простой. Паромом служат три тополевых колоды, крепко связанных веревками. Вместо весел были длинные шесты, которыми монголы упирались в дно реки. Переплывали медленно и с большим риском. Лошадей пускали вплавь. Привычные к воде, они легко достигли противоположного берега.

От Селенги начался длинный подъем. Он закончился крутым горным перевалом, на который поднимались вследствие сырости почвы, массы корней и валежника, с большим затруднением. С вершины далеко открывалась степь. Виднелись окрестности куреня Банди-Гыгэн. Зеленелись узкие полоски полей, засеянные ячменем. Это были первые опыты монголов здешнего хошуна, которых соблазнили удачные сельско-хозяйственные начинания монголов по нижнему течению Селенги и по притоку Чулуты. Скоро вывернулся из-за горы курэ, с громадными белыми каменными кумирнями, обнесенными красивою каменною оградю, с высокими тополями.

Монастырь был многолюдный. В нем проживал Гыгэн, пользующийся большой популярностью за свою доступность и за заботы по созданию и украшению монастыря.

Недалеко от курэ находится целебный источник, привлекающий много больных.

Около курэ ютятся в юртах две русские фирмы Коковина и Мурата и 4 китайских.

При искреннем радушии и гостеприимстве у русских не оказалось тележных лошадей для дальнейшего нашего путешествия. Положение было неприятное. Выручил совершенно неожиданный случай. Мы пошли осматривать монастырь. Кумирни были сложены из кирпича и богато отделаны. По карнизам шла тонкая ажурная резьба, хорошо раскрашенная в веселые краски. По краям крыши стояли золоченные священные изображения, на отдельных красивых башнях поставлены большие блестящие медные трубы для созыва богомольцев. Главные кумирни были обнесены зелеными кустами и красивою белою каменною оградю.

Курэ производит приятное впечатление. О нашем осмотре куреня было сообщено Гыгэну. Он

выразил желание увидеться со мной. Я не замедлил удовлетворить его любопытство. Гыгэн встретил меня очень любезно. После обычных вопросов, положенных по этикету о здоровье, дороге, о месте жительства, он долго расспрашивал о военных событиях.

Я выразил ему удивление по поводу красоты и богатства куреня, причем искренне заявил ему, что из всех виденных мной монастырей, его монастырь лучший. Гыгэн очень был рад, но все-таки жаловался на бедность населения своего хошуна и, даже спросил меня, не помогут ли русские люди пожертвовать на окончание постройки какой-то кумирни. Я сказал, что русские в настоящее время всецело заняты нуждами войны и не строят даже своих храмов. Затем Гыгэн сам спросил о том, как я пойду в Ван-Курень. Я чистосердечно рассказал о своем положении. Он выразил радость, что может оказать мне помощь. Обещал отрядить 10 лам и 15 лошадей, которые должны довести меня до известного населенного пункта, а далее по его приказанию, повезут монголы от табуна лошадей до другого табуна, причем он даст провожатому ламу. Любезность Гыгэна очень устраивала меня. Долг простой вежливости обязывал меня отплатить благодарностью. Я попросил разрешения пожертвовать на бедных монгол его хошуна 20 рублей. Он с удовольствием принял пожертвование и обещался раздать деньги по назначению от русского Хара-ламы. Он любезно проводил меня. Едва я успел собраться и поесть на дорогу, как явилось несколько десятков лам, которые вытащили из двора на руках мой тарантас и уложили наш багаж. Затем верховые ламы схватили давнур и быстро понесли нас по ровной, гладкой, безбрежной степи. От быстрой езды лошади скоро уставали, ламы схватывали свежих лошадей, стоявших у юрт или пасущихся в треногах, оставляя взамен их своих уставших, и несли нас дальше. На пути останавливали встречных верховых монгол и заставляли их впрягаться в давнур.

На станках в виду сопровождавших нас лам и рассказов их о распоряжении Гыгэна, нас окружали любезным вниманием и оказывали широкое гостеприимство. Внимание и гостеприимство радужных монголов приходилось дорого оплачивать из опасения скомпрометировать свое предствительство.

На пути в Ван-Курень мы пересекли много мелких речек, которые впадали в Селенгу. Одна из таких речек, Хануй-гол, заставила нас помнить о себе долго.

Хануй можно увидеть лишь тогда, когда подъедешь к нему вплотную и встанешь на вершину окружающих его утесов, между которыми он течет как в трубе. Переправа через него в обычное время не представляет затруднений, но от прибыли воды

река вздувается и делается бурной и быстрой. Тогда переправа через нее делается страшно затруднительной и даже невозможной. К Ханую мы подъехали вечером. Монголы нас успокоили, что вода в нем не особенно большая и переезд возможен. От сумана /перемена лошадей/ переправа была в 4-х верстах. Когда подъехали к ней уже стемнело. Спуск к реке был страшно крут и загромождался огромными камнями. Тарантас спускали на руках с опасением ежеминутного обвала камня и увечья людей или ломки экипажа. Самый переезд реки свершался с большим риском. Вода быстро катилась и, встречаясь с камнями, сердито пенилась и шумела. На противоположном берегу едва обрисовывался мрачный утес и крутой подъем. Бледный свет луны скользил над гребнем пенящейся воды, мокрым верхушкам голых камней и придавал обстановке сказочный характер. Невольно обнимал страх при мысли броситься в объятия бушующей воды. Монголы предполагали переночевать и утром уже переправиться через реку. Но нам нужно было по разным соображениям торопиться. Все дружно двинулись в воду. Сильное течение схватило нас и стремительно увлекло вниз по течению. Привычные монгольские лошадки уверенно и стойко двигались и ловко лавировали между камнями. Однако, не доезжая до берега, экипаж наткнулся на камень. Улачины не могли сдвинуть его и бросили в воду давнур с оглоблями. Пришлось раздеваться и вытаскивать экипаж из реки. Все же переправа закончилась благополучно, и мы скоро достигли юрт, где в тепле у пылающего костра за хорошим ужином вознаградили себя за понесенные труды и волнения. Накормили нас и улачинов своих. Они были очень рады мясному блюду, которым они в течение лета питаются очень редко. На завтра продолжали путь ургой. Везли нас от табуна до табуна. Долина, по которой мы ехали, была густо населена и табуны попадались часто, а потому станции наши (перемены лошадей) повторялись часто /через 5 и даже 3 версты/ и задерживали движение.

Кроме замедленной езды, частые перепряжки вызывали и лишние расходы. В виду близости станций и удобной дороги улачинов желающих везти нас находилось много. Все они были приветливы и предупредительны, а потому любезность их приходилось оплачивать деньгами. Таким образом, обычный уртонский перегон, стоящий 4–5 рублей, при езде ургой обходился нам в 30 рублей.

Приходилось утешаться только тем, что монголы хвалили добродетель русского «хара-ламы».

К Ван-Куреню мы спустились очень высоким перевалом. Общий вид курэ не производит сильного впечатления. Кумирни деревянные и сплошь окружены многочисленными домиками лам. Кругом курэ с разных сторон виднеются

белые часовенки, выделяющиеся на общем тусклом фоне.

В курэ резиденция Хамбо-ламы или бакши монастыря. Он пользуется большой популярностью за строгий образ жизни и проповедничество. С последним он выступает в мае месяце в течение 40 дней. К этому времени съезжается много паломников из ближайших окрестностей и забайкальских бурят.

Паломники терпеливо слушают своего учителя, который проповедует почти в течение целого дня. Это в церковной жизни ламства следует признать исключительным явлением.

И приходится отнести его на счет личных убеждений и достоинств Хамбо-ламы.

Ван-Курен является большим торговым центром. Китайских фирм здесь до 30-и и русских пять — Коковина, Швецовых, Мурата и Кудрявцева, Стукен, Богданова. Кроме того сюда наезжают представители других русских и иностранных фирм, особенно во время ярмарки, которая продолжается с незначительными перерывами с 15 октября по февраль месяц.

В указанные дни со всех сторон монголы подвозят разное сырье, и продает его на наличный расчет. Затем покупают у местных торговцев мануфактуру и предметы домашнего обихода. Русские лавки хорошо обставлены и достаточно снабжены всяким товаром, особенно приспособленным к потребностям монголов.

Русские колонисты составляют значительную общину, в которой насчитывается до 100 человек обоого пола, в том числе и детей школьного возраста 25 человек.

Русские своей фактории не имеют и арендуют землю у китайцев и монголов. Плата арендная не высока, однако всей колонией уплачивается ежегодно до 2300 рублей.

Общественная жизнь только начинается слаживаться под руководством избранного старшины — А. В. Ефимова. Местная колония организовала регулярное, три раза в месяц, почтовое сообщение с Кяхтой, установила обложение денежным сбором вывозимый и ввозимый товар с отчислением 5 процентов с капитала на нужды семейств пострадавших от войны, и установила праздничный отдых для служащих, исключая дней ярмарочных.

По моей просьбе г. Ефимовым было устроено собрание колонистов, на котором присутствующие высказывались об общественных нуждах и делались предложения об устройстве местной церковно-общественной жизни. Было постановлено ходатайствовать об отводе земли для русской фактории, при чем намечены границы земельного участка и распланированы общественные здания, выражено желание об открытии

начальной школы, общественной библиотеки-читальни, фельдшерского пункта, при этом колония находила возможным взять на себя расходы по постройке помещения для общественных учреждений и по обеспечению их отоплением, прислугою и проч. О всех своих пожеланиях колония просила меня доложить Ургинскому попечительству.

В Ван-Курене мною была отслужена литургия, дома христиан освещены св[ятою] водою, крещен младенец, отпет умерший.

9 августа мы выехали по направлению к Урге. Через реку Орхон перевезли монголы на 3-х толевых колодах. По долине Орхона встречались посевы хлебов, радующие глаз своим хорошим

видом. Преимущественно попадалось просо и ячмень и, изредка, золотистая пшеница.

Леса показывались реже и реже. растительность делалась беднее. Горы становились дикими. Меньше попадалось птиц, табунов лошадей и скота. Население выглядело бедным и разоренным. Изменилось и отношение к нам монголов. Оно стало пренебрежительным, наглым и дерзким. Были случаи обмана и лжи. Мы подъезжали к Урге.

Настоятель церкви при Императорском Российском Генеральном Консульстве в Урге.
Свящ[енник] Федор Парняков.

ОГКУ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 723. Л. 1–28.

Копия протокола Смешанного Совещания Комиссии по разработке вопроса об учреждении в Урге средне-учебного заведения и родителей, желающих поместить своих детей в это училище, состоявшегося 27 Июля 1915 года в помещении русской школы попечительства Ургинского Самоуправления

Председателем избран Священник О. Парняков, Секретарем П.П. Лопатин.

Присутствовали члены комиссии А.П. Болобан, С.А. Лопатина, З.А. Халтурина и О. Парняков, Родители: Доктор Цыбыктаров, П.П. Игнатъев, А.Д. Щапов, А.К. Романов и Н.И. Назимов.

О. Парняков, открыв, заседание предложил обсудить вопрос об открытии училища и сообщить, что со многими родителями он уже говорил по этому вопросу и все отнеслись к нему сочувственно, особенно ввиду дороговизны учить и содержать детей в учебных заведениях Троицко-савска и других городов. Назрела необходимость иметь здесь в Урге свое училище. А.П. Болобан предложил открыть в 4 класса Коммерческое училище не только ввиду необходимости коммерческого образования для жителей Монголии, но и ввиду того, что только от Министерства торговли и промышленности можно ожидать в будущем поддержки виде субсидии.

Обменом мнения выяснилось, что в коммерческом училище необходимо ввести английский язык и монгольский, кроме французского.

Все присутствовавшие единогласно согласились на открытие коммерческого училища с этими тремя языками.

Обсуждается составленная Комиссией примерная предварительная смета расходов /проект/ по содержанию и устройству в первый год 2 классов I и II .

В основу положено ожидание, что помещение будет предоставлено М.М. Коковиныным, — бесплатно.

Смета с обзаведением и платой за уроки составлена приблизительно в 3000 р. и на ожидаемых около 20 учеников падает плата по 150 руб. в год.

Так как смета не предусмотрела монгольский язык, то по обсуждении этого вопроса на баллотировку был поставлен вопрос о его введении.

Большинство решило ввести этот язык с I класса, освободив от него девочек.

Против введения монгольского языка высказались О. Парняков и Н.И. Назимов.

К смете прибавлено на монгольский язык р. 135 в год. Ежегодная плата признана нормальной по 150 руб. за ученика в год.

В случае недостатка средств желательно их отыскивать кроме выхлопывания субсидий, устройством подписок, концертов, спектаклей, лотерей и т.п. при этом протоколе приложена вышеупомянутая предварительная смета.

Члены Совещания вырастили желание, чтобы по открытии училища-Приходское Ургинское Попечительство ходатайствовало о принятии училища в ведение Министерства Торговли и Промышленности, а также о назначении этим Министерством на содержание училища субсидии. Подл[инный] подписали За председателя Свящ[енник] Федор Парняков, секретарь Собрания П.Лопатин, А.Болобан, Цыбыктаров, Игнатъев, А.Щапов, А.Романов, Н. Назимов, С. Лопатина и З. Халтурина.

С подлинным верно.

Секретарь Генерального Консульства в Монголии: Подпись

История отношений России и Монголии в документах

СМЕТА расхода

Предметы	Количество часов в неделю I-й класс	Количество часов в неделю II класс	Итого в месяц рабочих час. преп.	Плата за Преподавание
Русский язык	5	5	40	50 руб.
Арифметика	2	4	32	50 руб.
Закон Божий	2	2	16	50 руб.
География	2	2	16	25 руб.
История	3	3	24	25 руб.
Естествен. Истор.	2	2	16	25 руб.
Французский	3	совместно	12	25 руб.
Английский	2	совместно	8	25 руб.
Чистописание	2	совместно	8	20 руб.
Рисование	2	совместно	8	25 руб.
Пение	2	совместно	8	15 руб.
Гимнастика	1	совместно		4
Итого в неделю.	30 час.	18 + 12	120 час.	330*9 = 2970 р.

Предполагая /из экономии / иметь двух преподавателей по основным предметам, законоучителя, учителей Французского и Английского языков соединив преподавание нескольких предметов, плата за преподавание обойдется дешевле: — так напр. соединив

Русский яз./40 ур./ География /16 ур./Чистоп[исание]/8ур./ итого 64 ур.	60 руб.
Арифмет[ика] /32 ур./ История /24 ур./ Естествен[ая] ист[ория] /16 ур./ -72 ур.....	65 рублей.
Закон Божий / 16 ур./	50 руб.
Французский/12 ур./	5 руб.
Английский/8/ ур.....	25 руб.
Рисование /16/ур.....	25 руб.
Пение /8/ ур	15 руб.
Итого в месяц 265 9 за 9 учебных месяцев	2385 руб.
Плата за преподавание	385 руб.
Отопление .....7 мес.....	150 руб.
Прислуга по 25 руб. в месяц на своем содержании	225 руб.
10 парт/рассчитывая на 20 человек/по 7 руб	70 руб.
4 стола для учителей	20 руб.
2 класс. Доски	10 руб.
6 табур[еток], вешалка, умывальник., часы	35 руб.
Шкаф	20 руб.
Счеты	10 руб.
Карты, пособия для рисования, материал для лепки.....	20 руб.
Канцелярские принадлежности/журнал учителям/ и т.д.....	100 руб.
Итого	3025 руб.

Предполагаемая 20 учащихся за правоучение должна быть не ниже 150 руб. в год.

Предположено открыть 2 класса Коммерческого училища 1-й, 2-й , причем преподавание будет соответствовать программе Реальных училищ Министерства Народного Просвещения.

Учебный план.

Коммерческое Училище имеет целью дать правильное образование детям обоего пола предметам:

Русский язык, Арифметика, Закон Божий, География, история, Естественная История, Французский, Английский, Чистописание, Рисование, Пение.

Будет содержаться на счет суммы, образующейся от платы за учение, размер которой определится по добровольному соглашению с родителями учащихся, сообразно предложенной смете расхода.

Учебные пособия приобретаются самими учащимися.

Верно.

Секретарь Генерального Консульства в Монголии: Подпись

ОГКУ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 120. Л. 9–12.

Телеграмма Иркутского генерал-губернатора Князева Министру Иностранных дел
от 21 декабря 1912 г. о составе монгольского посольства.

По канцелярии.

л.д. Дѣлопроизводство.

№22
ТЕЛЕГРАММА

ИРКУТСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА.

П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ

МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

Составъ посольства первый Чрезвычайный посланникъ Министръ Иностран-
ныхъ Дѣлъ Ханъ Эрдэни Дайчинъ цинъ ванъ Хондо Дорчи второй Совет-
никъ посольства Эрдэни чжонунъ бэйсэ Ширнинъ Дамдинъ третій Цэрэнъ
Дорчи чиновникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ второй степени чет-
вертый Секретарь посольства чиновникъ второй степени Бабу Дорчи
пятый переводчикъ отъ Консульства Ургѣ Магбунъ Дашіевичъ Цыренпы-
ловъ шестой переводчикъ для русской переписки Цыдэнъ Дамба Дабда-
новъ черезъ котораго я велъ переговоры съ посольствомъ виду отлич-
наго знанія имъ русскаго монгольскаго языковъ также сознательнаго
быстраго пониманія сути разговора седьмой тибетскій врачъ Эмчи-лама
Чжамео кромѣ того восемь низшихъ служителей точка Сегодня поѣздомъ
номеръ пятый посольство выѣзжаетъ Петербургъ. *116571*

Генераль Губернаторъ / подп/ К н я з е в ъ

Вѣрно:

И. д. Дѣлопроизводителя

Декабря 21 дня 1912 г.

8

Аленр не удержался на посту русского-азиатского банка и мечту тогда рекомендуется назначить на руководящую роль Монгольского банка второй бывший адмирал мшешской по военному суду правя за крупную района ту подлом и мошенничества и талко ^{в релд} м ^воснованной изъ Титинский торговля точка внагетные мша Вайреки усиланы мшиноского Правительсва поугають знаменитые аиь кесо содержание изъ опасения что устарание изъ возбудит враждебные отношения консула Лоды и ^{потому} мшешкой испортит добрые-латейсство русского Правительсва на которые монголы возлагают все свои надежды точка все шлоуеетное докладываю ^втвердой уверенности что Правительсво ^важнотесовано ^вподдержку престижа русского имени и ^вблагия русский видети на Васильева

23 Декабря 11724 Генерал Губертмайер Кинне

Донесение начальника Забайкальской железной дороги
Иркутскому генерал-губернатору Л.М. Князеву о предоставлении вагона
для представителей монгольского посольства от 17 декабря 1912 г.

Начальник
Забайкальской
железной дороги.

12/25

45

Милостивый Государь

Леонидъ Михайловичъ

Декабрь 17-го 1912
А.А.С. / 23531

Его Высокопревос-
ходительству

Л. М.
КНЯЗЕВУ.

Велѣдствіе ~~Ваше~~ Управляющаго Канцеляріей
Вашего Высокопревосходительства отъ 16 Декабря
за № 11416, имѣю честь доложить, что для болѣе
удобнаго проѣзда Монгольскаго Посольства отъ
Верхнеудинска до Петербурга я обратился съ хода-
тайствомъ предъ Управленіемъ желѣзныхъ дорогъ те-
леграммой № 5/3630 а отъ 16 Декабря о предостав-
леніи отдѣльнаго класснаго вагона и для перевозки
лошадей двухъ крытыхъ вагоновъ.
Копія упомянутой телеграммы при семъ прилагается.

[Handwritten signature]

Примите увѣреніе въ полномъ уваженіи
и совершенной преданности

Вашею покорнымъ слугою
[Handwritten signature]

А.А.С.

Письмо Министра Иностранных дел С.Д. Сазонова Иркутскому генерал-губернатору Л.М.Князеву о личности ст. сов. Люба от 11 января 1913 г. № 33

Министръ
Иностранных Дѣлъ

11 Января 1913

№ 33.

18/1

Сазонова 86
2/1

Особ. № 23.

Довѣрительно.

10
30

Милостивый Государь
Леонидъ Михайловичъ,

По полученіи секретной телеграммы Вашей отъ 24 мин. Декабря, № 11724, я поспѣшилъ запросить у Д.С.С. Коростовца заключенія по ея содержанію. Изъ препровождаемой при семь копій отвѣтной телеграммы Г. Коростовца отъ 27 мин. Декабря № 2266 Ваше Превосходительство изволите усмотрѣть, что дошедшіе до Васъ слухи о роли нашего Генеральнаго Консула въ Ургѣ въ выборѣ переводчика Цыренпылова для сопровожденія въ С.-Петербургѣ Ханда-Вана, въ назначеніи на монгольскую службу Малиновскаго и въ рекомендаціи Москвитина въ качествѣ руководителя будущаго Монгольскаго банка - не соответствують дѣйствительности.

При настоящихъ моихъ объясненіяхъ съ Ханда-ваномъ я пользуюсь въ качествѣ переводчика услугами бывшаго Генеральнаго Консула въ Ургѣ Шишмарева, назначеннаго состоять при Монгольской депутаціи. Оба переводчика депутаціи Цыренпыловъ и Добдановъ до сихъ поръ являлись ко мнѣ вмѣстѣ съ нею и иногда выступали толкова-

Его Прев-ву Л.М.Князеву

телями на монгольскомъ языкѣ моихъ словъ, когда они касались предметовъ, мало доступныхъ пониманію монголовъ; однако, при этомъ мнѣ не пришлось отмѣтить какой-либо разницы между отношеніемъ Ханда-вана къ толкованіямъ Цыренпылова и Добданова. Равнымъ образомъ Ханда-ванъ не дѣлалъ никакихъ попытокъ вступить со мною въ объясненія въ присутствіи Цыренпылова. -

Ваше Превосходительство изволите указывать въ Вашей телеграммѣ на отрицательную репутацію Ст.Сов. Люба. Изъ его прошлой службы, въ общемъ заслужившей ему неоднократныя одобренія Правительства, мнѣ извѣстенъ лишь одинъ фактъ, бросающій тѣнь на его репутацію, а именно, произведенная Приставомъ Генеральнаго Консульства въ Харбинѣ Черневецкимъ растрата, въ то время, когда Люба состоялъ Генеральнымъ Консуломъ въ этомъ городѣ. Едва-ли можно видѣть въ этомъ фактѣ подтвержденіе дошедшихъ до Васъ, неосновательныхъ по отзыву Д.С.С. Коростовца, обвиненій Ст.Сов. Любы. Если-же Вашему Превосходительству извѣстны какіе-либо другіе проступки г. Любы, то я покорнѣйше просилъ-бы сообщить мнѣ о нихъ, такъ какъ счелъ-бы долгомъ сдѣлать по этому поводу разслѣдованіе.

До меня доходятъ свѣдѣнія, что источникомъ распространяемыхъ противъ Ст.Сов. Люба неблагоприятныхъ слуховъ является Пограничный Комиссаръ Полковникъ Хитрово, дѣя-

тельность котораго, идущую въ разрѣвъ съ предначертаніями Правительства, мнѣ уже приходилось отмѣчать въ перепискѣ съ Вами. Если эти свѣдѣнія справедливы, и если, какъ мнѣ сообщаютъ, Полковникъ Хитрово имѣетъ въ виду добиться удаленія Ст.Сов. Любы, чтобы быть назначеннымъ на его мѣсто, то я былъ-бы признателенъ Вамъ за разъясненіе названному офицеру, что Министерство Иностранныхъ Дѣлъ не считаетъ его подходящимъ кандидатомъ на эту должность, и я не соглашусь на его назначеніе въ Ургу.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ отличномъ моемъ почтеніи и совершенной преданности.-

Секретная телеграмма Д С С Коростовца от 25 декабря 1912 г. № 2266 о Цыремпилове, Москитине, Малиновском и Люба

Т О Л Ь К О   в Дальне-восточный отдѣлъ

2/2

//

Секретная телеграмма Д.С.С. Коростовца.

Урга, 27 Декабря 1912 года, № 2266.

/ через Троицкосавскъ. /

Переводчикъ Цыремпиловъ былъ откомандированъ Консульствомъ согласно официальной письменной просьбѣ Монгольскаго Министерства Иностранннхъ Дѣлъ, при чемъ Консуломъ было указано лично Ханда-Вану на неудобство брать съ собою бурятскаго переводчика, когда имѣет ся русскій въ лицѣ переводчика пограничнаго комиссара Мальцева Ц. не имѣеть достаточныхъ способностей и не обладаетъ достаточнымъ знаніемъ, преслѣдуемыхъ Консульствомъ цѣлей, чтобы направлять въ извѣстномъ смыслѣ сообщенія, которыя имѣють сдѣлать Монгольскіе Посланники ИМПЕРАТОРСКОМУ Правительству. Что касается до Добданова, бывшаго переводчикомъ Доржіева, то онъ присоединился къ монголамъ безъ моего вѣдома уже въ Сибири.

Москвитинъ былъ рекомендованъ Любой послѣ переворота для облегченія сношеній Консульства съ Монгольскимъ Правительствомъ, какъ лицо хорошо знающее страну, языкъ и мѣстныя условія и сопро-
веджавшее Монгольскую депутацию, бывшую въ прошломъ году въ Петербургѣ. При этомъ имѣлось въ виду, что Москвитинъ съ отъездомъ его въ Петербургъ, состоявшемся на дняхъ, оставитъ Монгольскую службу, такъ какъ выяснилось, что Монгольское Правительство тяготеетъ уплатой ему жалованія. Москвитинъ дѣйствовалъ по довѣренности Юферова при полученіи концессіи банка и на роль руководителя послѣдняго Консуломъ рекомендованъ не былъ.

Малиновскій вѣзвался участвовать, какъ доброволецъ въ дѣй-
ствіяхъ монгоховъ противъ Кобдо и когда поѣздка его туда не со-
стоялась. Консулъ предложилъ лично Ханда-вану уволить его со службы, причемъ Монгольскому Правительству было хорошо извѣстно его прошлое, но послѣднее у котораго онъ зарекомендовалъ себя какъ человекъ дѣятельный и энергичный, само пожелало оставить его на

службъ съ жалованіемъ въ 150 рублей въ мѣсяцъ. Доказательствомъ довѣрія къ нему монголовъ служитъ то, что ему давались порученія въ Иркутскъ и Читу. Бывшій здѣсь недавно Генераль Томашевскій вполне одобрилъ дѣятельность Малиновскаго по обученію артиллеристовъ.

Что касается до самого Любы, то я за время моего пребыванія здѣсь убѣдился въ полезности его дѣятельности и несправедливости распространяемыхъ о немъ недостойныхъ инсинуацій. Передавая неприятныя монголамъ требованія, напримѣръ, въ дѣлѣ Хайсана и Дамы, онъ, конечно, не можетъ пользоваться особеннымъ ихъ расположеніемъ, но всякій агентъ на его мѣстѣ при настоящей обстановкѣ подвергался бы такимъ - же и вѣроятно даже большимъ нападкамъ. -

Письмо Министра Иностранных дел Иркутского генерал-губернатору Л.М. Князеву
о представителе в Урге ст. сов. Люба. от 27 марта 1913 г. № 290
(с грифом «секретно»)

Министръ
Иностранных Дѣлъ

№ 53
28

Секретно.

Марта 27 дня 1913 г.

№ 290

А. С. Д. М.
В. И. М. М.
11/11

Милостивый Государь
Леонидъ Михайловичъ,

Въ письмѣ отъ 7 мин. Февраля, № 7,
Вы изволили изложить мнѣ дошедшія до Васъ
жалобы на дѣятельность Генеральнаго Кон-
сула въ Ургѣ Ст.Сов. Люба и слухи о его
прошлой жизни. Покорнѣйше прошу Ваше Пре-
восходительство дозволить мнѣ также съ
полною откровенностью высказать мои взгля-
ды на это дѣло.

Прежде всего для меня имѣеть гораздо
большее значеніе отзывъ о Ст.Сов. Люба
лично мнѣ извѣстнаго Д.С.С. Коростовца,
чѣмъ отзывъ лицъ, оцѣнивающихъ нашихъ загра-
ничныхъ представителей съ точки зрѣнія
пользы, которую они извлекають для своихъ
частныхъ интересовъ изъ дѣятельности того
или другого изъ этихъ представителей. Какъ

Его Прев-ву Л.М. Князеву.-

осторожнымъ приходится быть по отношенію такого рода оцѣнокъ доказывается, на примѣръ, тѣмъ, что тогда какъ Лушниковъ винить Ст.Сов. Любу въ исключительно ревнивой защитѣ интересовъ общества " Монголоръ ", это послѣднее жалуется Министерству Иностранныхъ Дѣлъ на то, что Г. Люба недостаточно широко толкуетъ принадлежащія сказанному Обществу повконцессіи права. -

Роль нашего Представителя въ Ургѣ не изъ легкихъ: ему постоянно приходится бороться съ легкомысленными затѣями монголовъ, мечтающихъ о политическомъ объединеніи въ самостоятельное государство всѣхъ монгольскихъ племенъ и готовыхъ выдавать любя концессіи, лишь бы получить нѣкоторое количество денегъ въ свое безконтрольное распоряженіе. Совершенно понятно, что они пользуются всякимъ случаемъ, чтобы пожаловаться на лицо, которое мѣшаетъ имъ въ этомъ отношеніи. Но жалобы эти, передаваемые къ тому-же черезъ переводчиковъ въ общемъ мало заслуживающихъ довѣріе, едва-ли можно принимать безъ серіозной критики.

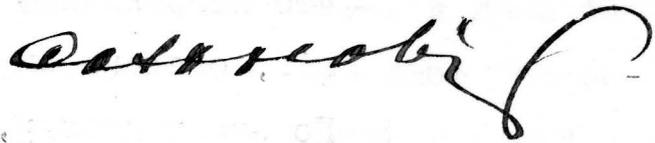
Что касается личной жизни Ст.Сов. Люба въ Харбинѣ и растраты, произведенной въ бытность его Генеральнымъ Консуломъ въ этомъ городѣ Г. Черневскимъ, то я долженъ замѣтить, что Совѣтъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ

которомъ разсматривалось это дѣло, не нашелъ доказательствъ правильности оговоровъ Г. Черневцакаго. Дѣло это имѣеть быть разобрано судебнымъ порядкомъ, и до судебного по нему постановленія, я полагаю, было-бы осторожнѣе не произносить сужденій, основанныхъ на оговорахъ лица, которое признано виновнымъ въ растратѣ.

Въ заключительной части сказаннаго письма Вашего, Вы изволите указывать, что признаете поведеніе Пограничнаго Комиссара Полковника Хитрово неправильнымъ только въ томъ случаѣ, если онъ былъ предупрежденъ о цѣляхъ и характерѣ поѣздки Да-ламы. При этомъ Вы указываете, что Пограничный Комиссаръ, въ силу данной ему инструкціи, обязанъ оказывать содѣйствіе монгольскимъ властямъ. По этому поводу, (считаю долгомъ еще разъ высказать, что агенты другихъ вѣдомствъ, кромѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, не могутъ быть освѣдомлены во всѣхъ подробностяхъ съ направленіемъ, котораго ввѣренное мнѣ вѣдомство держится въ вопросахъ своей компетенціи. Поэтому, въ случаѣ предьявленія имъ иностранными должностными лицами какихъ либо политическихъ просьбъ или заявленій, они должны указывать на свою некомпетентность въ ихъ разсмотрѣніи. Я считалъ бы совершенно необходимымъ, чтобы это было разъяснено Полковнику Хитрово, и чтобы ему

было извѣстно, что обязанность его оказывать содѣйствіе монгольскимъ властямъ не подразумѣваетъ права передавать ихъ протесты противъ существованія таможенъ на границѣ Маньчжуріи и т.п. заявленій. Только тогда, когда Пограничному Комиссару будетъ ясно, что онъ совершенно непричастенъ къ политическимъ дѣламъ въ Монголіи, будетъ устранена столь вредная рознь между направлениемъ, котораго держатся руководствующіеся указаціями изъ Петербурга Представители въ Ургѣ, и Пограничный Комиссаръ, руководящійся своими собственными соображеніями.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ отличномъ моемъ почтеніи и совершенной преданности.-

Донесение Генерального консула в Монголии А. Миллера
Иркутскому генерал-губернатору о личности губернского секретаря М.Д. Цыренпилова
от 11 сентября 1913 г. № 2215

М. И. Д.
РОССИЙСКИЙ
ИМПЕРАТОРСКИЙ
Генеральный Консуль

11 «Сентября» 1913 г.

№ 2215

Монголія г. Урга.

Г.Иркутскому Генералъ-Губернатору.

Представляя при семъ на благоусмотрѣ
ніе и зависящее распоряженіе Вашего Высо-
копревосходительства, въ дополненіе къ те-
леграммѣ моей отъ 28 августа сего года
за № 196, докладную записку числящагося
чиновникомъ Забайкальскаго Областнаго
Правленія Губернскаго Секретаря Магбуна
Дашіева Цыремпылова о разрѣшеніи ему по-
ступити на монгольскую службу съ оставле-
ніемъ на русской Государственной службѣ,
имѣю честь донести Вашему Высокопревосхо-
дительству о нижеслѣдующемъ.

Послѣ пивъ 28 года тому назадъ на
службу при Консульствѣ въ Ургѣ казаконъ-
охотникомъ, Магбунъ Цыремпыловъ, несмотря
на свою малограмотность, сдѣлался пере-
водчикомъ Консульства и довѣреннымъ чело-
вѣкомъ Тайнаго Совѣтника, Шишмарева.

Приобрѣтя за время своей продолжи-
тельной службы извѣстный достатокъ, кото-
рый создалъ Цыремпылову славу самого бога

таго человека въ Ургѣ, онъ занялъ здѣсь совершенно особое положеніе..

Во время его поѣздки въ С.Петербургъ въ качествѣ переводчика при монгольскихъ посланцахъ, г.Цыремпыловъ въ Январѣ мѣсяцѣ 1913 года былъ уволенъ отъ должности переводчика Консульства и замѣненъ другимъ лицомъ.

Когда я пріѣхалъ въ Ургу 4 мая с.г., то Цыремпыловъ, несмотря на состояніе на государственной службѣ въ качествѣ чиновника Забайкальскаго Областного Правленія, счелъ возможнымъ явиться ко мнѣ въ монгольскомъ халатѣ и въ русской чиновничьей фуражкѣ съ кокардой.

Мною было обѣщано г.Цыремпылову исходатайствовать ему пенсію по окончаніи 25 лѣтняго срока его службы въ Забайкальскомъ Областномъ Правленіи и наряду отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Несмотря на это, г.Цыремпыловъ, желая изъ соображеній матеріальнаго характера, продолжать играть очень значительную роль русско-монгольскаго посредника и негласнаго советника при монгольскомъ правительствѣ, испросилъ себя приказъ Хутухты о принятіи его на монгольскую службу въ качествѣ переводчика. Объ этомъ приказѣ мнѣ было сообщено официально ноткою монгольскаго правительства. Заявивъ монголамъ, что Хутухта може

распоряжаться лишь своими подданными, я вернул означенную ноту обратно, пояснивъ, что для поступленія на монгольскую службу русско-подданному необходимо предварительное согласіе Россійскихъ властей.

Для должнаго исполненія обязанностей переводчика Г.Цырепыловъ не обладаетъ достаточнымъ знаніемъ ни русскаго, ни монгольскаго языковъ, въ особенности перваго. Онъ необразованъ и малограмотенъ. Недостатки эти не были замѣтны во время пребыванія въ Ургѣ Т.С.Шимарева, прекрасно владѣющаго монгольскимъ языкомъ.

Вся дѣятельность г.Цырепылова сводилась къ коммерческимъ операціямъ съ монголами, навлекая на Консульство нареканія за оказываемое будто бы имъ покровительство разнымъ дѣламъ Цырепылова.

За время моего нахожденія въ Ургѣ я убѣдился въ зловредной роли близкаго къ монголамъ Цырепылова, потакающаго попыткамъ получившихъ благодаря Россіи свободу кочевниковъ дѣйствовать въ ущербъ интересамъ нашихъ подданныхъ.

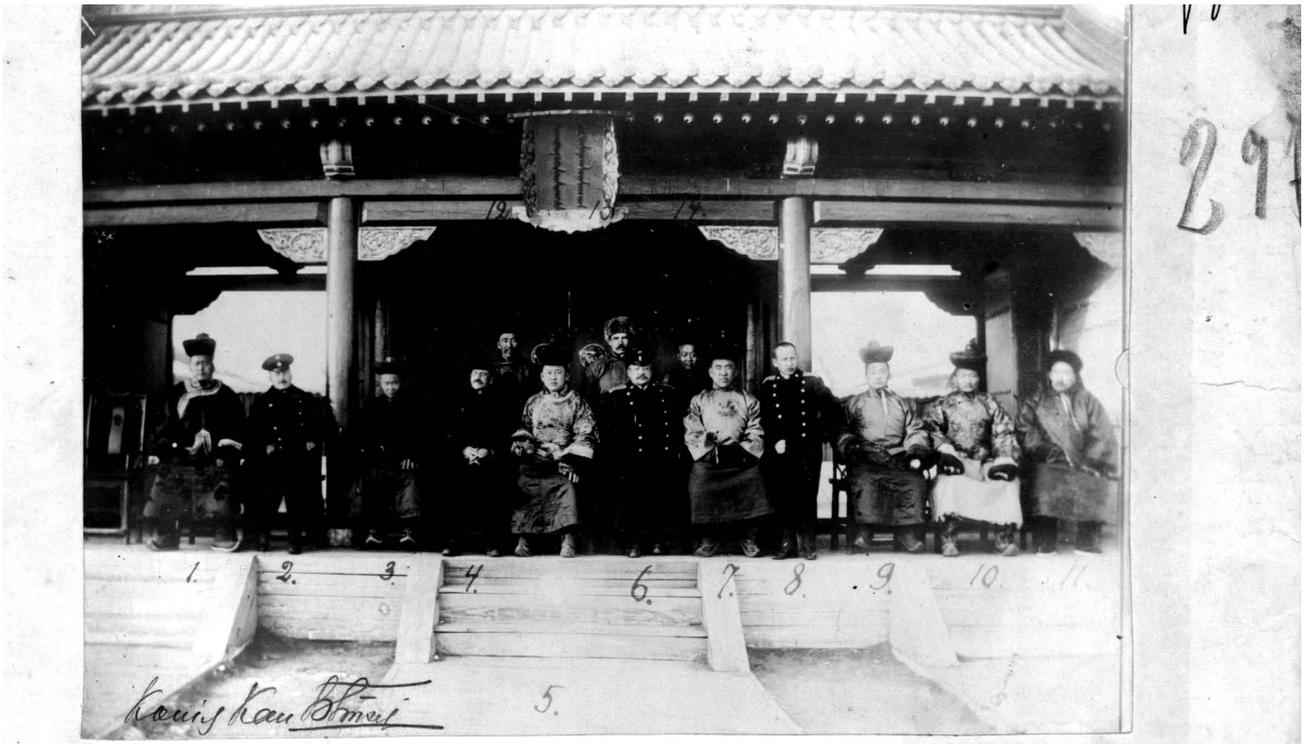
Увольненіе г.Цырепылова со службы Консульства вызвало съ его стороны извѣстное озлобленіе противъ русскихъ вообще, а противъ Консульства въ особенности. На полезную роль г.Цырепылова для нашихъ интересовъ въ качествѣ находящагося на монгольской службѣ лица - рассчитывать нельзя. Наибольшую пользу русскимъ интересамъ въ обновленной Монголіи принесъ бы выѣздъ г.Цырепылова къ себѣ на роди-

ну.

Въ виду изложенныхъ соображеній, считаю долгомъ доложить Вашему Высокопревосходительству, что съ точки зрѣнія нашихъ политическихъ и экономическихъ интересовъ въ Монголіи, удовлетвореніе ходатайства Губернскаго Секретаря Цыремпылова о разрѣшеніи ему поступить на службу Монгольскаго Правительства представлялось бы нежелательнымъ.-

Дипломатическій Агентъ

и
Генеральный Консулъ въ Монголіи: *А. Миллеръ.*

ЧЛЕНЫ КОМИССИИ

ПО ЗАКЛЮЧЕНИЮ РУССКО-МОНГОЛЬСКАГО ДОГОВОРА 21-го октября 1912 г.

1. Намсарай вань /министръ юстиціи/	2. Н. К. Эльтековъ /дипл. чинovníкъ/
3. Да лама Церэнъ чиметъ /мин. в. д./	4. И. Я. Коростовець /И. Р. посланникъ/
5. Сайнь чоинъ хань /прем. министръ/	6. Д. Ф. Л ю б а /Консуль/
7. Ханда цинъ вань /мин. иностр. д./	8. Г. К. Пеневъ /секретарь консульства/
9. Далай вань /военный министръ/	10. Гоби туше вань /министръ финан./
11. Сусуктей /начальн. таможи/	12. Циремпыловъ /переводч. консульств./
13. Ф. С. Месквитинъ /переводчикъ/	14. Церэнъ дорчи /дѣлопроизводитель/

ОГКУ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 150. Л. 297

Фотография священника Ф.А. Парнякова. Монголия, Улангом, 1917 г.

Фото А.В. Бурдукова

ОГКУ ГАИО. Ф. р-3462. Оп. 1. Д. 82. Л. 2

А.И. Шинковой

кандидат исторических наук, Областной краеведческий музей

ДОКУМЕНТЫ ИЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

ИМПЕРАТОРСКАЯ
РОССИЙСКАЯ МИССИЯ
В Пекине
14 Апреля 1877 г.
№ 38

Его Высокопревосходительству
Барону П.А. Фредериксу

Милостивый Государь,
Барон Платон Александрович !

В отношении от 19 минувшего марта, за № 47, Ваше Высокопревосходительство изволили выразить желание, чтобы я вошел в сношения с Китайским Правительством с целью получения согласия его на предлагаемую Вами меру — недопущения в наши пределы Монгольских лам, хотя бы и приезжающих с торговыми целями.

Я без сомнения поспешил бы исполнить желание Вашего Высопревосходительства, если бы я не опасался того, что сделанное мною в этом смысле заявление здешнему Правительству не будет сочувственно встречено им и что тогда введение в действие предположенной меры будет соединены с неудобствами, в виду которых пришлось бы совершенно отказаться от нее. По моему мнению, мы имеем право установить такую меру, основываясь на договорах наших с Китаем и поэтому в согласии на нее Правительства Богдохана, мы не нуждаемся. В Пекинском договоре — единственном договоре выговорившем известные права Китайским подданным, — определено (ст. 5) что, «Китайским купцам ...дозволяется отправляться для торговли в «Россию». Все другие постановления этого договора, заключающие что-либо в пользу Китайцев, касаются также исключительно купцов. Придерживаясь буквы договора, на которую Китайское Правительство постоянно опирается для ограничения прав Русских подданных, мы имеем право, не допускать в пределы наши лам, так как они не принадлежат к сословию купцов; право это тем несомненное принадлежит нам, если люди эти прибегают к обману для прикрытия целей, которые они хотят преследовать. Но, независимо от этого соображения, мы имеем основание, воспретить въезд к нам Монгольских лам в виду существующего законоположения, ограничивающего известным числом лам личный состав ламайского духовенства в Восточной Сибири. Само собой разумеется, что сила этого ограничения должна распространяться одинаково как на лам подданных Русских, так и на лам иностранцев; договоры наши с Китаем не поставили Китайских подданных в России в исключительное положение, которым они были бы изъяты из действия законоположений общих для Русских и иностранных подданных в России.

Таким образом, с точки зрения международных с Китаем обязательств, я не вижу препятствий воспретить въезд Монгольских лам в наши пределы. Если бы установление этой меры вызвало со стороны Китайского Правительства протест, я бы мог противопоставить ему не только статьи договора, но и Китайские законы о ламайском духовенстве, которыми между прочим, запрещено монастырям иметь более лам, чем положено по штату; есть также постановления, предписывающие принятие строгих мер для преследования лам обманывающих Монголов под предлогом врачевания болезней или совершения молебствий. В виду таких законоположений, Китайское Правительство не может отказывать нам в праве принимать одинаковые меры относительно нашего ламайского духовенства и населения.

Остается только сообразить, не может ли предположенная мера оказать невыгодное влияние на нашу торговлю в Монголии, в случае если бы тамошнее духовенство, пользующееся большим влиянием на народ, нашло интересы свои задетыми ею. Не решусь высказать мнение по этому предмету, не будучи достаточно знаком, с местными обстоятельствами. Не признаете ли поэтому Ваше Высокопревосходительство необходимым, для уяснения этого вопроса, истребовать мнение Консула в Урге.

Покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Св[ященник] Агонов [Подпись]

*ГАИО. Ф. 24. К. 2639. Оп. 11/3. Д. 171. Л. 9–10об.
Подлинник, рукопись на бланке с угловым типографским штампом
Императорской Российской миссии в Пекине. Подпись: автограф.*

ИМПЕРАТОРСКОЕ
РОССИЙСКОЕ КОНСУЛЬСТВО
В Урге
4 Июля 1877 г.
№ 205

Его Превосходительству
К.Н. Шелашникову,
Господину Председательствующему
в Совете Главного Управления
Восточной Сибири

Милостивый Государь,
Константин Николаевич !

В Монголии ламы разделяются на посвященных в какую-либо духовную степень и имеющих право отправлять богослужение и лам, носящих только звание и костюм, ничем не отличающихся от светских, кроме лишения права женитьбы. Последние собственно и занимаются торговлей, они же являются главными подрядчиками по перевозке нашего чая, идущего из Китая на Кяхту через Монголию.

Хотя в 5 ст. Пекинского Трактата 1860г. упоминается о праве въезда в Российские пределы Китайских купцов, но под словом «купцов» можно разуметь без различия сословий едущих для торговли, ибо также говорится в той статье и о наших купцах, а въезжают в Монголию торговать лица всех сословий: купцы, крестьяне, казаки и буряты и т.д.

Под словом же «Китайских» обозначаются Китайские подданные, хотя бы они были Монголы или Маньчжуры. Это по отношению к торговле далее 50 верстного от границы расстояния. 4 статьей того же трактата и 1-й ст. дополнительных правил о сухопутной торговле дозволяется свободная и беспошлинная меновая торговля между подданными обоих Государств на расстоянии 100 Китайских ли от границы в ту и другую сторону.

Таким образом, безусловное воспрещение въезда в Российские пределы Монголам ламского сословия может возбудить толкование смысла трактата, иметь вид нелегальности и даже до некоторой степени не благоприятное влияние на наши торговые дела в Монголии, тем более, что между ездящими только для торговли к нам встречаются иногда ламы родственники князей.

Но дабы отстранить по возможности эксплуатацию Бурят Монгольскими ламами, — что могут делать лишь имеющие духовные степени и отправляющие богослужение, — то я полагаю бы прекратить въезд к нам таких лам из Монголии, возложив это на пограничные и земские власти.

Для большего же удобства к достижению исполнения этой меры завести порядок, чтобы желающие ехать для торговли в Россию ламы имели билеты, визированные в нашем Консульстве в Монголии, так как Консульству более всего бывает известно едет ли лама для торговли, или можно подозревать тут другие цели.

Настоящее мнение мое имею честь представить на благоусмотрение Вашего Превосходительства в ответе на № 70-й.

При сем имею честь присовокупить, что в билетах, выдаваемых Китайским подданным на право торговли в России упоминается их звание, равно как и звание лам.

С истинным почтением
и таковою же преданностью
имею честь быть
Вашего Превосходительства
покорнейшим слугой
Яков Шишмарев.

ГАИО. Ф. 24. К. 2639. Оп. 11/3. Д. 171. Л. 14–16.
Подлинник, рукопись на бланке с угловым типографским штампом
Императорского Российского консульства в Урге
со сделанными от руки пометами
черными чернилами и синим карандашом.
Подпись: автограф.

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Департамент
Духовных Дел
Иностранных Исповеданий
Отделение II
Стол 2
27 марта 1879 г.
№ 1102

Господину Генерал-Губернатору
Восточной Сибири
Ваше Превосходительство, от 29-го
Октября 1878 г., за № 182, изволили
сообщить на заключение Министерства
о некоторых предположениях для
ограждения наших инородцев от
вредного влияния пропаганды, прибывающих
в русские пределы из Монголии лам

Вследствие сего, в видах обсуждения проектированных Вашим Превосходительством мер с точки зрения существующих международных обязательств с Китайской Империей, было сделано сношение с Министерством Иностранных Дел, которое ныне уведомило, что с его стороны не усматривается неудобств к установлению правила, по коему всякий монгол, едущий в Россию, был бы снабжен билетом, визированным в Ургинском Консульстве. При засвидетельствовании этих билетов возможно было бы поручить, по мнению Министерства Иностранных Дел, консулу предупреждать лам, предъявляющих таковые билеты, что на основании наших законов отправление богослужения и исполнение других духовных обязанностей в среде бурятского населения дозволено лишь определенному числу местных лам, приезжие же ламы к исполнению треб не допускаются и, в случае нарушения этого правила, дальнейшее пребывание в русских пределах будет им воспрещено.

Кроме сего Министерство Иностранных Дел выражает предположение, что для уменьшения прилива проповедников из Монголии, ослабляющих нравственное влияние и ухудшающих материальное положение местного Ламайского духовенства, было бы всего удобнее прибегнуть к содействию сего последнего, возложив на обязанность его сообщать Начальству о приезжих в Забайкальскую область ламах.

При этом Министерство Иностранных Дел присовокупляет, что было бы во всяком случае желательным избежать принятия каких либо резких мер, могущих возбудить против нас как соседнее монгольское население, так и ту часть Ламайского духовенства, которая, не имея права совершать богослужения, оказывает нашим торговцам большие услуги в деле перевозки чая, идущего из Калгана на Кяхту через Монголию.

Сообщая о вышеизложенном Вашему Превосходительству, имею честь уведомить, что за сим с моей стороны не встречается препятствий к приведению в исполнение предположенных в отношении Вашем, за № 182, мер, имеющих целью оказывать противодействие вредному влиянию занимающихся пропагандой заграничных Лам.

Министр Внутренних Дел
Статс-Секретарь [Подпись неразборчива]
Директор Мосолов

*ГАИО. Ф. 24. К. 2639. Оп. 11/3. Д. 171. Л. 49–50об.
Подлинник, рукопись на бланке с угловым типографским штампом
Министерства внутренних дел
департамента духовных дел иностранных исповеданий
со сделанными от руки пометами
черными чернилами и черным карандашом.
Подписи: автографы.*

МВД
Кяхтинский
Пограничный комиссар
Апреля 5-го дня 1880 г.
№ 106
Кяхта

Господину Исправляющему
должность Генерал-Губернатора
Восточной Сибири

Донесение

Для сведения Вашего Превосходительства, честь имею представить в копиях письмо ко мне Цзаргучея Кяхтинского Маймачена и ответ мой ему на оное, — относительно порядка выдачи билетов монгольским ламам на проезд в наши пределы.

Комиссар Е. В. Пераффиус

ГАИО. Ф. 24. К. 2639. Оп. 11/3. Д. 171. Л. 58.

*Подлинник, рукопись на бланке с угловым типографским штампом
МВД Кяхтинского пограничного комиссара со сделанными
от руки пометами синими чернилами. Подпись: автограф.*

Копия
16 Марта 1880 г.
Перевод

*Великого Дайцинского Государства Цзаргучея
Кяхтинского Маймачена письмо.
Великого Российского Государства Кяхтинскому
Пограничному Комиссару.*

Почтенный Комиссар от 4 числа 5 луны миң[увшего] года письменно сообщили мне, что Вашим высшим начальством установлено правило, чтобы всякий монгол едущий в Ваши пределы, имел бы от своего начальства билет, засвидетельствованный Вашим консульством в Урге, о неимении с его стороны препятствий на выезд в Россию, и по представлении таковых билетов, тогда и Вами будут выдаваться билеты, иначе монголы не могут получать билетов для означенной выше цели, и кроме того монгольские ламы не имеют ни какого права во время пребывания в России производить между бурятами каких либо своих религиозных обрядов.

По получении такого Вашего письма, я тотчас же обо всем донес Ургинским амбаням, которые на это дали мне знать, что ими амбаниями объявлено всем подведомственным им монголам, чтобы они во время пребывания в пределах России, не осмеливались бы исполнять между бурятами ни каких богослужений и что монголы эти имея от своего начальства билеты, должны на въезде в пределы России получать по прежнему билеты от Вас почтенный Комиссар, так как в трактате не сказано, чтобы монголы желающие ехать по торговым делам в Россию, взятые ими от своего начальства билеты, предварительно свидетельствовали бы в Урге в тамошнем Вашем консульстве и что они амбани выдачу билетов по старому порядку находят правильным. О чем я Вам сообщал словесно; на это Вы изволили мне ответить, что распоряжение это последовало не от Вас, а от Вашего высшего начальства и вновь установленного порядка отменить Вы себя считаете не вправе. О таком отзыве Вашем, я вновь донес по своему начальству, на что получил предписание от Ургинских Правителей, в котором они пишут, что в 5 ст. Трактата заключенного в 10 году царствования Императора Тугэмыл Ильбыкту сказано, что монголам предоставлено право пребывать в России по торговым делам по билетам от своего начальства и, что предварительно свидетельствовать таковые в Ургинском Консульстве, ничего не объяснено, и что порядок этот уже существовал около 20 лет согласно трактата и, во все это время не было никакого распоряжения, чтобы монголы свои билеты свидетельствовали в Ургинском Консульстве.

Так как монголам, проживающим в дальнем расстоянии от Кяхты будет весьма затруднительно ехать в Ургу, для засвидетельствования там своих билетов и, что изменение старого порядка

относительно выдачи билетов, так равно установления нового порядка взыскания с китайцев, торгующих в пределах России гильдейских пошлин за право торговли, русским начальством сделано неожиданно, почему Амбани предписали мне, об этом сообщить Вам почтенный Комиссар, и просить Вас оставить старый существовавший порядок выдачи монголам билетов.

Сообщая о сем Вам почтенный Комиссар, покорнейше прошу в виду дружеских отношений обоих наших государств, оставить старый порядок выдачи монголам билетов, т. е. без засвидетельствования Ургинского Консульства. Если же Вы найдете себя не вправе это сделать, то не откажите войти с ходатайством к высшему Вашему начальству.

6 г. 21. 19 ч. (Марта 16 дня 1880 года)

Перевел переводчик Тарахаев

С подлинным верно:

И. д. переводчик монгольского языка [Подпись неразборчива]

ГАИО. Ф. 24. К. 2639. Оп. 11/3. Д. 171. Л. 60–61 Об.

Копия, рукопись. Подпись: автограф.

*Копия с отношения Цзаргучея Кяхтинского Маймачена,
Управляющему Пограничными делами, последовавшего
от 5 Апреля 1880 года за № 105,
от Кяхтинского Пограничного Комиссара*

На письмо Ваше почтенный Цзаргучей от 16 Марта сего 1880 г., относительно настоящего порядка выдачи билетов вообще монголам на проезд и пребывание в наших пределах, уведомляю Вас, что сам собою изменить этот порядок и выдавать билеты по-прежнему без согласия на то Ургинского Консульства, я не имею права. А если Высокопочтенные Ургинские Амбани находят, что настоящий порядок выдачи паспортов монголам вообще стеснителен для них и, не согласен с трактатами, то они могут заявить об этом нашему Управляющему Ургинским Консульством, который если найдет возможным, может представить это обстоятельство на усмотрение и решение высшего начальства.

С подлинным верно:

Пограничный Комиссар,

Статский Советник Пераффиус

ГАИО. Ф. 24. К. 2639. Оп. 11/3. Д. 171. Л. 59–59об.

Рукопись. Подпись: автограф.

М.В.Д.
Бандида-Хамбо
Ламайского Духовенства
Февраль 6 дня 1913 г.
№ 8

Господину Иркутскому
Восточной Сибири
Генерал-Губернатору.
Чр.[через] Селенгинск.
Гусиноозерский Дацан

Ежегодно посещают Забайкальскую область подданные Китая, Тибета и Монголии, именующие себя хубилганами, т. е. божественными перерожденцами, снабженные установленными билетами от наших дипломатических представителей в пределах названных стран и не редко отдельными удостоверениями Пограничных Комиссаров с указанием, что предьявители высокого духовного сана, что титул их имеет историческое происхождение и т[ому] под[обное], в таких документах обыкновенно пишут, что иностранцы эти отправляются в пределы России или по своим делам или для посещения их единоверцев — бурят и калмыков, живущих в Астраханской

и прочих внутренних губерниях Империи, какую они при этом преследуют цель, почему-то, в документах не указывают. Под видом монгольских и тибетских лам проникают к нам переодетые китайцы, отличающиеся крайнею грубостью нравов и навязчивостью при прошении «милостыни». Большинство таких лиц, не отличающихся ни особыми научно-философскими познаниями, ни высоким нравственным качеством, привозят с собою многочисленную свиту, состоящую из людей не только без всякого развития, но наоборот отличающихся не благовидностью образа жизни. Такие хубилганы по прибытии в пределы Забайкальской области начинают заниматься среди населения ворожбой и совершением не только не необходимых, но и весьма часто ни кому не известных и не уместных обрядностей богослужения, внимая условленную, непомерно высокую плату. Борьба с такими лицами почти не под силу местному духовенству, так как они, снабженные нашими властями законными видами на жительство и особыми, вышеуказанными свидетельствами, в глазах темной массы являются заслуживающими почета и уважения редкими представителями заграничного духовенства. Всякий из среды местного духовенства, позволивший себе порицать подобную деятельность таких пришельцев, окажется, по мнению населения, не блюстителем благочестия веры, а еретиком. Кроме нанесения значительного материального ущерба населению пребывание таких лам в пределах области создает всевозможные недоразумения и связанную с ними обширную переписку.

В виду вышеизложенного и принимая во внимание, что буддийское население Восточной Сибири вовсе не нуждается в посещениях их подобными сомнительными личностями, считаю долгом службы доложить обо всем этом на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства и покорнейше просить, не будет ли признано необходимым и целесообразным в целях общегосударственных, сделать зависящее распоряжение, чтобы доступ в пределы России разрешался только тем духовным лицам Тибета и Монголии, о коих само население будет ходатайствовать через Бандида-Хамбо, а также тем ламам, которые безусловно пользуются у себя на родине известностью своими познаниями и добропорядочностью и отправляются в Россию с научною целью.

Было бы желательно, чтобы наши Миссии, Консульства и пограничные власти, прежде чем снабдить иностранных лам билетами собирали не гласно сведения о личности и целях их посещения России и сообщали бы таковые начальникам областей и губерний для сношений с Бандида-Хамбо и учреждения за ними необходимого надзора. По-моему мнению, иностранные ламы, уличенные в совершении среди населения религиозных треб без письменного разрешения Бандида-Хамбы, должны быть немедленно выдворяемы обратно за границу распоряжениями местной полицейской власти.

О последующем посему распоряжении ходатайствую почтить меня уведомлением.

Бандида-Хамбо Итигэлов.

ГАИО. Ф. 25. К. 316. Оп. 3. Д. 3061. Л. 10–12об.
*Подлинник, рукопись на бланке с угловым типографским штампом
МВД Бандида-хамбо ламайского духовенства
со сделанными от руки пометами красным и черным карандашами.
Подпись: автограф.*

Российско-Монгольская
Типография
в Урге
№ 1284
19 апреля 1916 г.

В Восточно-Сибирский отдел
Императорского Русского
Географического общества

До самого последнего времени современные монголы менее всего уделяли внимания развитию среди них грамотности и совершенно не интересовались созданием собственной литературы.

В целях пробуждения среди темного населения Монголии интереса к печатному слову и распространения путем его культурных идей, заботами Генерального консула в Монголии в 1911 году в Урге была создана русско-монгольская Типография, издававшая в 1913–14 гг. мон-

гольскую газету «Шинэ-толи» /Новое Зеркало/ и выпустившая ряд популярных брошюр на монгольском языке, успех которых превзошел ожидания и убедил их в необходимости продолжать начатое дело.

С сентября 1915 года Типографией издается монгольская газета «Нэйслэл-хуриену сонин-бичик» / Столичная Ургинская газета/, привлекающая все большее и большее число читателей, а также издала несколько брошюр, в том числе и переводы некоторых русских классиков. Монголы уже знают басни Крылова и некоторые произведения Л. Толстого.

Эти брошюры, изданные довольно изящно, отличающиеся четким шрифтом и иногда снабженные иллюстрациями, являются первыми монгольскими книгами в европейском смысле этого слова.

Препровождая при сем в Отдел несколько наиболее типичных экземпляров изданий этого рода, русско-монгольская типография покорнейше просит Отдел таковые принять и, по возможности, поместить их для обозрения в монгольское отделение Музея Отдела общества, снабдив следующими пояснениями:

№ 1. Орчиланг-ту йиртинцу-йин байтали тобчилан уцзэгулэксэ дебтер – Описание вселенной ч. 2.

№ 2. Тоже ч. 3.

№ 3. Гатагаду олон улус-ун тобчия — Краткое описание государств всего мира, компилятивная работа Б. Рабданова.

№ 4. Соодо богдо чингис-хагану алтан сургал — Золотое поучение божественного Чингизхана, классическое произведение.

№ 5. Уйгур улус-ун хуриангуй тухэ — Краткая история уйгуров. Соч. проф. Гельсингфорского университета И. Рамстеда.

№ 6. Ассирийн ассархадон-хагану тугучжи — Ассирийский царь Сархадон, повесть Л. Толстого.

№ 7. Богдо шакиямунийн цадик — повесть о Будде, соч. Л. Толстого.

Редактор газеты «Нэйслэл-хуриену сонин-бичик».

Подпись: Кульков.

ГАИО. Ф. 293. Д. 380. Оп. 1. Л. 35, 35об.

*Подлинник, машинопись на бланке с угловым типографским штампом
Российско-Монгольская Типография в Урге. Подпись: автограф.*

Чарушин Н.А.

**Список монгольских фотографий
Николая Аполлоновича Чарушина (1852–1937)
в собрании Иркутского областного
краеведческого музея**

Виды Урги:

1. Манджи-того, монастырские котлы для варения чая.
2. Кумирня со статуей Майдари. Вид с юга.
3. Субурган или башни на северной околице монастыря Гандан.
4. Телега чайных возчиков-китайцев из под Калгана (нагруженная).
5. Монастырь Таши-чонкур, центральная группа кумирен (в 8 верстах от Урги).
6. Общий вид русского консульства.
7. Общий вид Голын-суме т.е. летнего дворца богдо-гэгэна с северо-востока.
8. Шира-ордо, зимний дворец Богдо-гегена в Урге с юго-востока.

9. Усыпальницы 5-го и 7-го Богдо-гэгэна в монастыре Гандан.
10. Мамба-суме, кумирня врачей.
11. Цзокчин-дуган, главный храм для отправления богослужения.
12. Монастырь Дамба Дорчжи с юго-востока (в 6 верстах от Урги).
13. Шира-ордо, зимний дворец, Богдо-гэгэна в Урге с юго-запада.
14. Монастырь Шатдублин (в 10 верстах от Урги).
15. Телега чайных возчиков-китайцев из под Калгана (без груза).
16. Голын-суме, летний дворец Богдо-гэгэна с юго-запада.
17. Сангай-суме, кумирня аймака Сангай.
18. Курдэ, молитвенная мельница под навесом.
19. Вид на р. Толу и Хан-олу (Святую-гору).
20. Общий вид монастыря Таши-Чонкур (в 8 верстах от Урги с юга).
21. Монастырь Дамба Дорчжи (в 6 вер. от Урги) с северо-запада.
22. Ямпай, почетные ворота, построенные императором в честь нынешнего Богдо-гэгэна.
23. Общий вид монастыря Гандан с северо-востока.
24. Кумирня, построенная первым Богдо-гэгэном.
25. Кумирня со статуей Майдари с запада.
26. Дом хамба-ламы.
27. Монастырь Дамба-Дорчжи с юго-востока (в 6 вер. от Урги)
28. Сангай, казнохранилище Богдо-гэгэна.
29. Телега чайных возчиков-монголов из южной Монголии.
30. Дом купца Воробьева.
31. Дом купцов Коковина и Басова.
32. Общий вид Ургинского базара.
33. Бухеки, передвижные базарные балаганы.
34. Главный корпус русского консульства.
35. Внутренний вид чайного склада Коковцева и Басова.
36. Один из таборов на скачках.
37. Русский мост через р. Толу близ Урги.
38. Общий вид главного куреня в Урге.
39. Скачки близ Урги. Коновязи для бегунцов из табунов Богдо-гэгэна.
40. Скачки близ Урги, общий вид стана на скачках.

Типы Монголии:

1. Цендэ, женщина халхаска, 51 год.
2. Лубсын, лама-гелюнг, халхасец, богдо-шабинского ведомства, 45 л.
3. Хурыл, халхасец хошуна Амбань-бэйсы, 32 г.
4. Цырен-дундук, халхасец, богдо-шабинского ведомства, 32 г.
5. Нохой, халхасец с реки Иро, 34 л.
6. Пунцук, халхасец, хошуна Далай_Чжоном-бэйсы, лама, 28 л.
7. Гэкцыл, лама халхасец, хошуна Мэргэн-вана, 31 г.
8. Дондур, халхасец, богдо-шабинского ведомства, 48 л.
9. Усун-балин, халхасец, хошуна Дон-гуна, лама, 25 л.
10. Дашичжит, женщина халхаска, хошуна Далай-Чжоном бэйсы, 38 л.
11. Манцза-шира, лама с р. Орхона, 50 л.
12. Монгол с Ира, 34 л.
13. Абида, девица, халхаска, хошуна Ахай-гуна, 36 л.
14. Цындэ, халхасец, богдо-шабинского ведомства лама, 49 л.
15. Цырин, девица-халхаска, хошуна Ахай-гуна, 19 л.
16. Цырин-долма, девица, халхаска, хошуна Мэргэн-вана, 20 л.
17. Дулма, женщина халхаска, хошуна Ахай-гуна, 61 г.
18. Тибетец Лобсан-нима лама 25 лет .

19. Нуван, лама из южной Монголии, хошуна Абага-вана, 31 г.
20. Лубсын, лама из южной Монголии, хошуна Абага-вана, 29 л.
21. Гумун-улцэй, из южной Монголии, хошуна Кэшиктен-дзасык-гуна, 45 л.
22. Жена брата богдо-гэгэна.
23. Монгол Лопса с Орхона, 52 г.
24. Монголка (не подписана, но по виду знатного рода).
25. Ханда, девица-халхаска, Богдо-шабинского ведомства, 19 л.
26. Норбо, халхасец, хошуна Сан-дзасыка, 36 л.
27. Брат Богдо-гэгэна, лама и Эрдени-хамба-хубильган.
28. Богомолка (батырчи) с котомкой и собирательница аргала (кизяка).
29. Алаша-хамба, лама, наставник нынешнего Тушету-хана, олет из Алашаня.
30. Жена Тушету-хана.
31. Тушету-хан.
32. Бадма женщина из южной Монголии с оз. Уха-нур, хошуна Абагай-бэйсы, 42 г.
33. Бурят Дамей Баркзерца, 63 л.
34. Тамацзап, женщина халхаска и она же.
35. Тибетец Мури лама 30 л.
36. Дугурчжап, чахар, сумуна гули-хуху из под г. Долон-нор, 34 л.
37. Хасху, лама, халхасец, богдо-шабинского ведомства, 28 л.
38. Нема, халхасец, хошуна хатыгын цедзасыка, дубчин-лама, 40 л.
39. Бурят Хото Хурцаев, 53 л. Селенгинского округа село Мурочи по Чикою.
40. Старший брат Богдо-гегена, гунн.
41. Гыгцыл, женщина-халхаска, хошуна О-вана, 37 л.
42. Эрдэни-хамба-хубилган, настоятель монастыря Эрдэни-цзу.
43. Шандзаба.

А.В. Маланова

аспирант

Восточно-Сибирской государственной академии образования

ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И МОНГОЛИИ

2 ноября 1860 г. между Россией и Китаем был подписан Пекинский (Дополнительный) договор, окончательно определивший восточную границу между владениями двух стран. Договор также регламентировал русско-китайские торговые отношения. На протяжении всей пограничной линии разрешалась свободная и беспошлинная меновая торговля между подданными обоих государств. Русскому правительству разрешалось открыть свои консульства в Урге и Кашгаре*.

В Пекинском договоре не прописывались условия русско-китайской торговли. Детали (правила перевозки, тарифы и т.д.) должны были быть установлены в дополнительных соглашениях, о чем было сказано в 14 статье договора. В обсуждение правил торговли русских в Китае и Монголии активно включились ад-

министративные и торговые круги Восточной Сибири. С планами реформ условий русско-китайской сухопутной торговли выступали генерал-губернатор Н.Н. Муравьев и сменивший его на этом посту М.С. Корсаков, кяхтинский градоначальник А.И. Деспот-Зенович, иркутские и кяхтинские купцы.

Публикуемый ниже документ представляет собой аналитический доклад о мерах развития русско-монгольских связей и расширения влияния России на сопредельные страны (Монголию, Маньчжурию, Тибет), направленный кяхтинским градоначальником А.И. Деспотом-Зеновичем в Главное Управление Восточной Сибири в 1862 г. С этой запиской были ознакомлены члены Совета ГУВСа, а также первый русский консул в Урге К.Н. Боборыкин, который высказал свое мнение о предлагаемых Деспотом-Зеновичем мерах для развития русско-монгольских связей.

* Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. С. 74–85.

Записка А.И. Деспота-Зеновича «О мерах для сближения с Монголией»

I

С покорением Сибири русские встретились на степях Забайкалья с монголами, еще не подпавшими в то время маньчжурскому игу. Проникая внутрь обширной страны смелая «вольница» очень хорошо осознавала, что успех ее действий зависит от мирных отношений к покоренным кочевым племенам. Поэтому, обеспечивая свой длинный путь по Сибири «острожками» каковые были в гг. Иркутск, Енисейск, Верхнеудинск и др. русские старались вступать в то же время в торговые сношения. Вслед за завоевателями пробирались в Сибирь устюжские, вологодские торговцы. Углубляясь более и более на Восток, они видели широкое поприще для осуществления коммерческих видов: перед нами был край богатый естественными произведениями необходимыми для государства и в особенности мягкой рухлядью, находившей огромный сбыт в Китае в обмен на его шелковые и бумажные изделия. Хотя Монголия отделяла нас от Китая, но это обстоятельство не затруднило ни частную предприимчивость, ни правительство, которое явилось уже к ней на помощь при виде огромных поземельных приобретений. Склоняя на свою сторону монголов, правительство вступило в дипломатические сношения с Китаем.

Между тем Китай подпал под власть маньчжуров. Укрепившись в нем, они стали утверждать свое господство и над Монголией и здесь встретили соперничество с Россией: под власть ее с каждым годом переходили монгольские ханы и тайши своими родами. Русские утвердились и на Амуре. Маньчжурское правительство не могло не видеть в этом опасности и чтобы положить предел наступательному движению России после неприязненных действий на Амуре поспешило определить граничную черту. Хотя наше правительство сознавало всю важность этого дела и отправило в Нерчинский край Головкина не с одной миролюбивой целью, но не могло поддержать его при тех трудных обстоятельствах, в которых находилось в то время государство, вследствие вмешательства царевны Софьи в управление Россией. От этого действия Головкина во время Нерчинских переговоров, были слабы. Замечательно то, что китайские уполномоченные требовали, чтобы границей России служил Байкал. Ясно, что Китай безошибочно судил какое значение имеет Забайкальский край относительно Монголии. Но старания их поставить естественную преграду предприимчивости русских остались безуспешны. Однако же по Нерчинскому договору (1689 г.) Россия лишилась Амура и была ограничена в своих дей-

ствиях относительно Монголии определением пограничных пунктов. Но этот рубеж еще долгое время оставался номинальным: переселение монголов в Забайкальский край не прекращалось и после заключения договора. Вместе с тем коммерческая деятельность усилилась, русские караваны направились внутрь Маньчжурии и Монголии и в Пекин. Петр Великий глубоко понимал всю необходимость развития этих сношений как единственного верного средства для утверждения влияния России на Среднюю Азию. Во время своего царствования он не переставал обращать своего внимания на дела с Китаем и горячо желал осуществления своих предположений, о которых мы сейчас имеем много исторических актов. К сожалению смерть преобразователя остановила исполнение его предначертаний. К тому же маньчжурское правительство, подчинив себе Монголию, настоятельно требовало окончательного решения вопроса о границах и устранение переездов русских в Монголию.

Вследствие этого по договору 1727 г. и трактату 1728 г. определена граница и утверждены условия торговли, в силу которых коммерческие сношения ограничились отправкой караванов в Пекин в определенные сроки и меню на границе — в Кяхте.

Право караванной торговли представляло еще выход для частной предприимчивости, от которой только и можно было ожидать распространения коммерческого влияния нашего на Монголию и Северный Китай, но само правительство поставило в этом случае преграду. Личная подать доставляла казне огромное количество мягкой рухляди. Вместо того, чтобы продавать ее в частные руки, правительство установило от себя торговлю пушными товарами и, для ограждения своих интересов запретило частным лицам вывоз за границу мягкой рухляди главнейшей в то время статьи торговли. Для сохранения этого запрещения правительство прибегло к строгим преследованиям и тем убило частную коммерческую деятельность наших торговцев в Урге и Пекине.

Но казенная торговля ничего не выиграла своим монопольным положением: контрабанда, проникая через границу, вредила казенным караванам и дешевой продажей пушных товаров лишала правительство всякой выгоды. По этой причине отправка казенных караванов в 1750 г. прекратилась и хотя, впоследствии правительство разрешило торговлю частным лицам, но эта свобода была дана уже слишком поздно и ею никто не воспользовался потому, что торговцы теснимые правительством основались на границе и увидели что для личного их интереса пограничная

мена гораздо выгоднее. Торговля утвердилась в одном пункте в Кяхте, и со стороны китайцев ею завладели торговцы одной Сансинской провинции, присвоив, таким образом, себе монополию, во вред нашим международным интересам.

Вследствие этого мы были совершенно отделены от Китая и Монголии, имея в Кяхте дело только с немногими промышленниками, дружно соединившимися против наших торговцев.

Положение это упрочившееся на целое столетие, было тем невыгоднее, что Россия имела на своей стороне много преимуществ для быстрого развития торговли с Китаем: во-первых, она была единственным европейским государством, находившимся в то время в торговых сношениях с Китаем, и потому Китай, ознакомившись при нашем посредстве с некоторыми европейскими произведениями, стал требовать в значительном количестве — вследствие чего и установился вывоз в Китай иностранных сукон, вельветов и др. мануфактурных изделий; во-вторых, Китай нуждался в пушных товарах, а в них не было недостатка при обширных, еще девственных лесах Сибири. И в-третьих, с водворением спокойствия в Монголии, потребовались для жителей ее многие обработанные произведения, которые она могла получать прямо от наших торговцев. Несмотря на эти выгодные условия, торговля не вышла из тесных пределов пограничной мены и оставалась в них надолго, потому что правительство, стараясь сохранить мнимую дружбу с Китаем, не только не принимало никаких энергичных мер к восстановлению свободы торговли, но напротив, еще более стесняло ее своим вмешательством в действия частных лиц. Пользуясь этим, китайцы окончательно утвердили свою монополию в кяхтинской торговле и основали по всей Монголии собственную торговлю русскими произведениями, которые продавались бок о бок с нами из третьих рук. Разъединение наше с Монголией, в коммерческом отношении было полное, потому что монголам воспрещено было иметь с русскими сношения даже в Кяхте.

Таким образом, Монголия отдана была в безвыходную зависимость от китайцев. Это обстоятельство осталось без внимания, потому что все старания правительства были направлены к сохранению и развитию торговли в Кяхте. Торговля эта действительно получила развитие, но непрочное, в силу тех начал, которые служили этому причиной. Сначала увеличился вывоз из Китая бумажных изделий, но с развитием у нас собственной фабричной производительности и с распространением потребления чая условия торговли изменились. Вымен китайских изделий стал уменьшаться и, наконец, ограничился незначительным количеством и, вместо этого увеличился привоз чая, в обмен на наши сукна и вельветы.

В конце 1830-х гг. кяхтинская торговля представляла уже исключительно чайную промышленность, в защиту которой и направлены были последующие действия правительства и частных лиц до конца 1850-х гг. когда обстоятельства ясно указали на всю их непрактичность.

II

В то время, когда русская торговля уединялась в Кяхте — англичане водворились в Кантоне. Ознакомившись с потребностями страны и условиями торговли они с устройством дел в Ост-Индии, стали усиливать свою коммерческую деятельность в Китае и не ограничились одним Кантоном. Силой оружия был открыт доступ в порты Китая и между ними Шанхай стал средоточием европейской торговли, по своему положению относительно внутренних губерний, находящихся на р. Ян-цзы. Обруку с развитием торговли распространялось христианство. Положение англичан упрочилось и они потребовали от китайского правительства полной свободы в сношениях с страной и открытого доступа во внутрь ее. Как ни отклоняло китайское правительство эти требования, но принуждено было удовлетворить их, не оставляя однако ж надежды воспрепятствовать осуществлению намерений англичан неисполнением трактатов. Но Китай дорого поплатился за это: война 1860 г. обнаружила бессилие и едва не погубила маньчжурское правительство, при его шатком положении, вследствие внутреннего неурядиства Китая. Водворившись в Тянь-цзине, англичане открыли себе доступ в Северный Китай и Монголию.

Успехи англичан не могли не отозваться на наших отношениях к Китаю. Прежде всего, развитие торговли Англии имело влияние на нашу чайную промышленность. Сбыт произведений и приобретение его морем представляли огромные преимущества перед сухопутной торговлей России. От этого при тайном ввозе чая англичанами в Россию, наша собственная чайная торговля колебалась. Упадок ее грозил уже не одним прекращением сбыта отечественных произведений — на что так сильно указывали у нас — но потерей прямых коммерческих отношений с Китаем.

Далее утверждая свое коммерческое положение в Китае, англичане достаточно высказали те средства, какими они располагают и тем самым приобрели политическое влияние.

Шаткость маньчжурской династии усиливала важность этого влияния и предоставляла Англии полную свободу к вмешательству во внутренние дела Китая. Англичане в состоянии были содействовать падению этой династии, поддерживая инсургентов или перейти на сторону китайского правительства, действуя против инсургентов. Выбор был нетруден. Разрушить маньчжурское вла-

дычество, от которого в одно время оставалась в Пекине только тень — было легко, но последствия представляли большие затруднения и могли не соответствовать видам Англии. Она должна была бы бороться с внутренними неурядицами и эта борьба, затруднив торговлю, могла иметь невыгодный исход. Кроме того, с падением маньчжурской династии уничтожилась бы та солидарность, которая существует в настоящее время между Китаем и подвластными странами Средней Азии и вместе с тем утрачивалась возможность распространить влияние на Маньчжурию, Тибет и Монголию потому, что самостоятельность этих стран была бы неминуемым следствием удаления маньчжуров из Китая. Напротив, поддерживая маньчжурскую династию, англичане в вознаграждение, могли рассчитывать на полное содействие правительства к распространению своей коммерческой деятельности. Династия, находя опору в Англии, разумеется из признательности, должна была бы предоставить свободу действий своим защитникам, а это прямо вело к утверждению политического влияния над слабым Китаем и смежными с ним народами Средней Азии (к чему Англия не встретила бы недостатка в средствах) и к совершенному отчуждению от них России, с потерей прямого сухопутного сообщения ее с Китаем.

Англия не ошиблась в выборе и решилась на борьбу с инсургентами за одно с маньчжурским правительством, сохраняя, таким образом, спокойное пользование коммерческими правами не только в Китае, но и в соседних странах, прямое сношение с которыми имеет для нее важное значение. Тибет граничит с Ост-Индией, и как рассадник буддизма имеет огромное нравственное господство над его многочисленными последователями. Маньчжурия и Монголия страны богатые естественными произведениями, сбыт которых возможен только в цивилизованное государство. Наконец, все эти страны, не говоря уже о географическом их положении, представляют огромный рынок для сбыта обработанных произведений, которыми так тяготится Англия. Англичане уже в настоящее время делают большие заказы в Тянь-цзине на шерсть, сало и кожи, а в Калгане появились торговцы, с товарами и лица, имеющие целью научить монголов и лучшей промывке шерсти. За этими попытками конечно последуют обширные предприятия и энергичные действия...

III

Россия могла оставаться равнодушной к событиям в Китае и для охранения своих интересов должна была расстаться со своей неуместно осторожной политикой и приступить к решительным мерам. Но действительно, действия нашего правительства изменились. Возвращением Амура и при-

соединением Уссурийского побережья оно обеспечило свое положение на восточной океане и стало лицом к лицу с Японией, Маньчжурией, Кореей и Китаем. Тяньцзинский трактат предоставил России морскую торговлю с Китаем. Но это право не могло иметь для нас важного значения без устранения стеснительных условий по сухопутной торговле. Пекинский договор восполнил этот недостаток, открыв доступ во внутрь Китая и Монголии и установив свободные международные сношения. С своей стороны правительство предоставило сухопутной торговле с Китаем полную свободу уничтожив таможенные учреждения на границе. Эти меры оживили коммерческую деятельность и дали новый благотворный для нее исход. Несмотря на новость дела и затруднения к чайной торговле — положено было начало тем непосредственным сношениям России с Китаем и Монголией, от развития которых зависит благосостояние Сибири и прочность наших отношений к этим странам.

Здесь лишне доказывать необходимость сохранения прямого сухопутного сообщения с Китаем, но следует сказать, что сообщение это может поддерживаться только через Монголию. Следовательно, эта страна, при тех территориальных условиях, в которых она находится, представляет для России очень важное значение и поэтому действия наши должны быть направлены безотлагательно к постепенному сближению с среднеазиатскими странами и в особенности с Монголией, Маньчжурией и Тибетом. Для достижения этой цели необходимы единодушные усилия правительства и частных лиц. В этом отношении следует указать на те средства, которые могут содействовать осуществлению видов России.

IV

С прекращением непосредственных сношений России с Монголией, после ограничения торговли с Китаем пограничной меной в Кяхте осталась не расторгнутой одна связь — единство веры наших бурят с монголами поддерживавшая тайные сношения их между собой. Несмотря на строгие преследования, буряты ежегодно путешествовали в значительном числе в Монголию и оттуда в Тибет, а монгольские и тибетские ламы приезжали в Забайкальский край. Благодаря этому монголы могли постоянно иметь хоть слабое понятие о России и, сравнивая свое положение под маньчжурским игом с безопасностью и свободой, которыми пользуются буряты — должны были сознавать превосходство России и питать к ней уважение. Это обстоятельство имеет очень важное для нас значение, тем более, буддийское духовенство пользуется у монголов и бурят огромным влиянием на жизнь народа, который руководствуется советами и следует их внуше-

ниям одинаково и в обыденных явлениях своего быта и в важные минуты политической жизни. Кто знает — какое почетное место занимают ламы в семействах и как глубоко вошло в жизнь монголов доверие к духовенству, поймет, что действуя на монгольское племя, нужно прежде всего иметь на своей стороне духовенство. Поэтому для сближения нашего с Монголией первое неперемное условие есть — сохранение духовной связи с ней бурятов. Для этого необходимо:

Во-первых, устранить все существующие стеснительные условия в сношениях забайкальского бурятского духовенства с монгольским. По положению об этом духовенстве установлены строгие ограничения относительно выезда лам вне своих дацанов и приобретения духовных книг и кумиренных вещей. Эти меры, как бы они строго не исполнялись, не могут предупреждать нарушений потому, что они касаются главной стороны жизни кочевого народа — веры. Напротив, отмена их в видах сближения с Монголией — очевидна. Численность монгольского племени составляет приблизительно более 3 млн. чел., а число наших бурятов приблизительно не превышает 150 тыс., следовательно, чтобы сохранить расположение к нам огромного племени, необходимо предоставить сравнительно не большому числу бурятов полную свободу в сношениях с ним — а при этой свободе буряты будут иметь преимущественное влияние на монголов по своему развитию. С упрочением этого влияния не трудно будет действовать на Монголию по обстоятельствам на духовенство. Но пока не утвердится открытое тесное сближение с ними, нужно избегать всякого повода к нарушению религиозного единства их с бурятами, тем более что монголы понимают в этом смысле даже и установление свободных международных отношений. Так, например, внутри Монголии, на расстоянии более 500 верст от границы, многие монгольские ламы говорили, в настоящем году русским торговцам, впервые посетившим эти места: «вот наконец, настала и свобода в сношениях, через несколько лет русские будут иметь одну веру с нами (т.е. буддийскую) и мы соединимся с Россией». Эти заблуждения как нельзя более говорят в нашу пользу, если мы сумеем извлечь ее из настоящего положения Монголии — страны чуждой образования и находящейся во всем в руках духовенства.

Во-вторых, предоставив свободу в сношениях бурятов с монголами — действовать осторожно относительно распространения христианства. При том низком уровне развития, на котором находятся буряты и монголы, ревностная пропаганда не только не принесет желаемых успехов, но и может повредить делу. Прежде чем передавать кочевому племени религиозные истины, необходимо

подготовить его к тому образованием и развитием оседлой жизни. А эта подготовка немислима без доверия народа, которого нельзя достигнуть, если на первых же порах обусловить свои действия резким противоречием настоящему быту. Следовательно, для достижения цели — распространения христианства — требуется сначала приобрести, при непосредственно свободных сношениях между бурятами и монголами полное доверие тех и других и привязать это племя к себе, а затем, с ознакомлением его с выгодами гражданственности, распространять постепенно образование, как лучшее средство к исполнению ... предрассудков и суеверия. Но когда эти действия достаточно заявят свои успехи приступить к открытой пропаганде. Тогда только начала христианской религии привьются без усилий. При настоящем же положении монголов и бурятов все старания к обращению их в христианство не достигнут своей цели и, говоря откровенно, послужат преградой к сближению с монголами. При виде усилий, направленных к уничтожению буддизма, они будут вооружены духовенством против России и тогда все меры к сближению не принесут никакой пользы. Напротив, Англия при распространении своего влияния, не замедлит воспользоваться этим поводом, чтобы привлечь монголов на свою сторону и можно быть уверенным, что для достижения этой цели, она не только предоставит полную свободу вероисповедания, но и сама предложит свои услуги по поддержанию его, посредством печатания книг и изготовления кумиренных вещей. В этом нет ничего преувеличенного: стоит только вспомнить как англичане занимались выделкой языческих изображений и распространением их в Ост-Индии. При этом крайне невыгодном обороте дел, для России представляется еще и та опасность, что монголы, отклонившись от нас и отдавшись под покровительство Англии, будут действовать этим и на своих единоверцев бурятов, на которых будут иметь сильное влияние одни слухи о стеснениях религии. Тогда пожалуй может повториться то же, что мы сделали в Крыму с татарами ... но об этой возможности грустно и думать — столько важных невыгод представляет она для России ... вот почему можно иметь только твердую уверенность, что наше правительство, ценя пользу сближения с монголами, поставив неперемным условием свободу религиозного единства с бурятами, и будет сдерживать в благоразумных границах действия духовных миссий. Для пропаганды настанет свое время; без труда откроется широкое поприще его служителям и дело завершится успехом. Пусть она не будет впереди и не тревожит народную массу; пусть велика цель — влияние России на Среднюю Азию руководит в этом деле. Еще Петр Великий посреди важных забот о своем отечестве

на донесение Винууса (начальник Сибирского приказа), о постройке в Пекине православной церкви и обращении китайцев в христианство — отвечал, что хотя это и похвально, но следует в этом случае действовать осмотрительно, чтобы излишним рвением к проповеди Слова Божьего не повредить развитию сношений с Китаем. Совет этот и через 170 лет имеет свое значение.

В-третьих, разрешить бурятам вступать в родственные связи с монголами. Хозяйство бурятов, по своему развитию, стоит гораздо выше, чем у монголов. Многие передано от русских и оказывает свое влияние на улучшение народного быта и изменение понятий кочевого племени. Следовательно, если дозволить бурятам вступать в брак с монголками, то это еще более может скрепить их племенную связь и будет содействовать к ознакомлению монголов с теми плодами влияния русских, которые уже успели слиться с жизнью бурятов.

V

Наряду с религиозной свободой должна быть поставлена свобода промышленной международной деятельности. Торговые отношения лучше всего сближают народы и ставят их во взаимные тесные отношения — при чем государство цивилизованное всегда будет пользоваться преобладающим влиянием на страну, находящуюся на низшей ступени образования, и следовательно развития производительности.

Возможность этого влияния представляют все страны Средней Азии. Они богаты естественными произведениями. Однако ж, при недостатке образования, эти природные богатства не находят в стране употребления, а должны искать себе исхода в государства образованные, которые ощущают в них недостаток. Но как бы то ни было низко образование среднеазиатских народов, они не могут не нуждаться в обработанных продуктах, для удовлетворения своих первых потребностей. Отсюда, является возможность выгодного обмена.

Монголия представляет именно эти условия. В ней находится обилие всех животных продуктов, но она не имеет средств к удовлетворению своих первых нужд. Недостаток этот пополняется Россией и Китаем. Из России Монголия получает шерстяные бумажные, металлические и кожаные изделия, многие мелочные вещи и даже хлеб; а из Китая чай, шелковые, бумажные и др. изделия. Но вся торговля в Монголии наладилась в руках китайцев из Сансинской провинции. Эти азиатские англичане имеют дело по всей Монголии и многие из них вступили в родственные связи с монголами и поселились в улусах. Русские товары, получаемые в Кяхте, шли через них и продавались ими по неизмеримо высоким ценам в обмен на скот, сало, масло, кожи, шерсть и проч.

Часть этих произведений привозилась китайцами же в Россию, а большая часть поступала в Северный Китай. В последнее же время с открытием Тяньцзиньского порта установился сбыт монгольских произведений в Англию и Америку.

Положение это изменилось с заключением Пекинского договора. Русские караваны направились в Монголию. Несмотря на все препятствия со стороны китайского правительства и затруднения неизбежные при установлении нового дела, торговля наша в Монголии утвердилась. В Урге производится постоянная продажа русских товаров.

Торговцы — более и более проникают внутрь Монголии и вступают в торговые сношения. Два каравана отправились в юго-восточную Монголию в места вовсе не посещенные ногой европейца. Несколько караванов доходили далее 500 верст от границы, в Западную Монголию. Везде наши торговцы встретили китайцев и их недружелюбное расположение. Несмотря на это, русские возвращались не без успеха и продажей товаров по умеренным ценам склоняли монголов на сторону торговли с русскими. Монголы при добросовестности действий наших торговцев, признавали, что китайцы обсчитывали их кругом и что мимо их, прямо от русских можно получать все необходимое с большой выгодой для себя.

Все эти обманы были возможны для китайцев только тогда, когда они не имели соперников, но в настоящее время монополия их подорвана караванной торговлей и они должны расстаться с своим коммерческим господством над Монголией. Но чтобы торговля с этой страной исключительно перешла в руки русских, необходимы полная свобода и развитие коммерческих сношений. Для достижения этой цели нужно:

Во-первых, разрешить сношения с Монголией не через одну Кяхту, но через все пункты нашей границы. Право это предоставлено уже китайским правительством, и России остается воспользоваться им безотлагательно. Во-вторых, допустить участвовать в сухопутной торговле с Монголией и Китаем всех русских торговцев Сибири. В настоящее время возможность свободной торговли с этими странами представлена лишь Забайкальскому краю, а вся остальная Сибирь не может воспользоваться этим преимуществом, потому что таможня, учрежденная в Иркутске, служит самой важной преградой развитию свободной коммерческой деятельности. Одни забайкальские торговцы не в состоянии поддерживать торговые сношения с Монголией и Китаем. Для этого необходимо единодушное участие всех торговых капиталов Сибири. Следовательно уничтожение таможни и освобождение всей Сибири от таможенного надзора составляет необходимое завершение той благодетельной меры, которую правительство начало в

1861 г. упразднением таможенных учреждений на границе Забайкальского края. Лишне доказывать, что полное осуществление этой меры вызывается настоящими сношениями с Китаем и изменением условий наших отношений в Средней Азии. Правительство вполне осознает, что при этих условиях требуется свобода частной деятельности и что результаты ее в будущем не могут быть сравниваемы с теми доходами, какие оно имело от таможен. Дело касается не ежегодного сбора в несколько миллионов рублей, а прочного устройства международных сношений и утверждения России на среднеазиатские страны. Таможни на границе Западной Сибири приносят не более 250 тыс. руб. ежегодного дохода. Существование их, не говоря уже о незначительности сбора, оказывается несоответствующим тем территориальным изменениям какие произошли в последнее время на этой границе. Учреждение области сибирских киргизов, распространение границ в Приаральском крае и сношения с Хивой, Бухарой, Коканом и Западным Китаем — указывают на своевременность упразднения таможенной линии, оказывающейся вследствие этих перемен не на черте границы, а внутри государства. Одна торговля скотом, который сбывается киргизами в большом количестве в Томской и Тобольской губерниях убеждают в необходимости этой меры, на что без всякого сомнения обращено местной властью внимание правительства.

Учреждение таможни в Иркутске вызвано тем положением государственного казначейства, при котором временное уменьшение государственных доходов в виду осуществления многих важных финансовых реформ не могло быть допущено. Иначе и нельзя и объяснять правительственных мер относительно торговли с Китаем. Предоставляя полную свободу этой торговле на границе правительство приняло во внимание, что так как чайная промышленность имеет важное значение в наших коммерческих сношениях с Китаем и Монголией, то для поддержания их и облегчения потребителей чая, пошлина с этого продукта не может быть сохранена. Для возмещения же государственных доходов, которые должны были бы уменьшиться от безусловного уничтожения этого налога и чтобы содействовать уравновешиванию условий конкуренции сухопутной чайной торговли с морской — представилось возможным, при разрешении ввоза чая морем, обложить его соразмерной пошлиной. Но как правительство не имело безошибочного ручательства, что морская торговля чаем со времени установления ее будет доставлять правительству ту же сумму дохода какая собиралась в Кяхте то для обеспечения государственного казначейства пошлина с кяхтинского чая не снята совершенно, а лишь уменьшена и только потребители Забайкальского края осво-

бождены вовсе от этого налога. Вследствие этого во-первых, сбор пошлин по сухопутной торговле с Китаем, простиравшийся в последнее время при высокой пошлине до 6 миллионов руб. ежегодно, должен уменьшиться до 41/2 млн. и правительство судя по настоящему привозу чая, не может получать с нее более 1 1/2 млн. в год, во-вторых, потребители чая разделились на две категории: жители Забайкальского края и Амура ничего не платят за потребление чая и пользуются свободой в заграничной торговле, остальная же Сибирь и Европейская Россия должны приобретать пошлинный чай и кроме того, как чайные торговцы так и вообще жители, имеющие сношения через Иркутскую таможенную линию и промышленная деятельность этого края, подчиняются тем неблагоприятным условиям, которые проистекают из начал таможенных учреждений вообще.

Существование иркутской таможни в финансовом отношении имеет временное значение. Нет сомнения, что с развитием морской торговли чаем, правительство не далее, как в конце будущего года, может судить: на какую сумму сбора оно может рассчитывать и если бы даже его соображения на счет увеличения этого сбора не оправдались, то оно не затруднится вполне облегчить наши непосредственные сношения с Китаем совершенной отменой пошлины с чая привозимого сухопутно. Для пополнения же государственного содержания на 1 1/2 млн. руб. разумеется не будет недостатка в других источниках. Во всяком случае правительство, уменьшив значительно налог с чая, не смотря на неблагоприятные финансовые обстоятельства не встретит затруднения в пожертвовании 1 1/2 млн. руб. в пользу международных сношений с Китаем и Монголией, с которыми тесно связана и отечественная мануфактурная производительность и многие другие отрасли промышленности. И в развитии которых правительство найдет, в случае надобности, обильный источник для удовлетворения государственных нужд и пополнения дефицита.

Собственно для Сибири учреждение Иркутской таможни представляет ту невыгоду, что большая часть населения должна нести тягость пошлинного налога и таможенных формальностей, тогда как все вообще население имеет одинаковое право на свободу. Влияние таможенных учреждений на внутренне движение края, как бы оно ограничивалось добросовестным и разумным приложением к жизни таможенных законов — не может быть благоприятно. При всей простоте устройства таможенной части, по своим началам, диаметрально противоположно свободе и, при столкновении с жизнью отзывается невыгодным образом и в материальном и нравственном отношении. Издержки на исполнение тамо-

женных форм и обрядов и задержка, от которой нередко погибает весь капитал или, по крайней мере, происходят потери — действует вредно на развитие промышленности. Еще важнее вред, проистекающий из зависимости населения от таможенных застав и осмотров. Промышленное движение края невольно сдерживается, деятельность ослабляется, и население с боязнью смотрит на нагрудные знаки досмотрщиков, видя в них ревностных рачителей казенного интереса. Наконец, таможенные учреждения служат порче нравственности. Личный интерес не может не выступать наружу, там, где есть хоть некоторая материальная выгода, а пошлины как бы они не были незначительны, обыкновенно представляют пользу в контрабанде. Это неустранимое зло глубоко укореняется в жизнь и, как служащее источником обманов, подлогов, грабежей и др. преступлений, расстраивает общественный организм и оставляет в нем неизлечимые язвы. Кяхта может служить в этом случае примером, если зло так сильно развивается в пограничном населении, то внутри края оно должно распространяться еще быстрее и будет оставлять глубокие следы.

Пограничные таможни существуют как неизбежные учреждения для сбора пошлин. Но по торговле с Китаем они признаны правительством неуместными. Тем более они не могут быть терпимы внутри края. От подобных учреждений Россия освободилась еще в прошедшем столетии, а в последнее время западные государства уничтожили у себя их. Неужели после этого можно ошибаться в том, что учреждение иркутской таможни есть временная мера, установленная на самый кратчайший по возможности срок и что мы должны возвратиться к внутренним таможням, т.е., подвинуть назад развитие народного благосостояния и поставить страну в условия 1700-х гг.

Наконец, существование таможни в Иркутске противоречит первой статье дополнительных условий заключенных с Китаем правительством в Пекине 20 февраля 1862 года. На основании этой статьи по всей границе с Китаем, на расстоянии 50 верст, в обе стороны от нее внутрь государства дозволена беспошлинная торговля. Следовательно, положение таможни не должно принимать в этом случае во внимание, потому что чай может проходить из Китая через границу Томской, Енисейской и Иркутской губернии, минуя таможню, которая вследствие этого будет обойдена. Конечно, это обстоятельство было непредвиденно при учреждении таможни в Иркутске, но в настоящее время, когда русские и китайские подданные имеют полное основание пользоваться правом свободной торговли по всей границе, противоречие не может иметь места и значение международного акта должно получить полную силу.

Таким образом, необходимость отмены всякого таможенного надзора в Сибири очевидна и только с осуществлением этой меры представится возможность направить промышленные силы страны на выгодное для них поприще коммерческих сношений с Китаем и Монголией и тем самым усилить средства к широкому развитию их и международному сближению.

VI

Действия правительства относительно смежных с Сибирью стран и усилия частных лиц к развитию коммерческих с ними отношений не могут иметь успеха без полного ознакомления с условиями народной жизни и производительными силами страны. Не имея точных топографических и этнографических данных, правительство будет впадать в ошибки, которые затруднят и замедлят ее действия. Промышленная деятельность по той же причине, не будет иметь уверенного основания и частные лица должны будут идти ощупью, сами себе прокладывая дорогу, как в настоящее время. Конечно частная предприимчивость при данном ей просторе не останавливается при виде местных препятствий, но чем более она будет обеспечена от них точным знанием страны, тем с меньшим трудом достигается цель и тем более пользы представляют ее результаты.

Монголия и с ней Маньчжурия и Тибет требуют серьезного изучения и вследствие той скудности сведений, какие имеет от них наука. Географы более положительно говорят о Центральной Африке, нежели о Среднеазиатском плоскогорье. Этнография вообще Средней Азии может быть названа бедной. Политический быт племен мало известен. Флора и фауна не исследованы. Вообще, все что мы имеем до сих пор об этих странах отрывочно, неполно, неточно, и большей частью составляет одни предположения, так что, не смотря на труды многих лиц, посещавших некоторые местности в этих странах, они по-прежнему для нас *terraincognita*.

Так как Россия по территориальным условиям, имеет более возможности к изучению Средней Азии, то ей принадлежит часть первой приступить к этому делу, имеющему для ее видов столь важное значение.

С этой целью необходимо снарядить три ученые экспедиции. Первая экспедиция должна быть назначена для полного исследования всей Монголии. Под руководством опытного лица, на долю которого следует отнести изучение политического состояния страны, в экспедицию следует назначить: а) астронома б) этнографа в) натуралиста г) штаб офицера генерального штаба с двумя топографами д) секретаря, для ведения журнала путешествия и составления коммерческих сведе-

ний е) переводчика монгольского языка ж) ученого ламу, для объяснения обрядов, поверий и т.п. Экспедицию снабдить всем, что нужно для учебных занятий. Она должна иметь вместо серебра и золота (которые потребуются в незначительном количестве, потому что драгоценные металлы не распространены в Монголии), различные товары, не исключая кирпичного чая, во-первых, для содержания себя во время путешествия, во-вторых, для подарков в нужных случаях и для собирания разных сведений, в-третьих, для продажи в виде опыта, в обмен на монгольские произведения. Удобнее всего дать экспедиции вид торгового каравана. Исследование Монголии приблизительно могло бы быть окончено в четыре года. Занятия экспедиции следовало бы продолжать только с конца марта по октябрь месяц, так как остальное время года представляет многие важные неудобства для путешествия по Монголии. На время зимы экспедиция могла бы возвращаться на границу и здесь заниматься приведением в порядок собранных материалов и обработкой своих трудов. Поэтому полезно было бы разделить Монголию для исследования на четыре части: западную от границы Зюнгари до р. Селенги, а на юге по 45° широты, восточную от р. Селенги до границ Маньчжурии и по 45° широты; Юго-Восточную и Юго-Западную до границ Китая и Тибета. Для отправки и возвращения экспедиции могут быть назначены кроме Кяхты и другие удобные пункты на границе Забайкальского края.

Вторую экспедицию необходимо отправить для исследования Маньчжурии. В составе ее следует примениться к организации монгольской экспедиции, соображаясь с местными условиями. Члены экспедиции должны отправиться как частные путешественники, которым по 9 ст. трактата Англии с Китаем дозволено посещать все части Дайцинской империи. Занятия экспедиции было бы полезно распределить по бассейнам главных рек Маньчжурии: Сунгари и Уссури, по которым без сомнения, не трудно будет подняться на легких речных пароходах. Назначением третьей экспедиции должен быть Тибет — эта таинственная страна, посещенная только Гюком и Габе. Ее полезно было бы составить применяясь к монгольской экспедиции с той разницей, что в первой должно находиться до трех лам, преимущественно известных правительству и посещавших тайно Тибет. Хотя русские подданные имеют право отправляться как путешественники в эту страну, но для большего успеха, полезно придать тибетской экспедиции вид депутации, назначенной будто бы для наглядного ознакомления с буддийским богослужением, у самого источника его, и исправления службы в кумирнях Забайкальского края — для чего и придать внешне ламам в экспедиции

главную роль, а остальных лиц объявлять простыми туристами. При этом должно заметить, что правительство не должно обращать внимания на то, что китайское правительство отказало Англии в пропуске экспедиции в Тибет, потому что будто бы сами тибетцы не согласились принять ее. Это доказывает лишь одно нежелание китайского правительства доставить европейцам доступ в Тибет. Но это не может затруднять Россию и ей вовсе не следует просить какого-либо разрешения китайского правительства на отправление экспедиции, потому что забайкальские буряты безопасно ездят в Тибет и в покровительстве и защите китайского правительства вовсе не представляется надобности. В дружелюбии же тибетцев можно быть уверенным уже по тем благоприятным отзывам, какие сделаны о них Гюком и Габе. Россия же еще более может быть уверена в успехе предприятия, потому что во главе его будут поставлены единоверцы тибетцев и самая цель, которую она заявит, возбудит полное сочувствие к нам, тем более, что Тибет знает Россию, как по тем сведениям, какие сообщаются о ней Забайкальским ламским духовенством, так и по тем мануфактурным изделиям, которые проникают в Тибет через Среднюю Азию и которые считаются там лучшими. Ожидать же пока Англия откроет путь в эту страну не уместно. Казалось бы, что роль России не идти по ее следам и как бы прикрываться ее энергичной деятельностью, а напротив, самой прокладывать путь и достигать цели. Замыслы же Англии давно известны: фабричные изделия ее уже несколько десятков лет проникают в Тибет. Издержки на эти экспедиции примет на себя правительство. Впрочем, нельзя не надеяться, что найдутся ревнители науки, которые не затруднятся принять на себя расходы по этому сложному делу. В этом случае заботливость следует возложить на императорское русское географическое общество, так как главнейшее от него будет зависеть самое снаряжение экспедиции. Кроме того, должно иметь в виду, что часть расходов на снаряжение экспедиции в Тибет возьмут с готовностью дацаны Забайкальской области, которые и до настоящего времени исстрачивали значительные суммы на посылку лам в Тибет. Можно быть уверенным, что за средствами дело не остановится, тем более, что часть расходов на это предприятие может быть покрыта распространением печатных трудов экспедиций, которыми, по всей вероятности будут интересоваться все образованные люди, как у нас, так и за границей. Если правительство поспешит осуществить эту мысль, то можно сказать, что оно сделает твердый шаг на пути сближения с Средней Азией и заслужит глубокую признательность науке.

VII

Независимо от изучения Монголии, посредством экспедиций, для суждения об изменениях в политическом расположении страны необходимо постоянное наблюдение за ходом в ней дел. Исполнение этой обязанности удобнее всего поручить консульству, которое, должно иметь ее в виду и в настоящее время, так как назначение его заключается не в одном визировании паспортов и разбирательстве незначительных дел. Консульству следовало бы деятельно заняться собирательством подробных сведений об отношениях князей Монголии, о внутренних делах страны о распоряжениях китайского правительства и вообще о текущих событиях. Так же полезно было бы, чтобы оно входило в сношения с более влиятельными людьми Монголии и совершало бы по временам поездки внутрь страны, для личного ознакомления с ее положением.

VIII

Развитие дипломатических и коммерческих сношений с Средней Азией и Китаем возможно лишь в том случае если мы будем иметь достаточное число переводчиков китайского, маньчжурского, монгольского и тибетского языков. Для этого полезно готовить молодых людей в Кяхте и для доставления им возможности изучать языки основательно учредить особую школу в Пекине.

Здесь же следует указать как на средства, которые могут в известной мере содействовать к сближению с Монголией: во-первых — назначение опытного врача в Ургу. Не говоря уже о пользе, какую бы имело от этого консульство и вообще русские подданные, находящиеся в Урге — врач искусным лечением больных из монголов мог бы приобрести их расположение и они с доверием бы обращались к русским медикам. При этом нельзя не заметить, что знание медицины составляет исключительную привилегию ламского духовенства и что, следовательно, и этим путем при умении можно иметь на духовенство известное влияние. Во-вторых, на учреждение при ургинском консульстве школы для обучения детей монголов русскому языку. На первое время это заведение можно было бы устроить в самых небольших размерах, чтобы монголы добровольно отдавали детей в школу и, убедившись в пользе грамоты, могли без предубеждения доверяться в этом отношении русским. Со временем это предприятие, при умении руководителей получило бы развитие и принесло бы огромную пользу.

IX

В заключение, следует обратить внимание на положение самой Сибири. Героическая эпоха этой страны уже давно миновала. Место ее за-

ступил период гражданского развития. Народные силы должны быть направлены не к поддержанию завоевательных средств, не оправдываемых ни территориальным положением Сибири, ни ее потребностями по отношению к Средней Азии, а для увеличения производительности страны. Поэтому, ограничиваясь средствами, необходимо уничтожить те шаткие основы, которые поддерживают безжизненное существование quasi — воинственных сословий, явившихся в силу исторического развития, но по ходу временных обстоятельств вполне изменившихся. Эти сословия, тяготящиеся своим бесцельным положением и не соответствующие ни народному быту, ни местным условиям (как например существование третьей конной бригады Забайкальского казачьего войска, образованной из бурятов) должны слиться с массой и содействовать развитию благосостояния путем свободного труда. Сибирь представляет все условия по обширному развитию земледелия. Оно составляет обеспечение существования жителей и предмет обширной промышленности, которая возвысит благосостояние страны. Поэтому улучшение земледелия должно быть в настоящем заботой населения Сибири и ее администраторов, роль которых должна состоять в уничтожении всех препятствий и преград к свободному развитию труда, в обеспечении строгим исполнением закона собственности как результата труда и устранении чиновного вмешательства в частную деятельность, иногда так невыгодно отвечающего на действиях производительного населения.

Период фабричной производительности в Сибири — еще в далеком будущем. Не ткацкие станки должны занимать ее немногие руки, а обработка полей, улучшение хозяйства. Одно это при настоящих стеснительных условиях земледелия требует немалых преобразований. Только с осуществлением их общественное богатство может получить силу и значение и заявить себя в деле сближения с соседними странами, которое не может упрочиться при участии немногих торговых капиталов без твердой опоры в той среде, которой они принадлежат. Лишне прибавлять еще к этому о необходимости распространения в Сибири образования вообще и специальных знаний.

Изложенные здесь соображения относятся преимущественно к Монголии. Что касается сближения с Маньчжурией, то в отношении ее кроме указанных средств должно иметь в виду необходимость развития земледелия в приуссурийском крае для сбыта хлеба в Маньчжурию, Корею и Китай. Насчет этой производительности может улучшиться благосостояние переселенцев и развитие края. Средства же указанные для сближения с Монголией могли бы найти приложение и

в Маньчжурии, если бы по существующим договорам с Китаем предоставлены были России и в этой стране те же права, какими мы пользуемся в Монголии. Но, к сожалению, по Айгунскому и Пекинскому договору разрешена лишь торговля по рекам Сунгари и Уссури, а по дополнительным условиям 20 февраля 1862 г. коммерческие сношения могут производиться только на 50 верст от границы — сухопутной же торговли внутри страны — не разрешено, тогда как южная населенная часть Маньчжурии представляет немало значительных рынков для сбыта мануфактурных изделий. Поэтому полезно было бы обратить внимание на необходимость устранения этих стеснительных условий тем более, что западные государства настойчиво стремятся к распознаванию этой страны и распространению в ней христиан-

ства и что они домогаются занятия прибрежного пункта в корейском заливе, разумеется для того, чтобы иметь опорную точку для своих действий не только в Корее, но и в Маньчжурии.

Все, что здесь сказано относительно сближения с Монголией, представлено в кратких очерках. Подобное развитие относящихся до этого предмета предположений не представит особенного труда, если только правительство, обратив внимание на их пользу и целесообразность, утвердит их главные основания.

26 августа 1862 г.

г. Троицкосавск

А.И. Деспот-Зенович

Кяхтинский градоначальник.

ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/2. Д. 25. Л. 34–74.

Докладная записка полковника Боборыкина

№ 54 Сентября 1862 года

г. Иркутск

Его П-ву М.С. Карсакову

Во исполнение приказанья Вашего Превосходительства, о сообщении мнения моего, о записке г. Кяхтинского градоначальника «О мерах для сближения с Монголией», имею честь представить нижеследующее:

Записка эта состоит из IX-ти глав:

Глава I составляет как бы вступление, рассматривает первое столкновение русских с монголами; развитие торговли с Китаем, ограничение этой торговли Кяхтою, полное запрещение китайцами монголам принимать участи в торговле с русскими.

Глава II рассматривает положение дел в Китае с 1850 года до нашего времени; требование Англии об открытии страны для ее торговли; последнюю войну и положение страны после войны. Далее соглашается с тем, что выгоды Англии требовали, чтобы она поддержала маньчжуров против тайпинов.

Г. Деспот-Зенович полагает, что Англия этой мерой, независимо от влияния на Китай и торговлю с ним имела еще в виду, приобрести влияние на Тибет, Маньчжурию и Монголию. Тибет гранича с Ост-Индией, имеет, по мнению его, огромное господство над странами исповедующими буддизм; Маньчжурию и Монголию кяхтинский градоначальник считает странами богатыми естественными произведениями и все эти страны «огромным рынком» для сбыта английских мануфактурных произведений.

Я не могу согласиться безусловно с этим заключением. Было бы бесполезно вступать в под-

робные исследования о малом влиянии ламского первосвященника на исповедников Будды. Ламаизм не есть буддизм в том виде как он был исповедуем в начале и остался еще теперь частью в Индии. И теперь в Китае есть храмы буддийские и ламские; но китайский Хемень и Лама — не одно и то же лицо. Впрочем, ни один, ни другой ежели и слышали о Далай-Ламе, то нисколько не подчиняются ему и ни в чем от него не зависят. Об Маньчжурии, Корее, Японии, Тибет, я полагаю, и не знает. Богомольцы из Монголии ездят в Тибет на поклонение, но какого-нибудь серьезного влияния на дела одной страны другая не имеет, да китайское правительство никогда бы и не допустило этого.

Естественные произведения Маньчжурии и Монголии сбываются в Китай, — Англии их невыгодно вывозить из Китая, где они дороги. Хотя г. Деспот-Зенович говорит о больших заказах англичанами в Тянь-цзине шерсти, сала и кож, но я не слышал об этом и не доверяю тому, чтобы это было что-либо действительно большое и серьезное. Я знаю, что один мелкий английский торговец из Тяньцзина Ричардс, ездил в Калган за верблюжьей шерстью, но отказался от этого дела, как не представляющего много пользы. Что касается до сбыта мануфактурных произведений Англии в Маньчжурии, то как я уже излагал в моей записке Вашему превосходительству, консульство в Ну-Чжуане полагали закрыть, потому что купцы не могли там торговать; в Монголии тоже трудно рассчитывать на серьезные дела (тот же Ричардс ездил в Калган с товаром, но вернулся оттуда, не продав ровно ничего); из Тибета ходит ежегодно караван в Калькутту, для закупки сукон, бумажных материй, зеркал, железных вещей и пр.

Все это в весьма незначительных размерах, ибо Тибет — страна бедная, климат ее суров, богатства заключаются в лекарственных травах, лесе, скоте, кожах, шерсти, мускусе. Полагают, что в ее горах должно быть золото и другие металлы, но это только предположение. Жители ее также дики и ведут тот же образ жизни, как и монголы, поэтому и потребности тибетцев также ограничены, как и потребности последних.

III Глава, опираясь на необходимость прямых сношений с Китаем и считая их возможными только сухим путем через Монголию, приходит поэтому, к заключению о безотлагательной потребности к постепенному сближению с среднеазиатскими странами, и в особенности Монголией, Маньчжурией и Тибетом.

Следующая *Глава IV* указывает средства могущие содействовать осуществлению этих видов. Нельзя не сочувствовать и не отдавать полной справедливости предлагаемым для этого мерам: 1-е, свобода религиозного единства бурят с монголами, 2-е, осторожности действий относительно распространения христианства между бурятам (находящихся в полной зависимости, как и монголы, от своих лам), необходимости более обратить внимание на развитие их, на образование и воспитание молодого поколения. Мера эта будет подготовлением почвы для принятия плодов христианской пропаганды. Пропаганда же между ними, в настоящем их положении не приведет к желанной цели, и может напротив, раздражив их, в то же время оттолкнуть от нас и монголов.

Г. Деспот-Зенович полагает, что в этом случае Англия, воспользовавшись обстоятельствами, для того чтобы привлечь в себе монголов, будет даже печатать для них книги и делать им бурханов, подобно тому как она делает их в Индии. Смело могу заверить, что никогда, ничего подобного не будет; делать истуканов в Индии, где 180 млн. жителей — выгодно; в Монголии всего 4 млн., да к тому же Англии некогда и невыгодно заниматься делами в Монголии, которой она не знает и из которой ей нечего извлечь. Третья мера — разрешение монголам и бурятам вступать между собой в браки, была бы тоже очень полезной, но она вследствие ламаизма, неисполнима, по причине безбрачия половины населения Монголии, у них столько своих незамужних женщин, что брать жен из чужой страны не придется.

В *Главе V* доказывается необходимость полной свободы в коммерческих сношениях России с Монголией; причем повторяя, что произведения Монголии с открытием Тянь-цзина пошли в Англию и Америку чего, как я выше заметил, никогда не было. Для достижения же этой коммерческой свободы предлагается: 1-е, разрешить сношения с Монголией через все пункты нашей границы —

право на это мы имеем; осуществление оно изложено г. градоначальником в отдельном представлении, 2-е, допустить участвовать в сухопутной торговле с Монголией и Китаем всех русских торговцев в Сибири. Принципом для этого пункта служит польза свободной торговли. Исходя из этих начал г. Зенович, предлагает уничтожить в возможно скорейшем времени Иркутскую таможенную и таможенные заставы в Западной Сибири; доводы свои подкрепляет тем, что правительство мерой этой лишится не более 1 $\frac{3}{4}$ млн. ежегодного дохода, что ввиду сближения и влияния на всю Среднюю Азию, потеря такой суммы незначительна; что существование таможен, — при вновь заключенных правилах для сухопутной торговли с Китаем, по которым жителям обоих государств, предоставлено право свободного торгога по всей границе, — становится невозможным.

Хотя все это не относится прямо до Монголии и вопрос этот может быть разбираем только высшими правительственными лицами, но я замечу следующее. Россия получает от чая до 6 млн. таможенного дохода, с уничтожением таможен она лишится на 1 $\frac{3}{4}$ млн., а всех 6-ти млн., ибо весь чай вне ее пойдет не морем, а через Сибирь (по последним сведениям из Нижнего Новгорода кяхтинские чаи, несмотря на начавшуюся уже конкуренцию кантонского чая, продавались по 108–115 руб. место, все были раскуплены и доставили купцам до 15% барыша).

Не берусь решить вопроса, вознаградит ли себя Россия за эту потерю тем влиянием на Среднюю Азию, которое она может приобрести, и может ли она жертвовать для этого такой значительной суммой. Что касается до невозможности существования таможен, при свободном торгоге по всей границе, то этого я не вижу. Граница наша на запад от Кяхты идет по таким пустынным и непроходимым местам, вплоть до Чугучака, что какие-нибудь серьезные торговые дела в тех местах немислимы. Чай же, приобретаемые в Чугучаке и Или, проходят через западные таможи.

VI Глава, предполагает и описывает состав трех экспедиций, которые следует отправить в Монголию, Маньчжурию и Тибет, для исследования этих стран в политическом, научном и коммерческом отношениях. Что касается до исследования торговли в Монголии, то дело это через года два, три будет исполнено частными лицами, в той же записке говорится, что и теперь уже купцы наши проникли на юг и запад Монголии. В Маньчжурии мы не имеем еще права беспешлиного торгога, поэтому и не можем ездить с севера в глубь страны для коммерческих целей. С Тибетом, как страной бедной и далеко от нас находящейся, сомнительно чтобы торговля была выгодна. Англичане, несмотря на свое соседство с ней, не успе-

ли еще сами проникнуть в Тибет, как купцы. Хотя есть подробное и точное описание одного майора английской службы Малого Тибета, с картами, планами и описанием произведений, но это дело отдельного, частного лица, английские же купцы не были еще там с целью торговли.

Без сомнения, что предполагаемые экспедиции, принесли бы много пользы для науки; но они будут стоить больших денег, — по предположению г. кяхтинского градоначальника, они должны состоять из 10 лиц и труд свой в Монголии исполнить не ранее четырех лет. Я полагаю, что ежели правительство решится снарядить такую экспедицию, то и для России и для правительства полезнее и интереснее поручить ей исследование Приморья и Уссурийского края, чем бедной Монголии.

VII Глава заключает в себе предположения, чем должно заниматься консульство в Урге, кроме визирования паспортов и разбирательства незначительных дел по искам (которых еще однако же не было). *Глава VIII* предполагает учредить в Кяхте и Пекине школы для переводчиков китайского, маньчжурского, монгольского и тибетского языков; назначить опытного врача в Ургу и завести там школу для обучения детей монголов русскому языку. Первые две меры очень полезны; последняя же немыслима в настоящее время. Кроме того, что ни один монгол не отдаст в русскую школу своего ребенка, мера эта воз-

будит только подозрение и, совершенно основательное, в китайском правительстве, и напрасно поведет к неприятностям и новым стеснениям и недовольствам.

Последняя IX глава, относится собственно до Сибири, поэтому я не буду говорить о ней, только замечу, что, хотя вполне сочувствую мнению г. Зеновича о необходимости обратить большее внимание на земледелие, однако сожалею ежели предположение его, что «период фабричной производительности в Сибири еще в *далеком будущем*» — справедливо. Если бы Сибирь могла перерабатывать, например, свою шерсть в сукна. Если бы она улучшила свои сукна, выделку кож и кожевенных произведений, свое железо и изделия из него, то это не только помогло бы ее земледелию, но и вместе с тем, развило бы ее прямые сношения с Дайцинской империей и доставило бы ей много материальных выгод и влияния на все соседственные страны.

Заключение записки относится до Маньчжурии и до необходимости пользоваться и в ней теми же правами, как и в Монголии. Конечно, что это желательно, но требовать одного теперь от китайского правительства невозможно. Обстоятельства и время, открывшие нам Монголию нет сомнения, не откроют и Маньчжурию.

К.Н. Боборыкин.

ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/2. Д. 25. Л. 75–85.

А.Л. Попов

ЦАРСКАЯ РОССИЯ И МОНГОЛИЯ В 1913–1914 гг.

(Красный архив. М., 1928. Т. 7 (37))

Из официального издания б. министерства иностранных дел («Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу. 23/VIII 1912–2/XI 1913 г.», изд. МИД. СПб., 1914) нашему читателю известны основные моменты той дипломатической борьбы, которая разгорелась в 1911–1913 гг. между Россией и Китаем вокруг вспыхнувшего в ту пору в Монголии национально-революционного движения. Переписка, опубликованная царским дипломатическим ведомством, завершалась воспроизведением текста русско-китайской декларации от 23 октября (ст. ст.) 1913 г.

Китайское правительство признавало автономию Внешней Монголии, обязалось не посылать туда своих войск, не содержать там своих гражданских и военных властей и воздерживаться от колонизационных мероприятий. Ки-

тайское правительство обязалось вместе с тем к совместному разрешению с Россией всех основных политических и территориальных вопросов Внешней Монголии.

Публикуемые ниже документы относятся к следующему непосредственно за тем периоду. В некоторой своей части они являются извлечением из той коллекции документов, которые войдут в подготовляемую к печати большую публикацию дипломатических документов периода «кризиса» 1914 г.

Локальный характер, какой в течение всего рассматриваемого времени продолжала сохранять монгольская проблема, определялся экономической маломощностью и географической изолированностью территории Монголии от центров большой империалистической борьбы. Тем не менее, поскольку здесь стал-

квивались такие крупные силы, как царская Россия и богдыханский Китай, монгольский вопрос привлекает к себе внимание не только как вопрос освободительного движения определенного национального целого, но и как вопрос международный, вопрос борьбы капиталистических хищников, соревнующихся в деле лучшей его эксплуатации.

Окаймленное высокими горными хребтами, находившееся долгое время лишь в номинальной зависимости от Китая, монгольское плоскогорье, особенно в своей северной части, так называемой Внешней Монголии, заключало в себе прекрасно сохранившиеся памятники первобытного скотоводческого хозяйства и феодально-крепостнических отношений [4].

Дробление Монголии на хошуны (уделы), являвшиеся родовым владением цзаеака (князя), роль цзаеака, как верховного правителя своего хошуна, значение монастырей, как зачатков городских поселений, при которых формируется класс крепостных крестьян (шаби), рост политического веса ургинского богдо-гэгэна, так наз. хутухты, первенствующего духовного лица во всей Монголии, одного из важнейших перерожденцев Будды по ламантскому вероисповеданию, владеющего около 100 000 шабинаров, кочующих по Халхе попеременно с данниками халхасских князей, — таковы внешние контуры общественно-политического уклада Монголии, трехмиллионное кочевое население которой было разбросано на территории, по площади равной около 3 млн км.

4100-верстная граница с Китаем и 2900-верстная граница с Россией ставили монгольских кочевников под удары китайского торгового капитала, с одной стороны, и российского — с другой.

В начале XX в. и особенно в годы, непосредственно следующие за русско-японской войной, феодальная Монголия все яростнее начинает испытывать давление капитализма и, прежде всего, начинает чувствовать тяжесть руки своего исконного сюзерена:

Из донесений, получавшихся в министерстве иностранных дел от генерального консула в Урге в 1905 г. (См. тел. Любы от 27/VII 1905 г. и донес. Кузьминского от 4/IX 1905 г. № 1159. (Архив Революции и Внешней Политики. Даты сохраняются такими, какие даны в мин. ин. дел. т. е. по старому стилю.)), мы узнаем, что

китайское правительство намерено было приступить к реорганизации управления Монголии, что оно начало проводить отчуждение хошунных земель и заселение их пришлым китайским элементом. Консульством отмечается, в связи с тем, значительный рост недовольства среди монгольских кочевников, тревога за свое будущее, охватывающая правящие классы (князей и прежде всего князей округа Халха), пробуждение «национального самосознания» и, наконец, стремление к объединению разрозненных княжеств, к образованию независимого от Китая государства.

И тогда же, как гласит сообщение русского ген. консула, князья обращаются к последнему «за советом и содействием».

Донесения русского ген. консула от 1907 г. сообщают об усиливающейся китайской активности и о возрастающем волнении среди монгольских князей. Они констатируют «неуклонное намерение китайского правительства подчинить Монголию общему китайскому порядку управления и поселить на монгольской земле китайских колонистов, что поведет к стеснениям кочевого быта и скотоводческого хозяйства, составляющего средства к существованию». Проводя энергичную колониаторскую кампанию, китайское правительство принимает меры к поощрению китайской торговли и к открытию в Урге китайского (Дайцинского) банка, который должен был кредитовать китайских купцов и выдавать ссуды монгольским князьям. Когда, по свидетельству русского консула в Урге, пекинское правительство затребовало от ургинского амбана необходимые для разработки реформ статистические сведения о Монголии, ее населении и природных богатствах и амбань разослал по стране своих агентов для собирания затребуемых данных, — «всюду только и слышались разговоры о пекинских распоряжениях, о [5] намерениях Китая и об ожидающей их, монголов, несчастной участи». И снова устраиваются съезды монгольских князей, и князья ходатайствуют перед пекинским двором о сохранении в Монголии status quo и о недопущении туда китайских колонистов; и, как рассказывает русский консул, они снова обращаются к нему за советом и содействием (Записка ген. консула в Урге Шишмарева от 24/X 1907 г.).

В 1908 году те же мотивы дополняются сообщениями о китайских проектах постройки

железной дороги между Ургою и Калганом, о проектах развития горной промышленности в Монголии, учреждения в ней школ (Донесение Шишмарева от 11/VIII 1908 г. № 832).

Пекинское правительство поручает ургинскому амбану обсудить с халхасскими князьями вопрос об участии монголов в будущем китайском представительном органе и выяснить причину их оппозиции проектируемым реформам (Тел. его же от 24/111 1909 г. № 374).

Мотивируя свою точку зрения интересами монгольского скотоводчества, князья остаются при прежних решениях. Они ходатайствуют об оставлении Халхи в настоящих ее условиях; когда же весной 1909 года они созываются в Ургу на совещание, оказывается, что вопрос о железных дорогах обсуждению не подлежит, ибо «уже последовало категорическое предписание из Пекина о том, что железная дорога должна быть построена во всяком случае» (Донесение его же от 2/V 1909 г. № 531). Обращает на себя внимание указание ургинского ген. консула на происходящее в этот период усиление влияния хутухты, который становится политическим центром движения и «руководителем положения» (Тел. его же от 24/111 1909 г. № 374). Разыгрывающийся в 1910 г. конфликт между хутухтой и амбаном в Урге приобретает в такой обстановке сугубо политический характер и дает внешний толчок дальнейшему развитию событий. К характеристике создавшегося положения следует указать на то, что поводом для указанного конфликта послужил факт, который при других обстоятельствах не должен был выйти за пределы обычной хроники происшествий. 26/III 1910 г. в Урге между тремя монгольскими ламами, находившимися в нетрезвом виде, и служащим одной китайской лавки произошла драка. Арест лам вызвал стечение толпы, разгромившей лавку и вступившей в столкновение с китайскими солдатами. Прибывший к месту происшествия амбань Сань-до был встречен градом камней. Последовавшие затем аресты, дознания, допросы и пытки вызвали повторные уличные беспорядки, на которые Пекин реагировал устранением от должности нескольких приближенных к хутухте лам, в том числе его ближайшего помощника Шандцзодбе (Управляющий монастырским имуществом), как главного виновника беспорядков. Хутухта протестует, полемизирует с

Пекином, неоднократно, но безуспешно посылает туда для подкупа нужных людей крупные суммы денег.

Между тем его отношения с местными китайскими властями осложняются новым инцидентом, разжигающим китайско-монгольскую вражду и усиливающим взаимное озлобление [6].

Чтобы «досадить» китайцам, он требует от амбана очистить от торговых палаток главную площадь ургинского дамского города, служившую единственным торговым рынком для китайских, монгольских и русских купцов. «Воспользовавшись этим, — рассказывает русский генеральный консул в Урге, — Сань-до с разрешения пекинского правительства отвел для китайского рынка большую площадь около амбаньского ямыня, приказав огородить ее, выкинуть флаг и обложить торгующих сбором. Он проектирует постройку в Урге китайских кожевенных, мыловаренных, шерстопромывательных и даже суконных фабрик. Когда рывок китайский и монгольский был по распоряжению амбана переведен на указанную площадь, хутухта послал кн. Намсарая объявить монголам, что они должны по-прежнему оставаться и торговать на площади дамского монастыря. Правитель Сань-до донес в Пекин о неисполнении хутухтой и шамбинским управлением высочайшего повеления богдыхана относительно Шандцзодбе и да-лам, а также распоряжения пекинского правительства по поводу ургинского торгового рынка». В заключение консул указывал на возможность громкого следствия и на предстоящую присылку в Ургу китайских войск с карательными целями.

Конфликт хутухты с китайскими властями занял весь 1910 год (Записка Шишмарева, датир. 1910 г., донесения его же от 29 и 31 /III 1910 г. № № 328 и 344, донесения Лавдовского из Урги от 20/XI 1910 г. № 1229). Потерпев фиаско в своей борьбе с китайскими властями, хутухта обращается за помощью к России (Тел. Лавдовского от 18/XI 1910 г. № 1215). Между тем китайское правительство с неослабной энергией продолжает свою колонизаторскую политику в Монголии и приступает к проведению реформ в области военного дела в Халхе, намереваясь заменить монгольские гарнизоны состоящих в ведении ургинских амбаней пограничных постов китайскими реформированными

ми войсками. Последняя мера отнюдь не способствует успокоению страны; с севера идут сведения о столкновениях между китайскими войсками и монголами (Донесение Лавдовского от 18/V 1911 г. № 473). При таких условиях, следуя по тому же пути, на который только что стал в своей борьбе с китайской администрацией хутухта, князя Северной Монголии принимают общее политическое решение. «Совещание князей окончилось,— гласила телеграмма Лавдовского от 15/VII 1911 г. за № 691— После долгих прений все пришли к заключению, что проводимые китайцами реформы направлены к окончательному порабощению Монголии, протест против действий китайцев признан бесполезным. Решено не медлить более и обратиться к нам с просьбой о покровительстве, а пока дать уклончивый ответ на требования правительства. Сегодня гэгэн сообщил мне резолюцию совещания и прибавил, что через несколько дней депутация от духовенства, князей и народа выезжает в С.-Петербург, где подаст формальную просьбу о принятии Халхи под протекторат России. Опасаясь, что китайские власти, узнав о том, примут по отношению к монголам репрессивные меры, хутухта и князя просят немедленно прислать в Ургу под каким-либо предлогом русские войска, присутствие коих воспрепятствовало бы насилиям китайцев. Я просил обождать отправлением депутации до получения от вас ответа на мою телеграмму. Необходимо немедленно и точно определить наше отношение к изложенным фактам»... [7]

Не подлежит никакому сомнению, что роль царских дипломатических агентов в Монголии отнюдь не сводилась к роли пассивных наблюдателей происходящих событий и автоматических передатчиков «самостоятельных» решений монгольских князей. О крупной работе по организации симпатий монгольской знати к «белому царю» мы хорошо знаем из серии писем пресловутого Бадмаева к Александру III, Николаю II и Витте, относящихся еще к 90-м годам XIX века («За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева», Гиз, 1925 г., «тр. 49–112»). Правда, на одной из первых записок Бадмаева, где развивался план присоединения к России Монголии, Тибета и части Китая, рукой Александра III было помечено: «все это так ново, необыкновенно и фантастично, что с трудом верится в возможность успеха». Но

несомненно, что политика подкупов и обещаний, проводившаяся царским правительством, подготовляла в лице монгольских князей и духовенства исподволь и. так сказать, впрок серьезный оплот для утверждения своего Влияния в Монголии и должна была принести в известное время известные плоды. И понятно, что просьба «хутухты» и князей не могла заключать в себе для царского правительства особой неожиданности.

Как же ответило царское правительство на «просьбу» монгольских князей? Как повело оно себя в монгольском вопросе?

Из сказанного явствует, что политика пекинского правительства в монгольском вопросе являлась прежде всего политикой китайского торгового капитала, стремившегося овладеть монгольским рынком, выбросить на свободную территорию избытки собственного населения и создать надежный буфер на границе с Россией. Что касается проникновения русского капитала в Монголию, можно сказать, что, в то время как в других районах Дальнего Востока он выступал под сильным прикрытием солдатского штыка, концессий, привилегий, договоров и казенного золота, в Монголию он выходил первоначально в лице русских колонистов и отдельных торговцев, проникавших туда издавна за свой страх и риск, без сколько-нибудь значительного прикрытия.

Еще в 1854 г., когда, собираясь использовать критическое положение пекинского правительства, генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев выступил с проектом объявления Монголии под русским протекторатом, Особый Комитет на заседании от 26 января склонился к осторожному решению вопроса, ограничивавшему деятельность Муравьева «снисканием расположения монгольского хутухты» и завязыванием связей с наиболее влиятельными князьями.

Рецидив активистских тенденций того же Муравьева, относящийся к 1860 г., нейтрализуется умеренно-осторожным постановлением Амурского Комитета от 12 января того же года (См. Б.М. Гурьев, «Политические отношения России к Монголии», 1911 г.).

После 1881 г., когда русским правительством была выговорена в Петербургском соглашении ст. 12-я, предоставлявшая русским подданным право беспошлинной торговли в Монголии, монгольский вопрос выдвигается

снова в 1897 г., в разгар русского продвижения в Манчжурию. Тогда, как известно, в тесной связи с [8] полуправительственным Русско-Китайским банком, образуется особый синдикат для эксплуатации рудных богатств Монголии, превращающийся позднее (в 1900 г.) в акционерное общество «Монголор», но уже к 1904 г. «Монголор» хиреет от недостатка денежных средств, и обсуждается вопрос об его ликвидации (См. Б. Романов. «Россия в Манчжурии». Лнгр. 1928, стр. 14, 601–602).

В том же 1898 г., при переговорах с Китаем о займе, Витте требует железнодорожной и промышленной монополии для России не только в Манчжурии, но и в Монголии, однако требование это скоро снимается Муравьевым (Там же, стр. 192, 193, 196). Русско-английское соглашение по железнодорожному вопросу 16 (29)/IV 1899 г., по которому Монголия попадала в сферу русского влияния, для русской политики в монгольском вопросе получает лишь принципиальное значение. Относящиеся к 1903 г. домогательства Безобразовской группы, требующей открытого присоединения Монголии, кладутся царем под сукно (Там же, стр. 459, 460). На проекте инженера Риппса от 28/III 1905 г., предлагающего в помощь Великому Сибирскому пути постройку новой двухпутной ширококолейной линии, имеющей пройти через Монголию и соединить Уральск со ст. Манчжурия, Ламздорф делает пометку: «Много верного, но кто возьмется за постройку и кто даст деньги» (Дело МИД В.Д.К. № 687).

Статьей 3 русско-японской конвенции 17/VII 1907 г. Япония признавала особые интересы России во Внешней Монголии, однако приложенной к конвенции секретной нотой оговаривала, что признание это не должно нарушать общих принципов соблюдения status quo и равных преимуществ.

И на приведенные выше первые обращения монголов за содействием и помощью в их борьбе с китайским торговым капиталом министерство иностранных дел, озираясь на Японию, обычно отвечало в осторожных и сдержанных формах: «не отклонять категорически предложения далай-ламы, благотворное влияние коего следовало бы использовать в полной мере» (Тел. министра ин. д. Козакову от 28/VII 1905 г. Л» 135); «обещать монгольским князьям нравственную поддержку русского правительства» (Выписка из секр. донес. Кузьминского от

4/IX 1905 г. № 1159 и царская помета на нем от 1/X 1905 г.).

И даже в 1910 г., когда разыгрался конфликт хутухты с амбаном, русское дипломатическое ведомство ограничивает свое содействие передачей доклада хутухты его доверенным лицам в Пекине и наведением справки относительно дела Шандцзодбе. «Что же касается настояний на сохранении за последним его должности, — писал Козаков Коростовцу, — то мы опасаемся, что такое вмешательство во внутренние дела Китая может лишь повредить хутухте, поддерживать же эти настояния какими-либо мерами давления не входит в виды императорского правительства» (Тел. Козакова от 26/XI 1910 г. № 1737).

К переходу от политики пассивной благожелательности к определенным «мерам давления» особенно настойчиво звал русский посланник в Пекине. Остановливаясь на [9] мероприятиях, проводимых китайцами в Монголии, направленных к укреплению в ней китайского влияния, Коростовец предлагал, договорившись предварительно с Японией и Англией и опираясь на их поддержку, понудить Китай к сохранению в Монголии status quo и к отказу от введения там военных преобразований (Депеша Коростовца от 3/XI 1910 г. № 104). «Относясь с сомнением» к осуществимости проекта Коростовца, министр иностранных дел обратился с запросом в Лондон и в Токио. Малевский-Малевич писал, что правительство «считает вообще принятие слишком сильных мер воздействия на Китай в настоящий момент вдвойне опасным», что оно боится, во-первых, могущих возникнуть в Китае волнений и, во-вторых, возможности бросить тем самым Китай в объятия Америки (Письмо Малевского-Малевича от 3/XII 1910 г.). Бенкендорф, в свою очередь, предупреждал, что всякая русская акция, направленная против Китая, хотя бы то было сосредоточение войск у китайской границы, может вызвать серьезные международные осложнения, ибо в «Китае гораздо более, чем в Персии, заинтересованы все европейские державы», не говоря уже о заинтересованности Соединенных Штатов Америки (Письмо Бенкендорфа от 10/XII 1910 г.).

Точка зрения министерства иностранных дел на монгольский вопрос особенно яркую формулировку получила в телеграмме министра Коростовцу от 27/VII 1911 г. № 1046: «Вну-

треннее положение Халхи само по себе не затрагивает наших жизненных интересов. Монгольский вопрос важен для нас как средство и должен быть использован при решении других политических задач наших в Китае».

Из сказанного явствует, что в течение долгого времени Монголия оставалась в стороне от большой дороги русской дальневосточной политики, что до известной поры у царского правительства не было достаточных политических и стратегических стимулов к активизации своей политики на этом относительно захолустном участке империалистической борьбы.

Констатированная выше относительная пассивность русской политической линии в монгольском вопросе, равно как и последующая эволюция этой линии, не может быть понята без ответа на основной для всей совокупности русско-монгольских отношений вопрос о значении монгольского рынка для русского торгового капитала, о проникновении последнего в Монголию и о ходе соперничества его с китайским торговым капиталом (См. М. Боголепов и М. Соболев, «Очерки русско-монгольской торговли», Томск, 1911 г. д. Болобан, «Монголия в ее современном торгово-экономическом отношении». Отчет агента мин-ва торговли и промышленности за 1912/13 г.; И. Майский, «Современная Монголия». Иркутск, 1921 г.; А. Беннигсен, «Несколько данных о современной Монголии». СПб., 1912; Ю. Кушелев, «Монголия и монгольский вопрос». СПб, 1912 г.).

Значительный толчок развитию русской торговли в Монголии дал, как известно, Тяньцзинский трактат 1858 г., ликвидировавший значение Кяхты, как транзитного пункта следующих из Китая чайных грузов, и обративший энергию русского торгового капитала на соседнюю территорию Монголии. В 1860 г. основывается в Урге первая русская торговая фирма. В 1883 г. их насчитывается 10, в 1910 г. — свыше 20 [10].

В 60-х гг. русские торговые фирмы появляются в Кобдо и Улясутае, в течение последующих двух десятилетий они проникают вглубь монгольских степей и устанавливают свои фактории по хошунам. Емкость монгольского рынка, где главным потребителем являлось мелкое скотоводческое хозяйство, не могла сулить русскому капиталу особенно крупных перспектив: Северная Монголия могла потре-

бить товаров на сумму около 20 миллионов рублей; вся Монголия — на сумму 35–40 миллионов. Основною чертою русской торговли в Монголии было господство в ней мелкого капитала: первые русские купцы — не московские и петербургские предприниматели, а мелкие кулаки-торговцы, выходцы из захолустных сибирских городов. По статистике первого десятилетия XX столетия средний оборот самых крупных из оперировавших в Монголии русских фирм не превышал 500 тыс. рублей, капитал же мелких фирм, в среднем, был около 20 тыс. рублей.

Разрозненные и слабые, преследовавшие цели легкой и быстрой наживы, практиковавшие примитивные хищнические приемы торговли (Чистый годовой доход ниже 40–50% в обиходе русских купцов в Монголии расценивался, как неудача, — привозимые из России товары продавались с накидкой в 100%), эти представители русского торгового капитала столкнулись в стране с издавна сложившейся широко разветвленной китайской торговлей.

Ст. 12 Петербургского протокола не оказывалась для них достаточной гарантией в конкурентной борьбе с китайцами, и в конце 90-х годов, когда китайские купцы стали ввозить в Монголию дешевые английские и американские фабрикатy, безнадёжность позиций русской торговли уже обнаруживается с достаточной явственностью.

Правда, общая сумма торгового оборота России с Монголией продолжает расти, увеличиваясь, в частности, для Западной Монголии, с 1349 тыс. руб. в 1891 г. до 3 677 тыс. рублей в 1908 г. Однако вся незначительность размеров русско-монгольского товарооборота станет ясной, если мы сопоставим цифру, ее определяющую, с суммой товарооборота Китая с Монголией для 1908 г.: первая была равна 8 млн. руб., а вторая — 50 млн. руб. Но и этого мало: рост русско-монгольского товарооборота за указанный период 1891–1908 гг. происходил почти исключительно за счет роста русского вывоза из Монголии: в то время как последний возрос на 566 %, ввоз русских товаров в Монголию за тот же период времени увеличился всего лишь на 22 %. Русская торговля в Монголии приобретала специфически скептический характер (прежде всего скупка шерсти и скота), и русский торговый баланс с Монголией становился пассивным.

Мы отметили выше преобладание мелкого капитала в русской торговле с Монголией. К началу второго десятилетия нового века в русской торговле с Монголией отмечается тенденция концентрации, появляется ряд крупных русских торговых фирм (Стукен, Зеергаген, Швецов, Бидерман). К этому времени монгольским рынком начинает сугубо интересоваться объединившее под своим флагом крупнейших русских мануфактуристов «Русское экспортное товарищество», основывающее к 1912 г. свои отделения в Урге и Улясутае (См. «Русское экспортное товарищество. Отчет за первый операционный период с 14 мая 1909 г. по 1 янв. 1910 г.», то же за 1910, 1911, 1912 и 1913 гг.). В 1909 г. при министерстве торговли и промышленности создается [11] «Особое междуведомственное совещание», под председательством Лангового (Первое заседание состоялось 16/IV 1909 г.), ставящее своей задачей собирание материалов для изучения монгольского рынка. Вопрос о судьбах русской торговли в Монголии не сходит со страниц повременной печати. Для изучения монгольского рынка снаряжаются целые экспедиции: летом 1910 г. отправляется торговая экспедиция, организуемая московскими мануфактуристами, вслед за нею едет такая же торговая экспедиция, устраиваемая Томским обществом изучения Сибири. Вопросы организации торговли с Монголией горячо обсуждаются на частных совещаниях представителей московского купечества. Член совета «Русского экспортного товарищества» Рябушинский на одном из таких совещаний резко критикует занятую в монгольском вопросе русской бюрократией позицию («Новое время» от 15/XII 1913 г.).

Возвращающиеся из экспедиций привозят самые неутешительные и тревожные данные. Констатируется паралич русской торговли: систематическое вытеснение русской мануфактуры иностранными тканями; угрожаемое состояние констатируется даже для русской скупщической торговли. Мало того, — по словам М. Боголепова и М. Соболева, подытоживавших труды Томской экспедиции, — победившие русских на монгольском рынке китайцы еще не использовали в полной мере своего выгодного положения: первые же их шаги в области железнодорожного строительства в Монголии «могут радикально перевернуть все

дело»; «железная дорога от Урги до Калгана легко может иметь катастрофическое значение для русской торговли». И еще констатируется один грозный факт: китайские купцы являются лишь комиссионерами Англии и Северо-Американских Соединенных Штатов, и победа их является лишь победою американской и английской мануфактуры (См. М. Боголепов. *Op. cit.*, стр. 474–475).

Посещающий Монголию агент министерства торговли и промышленности А. Болобан видит опасность для русской торговли и в том, что автомобильное движение Кяхта—Урга может попасть в руки немцев (См. А. Болобан. *Op. cit.*, стр. 15). Возвращающийся из поездки по Монголии (1909–1911 гг.) гр. Беннигсен обращает особенное внимание на создание на границе с Россией китайских военных поселений (См. А. Беннигсен. *Op. cit.*, стр. 38).

И тот же Беннигсен и упоминавшийся выше Болобан и возвратившийся из поездки по Монголии путешественник Кушелев отмечают приобретающий прямое политическое значение факт крупной задолженности монголов китайским кредиторам, доходящей для всех хошунов до 12 млн. рублей, и исключительную роль, которую сыграл в этом деле своими ссудами Дайцинский банк в Урге, которому одни только князья задолжали свыше 1 млн. рублей (А. Болобан. *Op. cit.*, стр. 46; Ю. Кушелев, стр. 59; А. Беннигсен, стр. 98).

Необходимость организовать в противовес Дайцинскому банку особый русско-монгольский банк намечалась всеми, как очередная задача русской политики [12].

Мы остановились на мнениях и заключениях различных отправлявшихся в Монголию путешественников, чтобы констатировать общность их точек зрения, служившую показателем нового активного интереса к монгольскому рынку, который к концу первого десятилетия стал проявляться у представителей русского купечества и русской мануфактурной промышленности.

Рассматриваемый период характеризуется, таким образом, назреванием новых тенденций в русско-монгольских отношениях, тенденций к организованному и руководимому мануфактуристами-фабрикантами выступлению русского капитала, к ломке старых Традиций кустарнического разрозненного проникновения русского капитала в Монголию.

Нет никакого сомнения, что в условиях намечающейся новой обстановки проводившаяся министерством иностранных дел линия воздержания от вмешательства в монгольские дела должна была претерпеть некоторые изменения. Мы оставили в нашем изложении министерство в тот критический момент, когда оно узнало о решении монгольских князей и хутухты отправить в Петербург депутацию для переговоров о принятии Халхи под протекторат России.

Несмотря на увещания Коростовца (Тел. Коростовца от 30/VII 1911 г. № 459), указывающего, что отказ в заступничестве поведет к падению русского престижа в Монголии и к «ободрению» Японии, которая не замедлит «занять наше место» в Халхе, министерство иностранных дел медлит с ответом, боязливо топчется на одном месте и только под давлением председателя Совета Министров (Письмо председателя Совета Министров Нератову 21/VII 1911 г. № 3529) решает не препятствовать приезду монгольской делегации. Делегация прибыла в Петербург 2 августа.

В течение своего трехнедельного пребывания в Петербурге она посещает Нератова, Тимашева, кн. Ухтомского, Коковцова и, наконец, Столыпина. Коковцов и Столыпин, призывая к осторожности, обещают монголам поддержку. Коковцов, беспокоясь за судьбу делегатов, настаивает перед министерством иностранных дел на предъявлении Китаю требования об отзывании амбана из Урги. Особый интерес к монгольским делам проявляет директор общей канцелярии министерства финансов Львов (Рапорт шт.-кап. Макушека от 12/VIII 1911 г.).

Протокол журнала Особого совещания по делам Дальнего Востока, состоявшегося 4/VIII 1911 г., изложен в резолютивной форме и не отражает хода совещания.

Из мотивировки вынесенного постановления ясно, что министр иностранных дел указывал на связанность России обострившимися делами Ближнего Востока и на невозможность при таких условиях активно выступить в монгольском вопросе. Решение Особого совещания сводилось к следующему: «не принимая на себя обязательства силою оружия отстаивать задуманное монголами Халхи отложение от Китая», выступить «посредником между ними» и поддержать «дипломатическим путем

стремления монголов сохранить свою самобытность, не порывая с их сюзеренами — императорами дайцинской династии». Практически намечались два шага: 1) сделать в Пекине представление по поводу проектируемых в Халхе преобразований, 2) «для успеха представлений» и для [13] безопасности монгольской делегации немедленно послать в Ургу на усиление консульского конвоя сотни казаков с пулеметами.

Назначенным штабом Иркутского военного округа для негласного сопровождения членов монгольской делегации шт.-кап. Макушеком была представлена в министерство иностранных дел записка под заголовком «К грядущему восстанию в Монголии и о средствах, необходимых для его осуществления». План восстания сводился к организации сети складов оружия под флагом торговых фирм, к формированию партизанских отрядов и к вооруженному выступлению для захвата власти. На полях записки рукою Козакова, которому в ту пору принадлежала в министерстве руководящая роль в дальневосточных делах, было помечено: «Какой вздор».

Держа курс на сохранение во что бы то ни стало мирных отношений с Китаем и придерживаясь сугубой конспирации, русское министерство логикою событий приближалось однако к постановке вопроса, дававшейся «революционным» штабс-капитаном.

В секретной телеграмме от 10/VIII за № 1125 Сазонов пишет Коростовцу, что считает «принципиально вполне возможным», «в случае неуспеха наших представлений [в Пекине] и неизбежности восстания Халхи», выдать монголам оружие. В соответствии с этим военный министр отдает распоряжение (Письмо Сухомлинова Сазонову от 17/X 1911 г. № 4271) о передаче 15 000 винтовок и 7 500 000 патронов в штаб Иркутского военного округа.

В начале ноября по просьбе уполномоченного князьями хутухты из штаба была произведена под видом частных сделок выдача монголам заготовленного огнестрельного оружия и дополнительно 15 000 шашек (Письмо Сухомлинова Нератову от 3/XI 1911 г. № 340).

Сам автор приведенной пометы уже в конце сентября готов был к использованию благоприятно складывавшихся обстоятельств. «Затруднения,— писал он Коростовцу (Тел.

Козакова от 30/IX 1911 г. 1482), — которые создает китайскому правительству революционное движение на юге Китая, могли бы быть использованы нами для закрепления каким-либо письменным актом признаваемого китайцами на словах положения нашего в вопросе о судьбах Монголии»...

В начале ноября Козакову приходится думать уже только о том, как бы повлиять на монголов, чтобы они «выставили своею целью не разрыв с Китаем и переход под протекторат России», а только «сохранение самобытного строя Монголии» путем осуществления автономии, чтобы «была избегнута опасность для нас быть вынужденными отстаивать вооруженною силою Монголию от китайского засилья» (Тел. Козакова от 9/XI 1911 г. № 1853).

Пока Коростовец пикируется в Пекине с китайскими министрами, движение в Монголии продолжает разрастаться и принимает организованные формы.

Участвующий в раздаче монголам оружия и находящийся в курсе всех инсurreкционных планов управляющий русским консульством в Урге исправно уведомлял министерство о ходе событий [14].

Телеграммой от 18/XI 1911 г. за № 1102 он сообщал о первых результатах применения монголами русского оружия — свержении в Халхе китайских властей и объявлении независимости Монголии.

Мы не будем излагать дальнейшего хода событий. Китайские власти Улясутад, Кобдо, Шарасумэ подверглись той же участи, Барга (сев.-вост. часть Монголии) присоединилась к Халхе. 15 декабря 1912 г. состоялось восшествие хутухты на ханский престол и образование для управления страной временного комитета министров из владетельных князей.

Завоевав новый плацдарм для своей деятельности на Дальнем Востоке, русский капитализм приступал теперь к его организации. Оформление международно-правового положения новой буферной области, заботы об ее военной мощи, реализуемые организацией русского военного инструктажа в Монголии, заботы об ее финансовом благополучии, осуществляемые учреждением Русско-Монгольского банка и командированием в Ургу русского финансового советника, удовлетворение насущных потребностей нового дружественного правительства путем единовременных ссуд,

гарантируемых доходами от горных богатств Монголии, — таковы первые акции русского правительства, первые проявления новых активных и организованных форм проникновения русского капитала в Монголию.

Что касается русской мануфактуры, для нее в первые медовые дни этого проникновения создавалась в буквальном смысле слова сказочная обстановка: продажа имущества китайских фирм за бесценок, поголовное бегство или просто физическое уничтожение китайских торговцев и, наконец, симпатии со стороны «благодарного» населения. Русским мануфактуристам открывались блестящие перспективы монопольного положения.

Но это были лишь только одни блестящие перспективы. А год спустя слышатся уже другие ноты, полные глубокого пессимизма и разочарования. В отчете «Русского экспортного общества» за 1913 г. — первый операционный год после учреждения отделения общества в Урге — читаем: «приобретенной вновь Россией монгольский рынок далеко не оправдал тех надежд, которые были на него возложены, как на рынок широкого сбыта русских изделий». А вернувшийся из поездки по Монголии агент министерства торговли и промышленности Болбан, давал небезынтересный комментарий такому упадочному настроению: «Где бы вы ни: бывали в Монголии, — писал он в своем отчете, — везде слышны жалобы на русских, купцов с указанием, что при китайцах было легче».

Очевидно, что царскому правительству предстояло приложить еще немало усилий для всестороннего обеспечения интересов русского капитала в «освобожденной» стране.

Очевидно также, что монгольскому народу предстояло на опыте убедиться в том, что полученная при помощи царизма из рук феодалов и лам «независимость» являлась лишь новым видом угнетения, освободиться от которого он мог только, сбросив власть своих феодалов и своего духовенства [15].

Публикуемые ниже документы воспроизводятся по подлинникам, хранящимся в Архиве революции и Внешней Политики (фонд мин. ин. дел, IX полит, отдел). Текст публикуемых документов подготовлен к печати А. С. Ерусалимским и А.Л. Поповым.

Ред.

**Депеша дипломатического агента в Монголии
от 1 ноября (19 октября) 1913 г. № 277**

В дополнение к секретной телеграмме моей на имя гофмейстера высочайшего двора т. с. Нератова от 24 сентября с. г. за № 246, имею честь донести вашему высокопревосходительству, что вручение его святейшеству Чжебзум Дамба хутухте письма, аккредитующего меня в качестве дипломатического агента и генерального консула в Монголии при повелителе монгольского народа, было обставлено чрезвычайно, небывалою еще в Урге, торжественностью.

Вручение этого письма состоялось в день рождения богдыхана, 24 сентября, в 2 часа дня. Обычный прием в этот день происходил раньше в так называемом летнем дворце хутухты — здании, представляющем из себя копию с главного дома генерального консульства. По случаю же столь знаменательного события в политической жизни Монголии, о котором монголы мечтали со времени провозглашения своей независимости, прием был назначен в большом ургинском дворце, построенном на подобие огромной юрты. Несколько примыкавших к главному входу больших юрт играли роль аванзал.

До получения мною аккредитивного письма, за подписью вашего высокопревосходительства, в день рождения хутухты было назначено представление гг. офицеров Монгольской бригады, во главе с полковником Надежным, и начальника Ургинского отряда с командирами отдельных частей.

Для меня же и чинов генерального консульства была назначена специальная аудиенция, до приема поздравлений от наших военных чинов.

К 12 часам дня в генеральном консульстве собрались все представлявшие в полной парадной форме. На мне был пожалованный мне его святейшеством монгольский орден Вачира, присвоенный Цзюнь-вану (князю 2-й степени). В начале второго часа явился товарищ министра иностранных дел Цэрэн-дорчжигун в сопровождении многочисленной свиты монгольских князей и виновников в парадной форме и пригласил проследовать во дворец хутухты.

Торжественный поезд экипажей, сопровождаемый конвоем казаков 2-й Забайкальской батареи, открывался богато убранном паланкином специально присланным его святейшеством для меня. По [16] монгольскому обычаю, паланкин везли четыре верховых, временами очень быстро. К передним и задним концам длинных палок паланкина прикрепляются поперечные палки, концы которых везущие паланкин всадники кладут себе на седла перед передней лукой и таким образом везут иногда во весь карьер. Монгольская свита и консульский конвой из 20 казаков 1-го Читинского полка скакали впереди и вокруг паланкина.

По прибытии во дворец я был встречен придворными чинами; и проведен вместе с чинами генерального консульства и гг. военными в приемную юрту, где нам был предложен кирпичный чай.

Вскоре министр иностранных дел князь Ханда-цин-ван пригласил меня вместе с чинами генерального консульства и двумя офицерами 20-го Сибирского стрелкового полка, заведующими конвоем и военно-административною частью, проследовать в тронный зал, где, на богато украшенном высоком троне восседал повелитель монгольского народа Чжебзун-Дамба хутухта. На ступенях трона стояли председатель совета министров Сайн-ноин-хан и и. д. министра внутренних дел князь Дархан-цин-ван. По правую сторону стояли в парадных одеждах ламы, а по левую министры, князья и чиновники не ниже бейсэ.

Поднявшись по трем ступеням трона, я преподнес по местному обычаю хадак (длинную шелковую шаль голубого цвета) и верительное письмо, с переводом на монгольский язык, в большом конверте из золотой парчи. Получив от его святейшества обратный хадак, я, стоя на ступени трона, принес поздравление по случаю дня его рождения и передал хутухте привет его императорского величества государя императора, а равно и высочайшее повеление о назначении меня дипломатическим агентом и генеральным консулом в Монголии при его святейшестве. Доложив, что согласно воле моего августейшего монарха я употреблю все старания к развитию и укреплению дружеских отношений, существующих между Монголией и Россией, я высказал пожелание дальнейшего процветания страны под мудрым управлением повелителя монгольского народа.

Его святейшество, справившись о моем здоровье, выразил живейшее удовольствие по поводу нового знака благорасположения к нему его императорского величества, о чем и просил довести до сведения Российского правительства.

После этого, в моем же присутствии, принесли поздравления хутухте от себя и от имени своих подчиненных полковники Надежный и Савельев, преподнесшие его святейшеству хадаки. Гг. офицеры Монгольской бригады и Ургинского отряда стояли перед тронном, представляя из себя красивую картину в своих разнообразных формах [17].

По окончании приема все мы проехали в министерство иностранных дел, где товарищи министров иностранных дел и финансов предложили нам радушное угощение, состоявшее из чая, сладостей и вареной баранины. В начале пятого часа я тем же порядком в парадном паланкине вернулся обратно в генеральное консульство, где приближенный к хутухте лама преподнес мне от имени его святейшества специальный тибетский сладкий хлеб и другие сласти и подарки: кусок тибетского сукна, кусок шелковой материи и соболя.

Для полковников Надежного и Савельева в генеральное консульство были доставлены по куску китайского шелка и тибетского сукна, а всем гг. офицерам-по куску последнего. Дарить тибетское сукно составляет исключительное право хутухты.

Везших меня в паланкине всадников и прислугу сопровождавших меня монгольских сановников я щедро наградил деньгами.

На следующий день, утром 25 сентября, я спешно выехал в Кяхту для встречи иркутского генерал-губернатора и для участия под его председательством в совещаниях по русско-монгольской торговле. Егермейстер высочайшего двора Князев прибыл в Троицкосавск утром 28 сентября. Мне удалось приехать, благодаря любезным заботам монгольских властей, накануне вечером.

К сему считаю долгом присовокупить, что копия с настоящего донесения представляется императорскому посланнику в Пекине.

А. Миллер

**Записка, составленная в министерстве ин. дел,
от 3 ноября (21 октября) 1913 г.**

В первых числах ноября в С.-Петербург приезжает специальная монгольская миссия, во главе которой стоит первый министр монгольского правительства Сайн-ноин-хан. Он везет собственноручное письмо хутухты его императорскому величеству и орден Чингис-хана.

Несомненно, что Сайн-ноин-хан рассчитывает быть принятым в России с не меньшим почетом, чем приезжавший в минувшем году Ханда-ван, который удостоился быть принятым государем императором и, как гость высочайшего двора, был помещен в С.-Петербурге на средства министерства двора.

На это Сайн-ноин-хану дает право как возложенное на него хутухтою поручение, так и его положение первого монгольского сановника наиболее родовитого из потомков Чингис-хана. Отказать в таком Приеме Сайн-ноин-хану значило бы кровно оскорбить его и оттолкнуть [18] от себя наиболее влиятельного в настоящее время монгольского сановника, давшего нам несомненные доказательства своей преданности и готовности руководствоваться нашими указаниями.

**Секретная телеграмма посланника в Пекине
от 5 ноября (23 октября) 1913 г. № 703**

Тремя появившимися сегодня декретами Юаньшикай дает три дня на ликвидацию партии националистов «Гоминдан». Члены парламента, входящие в состав этой партии, лишаются полномочий и высылаются из столицы на родину. Официальной причиной этой меры выставляется участие этой партии в революционном движении на юге, противодействие заключению реорганизационного займа, отказ утвердить третий проект русско-китайского соглашения по монгольским делам и вообще стремление ниспровергнуть существующее правительство. Этим ударом Юаньшикай совершенно избавляется от оппозиционных элементов в парламенте, и его воля не встречает отныне никакого сопротивления.

Крупенский

**Секретная телеграмма д. министра ин. дел диплом, агенту в Монголии
от 10 ноября (28 октября) 1913 г. № 3075**

Ссылаюсь на телеграмму Крупенского № 714 (В тел. от 7 ноября (25 октября) 1913 г. посланник в Пекине Крупенский передавал просьбу китайского министра иностр. дел побудить, монголов к прекращению враждебных против китайцев действий во Внутренней Монголии).

Благоволите настоятельно посоветовать монгольскому правительству прекратить военные действия во Внутренне Монголии грозящие разгромом монгольских войск, если китайцы направят против них силы, которыми располагают, и которых они доныне не двигали лишь из опасения русского вмешательства. Эти опасения теперь, по подписании русско-китайской декларации о Монголии теряют силу.

Нератов

**Секретная телеграмма и. д. министра ин. дел посланнику в Пекине
от 10 ноября (28 октября) 1913 г. № 3076**

Сообщается дипломатическому агенту в Урге

Телеграмма № 714 получена.

Китайский посланник передавал нам просьбу своего правительства о побуждении монголов отозвать свои войска из Внутренней Монголии [19].

Мы ответили, что неоднократно советовали монгольскому правительству прекратить военные действия против китайцев и охотно сделаем новую попытку воздействовать на него в этом направлении. Но мы не можем ручаться за то, что наши советы подействуют на монголов. Прекращение их борьбы с Китаем может быть лучше достигнуто заключением предусмотренного в русско-китайской декларации тройного соглашения между Россией, Китаем и Монголией.

Нератов

**Секретная телеграмма диплом агента в Монголии
от 10 ноября (28 октября) 1913 г. № 290**

Ссылаюсь на телеграмму Крупенского № 714.

Монгольское правительство, которому я не замедлил предложить немедленно прекратить военные действия, сообщило мне сегодня о массовом истреблении китайскими войсками монгольского населения в хошуне Бейрин Чжоудасского сейма и других сеймах Внутренней Монголии, а также чахаров и туметов. На это я указал, что чем скорее монгольские милиционеры будут отозваны к границам Халхи и военные действия с их стороны прекращены, тем лучше будет для внутренних монголов и ургинского правительства.

Миллер

**Секретная телеграмма диплом, агента в Монголии
от 10 ноября (28 октября) 1913 г. № 291**

Ссылаюсь на мою телеграмму № 290. Телеграфирую в Пекин:

Приказав отозвать свои войска и прекратить военные действия, хутухта просит, чтобы китайцы не причиняли внутренним монголам никаких беспокойств и мучений.

Миллер

**Секретная телеграмма диплом, агента в Монголии
от 10 ноября (28 октября) 1913 г. № 293**

Получил ваш № 3034 (В секр. тел. Нератова от 7 ноября (25 октября) 1913 г., за № 3034, на имя Миллера сообщалось, что русское м-во ин. дел не может сочувственно отнестись к намерению монгольского прав-ва приобрести новую крупную партию оружия, что после подписания соглашения с Китаем о Монголии нападающей стороной являются монголы, выданная же последним ранее 2-миллионная ссуда расходуется ими на «безумную авантюру» во Внутренней Монголии).

Ссылаясь на приказ хутухты о прекращении военных действий, монгольское правительство усердно ходатайствует спешно разрешить [20] от устить из Монгольской бригады 200 000 патронов для надобностей внутри страны. Часть их необходимо послать отзываемым на границы отрядам, чтобы они, оставшись ныне без патронов, не взбунтовались и не перешли на сторону китайцев; другую, большую часть, необходимо оставить в ургинском арсенале, дабы внутренние враги знали, что у монгольского правительства имеются боевые припасы, и не причинили каких-либо неприятностей. Министр иностранных дел, передавая мне это ходатайство, дал самые искренние заверения, что просимые патроны ни на какие военные действия во Внутренней Монголии, ввиду прекращения таковых, употреблены не будут. Зная, что у монголов действительно нет патронов, поддерживаю это ходатайство. Со стороны полковника Надежного препятствий нет.

Миллер

**Секретная телеграмма диплом, агента в Монголии
от 13 ноября (31 октября) 1913 г. № 296**

Телеграфирую в Пекин.

Монгольское правительство сообщило мне, что после отправления гонца в южный отряд Тушету-вана с приказом хутухты прекратить военные действия и отозвать отряды, прибыл нарочный с донесением о движении Тушету-вана в сторону китайских войск вследствие известий о насилиях китайцев над монголами-туметами. Объяснив монголам, что подобные известия — хитрость китайцев, дабы обвинить монголов в новом нападении, предложил немедленно спешно командировать второго нарочного с подтверждением подчиниться приказу хутухты, что и исполнено.

Миллер

**Секретная телеграмма и. д. министра ин. дел посланнику в Пекине
от 13 ноября (31 октября) 1913 г. № 3107**

Сообщается диплом, агенту в Урге.

Ссылаюсь на телеграмму Миллера № 291.
№ 1.

Ввиду указываемого в передаваемой вам за № 2 телеграмме Миллера факта массового истребления китайскими войсками населения Внутренней Монголии, считаем необходимым обратить серьезное внимание китайского правительства на недопустимость такого образа действий, который лишает нас возможности настаивать перед монгольским правительством, чтобы оно примирилось с ограничением его территории землями внешних монголов. Князя Внутренней Монголии неоднократно обращались к нам за защитой от китайцев. Мы отклоняли эти просьбы, но политика жестоких репрессий, если [21].

Китай будет продолжать ее придерживаться, сделает затруднительным для нас относиться столь же равнодушно к таким ходатайствам. С другой стороны, репрессии во Внутренней Монголии не могут не питать воинственных стремлений внешних монголов и таким образом все более отодвигают наступление успокоения в Монголии, которое необходимо и для самого китайского правительства и для русской торговли в этой стране.

Так как Чжоудасский сейм входит в сферу японского влияния, то было бы желательно привлечь к представлениям по настоящему поводу японского посланника. Но, если бы он отказался присоединиться к вам, вы могли бы все же преподать китайскому правительству вышеизложенные советы, лишь относя их вообще ко всей Внутренней и Южной Монголии.

Нератов

**Секретная телеграмма диплом, агента в Монголии
от 15 (2) ноября 1913 г. № 303**

Получил № 3105. Телеграфирую Крупенскому:

Посетивших меня 28 октября министра иностранных дел и военного министра я доверительно ознакомил с состоявшимся обменом декларациями о Монголии, причем указал на предстоящие, вероятно, в Кяхте тройные переговоры. Напомнив им постоянные уверения императорского правительства о невозможности полного отделения Халхи от Китая и бесцельности не одобряемых нами попыток ургинского правительства присоединить Внутреннюю Монголию, а равно указав на необходимость для китайского правительства иметь в Монголии своих правительственных агентов для обслуживания многочисленных китайско-подданных, я обещал доверительно сообщить монгольским министрам подробности признания автономной Монголии в существующих границах. Монгольские министры сначала были, видимо, смущены, но затем успокоились надеждой на результаты тройных переговоров. Подробности сообщаю монголам сегодня или завтра. У них нет пока никаких сведений о состоявшемся соглашении по монгольскому Вопросу.

Миллер

**Секретная телеграмма посланника в Пекине
от 15(2) ноября 1913 г. № 8733**

Получил телеграммы №№ 3102 и 3107.

(Тел. Нератова за № 3102 представляет собой передачу в Пекин телеграммы Миллера, № 290)

Опасаясь, что попытка привлечь японского посланника к моим Представлениям китайскому правительству по поводу репрессий китайских войск во Внутренней Монголии может иметь весьма [22] невыгодные для нас последствия. Весьма вероятно, что, либо присоединившись ко мне, либо совсем отказавшись сделать это, Ямаза использовал бы мое выступление, чтобы внушить китайцам, что мы стараемся побудить японцев вмешаться в дела, Внутренней Монголии, чего китайцы чрезвычайно боятся, что при этом мы имеем виды на Северную Манчжурию, но что японцы из дружбы к Китаю отклоняют наши предложения. Я уверен, что японцы ведут под рукой подобную игру, при всяком удобном случае убеждая китайцев, что с нашей стороны Китай всегда встретит враждебное к себе отношение и что единственным для него выходом является тесное сближение с Японией. Мне казалось бы поэтому весьма нежелательным дать почву для подобных происков, в особенности в настоящий момент, когда китайцы надеются, что им можно будет сблизиться с нами, дабы не подпасть под исключительное влияние властолюбивой Японии. Ввиду вышесказанного позволяю себе ходатайствовать, чтобы мне было разрешено оделить предписанное мне представление китайцам, не привлекая к ... (В подлиннике пропуск) японского посланника. На основании телеграмм Миллера № № 290 и 291 я уже обратил внимание китайского правительства на образ действия китайских войск во Внутренней Монголии и убежден, что новые мои наставления по этому поводу окажут надлежащее воздействие, тем более, что я намерен не ограничиться заявлением министру иностранных дел и довести об этом чрез доверительное лицо по сведения самого президента. Жду указаний.

Крупенский

**Секретная телеграмма диплом, агента в Монголии
от 16(3) ноября 1913 г. № 5304**

Телеграфирую Крупенскому. Ссылаюсь на мой № 303.

Сегодня доверительно ознакомил монгольского министра иностранных дел с декларацией и нотами, обмененными между Россией и Китаем о Монголии. Ханда-цин-ван, несмотря на все мои доводы о номинальном характере китайского сюзеренитета, остался при своем мнении, что даже такая зависимость дает возможность китайцам вновь обратиться Внешнюю Монголию в свою провинцию. Монголы предпочитают сюзеренитет России. При настоящей положении дела Ханда-цин-ван не видит необходимости в участии монголов в тройных переговорах. Он уехал от меня крайне взволнованным, причем сказал, что в виде протеста против китайского сюзеренитета монгольские отряды не будут отозваны. Указав на сообщенный мне им же письменный указ хутухты об отозвании отрядов, я счел долгом предостеречь в его лице монгольское правительство от неосторожных действий.

Миллер [23]

**Секретная телеграмма министра ин. дел посланнику в Пекине
от 18(5) ноября 1913 г. № 3143.**

Телеграмма № 733 получена.

Ввиду высказываемых вами опасений, не встречаем препятствий, чтобы вы сделали, независимо от японского посланника и не предупреждая его о том, представления китайскому правительству относительно образа действия его войск во Внутренней Монголии, придав оказанным представлениям общую форму, о которой упоминается в заключительной части нашей телеграммы № 3107.

Благоволите при этом обратить особенное внимание китайского правительства на сведения о военных приготовлениях в Цицикаре, видимо, направленных против Барги, о которых сообщает Афанасьев в телеграмме № 2456 (С.В. Афанасьев — русский консул в Цицикаре). Мы не включили Баргу в автономную Монголию и в принципе согласны на восстановление в этой области суверенитета Китая. Но это должно произойти путем мирных переговоров, в которых мы могли бы взять на себя роль посредников. Подчинение же Барги Китаю вооруженною силою слишком затронуло бы русские интересы, чтобы мы могли отнестись к нему безучастно.

Имейте в виду, что мы не оставили мысли связать восстановление китайской власти в Барге с вопросом о китайских вооружениях в Северной Манчжурии.

Сазонов

**Секретная телеграмма посланника в Пекине
от 18 (5) ноября 1913 г. № 742**

Получил телеграмму от 5 ноября (№ 3143).

Сделал министру иностранных дел представление в указанном смысле. Он обещал мне, что командирам китайских войск во Внутренней и Южной Монголии будут тотчас же посланы приказания строго воздерживаться от всяких репрессивных мер по отношению к мирному монгольскому населению и что после опубликования текста Монгольского соглашения будет издан Президентский декрет, предписывающий всем китайским властям оказывать мирным жителям Внутренней Монголии всевозможное содействие и покровительство. Вместе с тем министр сообщил Мне о появлении близ Губихуанчена значительного количества войск ургинского правительства и снова просил нашего содействия к отозванию таковых. На мое заявление по поводу военных приготовлений в Цицикаре министр ответил, что об экспедиции против Варги нет никакой речи, китайское правительство желает там восстановления своей власти путем мирных переговоров и что оно было [24] бы нам очень благодарно за посредничество в этом вопросе. Министр высказал однако при этом мнение, что Китай не может отказаться от права иметь в Барге своих чиновников и содержать там свои войска. На дальнейший его вопрос, каким образом и на каких основаниях мы предполагали бы приступить к переговорам по баргинскому вопросу, я ответил, что не имею по этому поводу инструкций императорского правительства

Крупенский

**Секретная телеграмма тов. министра ин. дел посланнику в Пекине
от 19 (6) ноября 1913 г. № 3152**

Сообщаю эту телеграмму нашему представителю в Урге.

За последнее время из Внутреннего Китая караванным путем через Калган в Ургу ввезены иностранные товары русскими купцами, которые, по-видимому, пользовались билетами, выданными консульством в Тяньцзине. Этим нанесен ущерб московским купцам, отправившим в Монголию русские товары.

Если с вашей стороны нет возражений, благоволите спешно по телеграфу предписать консулам в Тяньцзине и прочих подлежащих пунктах прекратить выдачу предусмотренных в 10 статье сухопутных правил 1881 г. билетов. Такое распоряжение могло бы быть мотивировано фактом создания, в силу декларации 23 октября, автономной Монголии, по отношению которой порядок транзита товаров еще не определен договорами.

Благоволите также телеграфировать, имеете ли вы в виду какие-либо иные меры для затруднения подвоза в Монголию товаров из Китая.

Нератов

**Секретная телеграмма диплом, агента в Монголии
от 20 (7) ноября 1913 г. № 310**

Копия Крупенскому.

Ссылаюсь на телеграмму № 304.

Настроение монгольских министров улучшилось. Министр иностранных дел просит письменной гарантии в том, что китайское правительство не будет чинить насилий над внутренними монголами, чахарами и туметами. Я указал ему на тройные переговоры, как на лучший способ достичь соглашения с Китаем, поэтому и по целому ряду других вопросов. Ханда-ван сообщил, что главным делегатом на эти [25] переговоры будет назначен Сайн-ноин, его помощником Цэрэн-дорджи. Министр финансов и хошунные князья не скрывают своей радости по случаю окончания военных действий, истощивших монгольскую казну и страну.

Миллер

**Секретная телеграмма и. д. министра ин. дел диплом, агенту в Монголии
от 21(8) ноября 1913 г. № 3179**

Стремясь затруднить доступ в Монголию иностранным товарам из Китая, мы предложили консулам в этой стране прекратить выдачу билетов на провоз товаров караванным путем через Калган, мотивируя это распоряжение фактом создания в силу декларации 23 октября автономной Монголии, относительно которой порядок транзита товаров еще не установлен.

Благоволите телеграфировать, удалось ли вам осуществить предположение, чтобы ввозимые русскими купцами из Китая товары облагались в Монголии пошлинами, а равно, какие иные меры могли бы быть приняты, чтобы затруднить подвоз в Монголию товаров калганским и хайларским путями.

Нератов

Депеша диплом, агента в Монголии от 21(8) ноября 1913 г. № 312

В связи с русско-китайской декларацией о Монголии 23 октября 1913 года возникает вопрос, каким образом ургинское правительства будет вестись внутренним строем автономной Внешней Монголии и поддерживать в ее пределах авторитет своей власти.

На реформы внутреннего управления страны и на его поддержание, равно как и на содержание хотя бы небольшой, но хорошо организованной и дисциплинированной военной части необходимы деньги, которых у монгольского правительства в настоящее время нет.

Бесцельная и дорого стоящая наступательная политика ургинских властей истощила страну. Все чаще приходится слышать жалобы на обнищание целых хошунов.

Несмотря на свое пренебрежительное после переворота отношение к китайцам и на сознание всего вреда экономической от них зависимости, не только монгольские министры, но и хошунные князья и Дворяне не переставали кредитоваться у китайских купцов и фирм, легкомысленно не думая не только о дне расплаты, но Китая даже уверенность, что такового вовсе не будет, так как Монголия отделилась от Китая и тем как бы ликвидировала все свои прежние денежные счета с этим государством [26].

Одному ургинскому отделению Дайцинского банка монгольское правительство состоит должным вместе с процентами около 1 500 рублей. На свои просьбы об урегулировании этого долга управляющий вышеупомянутым отделением получил ответ: раз китайцы сверг нули дайцинскую династию, то монгольское правительство считав счета свои с Дайцинским банком оконченными.

Кроме того целый ряд пекинских фирм имеет получить со свои монгольских должников: князей, чиновников и простолюдинов д сколько сот тысяч рублей. Китайские фирмы намерены предъяви к монгольскому правительству требования об убытках, причинение Действиями монгольских отрядов не только во Внутренней Монголии но и в Кобдо.

Не может быть сомнения, что с прибытием в Урге агента Китайского правительства упомянутые денежные требования приобретут настойчивый характер, щ затруднительное положение, в котором будет поставлено этими требованиями монгольское правительство осложнится еще недовольством чиновников, служащих и солдат вследствие неполучения жалованья из скудной средствами, а время нами совершенно пустующее монгольской казны.

С появлением в Урге китайского правительственного агент прекратятся, вероятно, доходы монгольского правительства от взимания с китайских товаров таможенных пошлин и от обложения китайско-подданных разными сборами и налогами — всего на сумм около 1 000 000 рублей в год. Винить в этом монголы будут, конечно Россию, признавшую сюзеренитет Китая над Монголией.

Вслед за китайским правительственным агентом в Урге, наверное появятся под китайским флагом или самостоятельно разные китайские японские, американские и германские предприниматели с заманчивыми предложениями денежных ссуд на кажущихся легких условия. Невозможно будет тогда удержать монголов от всякого рода сделок и соглашений, в результате которых вся Внешняя Монголия очутится в полной экономической, а следовательно и политической зависимости от китайцев и иностранцев.

Нельзя будет рассчитывать и на ассигнование монгольским правительством средств на содержание Монгольской бригады под командою русских офицеров, численный состав коей, ввиду предстоящего согласно ст. 3-й декларации, ухода из монгольских пределов наши: войск, желательно было бы увеличить в целях поддержания авторитет власти не окрепшего еще монгольского правительства.

Ввиду доложенных соображений, казалось бы желательным с точки зрения наших интересов в Монголии, выдать монгольскому правительству новую ссуду в 3 000 000 рублей, о коей оно уже [27] ходатайствовало, и ускорить открытие в Урге Монгольского Национального банка, кото-

рый вместе с предположенным русским финансовым советником помог бы монголам бороться против экономического засилья китайцев и иностранцев.

Часть вышеупомянутой ссуды должна быть удержана на дальнейшее содержание Монгольской бригады в увеличенном составе.

Страх перед этим китайским засильем начинает появляться у монголов. Ко мне уже обращались военный министр Далай-ван и владетельная княгиня Дархан-хошей-цинъ-ванского хошуна с настоятельными просьбами о ссуде 200 000 руб. для расплаты с китайскими кредиторами.

Своевременная денежная помощь с нашей стороны именно в настоящее время, разрушив убеждение монголов в том, что декларацией 23 октября с. г. Россия как бы отказалась от Внешней Монголии, признав над ней сюзеренитет Китая, укрепит их доверие к нам.

А. Миллер

**Секретная телеграмма диплом агента в Монголии
от 25(12) ноября 1913 г. № 321**

Телеграфирую Крупенскому:

Монгольское правительство просит меня официально довести сведения императорского правительства о своем желании участвовать в тройных переговорах, Имена своих делегатов монгольское правительство сообщит по получении уведомления о времени начала упомянутых переговоров. Оно вновь ходатайствует о воздействии нашем на китайское правительство в смысле прекращения военных действий и отозвания войск. Приказ об этом хутухты послан монгольским отрядам. Посетившие меня министр иностранных дел, военный министр и приближенный его святейшества Ширин-Дамдин снова просят об отпуске за деньги миллиона трехлинейных патронов, причем заверяют, что ни на какие экспедиции вне Халхи они употреблены не будут, так как патроны необходимы внутри страны. До получения означенных патронов ходатайствую об отпуске из Монгольской бригады 200 000 патронов.

Миллер

**Телеграмма диплом, агента в Монголии
от 26(13) ноября 1913 г. № 2767**

Телеграмма № 31790 получена.

(Ошибка в литографской копии, по которой воспроизводится данный текст, следует: «3179»)

Мое предположение относительно ввозимых русскими и китайцами из Китая товаров применил один раз, так как их китайские [28] компаньоны беспрекословно платили монгольские таможи и пошлины. В акте же одного контракта крупной русской фирмы с китайской фирмой по ввозу в Улясугай иностранных и китайских товаров категорически отказал. Чтобы затруднить подвоз в Монголию товаров со станции Манчжурия хайларским и калганским путями совместно с агентом министерства торговли и промышленности полагали бы полезными следующие меры:

1. Применять мое предложение даже в том случае, когда владельцы ввозимых упомянутыми путями иностранных товаров объявляют себя русско-подданными без участия китайских купцов.

2. Принять меры к скорейшему провозу скопившихся в Верхнеудинске и по дороге оттуда в Кяхту русских товаров, предназначенных для Монголии. Для этого необходимо немедленно распространить действие льготных тарифов и на товары, следующие в Монголию на вольных ямщиках до Кяхты, помимо товарищества Забайкальского пароходства и Кяхтинской городской станции. Грузы эти надлежит предъявлять в Кяхтинской таможне вместе с железнодорожной накладной, согласно которой таможня по досмотру и проверке груза выдает свидетельство о провозе груза в Монголию. Свидетельство это вместе с железнодорожной накладной служит документом для пользования льготным тарифом, так же как и таможенная зачетная квитанция. Скоплением грузов между Верхнеудинском и Кяхтой пользуются наши и китайские купцы для ввоза китайских и иностранных товаров вышеупомянутыми путями в Ургу. Вследствие скопления грузов гужевая провозная плата через Кяхту в Ургу значительно повысилась. Телеграммы о том же посланы министру торговли и промышленности и заинтересованным в привлечении на монгольский рынок русским фирмам.

Миллер

**Депеша диплом, агента в Монголии
от 2 декабря (18 ноября) 1913 г. № 333**

В дополнение к секретному донесению моему от 8 ноября, с. г., за № 312, имею честь представить при сем на благовоззрение вашего высокопревосходительства копию с секретного отношения на мое имя состоящего при вверенном мне генеральном консульстве агента министерства торговли и промышленности от 8 ноября с. г., за № 317, о задолженности монгольских князей бывшему Дайцинскому банку в Урге и Улясутае.

По исчислению г. Болобана, задолженность монголов названному китайскому банку достигает 1 000 000 рублей без процентов. С последними же монгольские долги составят сумму около 1 500 000 рублей [29].

Среди крупных должников находятся его святейшество хутухта и его два главных министра: Ханда-цинъ-ван и Сайн-ноин-хан. Остальные монгольские министры и большинство хошунных князей фигурируют среди менее крупных должников вышеупомянутого китайского банка.

Недовольство монгольского министра иностранных дел признанием Россией китайского сюзеренитета над Внешней Монголией в значительной мере объясняется, по имеющимся у меня сведениям, уверенностью Ханда-цинъ-вана в том, что полное отделение от Китая означало и прекращение платежей по китайским долговым обязательствам.

Трудно предположить, чтобы китайское правительство потребовало немедленную уплату всех монгольских долгов сразу, но можно быть уверенным, что оно, настаивая на частичной выплате прежних долгов, предоставит китайскому банку начислять проценты на остатки долгов и выдавать новые ссуды, дабы окончательно запутать монголов и иметь постоянный предлог для вмешательства в монгольские дела на экономической почве.

К сему считаю долгом присовокупить, что копия с настоящего донесения вместе с приложением представляется мною г. императорскому посланнику в Пекине.

А. Миллер

Приложение к № 333

Копия с отношения агента министерства торговли и промышленности в Монголии на имя императорского дипломатического агента и генерального консула в Монголии от 21 (8) ноября 1913 г. за № 317.

Имею честь сообщить вашему превосходительству, что общая задолженность монгольских князей бывшему Дайцинскому банку в Урге и бывшему его отделению в Улясутае достигает 688 000 купинских лан или около 1 000 000 рублей. Сроки уплаты 1910-1911 и 1912 гг., но из этой суммы едва ли уплачена одна четверть. Банк до сих пор получает долги.

Наиболее крупными должниками банку являются: 1) Тушетуханский аймак — 148 212 купинских лан, 2) Шандцзодбе, управляющий всеми шаби и имуществом богдохана — 138 100 купинских лан, 3) Ханда-цинъ-ван, нынешний министр иностранных дел — 39 627 купинских лан и 4) Сайн-ноин-хан — о 061 купинских лан. Подробные донесения об этом мною на днях отправлены в отдел торговли министерства торговли и промышленности, а также, согласно Инструкции, в общую канцелярию министра финансов.

Верно:

Секретарь генерального консульства: *Ал. Хионин.* [30]

**Депеша диплом, агента в Монголии
от 2 декабря (19 ноября) 1913 г. № 336**

Заявление наше китайскому правительству от 30 июня было своевременно сообщено мною монгольскому правительству с должными разъяснениями истинного значения руководящих начал, положенных в основу русско-китайских переговоров по монгольскому вопросу (секретная телеграмма от 6 июля и донесения от 9 и 27 июля с. г. за № № 105, 106 (В депеше от 9/VII 1913 г. № 106 Миллер сообщал о том, что он передал монгольскому прав-ву текст заявления от 30 июня, сделанного росс-м правом, Китаю, причем Да-Лама возражал против не включения в понятие автономной Монголии территории, так называемой Внутренней Монголии, а также против признания Россией суверенитета Китая над Монголией) и 132 (При донесении от 27/VII 1913 г. № 132 Миллер препровождал перевод ноты монгольского министра ин, дел от 14/VII 1913 г. и копию своего ответа от 21/УН на эту ноту).

Несмотря на это и на мои устные заверения, что Внешняя Монголия никоим образом не может рассчитывать сразу сделаться из китайской провинции полноправным, самостоятельным

государством, причем приводил в пример балканские государства, монгольские министры, тем не менее упрямо питали утопическую надежду на «полное отделение от Китая» и на присоединение к себе Внутренней Монголии. Они упорно приводили одни и те же доводы: со свержением манчжурской династии все монголы сделались самостоятельными и никогда не признают над собою власти китайцев, бывших в таком же подчинении у манчжуров, как и монголы. Раз монголы вышли из подчинения манчжуров, то они, монголы, имеют право образовать свое самостоятельное монгольское государство, со включением Внешней и Внутренней Монголии, подобно тому, как китайцы образовали свою республику под главенством Юаньшикая.

Большие надежды на проведение этих наивных мудрствований в жизнь монгольское правительство возлагало на миссию Сайн-ноин-хана.

Получив указания о воздействии на монгольское правительство в смысле прекращения военных действий и отозвания их отрядов в пределы Халхи, я немедленно же вошел в переговоры об этом с ургинскими властями, причем доверительно сообщил посетившим меня 28 октября с. г. министрам иностранных дел и военному о состоявшемся обмене декларациями по монгольскому вопросу. С подробностями я их однако не ознакомил, органичившись повторением моих прежних соображений в вышеизложенном духе.

Монгольские министры не придали последним никакого значения в надежде, что их просьбы о полном отделении от Китая и Присоединении к Халхе Внутренней Монголии будут исполнены [31].

Поэтому в тот же день, 28 октября, мною было получено письменное сообщение министра иностранных дел о состоявшемся указе хутухты об отозвании монгольских отрядов, в переводе на русский язык при сем представляемое (Этот документ нами здесь опускается).

Подписав 1 ноября с Ханда-цинъ-ваном дополнительное соглашение с монгольским правительством о понижении телеграфной таксы и получив ноту монгольского министерства иностранных дел от 2 ноября с. г. по вопросу об отозвании монгольских отрядов, я того же числа доверительно ознакомил Ханда-цинъ-вана с подробностями признания Россией и Китаем автономии Внешней Монголии (моя секр. телеграмма от 2 ноября с. г. за № 304).

Несмотря на то, что, как ваше высокопревосходительство изволите усмотреть из вышедоложенного, монголы были в достаточной мере подготовлены к результатам наших переговоров с Китаем, мое сообщение произвело на Ханда-цинъ-вана удручающее впечатление. Я в первый раз видел монгольского министра иностранных дел в таком взволнованном состоянии.

Результатом последнего была нота монгольского правительства от 4 ноября с. г. о том, что «решение» двух правительств подчинить Внешнюю Монголию сюзеренитету Китая ни в коем случае не может быть принято монгольским правительством, так как оно не согласуется с общими законами и состоялось по непосредственному соглашению двух сторон.

Я ничего не ответил на эту ноту в ожидании получения разрешения сообщить монгольскому правительству I декларацию и ноту о Монголии, по опубликовании этих документов (моя секрет, телеграмма от, 15 ноября с. г. за № 324) (Секр. тел., № 324 Миллер запрашивал, опубликована ли декларация и нота о Монголии от 23/X 1913 г. и может ли он сообщить их монгольскому правительству).

Представляя 7 ноября с. г. монгольским министрам вернувшегося из своей продолжительной поездки по Монголии агента министерства торговли и промышленности, я заметил значительное улучшение как в настроении Ханда-цинъ-вана, так и других его коллег. Министр же финансов не скрывал своей радости по случаю окончания военных действий, опустошивших монгольскую казну без какой-либо видимой пользы.

В отношении монголов к русским со 2 ноября с. г., по моим данным, не только не наступило какого-либо ухудшения, а скорее замечается улучшение. Хошунные князья и масса населения пока сдержанно выражают одобрение соглашению между Россией и Китаем [32] «в пять статей», благодаря которому они не будут больше давать ни солдат, ни денег на какие-то военные экспедиции.

Настроение это, безусловно нам благоприятное, хорошо известно ургинским властям. Итти против общественного мнения монгольское правительство не решается из опасения внутренних осложнений. Это опасение и заставляет монгольских министров настойчиво ходатайствовать об отпуске в счет« обещанных 4 000 винтовок и 2 000 [sic!] патронов — лишь 1 000 000 патронов, дабы население видело, что у правительства имеется запас боевых припасов. Прося об отпуске этих патронов, монгольские министры всячески заверяют меня, что таковые необходимы внутри, против возможных внутренних врагов, и ни на какие внешние военные операции употреблены не будут.

Ханда-цинъ-ван в минуту первого раздражения сказал мне о бесполезности участия монголов в тройных переговорах в виду признания над Халхой китайского сюзеренитета. Успоко-

ившись, он, конечно, заменил свое первоначальное опрометчивое мнение и вместе с военным министром Далай-ваном и делегатом его святейшества хутухты Ширин-Дамдином просил меня официально довести до «ведения императорского правительства о желании монгольского правительства участвовать в тройных переговорах (моя секрет, телеграмма от 12 ноября с. г. за № 321). Я напомнил им, что о своем желании принять участие в тройных переговорах монгольское правительство письменно уведомило меня нотою от 30 августа с. г. (12 числа средней осенней луны 3 года правления Олаина Эргукдэксэн), о чем я не преминул тогда же довести до сведения императорского правительства (мои секрет, донесения от 6 и 9 сентября за № 216 и 218) (При донесении от 9/IX 1913 г. за № 218 Миллер препровождал в мин-во пн. дел копии своей ноты монгольскому прав-ву от 29/VIII и двух монгольских нот от 29 и 30 августа).

На вопрос Ханда-цинъ-вана, можно ли во время тройных переговоров возбуждать вопросы, кои монгольское правительство сочтет нужными, я ответил, что в основу тройных переговоров, очевидно, положены начала, изложенные в декларации и ноте. При этом я посоветовал монгольскому министру иностранных дел выработать программу всех важных для монгольского правительства вопросов, не выходящих за пределы вышеупомянутых документов. Я выразил готовность помочь ему в этом деле.

В отношении монголов к китайцам, уже осведомленным о состоявшемся между Россией и Китаем обмене декларацией и нот о Монголии, никакой перемены сравнительно с прежним не заметно [33].

В общем, местная жизнь протекает пока вполне спокойно.

Донося вашему высокопревосходительству об изложении, имею честь присовокупить, что копия с настоящего донесения представляется г. императорскому посланнику в Пекине.

А. Миллер

Текст воспроизведен по изданию: Царская Россия и Монголия в 1913–1914 гг. // Красный архив. 1929. № 6 (37).

© текст — Попов А., 1929; © сетевая версия — Thietmar., 2013;

© OCR — Станкевич К., 2013; © дизайн — Войтехнович А., 2001

Ванчинбалын Инжинаш

КРАТКИЕ ПОЯСНЕНИЯ

Введение

к «Синей сутре о расцвете великой империи Юань»

Вторая глава¹. Как говорили древние, «Мудрецы не забывают своих корней». Я,² тайж Инжинаш, за всю свою сознательную жизнь видел немало ученых людей, мудрецов в наших землях — трехстах монгольских хошунах³. С тех пор, как (военная) империя⁴ получила независимость, цинам стало невыгодно позволять монголам иметь свою культуру, письменность, независимое образование, и вообще, чтобы они учились, тогда и сами монголы утратили стремление к получению образования по-монгольски. Между тем, среди монголов трех внутренних сеймов⁵, живущих поблизости от столицы и тех, которые поселились на берегу Жун юань, много людей, обученных китайской грамоте и хорошо образованных. Да и в нашем Жостын чуулга, поскольку он тоже относится к этим сеймам, немало изучивших все науки, умудренных и в древней истории, и в современных законах. Они досконально

изучили историю тысячелетий, всех народов, когда-либо живших на этой земле, начиная с трех гуанов и пяти ди⁶, — династии: сянь, шан, чжоу, цинь, а также си хань, дун хань и еще сун, лян, чэнь, суй, тан, бэй сун, нань сун, алтан улс (Ляо), и других, тогда как историю собственно-го народа — синих монголов вообще не знают. Может, они и знают краткий очерк монгольской истории периода после великого императора Хубилая — основателя великой династии Юань, которая изложена в китайской хронике «Ган му»⁷. Однако эта история написана китайскими авторами, поэтому монгольская история представлена в урезанном виде, неполно, к тому же с оскорбительными выражениями по отношению к монголам, многие факты искажены и даются сокращенно. Разве эта хроника может претендовать на полную историю династии Юань? Главную историю Юань достать трудно, поэтому большинству ученых людей в

Монголии известна только эта летопись «Ган му» — краткие и весьма искаженные свидетельства. На нее ссылаются, хотя там очень много ошибок. Людям неизвестно, как пришел к власти великий Чингисхан, как он в течение 66 лет завоевывал мир, как создал независимое монгольское государство. Разве это не достойно сожаления? Долго я с огорчением и вздохами наблюдал, как наши ученые мужи, ничего не понимая в своей истории, без всякой пользы тщательно, во всех тонкостях изучали историю китайских династий Сун и Тан.

Старший брат мой Гулранс получил в наследство пост помощника хошуна, и ему некогда заниматься книгами, да и здоровье у него слабое, поэтому над этой сутрой мы, три брата — Гун, Сун, Инь, работали 30 лет. Было очень трудно собрать и записать многолетнюю историю, поэтому время от времени работа прерывалась, откладывалась. Когда мне исполнилось 30 лет, неожиданно случилось несчастье. Мои слуги украли у меня имущество, я потерял все деньги, посева, поля, картошку, умерла моя жена и дети, домашние рабы Цамлин и Жинбу изменили мне. Но я не роптал и не сопротивлялся. Так мне исполнилось 34 года.

Я продолжил писать Синюю сутру расцвета великой династии Юань, начатую отцом, чтобы все монголы узнали утраченную историю своих родов. Я тщательно изучил десятки рукописей, летописей, относящихся к династии Юань, шастры, улигеры, джатаки, сравнил их и изучил. Я, тайж Инжинаш, в прежнем рождении не был наделен большим умом, да и в этой жизни не дано глубоких знаний и ума, вот и приходится не жалея сил, без сна и отдыха напрягать душевные силы, чтобы понять, в чем смысл вещей. Разум мой едва не помутился, зрение испортилось. Но мне удалось выписать имена людей и названия местностей. Я изучал книги, чтобы узнать истинный смысл истории синих монголов. Чтобы главную идею Синей сутры не потерять за многословием. От этих стараний волосы побелели, лицо покрылось морщинами, я осунулся и похудел. Я старался, переводил сутры, старинные речения, желтые слова уйгурских мудростей, некоторые слова оставил без перевода, так как многие выражения неизвестны в наших землях, особенно монгольские слова, написанные китайскими иероглифами, не всегда правильно написаны, иногда приходилось исправлять перевод с китайского и маньчжурского, сделан-

ный моими предшественниками. Измучился, чтобы выявить правильный смысл этих текстов. А когда, бывает, попадаетесь незнакомое старое слово, я встречался со стариками, чтобы узнать, что это такое. Хорошо еще здесь, у нас в Барун тумэте есть умные люди. Но все равно редко попадаются такие, кто хорошо понимает монгольский язык, им гораздо легче понять китайский язык.

Третья глава. Сейчас монголы приняли буддизм и много преуспели в шуньяте и бренности бытия. Повсюду можно встретить монахов лхарамба. Как говорили древние, есть польза, есть и вред, есть воспитание и есть старание. Священнослужитель часто бывает одновременно и странником. Эти лхарамба, доромбо исколесили страну с запада на восток и утверждают, что все монголы дураки, но так же нельзя. Пятикижие, или «цанид» заключается в том, что все в мире переменчиво, непрочно. Чтобы выучить науки, требуется больше сил, чем на заучивание китайских премудростей. Взять, к примеру, военные науки. Хотя у монголов нет таких мудрецов, зато много скота, много мяса, их сила — в этом. Они не сдают экзамен на степень. Но разве нельзя их использовать в хошунах?

В Монголии около 60 внутренних сеймов и 4 внешних, халхасских аймака, есть еще монголы Хох нуур, то есть всего около 300 хошунов, административных образований, где живут монголы. И в каждом сидит свой правитель, который наследует титул. В канцеляриях все монголы зарегистрированы. А правители носят шапки с драгоценным шариком и одежды с драконами. Шелковые одежды украшены яшмовым поясом, на шее — жемчуг, на плечах — соболь и песец. Их сопровождает многочисленная свита, ездят они в богатых экипажах, распугивая прохожих. Их жилища — дворцы богов, полные наложниц, пища — лотосовые яства. Посмотреть на них — святые угодники, а рот откроют — источают зловоние, как черти. Один такой чиновник поведал мне, что за Великой китайской стеной есть земля Монголия, на севере она граничит с Россией, на востоке прилегает к Амуру, на западе — к Хох нуур. Там шесть сеймов, а на севере — 4 аймака, где живут разные народности: халха, хох нуур, чахар, барга, оолд, дэрбэт, ховд. Говорят, что там большие богатства есть. Управляют ими ваны, гуны, бэйсэ, бэйлэ и наместники тайджи.

За то, что они поставляют лошадей для армии, им присваивают звания гунов, бэйсэ и бэйлэ. И сказал еще учитель, что предок их — Чингис хан. На самом деле, им не нужны милости и новые звания, потому что все заместники там — наследные принцы и потомки Чингис хана.

Причины тысячи лет стекают с кисти.

Рассуждаю о пестрых, мелькающих в памяти событиях с книгами.

Причину моих трудов, страданий и усталости

Поймут ли старательные мудрецы будущих поколений?

Глава 4. Есть 4 цветных *своих* народа и пять чужих. Свои — это на севере Бэдэ (Бэта), 12 больших народов и 75 малых племен. 5 цветных: *синие* монголы (Хох Монгол), восточная страна корейцев (Зуун этгээд Солонгос, или Гууль). Они носят белые одежды, поэтому называются *белые* страны (цагаан улс). На юге — *красные*, то есть теплые или огненные страны. В центре — Срединная империя или Китай (Чжун юань). На Западе живут тибетцы, тангуты, и уйгуры, душа у них черная, поэтому их называют западные *черные* народы (Орnod хар улс). Это *четыре своих народа*. А 5 чужих: **1.** Индия, Непал, Чорос и Ром (юг и восток). **2.** Сарлаг, сартуул, казахи и буруд (запад). **3.** Россия, Тогмок, Их тэвш. Турция (север). **3.** Страна женщин Охин улс и Страна людей с собачьими головами (Нохой толгойт улс) — (северо-восток). **4.** Страна одноглазых четвертого рода. (юго-восток). **5.** Страна одноногих, с плоскими телами, с высокими ногами, с лошадиными лицами.

Пять чужих отличаются своими законами. Все эти страны в старинных монгольских сутрах назывались пять чужих. Что значит, иные страны, странные люди, иностранцы. Чингисхан в этих странах везде побывал, посадил своих заместников. Невозможно все страны подробно описать, какие события там происходили, даже если коротко перечислять, то потребуются несколько сотен глав, поэтому в хрониках, описывающих эпоху Чингиса, написанных шара уйгурским, тибетским, китайским и маньчжурским языками, они отражены неравномерно: где подробно, например, некоторые указы хана описываются на нескольких сотнях страниц, а в некоторых сутрах события нескольких месяцев укладываются в несколько строк.

Летопись «Тун цзянь ганму» начинается с описания событий, происшедших после того,

как Чингисхану исполнилось 44 года, о предыдущей истории хана не упоминается. Историки описывают отрезок времени — после его провозглашения на ханство и до падения великой династии Юань. При этом монгольская история изложена кратко, а события династий Сун и поздней Мин подробно. Даже описываются поступки и деяния ничтожных китайских женщин. При этом все, что касается монгольского, всячески искажается, уничижается, попирается достоинство монголов. Там столько ошибок и просто вымысла, поэтому я счел своим долгом обратить внимание на монгольскую историю и описать ее правдиво, делая упор на событиях 162 лет правления династии Юань. Когда я думаю о том, что монголы были поработаны 162 года, меня охватывает гнев. Чтобы отомстить за соплеменников, раньше императоры использовали военную силу. Но это не для меня. Мое основное и единственное оружие — слово.

По-китайски слово «монгол» пишется двумя иероглифами мэн-гу. Если их буквально перевести, то получится *Эртний толовт*, то есть древняя страна, род. Впервые такое название монголов придумал автор «Тунцзянь ганму». Правда, и во всех других случаях слова, написанные китайскими иероглифами, передаются по слогам, отдельно. Мне трудно писать по-монгольски, потому что смысл некоторых иероглифов не передается по-монгольски. К тому же мне пришлось проштудировать десятки сутр, шаштр. Некоторые хроники излагают события адекватно, а некоторые искажают. Сутру великой династии Юань я прочел по-уйгурски и попытался перевести ее на современный монгольский язык, приспособив к современному произношению. Я старался передать правильно все географические названия, имена полководцев, чиновников, а также своих персонажей, хотя это было очень трудно. Это необходимо для того, чтобы потомки, будущие читатели поняли смысл этой сутры. Я, тайдж Инжинаш, все упущенное в сутрах, все события той эпохи восстановил, сделал историю полной, чтобы потомкам стала близка и понятна история монголов. В Синей сутре событий очень много, встречается огромное количество названий племен, народов, стран, имен людей. Так как людям хорошо известна хроника «Ган му», пришлось оттуда позаимствовать имена. Их нельзя сократить или выбросить. Много монгольских имен я просто не нашел, они отсутствуют. Мне пришлось

придумывать новые эпизоды с новыми героями и персонажами. Кто будет не согласен со мной, может поправить меня и переписать. Хох сутра не претендует на подлинное историческое повествование, я старался оживить историю, чтобы читателю было нескучно. Поэтому кроме сына Неба, подлинных исторических личностей, я ввел в повествование рассказы о чудесах, волшебниках, которые помогали повелителю править. Там есть вымышленные события. Я старался избегать вымысла, но оказалось, что для книги это необходимо. Во-первых, в книге ничего нельзя исправить из деяний прошлых лет или вычеркнуть, во-вторых, только в империи Юань не происходили эти события, они происходили и в других местах. Они начались в древнейшие времена. Хотя учение Конфуция отрицает существование святых духов *сахиулс*, *шумнас*, святые *хубилганы* существуют в нашем воображении, мы им верим и думаем, что они есть. Кроме того, без их упоминания невозможно художественное описание событий. Особенно для описания событий с древних времен Сянь Чжан Чжоу. Например, в период Сунь, жили духи у *цунь сяо*. В-третьих, в любом описании событий говорится, что ханы и правители, как правило, чудесного происхождения, им помогают потусторонние силы, которые непременно участвуют как в возвышении ханов, так и в их падении. Это могущественные люди своего времени, но рядом с ним живут сверхъестественные силы. Поэтому Богд гуан — младший брат Цзун вана стал святым и позже вмешивался во все деяния Срединной империи без разбора — разрушительные они или созидательные. В империи Сун, например, был дух, воплотившийся в пять микроэлементов *вэнь чэнь ди чжун*, который следил за благополучием женщин, рабов и слуг, а также за всем, что происходило в покоях императоров. Потом воплотился в шесть домашних животных и влиял на все дела и в конце концов, отделился от земли, вознесся на небо и стал гением хранителем *сахиусом*. Это не я, тайж Инжинаш, придумал, а так написано в книге *Вэнь чэнь дин*, в предисловии к Книге гаданий, там об этом сказано очень подробно. Сами обратитесь к этим текстам и тогда убедитесь, прав я или нет. Я не могу совсем игнорировать подобные рассказы, не писать о них, потому что, кто знает, может, и правда, в мире есть демоны, ведьмы. В государственных делах встречаются пять учений и восемь святейших законов, необходи-

мых в государственном правлении, им нужно поклоняться. Кроме того, обычай поклоняться духам пришел к нам по наследству, от Богдыханов. Никак невозможно, чтобы это было неверным. Пять знаний — знание неба, солнца, луны, земли, посевов, то есть «У тан» — пятикнижие. Восемь святейших — это храмы Будды, Богдыхана, Хормусты, Эрлэга, сахиусов. Традиция гласит, что трудно избавиться от веры в демонов и сверхъестественные силы. Мы не можем им не верить так как: 1. От них зависят ветер и дождь, облака и туманы, моря и реки, цветочный дождь, о чем и написано в божественных книгах. Однако, я не считаю себя верующим. Я не верил в сверхъестественные силы, но однажды поехал к своему зятю харчину вану Цэвэгдоржу и там увидел книгу «Даян вэнчжуан», где подробно изложен смысл небесных сил (четыре великих божества (тэнгрия). В этой книге я прочел, какая страна существовала и какой хан там правил, при каком хане, когда в какой день семь драгоценностей пяти первоэлементов проявились, расцвели цветы и пошел дождь... при такой-то династии, при таком-то злом императоре и переродившемся хубилгане дух воплотился в человека... О причинах странных и чудесных написано: в такой-то год произошло чудесное событие, описываются все необычные и странные порядки, обычаи. После того, как я увидел эту книгу с такими описаниями своими глазами, понял, что раз так пишут в хрониках, мудрых, древних книгах, а не верить им нет основания, и если уж знаменитые старинные писания содержат рассказы о чудесах и волшебствах, то мне — то уж и подавно можно также поступить. Хотя я этому и не верю. С другой стороны, я считаю своим долгом следовать традиции и стилю написания исторических хроник. Я обязан описывать хубилганов и чертей — такова традиция и канон написания исторических летописей. Читатели, мудрецы, которые откроют мою книгу в будущем, они рассудят и поймут по своему разумению события, изложенные здесь. Я начал писать, приняв решение, что должен знать как можно больше о мире, больше понимать, вот почему привел все факты и свидетельства об описываемых мною исторических фактах. Встречаются не очень понятные события, не отвечающие канону, и те, в которые трудно поверить. Их я тоже внес в Синюю сутру, как это сделано в Книге о западных царствах, здесь в событиях принимают участие демоны,

сверхъестественные существа, они оживляют повествование. Я хотел писать, не обращаясь к чудесам, но в единственной и главной исторической хронике «Ган му» тоже используются демоны, описываются чудесные поступки. Там на десять частей правды, одна часть неправды. Например, пишется, что еще в империи, которая существовала до монголов Дун гун, разлился огромный океан, потом через этот океан проложили дорогу. Поэтому поздние царства Цзянь были покорены империей У Цзянь а потом удалились на север вглубь Гунну в Корею, соединившись с рекой. И тогда проявилась латунная табакерка, открылись новые корейские земли, к императору пришли говорящие белые антилопы и царство пало... Янчжун, его дети пострадали от огромных железных зверей. Потом пришло великое Синее войско империи Мин и победило их. Все это мало похоже на правду бессмысленное повествование перечислено в великой книге. Тогда и мне, маленькому бедному летописцу тоже позволено иногда отступать от подлинных исторических событий, тем более что они давным давно происходили. При этом, я думаю, что описывать их надо так, чтобы было понятно, доступно современному человеку, вот и приходится немного исказить их. Я не отказывался от этого. Кто знает, может, и правда, есть перерожденцы, святые в этом мире. Описывая предков, начиная с повелителей, я старался следовать хронике исторических событий и все описывал, что было, когда была радуга, сияло солнце, гремел гром, выпадал град или иней, шел дождь, как небесные ангелы и хранители оберегали людей, демоны и альбины влияли на мирскую жизнь. Как люди предавались медитации и молитвам, чтобы склонить на свою сторону силы небесные. Прошу потомков простить меня за то, что я их включил в книгу, простите меня и не думайте, что я какой-то монах или шаман, раз пишу об этих чудесах. Я вынужден подчиниться закону летописная. Поэтому будущие мудрые читатели пусть меня простят, поймут, почему я так писал.

Глава 5. Мне исполнилось 34 года, за это время много повидал. Разные люди на свете есть. Начиная от сыновей неба до нищих. Все они -богоподобные и нищие — думают и чувствуют одинаково, все они люди. Некоторые думают, что они счастливы, другие думают, что несчастны. Некоторые за счастье почитают богатство и власть, а другие несчастьем считают

бедность нужду, нищету. Так принято думать среди людей. Однако богатые тоже бывают несчастны, и нищие бывают счастливы. Много примеров. Главное, что повелители, прославившие древние царства, открывшие новые земли и создавшие новые государства, — все стремились к богатству, бывали жадными и алчными, ими двигала жажда наживы, но раньше они познали страдания и были бедны. А святые, умножавшие общее знание, стремились не к богатству, а к знаниям, отгоняли от себя желания простых людей, бренность, страсть, развлечення, чтобы копить знания, и были счастливы. Таким образом, причина, корень страданий и удовольствий зависят от самого человека. Например, вот что я думаю, глупый: крестьянину в жаркое время года достаточно получить глоток холодной воды, чтобы почувствовать себя счастливым. Он гнет спину с рассвета до заката, чтобы найти воду для своих посевов. Бывает счастлив, когда приходит домой и ложится в прохладное место. Рад одному тому, что наступает короткая прохлада. На другое утро он снова идет на работу в поле и мучается и страдает, но во время работы уже не думает о жаре и голоде. Или в городе в суровую стужу третьей девятки⁸ полураздетый, в лохмотьях, продрогший до костей бедный нищий радуется солнечному лучу. Для него чашка похлебки — большое счастье, он благодарит лавочника за милостыню, любая монета, брошенная в ладонь попрошайки, приносит ему радость и счастье. Выпив немного водки, громким голосом поет, перебирает пальцы. Трава радуется только осенью, а человек радуется лишь один день своей жизни. Я согласен с этими словами. Это и есть счастье. Нищий, который едва не замерз этой ночью, тоже не думает о страданиях, не обращает на них внимания. А некоторые потомки княжеского, ханского рода, аристократы купаются всю жизнь в шелках и богатстве, это делает их жестокими и злыми, каждый день только и делают, что помышляют о новом богатстве, со злостью бросаются на людей, с оружием в руках добывают себе новые блага. За один миг получив богатства, радуются. Я считаю, что эти люди несчастны. Как это все печально! Некоторые в бедах и в несчастье находят счастье, другие — наоборот в страданиях ищут счастье, смеются над ними. Вот два полюса, две крайности. Быть счастливым — это наука стойко переносить свои беды

и несчастья. И не может быть наоборот. Еще есть люди, которые не думают о том, счастливы они, или нет. Есть мудрецы и есть невежественные глупцы. Счастье и несчастье, ум и глупость — одно проистекает от другого, они неразрывно связаны в бренном мире сансары. Сколько мудрости у умных и сколько разных глупостей. Чрезмерная мудрость превращается в глупость. Так в древнем царстве Циньши хуанди, пока не наступило опустошение, всю жизнь искал волшебный эликсир бессмертия. Все от чрезмерной мудрости. Если человек не обращает внимание на настоящую жизнь, он пресыщен ею, Он не доволен тем, что имеет. Такой человек — глупец. И мудрец, пресыщенный своей жизнью — тоже глупец. Такие люди не живут больше 40 лет. Но и глупость может превзойти себя, например, одна глупая женщина в эпоху Тан 22 года правила Поднебесной. Ей была дана власть и могущество, но ум ее был короток, и в северной Ляо появилось два государства — Лу дайфу и Сяо дайфу, произошел раскол. В династии Сун три женщины Шэн, Тай, Цзу- были очень талантливыми министрами. Но как они могут сравниться с Уцзытянь?

Цинь ши хуанди провозгласил себя правителем на небе и на земле, основал золотой род, назвал страну Чжоу. В одной хронике сто начальников не смогли противостоять одному человеку. Он тогда собрал войско и пошел на войну, заставил Ло биньвана написать манифест. Там были такие слова: «Едва он вошел в комнату с видом собственного превосходства, не оказал должного внимания могущественному человеку не оказал ему почести, попытался преобразиться и обмануть хозяина, повелителя». Увидев эти слова, У Хоу обрадовался и стал хвалить Ло Биньвана за его мудрость, но этот Хоу был необыкновенно остроумным, он использовал иероглиф хуаньди, который означает, что не смог бы обмануть одну женщину с коротким умом. На всякого мудреца довольно простоты. Так и глупец может проявить мудрость и мудрец может стать глупым. Например, одна женщина смогла стать императрицей, что значит, что и глупые могут быть мудрыми. Внутри большой глупости может быть большая мудрость. Как это было только что в примере сказано. Великого Богдыхана провозгласили ханом не за простые слова. Это смешно и печально. В древней книге Циньши хуанди создавал законы, которыми пользуются

все страны и народы, а на самом деле только политикам нужны его законы, а в жизни люди говорят простые слова. Много примеров можно привести из истории, не только из истории династии Юань, но и у четырех своих и пяти чужих народов, а также в древних Тан, Юй, Чжу, все пользовались этими правилами. Недолгой была история государства Чжоу, но за 710 лет монгольский язык покорил целый регион. Это говорит о том, что мудрецы в Монголии должны об этом помнить и гордиться. Потомки княжеских родов создали тысячелетнее государство. До сих пор ваны, гуны, бэйлэ, тайдж — потомки по наследству пользуются почестями и богатством — это причина их счастья, однако уже нет того государства. Единая империя распалась на княжества, вот почему мы пришли к сегодняшнему состоянию. Кроме того, после истории великой империи Юань возникла империя Мин, с тех пор 17 ханов восседали на престоле, это продолжалось 278 лет. Мин существовала в полтора раза больше, чем Монголия. Потомки китайцев размножились, их стало много, они стали святыми хуваракми, как и монголы, потомков монгольских князей уничтожали. Но где все потомки Мин? Где процветают, трудно сказать, как минимум, может, в маленьком княжестве, как человеческий ноготь, и никто об этих местах не слышал. Ни один из них не мог управлять половиной мира, как монголы. У Мин есть свои таланты и мудрецы, они правили наполовину дольше, чем монголы и тоже говорят о себе, что заняли весь мир. Мин на 110 лет сидели дольше чем монголы, подавляли смуту которая происходила перед носом и не могли управлять народами, которые были далеко. А Юань создали империю перед глазами, 162 года управляли миром и в удаленных на тысячи километров местах о народах думали. То есть на все четыре стороны света установили власть, везде были свои наместники, всеми разом управляли — и теми, кто рядом и теми, кто далеко. А Мин управляла только теми народами, которые рядом живут, так как они могли сравниться с монголами в искусстве государственного правления? В Северной Монголии плохие земли, непригодные для земледелия, однако, это не помешало монголам долго и спокойно жить, сохраняя независимость. Шесть внутренних сеймов и четыре северных аймака — там остались потомки Чингис хана в четвертом поколе-

нии — это владения четвертого сына Чингиса, которого звали Толь, который не провозгласил себя ханом, но его старший сын был ханом, и четвертый сын Хубилай сэцэн стал ханом. Все они были ханами, поэтому император Толь был наречен Гуйцзын. Причина в том, что Синяя сутра империи Юань описывает это подробно. Мудрые читатели, быть может, подумают, причем здесь древние китайские династии и царства, зачем мы их вспоминаем и перечисляем, однако мы рассказываем о повелителе всех названных народов и стран, а без понимания их истории нельзя понять историю Юань. Некоторые еще слишком верят. Вместо того, чтобы познать историю своих предков, верят ламам, бурханам, святым хуvaraкам, думают о своих будущих перерождениях и не заботятся, что творится вокруг, о своих деяниях в этой жизни. Таких людей очень много. Они пресыщены своей мудростью. Половины мудрости этих так называемых мудрецов хватило бы, чтобы самим понять смысл монгольской истории. Нужно прочитать Синюю сутру о синих монголах. Но все свои силы они тратят на повседневность, быт. Знание и чтение исторических книг не противоречат деяниям Богдыханов. Ибо только познание можно привести к просветлению. Все это в равной степени относится и к высшим и к низшим членам общества. Человек обязательно должен знать историю своего рода. Может быть, потомкам интересно будет узнать, что это за страна Монголия. В Великом учении говорится, что хорошие деяния нужно изучать, также и плохое. Хорошее помогает плохое и плохое помогает понять хорошее. Поэтому я стремлюсь к тому, чтобы показывать и плохое и хорошее — в этом истина. Послушайте, что я расскажу о Монголии. И плохие и хорошие дела неразрывно связаны между собой, как дыхание арга билиг (инь ян), как голова и хвост непрерывно продолжают друг друга. Так и в нашей Монголии есть и плохое и хорошее. Десять плохих: плохая почва, сильные ветры, пыльные бури, когда смешивается земля и небо, не видно где начинаются и кончаются горы и скалы. Весной бывают такие сильные бури, что небо падает на землю. Во-вторых, мало водоемов, да и те что есть, образуются от дождей и талых снегов. **Третье.** Холодный суровый климат. **Четвертое.** Мало солнечного тепла, рано выпадает снег, не растут фрукты и овощи. **Пятое.** Пища — одно жирное мясо и мо-

локо. **Шестое.** Носят кожу и войлок. **Семье.** Люди прямодушны по характеру, но забывчивы, своенравны и упрямы. Поступки их непоследовательны, мысли невежественны. **Восьмое.** На вид они и грубы, неотесанны, не умеют общаться с людьми, невежливы, самодовольны и высокомерны. **Девятое.** Монголы не следят за собой, они грязные, и запах всегда неприятный. **Десятое.** Правда, они не агрессивны. Хоть и смелые, отвага не долговечна. **Одинадцатое.** Не знают церемоний, правил этикета. **Двенадцатое.** Много дичи в горах, но и люди все дикие и необузданные. Они лживы, обманчивы, необязательны, им трудно доверять. Стыдно бывает за них. Они уподобляются животным и пропитались бараньим жиром. Предельно дикие.

Но есть десять достоинств в Монголии: 1. Они распылены, рассредоточены. 2. Обширная территория, поэтому истребляющие болезни быстро не распространяются. 3. Земля не может быть опустошена войнами или завоеваниями. 4. Так как нет больших рек, нет и опасности серьезного наводнения. 5. Нет опасности пожаров и наводнений так как нет больших городов. Нет опасности землетрясения. 6. У правителей нет хитрости и жестокости по отношению к подданным. 7. Они не жадные, не алчут богатства. Нет в отношениях между людьми жестокости. 8. Не стремятся к накопительству, стяжанию богатства. 9. В случае сильного бедствия быстро могут переместиться в другое место. 10. Не нужно целый год, не разгибая спины и не покладая рук трудиться на полях. Это десять достоинств Монголии позволяют им безбедно жить. Они прямодушны, если постараются, могут быть преданными друг к другу. И так, в течение многих лет на этой земле с удивительным климатом живут люди. Благодаря праведной политике, рассеялись и распространили по всему миру свое дыхание. С божественного благословения Богдыхана хуаньди тайцзы (император) Чингис хана, наши предки прославились. Их величие сверкнуло, как молния в небе, сверкнуло и пропало. С 13 лет обучались военному искусству, их войска мчались во все пределы, достигали самых отдаленных уголков земли. Боль, страдание, горе не укоротило их воинского пыла, они покорили четыре цветных и пять чужих народов, посадили там своих правителей. Во всем мире создали свои государства. Чингисхан прославил и возродил монголов. Во времена Ляо и Сун он не хотел на них

нападать, как ни настаивали его сподвижники. Когда ему исполнилось 45 лет, у истоков реки Онон обосновался в местечке Мон у небольшой реки, где устроил свое государство вместе с 9 орлеками по милости Неба. Попросил у него мудрости и стал ханом. В то время сто племен Ляо пришли к нему и хотели на него напасть, и он покорил их. А до этого покорил 12 разных ханов и 75 малых народов. Разрушил старое правление в этих странах. Но сначала он не собирался этого делать. Ляо опять совершили набег на монголов, требовали принять их грамоту чжу бичиг. Тогда хан рассердился, пораженный, плюнул в сторону юга и повелел им: «Ваши сто племен пришли ко мне дважды и хотели, чтобы я принял их письмо, но я никогда рабское письмо не приму, я — хан, отказываюсь. А вы требуете, посылаете ко мне каких-то козлят. Сказав так, вернулся в свои земли и потребовал дани от Ляо, за этой данью отправил войско и в год белой овцы Чингисхан, (ему было 50 лет) покорил Ляо и уничтожил столицу этого государства. Также, как отменил столицу Сун. Наконец, они покорились ему, установился мир. Некоторых полководцев казнил, других отправил на родину, помиловал. А позже в двадцати четырехлетнем возрасте четвертый сын Чингисхана Угэдэй стал последним ханом Юань. Вот в чем заключается порядок и мужество, подлинная мудрость Чингисхана. На другом конце плохо есть хорошее, обратная сторона глупости — мудрость, обратная сторона тупого — острое, с другой стороны искривление распрямляется. Все выше сказанное подтверждает эти правила. Чингисхан родился в Монголии и прославил монголов, хоть они и глупы. Он их сделал людьми. Пока, до сих пор другие монгольские ханы не могут возродить, воссоединить все аймаки и народы, хоть они и следовали правилам и законам государства. Китайские сайды близки по происхождению к маньчжурам, похожи на них, но правители современной Цинь, такие же, как мы, тайджи. Им нужно было бы с нами, потомками Чингисхана, породниться, тогда они многого бы достигли, а род их возвысился бы. Власть цинов полностью утвердилась, однако они уже не проводят грабительскую, бандитскую политику, то есть, видимо, унаследовали добродетель великого монгольского государства и часть великой науки управлять. Сейчас невозможно найти способ, как сократить огромные привилегии китайских сановников,

регламентировать установление семейных родственных связей, может быть, лучше было бы породниться с Тибетом, олетами и другими монгольскими племенами, так как это древние народы, которые существовали еще до монголов. Однако несмотря на это, они не смогли достичь такой славы, как монголы.

Глава 6. Рассуждения о географии, цветах и фруктах, национальных особенностях стихосложения и о языке.

Если китайцы монголов уничтожат, и у нас ничего не останется своего, нам надо беречь свой язык и письмо — ведь китайцы так плохо к нам относятся. Я перевел с китайского языка книги, чтобы во всем мире знали правду о монголах, оставить потомкам память. Эту науку, важную для нас, я пытался освоить. В трех сеймах Внутренней Монголии плохо постигли монгольский язык и грамоту, тогда как китайские иероглифы знают в совершенстве. Едва берутся за кисть, смысл пропадает, в нескольких иероглифах излагают смысл многих слов, не используют аллитерацию, как в монгольском стихосложении, а пишут стихи конечной рифмой, как в китайском языке. Имена и названия местностей, стран произвольно пишут китайскими иероглифами. И получается путаница, смысл искажается. Если нельзя сказать какое-то имя, то можно писать по традиции, тогда получится как в книге Ган Цзинь — имена людей приходится писать тремя способами, длинными словами. Человек использует иероглифы, как хочет, так что трудно и прочесть.

Мысль выражается от начала до конца. Все написано своими именами. Первое слово в строке написано китайским иероглифом, в течение двух лет я скорописью переписывал, сокращал стихи, старался при переводе с китайского улавливать главный смысл, использовал конечную рифму, так легче при переводе с китайского на монгольский. Так как китайское письмо само по себе сокращает иероглифы, а мысль заложена глубокая, то получается яркий образ и мелодика. Каждый иероглиф, каждое слово можно трактовать по-разному. Если переводить на монгольский язык, не понимая многочисленных значений, то невозможно найти эквивалент в монгольском языке, передать и десятой доли значения этого слова. Очень много теряется при переводе. Из десяти явлений памятников я старался сохранить главный смысл, стиль, композицию, последовательность изложения. Но

при этом я не хотел дословно переводить, потому что тогда получится как в одной книге: сын вора своего отца превосходит. Такое отношение к тексту рукописи недопустимо.

Эти люди добродетельны, каждый день проводят в праздности. В лучшем случае живут 70–80 лет, потом умирают, рассеивается их прах без следа. В конце времен никто о них не знает и не вспоминает. Но память о них хранят сутры, книги, написанные тысячью слов, и в колофоне указаны их имена. Вот так люди и вспоминают о них. При этом они думали и о деньгах. Чтобы прокормиться, ученые мудрецы переводили книги. Это было их ремесло — записывать иероглифами мысли и события, это и останется как память о них — десятки тысяч слов, память того времени. Когда человек уходит из этого мира, оставляет после себя память. Писательство — верный способ продлить свою жизнь. Золото и драгоценности, дом, имущество, земля — все это можно отнять и только сутры, письма, знания никто не отнимет. Люди в этом не видят никакой пользы. Им лишь бы была еда, но в результате ничего не остается. Закроешь окна и двери, будешь сидеть в темноте, все почистишь, уберешь. Все так хрупко, не вечно. Хотя, может, при закрытых окнах и дверях и сохранится имущество. А чтобы остаться в памяти человеческой, не надо беспокоиться за имущество. В течение десятков лет Чингисхан и тысячи его сподвижников, потомков сохранились в памяти людей. Я смею надеяться, что и после меня останутся тысячи слов, потомки будут обо мне говорить. Если так рассуждать, то мудрецов, вроде Шэн тана конца династии Мин, вспоминали при династии Цинь. Его мудрость осталась в веках. Никто не может уничтожить его ум, труд. Монголия, Маньчжурия и Тибет — все грамотные люди здесь почитают учителя Шэн тана. Так с помощью кисти и слова можно снискать себе славу, которая так же украшает человека как и шелка. Заслуга правителей в том, что они создали великое государство, эти заслуги неоспоримы, от них остались памятники, изваяния. Люди поклоняются монументам, но некоторые, например, бандиты, сжигают, разрушают памятники, превращают их в пепел. Значит, и монумент не сохраняет славу и память для потомков, это не самый надежный способ. Только один способ есть остаться в веках — сочинительство, писания, книжная ученость, литературный труд. Например, Ган му: там все

описано, все осталось на бумаге, события всех веков. И тогда жили ученые, чиновники, их жизнеописания остаются в сотнях тетрадей в хрониках. Люди будущего смогут прочесть и познакомиться с этим. Многие потомки возьмут в руки хроники и книги. Поэтому нельзя сказать, что жизнь летописцев прошла впустую. Благодаря этим книгам, можно воспроизвести события тысячелетней давности. Вот в чем заслуга литературы. В книгах записаны имена, возраст вождей племен. Люди, которые будут читать, не станут разбираться, что правда, что не правда, не станут критиковать, изучать исследовать, так или иначе все останется на бумаге. Ведь шастры, цадики и сутры должно быть правдой, раз написано на бумаге. Предания и сказания распространяются среди народа, и люди помнят свою историю. В этом красота литературы, то, что прекрасно написано, останется среди людей, будет передаваться из уст в уста. Поэтому я, без сна и отдыха пишу эти строки, забыв об усталости, сижу в этом доме, слежу за рекой памяти, историей, помещаю себя среди благовоний, слежу за дыханием, смотрю в прозрачное окно, в летнюю жару гуляю в саду и на берегу реки люблю зеленую воду, отдыхаю среди природы и этим счастлив. Однако, я не позволяю себе расхляживаться до захода солнца, работаю, встаю с петухами и сажусь за письменный стол, собираю тетрадки, пишу историю. Перерабатываю старые рукописи, перевожу, ищу факты, переписываю, записываю свои тексты, сначала пишу стихи а в конце краткое содержание главы. И мне нравится записывать свои размышления, эта работа захватывает меня целиком. Но я такой же человек, как и все, смертный, поэтому я стараюсь, чтобы данная мне жизнь не прошла даром, хочу посвятить ее тому, чтобы написать эту историю великой династии Юань и оставить ее миру в наследство. Чтобы люди верили сутре и знали, что происходило на самом деле с монголами, что история Монголии нетленна, нерушима и непреходяща, чтобы она осталась в памяти людей. Такова моя цель и мечта. Как же я могу просто сидеть сложа руки и быть счастливым, радоваться своими своему существованию? Просто сидеть обхватив руки коленями, греться на солнышке, предаваться праздности — это не счастье, я думаю. Потому что, как я уже сказал, как гласит древняя мудрость, у человека одна жизнь, у растений — одна осень. Оправдать редчайший дар человеческого рож-

деня — главное назначение человека, поэтому мне нельзя проводить свои дни как дикий зверь в лесах, подчиняя все свои дни удовлетворению физических страстей и желаний. Если окажется сила в нескольких монетах, они окажутся сильнее, я тогда приложу все старания ради удовольствий. Некоторые думают, что деньги дают человеку все удовольствия, но в этой жизни радоваться деньгам — смешно. Или получать удовольствие от женщин. Это самое последнее, чему можно посвятить свою жизнь. Пусть даже самый бедный человек будет искать удовольствий, развлечений, веселиться, возжигать лампаду в темноте, хвалить себя. Богатство, добродетели — результат счастливой жизни в прошлом перерождении. У меня нет такой судьбы, мне не завещана такая жизнь. Радость у меня в жизни одна — весной гулять в цветущем саду, наслаждаться видом прозрачной воды, осенью при луне любоваться зеркалом водной глади сидя на берегу пруда и при этом думать и размышлять, потом выпить ароматный чай и предаваться возвышенным мыслям — вот счастье. Прекрасные цветы — тоже счастье, это важно для меня. Цветы в вазе, или когда пробуешь прекрасные яства — счастье. В конце концов, я прожил долгую жизнь и испытал много трудностей, видел горе, разрушения, остается только вздыхать, вспоминая об этом и подвести единственный итог моей жизни — собрать на кончике кисти все события минувшего, порадовать кисть, излить радость творчества. Об этом я и хотел поведать. Мое счастье — не разврат или безобразия, оно заключается в другом. Когда ты прекращаешь взлет и падения, старания, оставляешь работу, делаешь паузу, наступает миг отдыха. Безразличие к всему бесполезному — гарантия душевного покоя, но не смысл жизни и существования. Может быть, читатели захотят душевного покоя, будут искать и других удовольствий. Может, удовольствие, которое я получаю сидя с кистью в руке — вредное занятие по сравнению с другими. Легко от него отказаться. Придет час, когда я пойму, что появятся полезные дела, я отложу кисть, сложу тетради и займусь ими. Писание — занятие безобидное, никому не приносит вред. Когда придет хороший день, я снова достану рукопись, кисти и стану описывать дела минувших дней в назидание потомкам, чтобы оставить для будущих поколений память. Им это будет на пользу. Я, глупый, по своему скудному разумению, открываю свою

душу, излагаю мысли целый день, ничего не оставляю себе — все отдаю бумаге — радости и печали, болезни, страдания — все вкладываю в одно повествование, в стихах описываю печали и радости. Когда мудрый читатель прочитает одну главу, ему приятно будет вновь вернуться к стихотворному предисловию, где описывается краткое содержание главы. Многие слова я старался писать сразу по-монгольски, чтобы было понятно и сокращал некоторые слова, не соблюдая литературную норму, писал, как сейчас это произносится, например, вместо «ахтугай» — «атугай» и т.д. Читатель пусть не думает, что я сгоряча ошибался. Так принято говорить в северных землях монголов. Думаю, что я должен об этом предупредить.

Глава 7. Честные справедливые размышления об исправлениях ошибок.

Умудренный автор китайских книг Конфуций сказал: «Во всех делах есть начало и конец, среди мудрецов, во всем сущем тоже есть начала и концы». Поэтому нам нужно понимать свои корни, свои начала, происхождение, каждый человек должен об этом знать. У основания храмов есть небесные дети Сын Неба, к примеру. Если люди не знают своих предков и родителей, недостойны называться людьми. Если человек не знает свою историю, он не знает деяний, имен своих предков и свой род не знает, откуда родом. Все должны сознавать смысл небес и сущность земли, законы мира, смысл всего сущего. Они не понимают, что башня выше палки, поставленной на крышу. Решил посвятить это повествование осознанию истории монголов. Поэтому и пишу Историю великой династии Юань. Изучил все сутры, шастры, летописи, хроники, генеалогию, по канону летописания, написал Синюю сутру. Будущие потомки, если захотят, могут прочитать сутру от начала до конца и сравнить с ее с другими, где подробно и правдиво изложены события. Эта сутра — заметки об истории государства — переведена по высочайшему указу, там есть пропуски и упущения, а также ошибки, поэтому я вынужден был исправлять там, где перепутана хронология событий. Разные сутры сходятся в главном, тема одна, но толкование разное, при этом много разночтений, трудно составить адекватное представление об истории. Вот я и решил сесть за продолжение этой сутры, первые 8 глав которой написаны отцом. Попросил Сунвэйданзана перевести Ган му и взял оттуда все даты. Из

Ганму взяты все события с участием монголов, их военные походы, названия городов и селений. Однако там отсутствуют события, происшедшие до того, как Чингисхану исполнилось 45 лет, до года красного тигра. А все события после года красного тигра даже смешно упоминать — все описано с большой долей пренебрежения, обидного для монголов. Любому человеку в этом мире должен знать свою историю в подлиннике и без искажений. Когда говоришь правильные слова, без ошибок, людей это интересует, степняки воспринимают хорошо. Они верят старцам, авторитетам, которые всегда говорят только правду, мне не очень верят. Я объясняю. Простые сельские люди, степняки, крестьяне, они тоже не любят историю с ошибками. Мне нужно написать так, чтобы они в это поверили.

Тем временем, в летописи Ган му, в части о династии Юань описываются великие деяния монголов, но описываются плохо, намеренно очерняются, нет всей полноты правды. Каждое событие выставляется с плохой стороны, очерняется, и если о плохом они пишут также плохо, то и действительно хорошее выставляется в плохом свете, они просто выдумывают плохие факты. В подтексте шипы и иглы. Монголы выглядят как преступники. Простые слова в обычных делах приклеивают к этим описаниям. Когда монгольский хан или его сыновья совершали завоевательные походы, они пишут, что эти императоры убивали всех жителей городов, монголов изображали всегда безжалостными жестокими агрессорами, не допускали никаких отклонений. В сутре «Тун цзян ганму» полно грязи и сплетен, будто в разговорах плохих сплетниц на кухне, предельно искажена история. Хотя они делали это не явно, а скрыто, иногда искажения были настолько очевидны, что вызывают недоумение — столько грязи и лжи. Почему они прибежали к клевете? Есть одна причина. Китай всегда монголов не считал за людей. Монголы для них — дикие звери, которые ползают на четырех ногах. Так о них пишут: хотя на севере у людей две ноги, они отличаются от зверей вертикальной походкой, но все остальное как у диких животных. Так оскорбляют китайские историки монголов.

Как говорили древние: «Каждый человек в мире считает правильными свои поступки, и только мудрые часто считали, что поступают неправильно, сомневались». Я, глупый человек, с самого времени, когда стал понимать, всю

свою сознательную жизнь наблюдаю за людьми и вижу, что большинство людей, пусть и образованных, всегда оправдывает себя, а других осуждают. Никто не смог избежать этих общих ошибок. Взять любую профессию — люди всегда: пусть это врачи или строители, или портные, или мастера, писцы — все они потихоньку собираются и судачат о других, оскорбляют их, а себя считают самыми умными и хорошими людьми. Также и (Китай) считает, что только эта земля впитала в себя все соки солнца и луны, что только здесь рождаются мудрые, умные люди. А все другие страны и народы — ошибка природы, все с искажениями в развитии, они другие, и значит — плохие. Более того, я видел многих умных людей, которые в глубине души тоже так думают. С древних времен прошло три хуан и пять ди, минуло три тысячи лет. Но люди не могут установить, когда какой был император и сколько он правил, в какие годы, когда было затмение солнца и луны. В годы правления воинственного милостивого императора хуанди западное царство Ши ян (императору) дали имя Хуан чжэнь. Это пример того, о чем говорилось выше. Я, глупый, наблюдаю этих ученых и удивляюсь им. (стр. 73) Они не занимаются исследованиями, не анализируют, но утверждают: «наше учение верно, а их неверно». Но откуда все эти ученые знают, что чужие учения неправильны? Я, глупый, конечно, не проник во всех учения, но не осуждаю чужой труд, не считаю его неверным. Я повинуюсь единственному учению Будды: надо преодолеть океан страданий, сансару прежде, чем она опустошится. Учение Будды настолько широко распространилось, благодаря учению, грамоте, что стало источником жизни и основой этого мира. Есть два основных учения: 1. Опустошение мира, 2. Наполнение мира. Хотя на первый взгляд, судя по названию, эти учения противоречат друг другу, на самом деле, это общее понятие. У основания хорошего — тупик, упадок. У нас перед глазами конкретный пример двух учений — черного и желтого (светского и канонического, сакрального). Отсюда проистекают разные суждения взгляды, например, «бумбын сургал», Учение Иисуса, учение Янгчжу, учение Моды, учение Тяньчжу, и т.д. Очень много существует на свете разных поучений — сургалов. Я встретился с разными людьми, проповедующими эти учения, и они мне сказали: все святые книги учат людей хорошему, нравственным принципам.

Ни одно из учений не проповедует, чтобы отравлять дальних и убивать ближних. Например, возьмем учение современных хотонов, которые убивают овец. Они делают так не по капризу или просто так. Прежде, чем убить животное, они читают молитву, препоручают душу животного богам, небесам, а уж потом берутся за нож. И хотя им не удается препроводить их души на небо, этот обряд хотонов может быть примером для современных монголов, тех людей, которые стремятся к наживе, живут ради денег, тех, кто убивает животных просто так. Люди, не обращающие на это внимания, простые смертные подражая другим, называют хотонов дикими варварами, подобным зверям, иноверцами, неверными. Какое заблуждение! Хотя желтая вера не может указать людям путь следовать Будде Авида Сукавати, чтобы попасть в рай всем этим людям после смерти. Я в душе думаю, что они и так попали в рай или в ад. При этом разными путями улетают души тех, кто умер от рук убийц и тех, кто сам умер, говорят. А на самом деле, какая разница? Ибо все в этом мире свершается по умыслу людей, по их чувствам. Изначально помыслы у людей добрые, человек поступает как большинство, следует общепринятым нормам поведения. Всякое учение проповедует доброту, и никогда не заставляет, не учит человека злым недобродетельным поступкам, не проповедует наживу, жадность золота и богатства. Только такое учение может быть неверным. Поэтому я, глупый, думаю так: быть может, они и не хотят сознательно называть это учение неверным, мы, просто не проникли в глубь их учения, не осознали его подлинной сущности и не следуем ему, поэтому и думаем, что оно ложное. Но проповедники (создатели) любого учения не говорят, что их учение единственно правильное, или что мое учение плохое, неправильное, а другое учение хорошее, вы следуйте ему, чужому учению, а мое бросьте, не внимайте ему. Вряд ли такое бывает. Еще думаю я, что учение и существует ради того, чтобы учить людей чему-то. И в этом учении изначально, не может быть ничего плохого. Например, в восьми частях света, в разных землях произрастают разные злаки, разные плоды, кипит своя жизнь. В каждой земле свой язык, свои словеса, свое наречие. Например, в южном Су чжоу или в Ханчжоу говорят, не осуждают разные беспорядки а бедных осуждают, значит, их обычаи не совпадают с принятыми в наших краях Чжун юань. И значит, только

поэтому нам надо не считать их за людей? Если они не считают дурные грязные поступки своих жен таковыми, и если у них такая политика, то не последовать ли и нам их примеру?

Короче говоря, в некоторых местах, когда умирают родители, их заворачивают в золото и шелка и хоронят. А в некоторых местах заковычивают в латунь и железо. Некоторые хоронят в деревянных гробах, в других местах покойников закапывают прямо в землю, в некоторых — пускают плавать по реке, в некоторых — отдают на съедение птицам, в некоторых зовут людей и съедают. И хотя обряд погребения совершается в разных местах по-разному, но везде одинаково родственники и близкие плачут и горюют. И во всех местах люди ищут, где лучше. Но положение везде разное, но душа человеческая и помыслы одинаковые, люди все одинаково чувствуют. В Среднем государстве хоронят в нефрите и золоте, в Чжун ян юань — в деревянных гробах, китайцы нанкиад бросают в реку и море, в Монголии — предают огню, хотоны зарывают в землю, в южных краях закрепляют железом и камнем, в западном Тибете — разрезают на части и скармливают птицам. О том, что мясо покойников люди едят, написано в книге «Вань (вэнь) бу цюань»: «На юго-восточном полуострове, в стране Цзинь вз гу, что поблизости, есть маленькое племя. В обычные дни они живут охотой на диких зверей. Это место называется Ма лу у. Однажды торговый корабль Китая прибило ветром к этому полуострову. Тогда собрались люди той земли, всех мореплавателей схватили, убили, зажарили и съели их. Из черепов и других человеческих костей они делают посуду и продают. Ждут с нетерпением, когда умрут старые родители. Как только кто-то умирает, они бьют в большой барабан, гонг, созывают всех и съедают покойника. Вот что за нелюди там живут». Но эта критика от заблуждения. Откуда они это узнали? Надо критиковать то, что видишь своими глазами. У нас, в Монголии 156 лет тому назад был такой обычай. Когда кто-то умирал из простых людей, звали священника, возжигали масляную лампаду, жгли покойника, а его прах поднимался в небо. До сих пор, когда умирают ламы, их сжигают, чтобы душа вознеслась на небо. В этом случае наши люди, народ думает, что плоть священника он отдает Будде, а его душа обретает святость. Но не забываются о том, чтобы душа умерших родителей обрела святость, сжигая их кости. Если на юге

Срединного государства умерших родителей укладывают в нефрит и золото, или укрепляют камнями и железом, то эти китайцы, глядя, как монголы предадут покойников огню, не поймут смысла этого обряда. Например, по закону страны Вэй гу во время обряда погребения с помощью сжигания костей надевают красные и желтые одежды. Люди, наголо стриженные, с круглыми головами, вооруженные копьями и мечами, смотрят сверху вниз. Можно подумать, что это похоже на месть. Постороннему человеку трудно понять, что этот народ отдает плоть умерших Будде, а душа покойного обретает святость. Возьмем обряд западных тибетцев чжоу — разрезать покойников на куски и скармливать птицам. Птицы, поедающие мясо покойников, на самом деле, — духи повелителя подземного царства Чойжины. И когда они съедают мясо покойников, так очищают свои грехи, а умершие обретают новое перерождение. При этом родственники воскуряют благовония и совершают обряд жертвоприношения, читают молитвы, перед тем, как отдать умершего птицам. Все это делается из добрых побуждений. А что касается страны Вэй го, то там мало земли, не хватает пищи, люди узнали вкус человеческого мяса давным давно. И если люди после смерти родственника, съедают его мясо, один раз наевшись досыта, то это тоже добродетель, а душа покойника улетает в небо.

Если подытожить сказанное коротко, то все одинаково страдают и одинаково обижаются. И даже в тех краях, где съедают мясо умерших родителей, люди также переживают. В разных местах разные обычаи, но мысли и чувства людей одинаковы. Эти странные обычаи хотонов, обряды Вэй го, все они проводятся из добрых побуждений, все хотят, как лучше. Так как же после этого можно осуждать и очернять коротким своим глупым умом деяния Сына неба, повелителя Великой династии Юань, покорившего четыре океана? Рассмо-

трим тайные добродетели предков девяти поколений, как они достигли ученой степени Цзюнь юань, изучая книги. Сына неба, покорившего мир, грамотный человек не может осуждать за агрессивность. Даже простые крестьяне, и те не поверят таким книжникам. Очень смешно поэтому, когда в Ганму авторы такого уровня пишут всякую клевету. Это может доказывать только то, что китайские мудрецы вообще не понимают смысла событий в мире и мировой истории, ее сущности. Они даже пишут, что людям северных земель не суждено иметь истории протяженностью в сто лет и сократили ее на девять лет...

Все живущих за пределами Великой китайской стены, называют северными народами. Значит, воинственное государство — это тоже северные земли, те, что собрал император тайцзы. Поэтому они не могут допустить, что эта страна просуществовала 228 лет. Все письма демонстрируют лишь одно желание — как опорочить монголов и их историю, отрицать их право на собственную историю. Бедные они! А их империя — единственное место, куда проникает солнечное тепло и свет и где только могут родиться ученые люди.

Вот так и продолжают считать, что монголы плохие. А сами тоже принимают плохие законы и признаются в этом. Все равно они считают, что только эта их земля Китая имеет право на солнечный свет и тепло, только здесь могут родиться ученые умные люди. Меня удивляют две вещи в Учении Будды. Есть Ганчжур и Данчжур. Если собрать все тома этих канонов, то потребуется пять телег, чтобы погрузить их. Что же в них описывается? Ламы, которые проповедуют это учение, говорят, что там излагаются три учения, три колесницы и шесть парамит. Есть целые дворцы для книг и сутр, священных писаний, им поклоняются и обожествляют. Чему же учат все эти святые писания и каноны? Они не учат человека плохому, каким бы ни было учение.

Примечания

¹ Инжинаш В. Их Юань улсын мандсан торийн Хох судар. Хох хото. Овор Монголын ардын хэвлэлийн хороо. 1989. С. 10–83.

² Тайж — титул, передаваемый по-наследству.

³ Хошун — административная единица в старой Монголии, действовала до 1921 года.

⁴ Маньчжурская династия Цин в Китае (XVI — начало XX в.)

⁵ Сейм — чуулга единица, меньше хошуна

⁶ Три гуана и пять ди —

⁷ Тунцзянь ганму — Учение всеобъемлющее, правлению помогающее.

⁸ Девять девяток — самое холодное время года, начинается 21 декабря.

Перевод и публикация Л.Г. Скородумовой

О.Н. Полянская
кандидат исторических наук, доцент,
Бурятский государственный университет

ПИСЬМА МОНГОЛОВЕДОВ* — ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ: ИЗ ПЕРЕПИСКИ Б.Я. ВЛАДИМИРЦОВА (к 130-летию со дня рождения ученого)

В 2014 г. исполняется 130 лет со дня рождения выдающегося ученого, известного монголоведа, талантливого преподавателя, общественного деятеля и организатора науки, академика РАН Бориса Яковлевича Владимирцова (1884–1931).

Первые десятилетия XX в. российского научного монголоведения были связаны с такими корифеями ориенталистика как Владислав Людвигович Котвич, Андрей Дмитриевич Руднев и Борис Яковлевич Владимирцов, — все они были выпускниками восточного факультета Санкт-Петербургского университета, где получили фундаментальную подготовку и продолжили свою научную и педагогическую деятельность. Востоковеды развивали лингвистическое направление в монголоведении, которое стало очень популярным и доказало свое право на доминирование в мировом востоковедении в этот период. Связано оно было с именем финляндского ученого Г.Д. Рамстедта.

Круг научных интересов Б.Я. Владимирцова был широк: это проблемы истории, этнографии, языка и литературы всех монголоязычных народов. Его в одинаковой степени интересовали проблемы развития науки и подготовки национальных кадров в Бурятии, Калмыкии и Монголии¹. Борис Яковлевич стал связующим звеном между имперской востоко-

ведной наукой и востоковедением строящегося советского государства: фундаментальную подготовку он получил еще до 1917 г., в традициях классической российской научной школы монголоведения и продолжил работать в 20-е гг., когда ему, как организатору науки, выпало развивать работу новых учебных и исследовательских учреждений советской эпохи. Он возглавлял монгольское отделение и вел семинарские занятия в Ленинградском институте живых восточных языков, где проходили подготовку бурятские, калмыцкие и монгольские специалисты.

Б.Я. Владимирцов оставил не только многочисленные труды по монголоведению, но и плеяду блестящих учеников: Г.Д. Санжеева, Г.И. Михайлова, Г.Д. Румянцева, Н.П. Шастину, Т.А. Бертагаева².

Письмо №1 Б.Я. Владимирцова В.Л. Котвичу из Петербурга в Краков

Дорогой и многоуважаемый
Владислав Людвигович!

Получил сегодня Ваше письмо от 2.02, как всегда, такое интересное. Действительно, я, как и другие, здесь совсем упустил Ваше сообщение о «Козловских» надписях. Но конечно, то, что эти надписи были найдены раньше Козлова**, меня не разочаровывает, а как раз наоборот. Надписи эти я теперь разобрал и подыскал довольно много монгольских текстов, где упоминается «Cortuhuiji», имеются в монгольских источниках и сообщения о походе Гуши-хана на Cortu... Я написал было статейку

* Письма монголоведов — интересный источник по истории востоковедной науки не только России, но Польши и других стран, с учеными которых сотрудничали российские монголоведы. Представленные здесь письма находятся в Архиве Польской академии наук и знания в городе Краков, где хранится архив В.Л. Котвича — известного российского и польского востоковеда. Архив содержит богатую переписку ученого с разными корреспондентами, большинство из которых — ученые России. Б.Я. Владимирцов часто писал своему учителю и коллеге.

** Козлов Петр Кузьмич (1863–1935) — путешественник, исследователь Центральной Азии, участник различных научных экспедиций, организованных как известными путешественниками М.Н. Пржевальским, М.В. Певцовым и др., так и самим П.К. Козловым.

обо всем этом*, но теперь не знаю, могу ли ее сдать в печать, раз эти памятники были описаны Вами и Вы сами, быть может, займетесь их обработкой?...

...Цыбен** в бытность свою просил меня разыскать среди его материалов*** список названий монгольских месяцев. Но сам не мог мне точно указать, где именно надо искать. Недавно я эту штуку нашел. Значится в Азиатском музее этот MS под сигнатурой Mus. As. Not. VII, n 5 (1904 год). Идет список названий месяцев по-тибетски, по-монгольски, названия, соответствующие распределению по временам года, бурятские названия и русские. Таблицу эту я переписал и высылаю Вам...

...Если обстоятельства не изменяться к худшему на лето стоит, думаю, поехать в Монголию****, причем предполагаю взять с собой Поппе*****

---

* Лингвистическое направление стало основным в начале XX в. в востоковедении. Монголоеды В. Котвич, А. Руднев, Б. Владимирцов были основными его представителями в России. Изучая язык, его изменения, приобретенные в ходе исторического процесса, позволяют познавать и историю этого народа. Изучение писаниц разных эпох на территориях проживания монгольских народов, поиск и составление коллекций фольклорного материала — основные занятия монголоедов — лингвистов. Однако следует отметить, что они подвергали значительной критике монголистов-нелингвистов, в частности А.М. Позднеева; здесь критично отзываются о П.К. Козлове. При этом в своих работах лингвисты использовали фотографические снимки и записи этих исследователей.

** Цыбен Жамсаранович Жамсарано (1880–1942) — исследователь монгольского фольклора. Соратник и коллега В. Котвича, А. Руднева и Б. Владимирцова по Санкт-Петербургскому университету и Русскому комитету по изучению Средней и Восточной Азии, вместе с ними и самостоятельно совершил неоднократные научные командировки в Монголию и к забайкальским бурятам для сбора фольклорного материала. Командировки были организованы Русским Комитетом³. Политический и общественный деятель.

*** Все материалы, собранные Ц. Жамсарано, были переданы им в Азиатский музей, сейчас Институт восточных рукописей РАН⁴.

**** Б.Я. Владимирцов неоднократно совершал поездки в Монголию в 1908, 1911, 1913–1915, 1925 гг.

***** Поппе Николай Николаевич (1897–1991) — этнограф, филолог, монголоед, автор учебника монгольского языка и других работ по монгольской филологии. С конца 1940-х гг. жил за границей.

и Казакевича*****. Казакевич очень хорошо занимается, и я надеюсь, что из него выработается настоящий монголист; говорит он по-монгольски — по-халхаски очень прилично, теперь занимается маньчжурским и киргизским. Нам бы хотелось проехать в Ердэни-Цу*****, на Орхон и вообще побродить по Хайнаю. Мечтаю проехать на короткий срок в Пекин, и не знаю, удастся ли.

Высылаю Вам несколько книжек, в том числе издания Монгольского Ученого Комитета, которых у Вас, по-видимому, нет.

Здесь стоят холода. Кажется, я не писал Вам о том, что мы живем теперь в большой квартире: занимаем ту квартиру, где раньше были аудитории Восточного Института*****. Институт переехал ...на Максимилиановскую...; просторно светло и в центре. Дети чувствуют себя хорошо. Я заканчиваю печатание хрестоматии и усиленно пишу учебник монгольского языка (письменный язык и халхаское наречие)*****...

Пока позвольте пожелать Вам всего хорошего, сердечный привет.

Искренне Вам преданный Ваш
Б. Владимирцов.
12.02.1926 г.

*Архив Польской академии наук в Кракове —
Rps. PANKr. 4602 t.1. Л. 6–7об.*

Письмо № 2

**Б.Я. Владимирцова В.Л. Котвичу
из Петербурга в Краков**

Дорогой и многоуважаемый
Владислав Людвигович!

Сегодня получил Ваше письмо. От души благодарю Вас за Вашу всегдашнюю доброту и по-

---

***** Казакевич Владимир Александрович (1896–1937) окончил в 1926 г. Ленинградский институт живых восточных языков, преподаватель. Сотрудник Ученого комитета МНР. Полпред СССР в МНР (1923–1925, 1927), Монгольской комиссии АН СССР (1927–1937) и др.

***** Эрдэни-дзу — буддийский монастырь на правом берегу реке Орхон в Монголии, где были обнаружены тюркские писаницы, которые привлекли внимание ученых всего мира. Для их прочтения российские монголоеды неоднократно приезжали в долину Орхона. В.Л. Котвич совершил поездку на Орхон в 1912 г.⁵

***** Ленинградский восточный институт им. А.С. Енукидзе.

***** Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л.: Изд-во Ленинградского Восточного ин-та им. А.С. Енукидзе, 1929.

мощь. Малая надпись* действительно больше всего вызывала у меня сомнения из-за того, что на фотографии вышла слишком мелкой и, кроме того [нрзб], в наклонном положении. Монгольский бичеги, по-видимому, сделал несколько ошибок, но зато я теперь уверен в правильности чтения даты: мое чтение совпало с чтением монгольского писаря. Что касается большой надписи, то теперь я настолько уверен, что, пожалуй, Вам не стоит беспокоиться с ее высылкой, фотография Козлова оказалась хорошей.

Не воображаю, как он будет разочарован, узнав, что «его» надписи уже были открыты**. Он успел написать несколько статей о них в «Известиях Моск. [нрзб]», где всячески раздувал их значение. Там же он дает предварительный перевод большой надписи, сделанной Цыбеном***, который должно быть, забыл, что видел эти надписи. Кроме того он очень странно их датирует: 1501 г. (!)...****.

...Что касается биографии Чингиса, то эту книгу послал Вам не я, а Монгольский Ученый Комитет. Книга эта была напечатана в Пекине и содержит Алтан Тобчи***** и разные сказания о

* Речь идет о надписях на скалах в хошуне Мишик-гуна Тушетухановского аймака Монголии, фотографии которых сделал П.К. Козлов в 1925 г. Надписи рассказывают о деятельности халхаского деятеля XVII века Цокту-тайджи.

** П.К. Козлов считал эти надписи своим открытием. Однако о них было уже известно монголоведу К.Ф. Голстунскому, затем Орхонской экспедиции РАН и, наконец, В. Котвичу, который узнал о надписях во время своей поездки в Монголию в 1912 г. Не совсем красивая ситуация, на наш взгляд, не оправдывающая ни одну из сторон, имеющих отношение к изучению надписей. Однако она очень хорошо показывает, насколько плохо взаимодействовали ученые разных учреждений, особенно в период становления советской науки. В начале XX в. такую координирующую деятельность взял на себя Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии (1903), в состав которого входили, как раз, представители различных научных учреждений, министерств и ведомств, занимающихся странами Востока. Однако в 1920-е гг. происходит реорганизация науки в связи с чем, Комитет в 1921 г. вошел в состав Коллегии востоковедов, а в 1923 г. окончательно прекратил свое существование.

*** Цыбенюм Жамсарано.

**** Далее пишет о возможности переслать книги для В. Котвича в Польшу. И берет на себя обязательство проконтролировать это.

***** Алтан Тобчи — монгольская летопись XVII в., отдельные списки которой были опубликованы и переведены Галсаном Гомбоевым, известным монголоведом XIX века. Однако Б. Владимирцов нашел в его переводе некоторые неточности, которые были подтверждены Ц. Жамсарано.

Чингисхане, научения и др. Я посылаю Вам две южно-монгольские прокламации, напечатанные таким же шрифтом, только мелким.

Ж.А.***** наконец дошел до нас и я имел возможность познакомиться со «штилем»***** Pelliot*****. Мне кажется, что он так писал редко, очевидно Вы его заделали. В статье его об «h» много интересного, но и много вздорного, упрекая Рамштедта***** в легкомыслии, он сам впадает в то же. Может быть, напишу что-нибудь об его этимологиях.

Статью о Цонтутойджи***** я закончил и теперь, после Вашего письма и Вашего разрешения, сдам в печать для Известий Академии. Боюсь, что статья вышла очень [нрзб] но переделывать уже поздно, да и некогда.

Очень Вам благодарен за указание книжки о Юн-хо-гуне. Я ее выпишу немедленно. Не думаю, чтобы в нынешнем году***** мне бы удалось пробраться в южную Монголию. Времена не такие. Но в Пекине вероятно побывать удастся...

В.М. Алексеев***** завтра выезжает в Англию. Будет читать там лекции...

***** Ж.А. — Journalasiatique — французский востоковедный журнал, был основан в 1822 г., существует по сегодняшний день.

***** «Штиль» — стиль.

***** Pelliot-Поль Пеллио (Пелльо), (фр. Paul Pelliot) (1878–1945) — французский востоковед, специалист по истории Китая, истории даосизма, буддизма и иностранных религий в Китае. Занимался исследованием языка и культуры монголов, а также истории и культуры других центральноазиатских народов. Профессор Коллеж де Франс (с 1911); главный редактор синологического журнала «T'oung Pao» (с 1920); член Академии надписей и изящной словесности (1921), иностранный член-корреспондент АН СССР (1922).

***** Рамштедт — (Рамштедт) Густав Джон (1873–1950) — монголовед, переводчик, преподаватель, собиратель монгольских рукописей, один из основоположников лингвистического (диалектологического) направления в монголистика.

***** Статья о Цонтутойджи — «Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи» в двух частях была опубликована в 1926–1927 гг. в «Известиях Академии наук СССР».

***** Т.е. в 1926 г. Б. Владимирцов посетил Улан-Батор и Пекин.

***** Алексеев Василий Михайлович (1881–1951) — академик РАН — АН СССР, китаевед. В 1902 г. окончил Петербургский университет и был оставлен при нем. Учился в Англии, Франции, Германии, Китае, после поддерживал связи с учебными заведениями этих стран, где читал лекции по синологии. Издано около 280 работ.

Бартольд* заболел и на днях возвращения сюда в очень тяжелом, говорят, состоянии.

Малая надпись Цонту-тойджи содержит некоторый календарный материал, который может быть для Вас до известной степени любопытен. На всякий случай сообщаю Вам... надписи... из нее.

Всего хорошего Ваш Б. Владимирцов.
9.03.1926 г.

*Архив Польской академии наук в Кракове —
Rps. PANKr. 4602 t.1. Л.8–9*

Письмо**

Ольги Владимирцовы (Макаровой) из Ленинграда Марии Котвич в Краков

Многоуважаемая Мария Владиславовна!

Получила Ваше письмо и письма моего отца. Отвечаю с запозданием, но была в командировке в Вильнюсе и Прибалтике. Письма застала в Ленинграде. Примите мою глубокую благодарность и за письма, и за память об отце. Время бежит неумолимо и как дорого получить весть от того, кто знал Б.Я.*** и помнит его. По моим воспоминаниям, ведь Владислав Людвигович был у нас очень любим он (нрзб: незримо) присутствовал в нашем доме. И часто можно было слышать: «...чтобы сказал Владислав Людвигович по этому вопросу, что бы он подумал по поводу того то...»****. Они все время незримо спорили и советовались, хотя и жизнь разметала в разные стороны, но эта глубокая духовная связь продолжала существовать до самого конца. И сейчас****, когда я работаю в архивах, мне встречается материал об их совместной работе, например, первым директором Ленинградского Института живых восточных языков был Владислав Людвигович, они вместе с отцом вложили много труда в создание этого учебного центра, принесшего в свое время большую пользу. Я пыта-

* Бартольд Василий Владимирович (1869–1930) — академик РАН — АН СССР, востоковед.

** Письмо из переписки дочерей монголоведов Б. Владимирцова и В. Котвича. Ольга Владимирцова и Мария Котвич вели переписку по сохранению наследия своих отцов, собирали отклики их современников; сведения их самих так же интересный источник для биографии авторитетных ученых.

*** Б.Я. — Борис Яковлевич Владимирцов.

**** Владислав Людвигович Котвич был учителем, преподавателем у студента Бориса Владимирцова в Петербургском университете, а затем они стали коллегами и не только по университету, но и по другим и научным, и учебным и общественным организациям.

***** 1970-е гг.

юсь сказать обо всем этом в той части очерка, которую отвели мне в переиздании трудов Б.Я. Боюсь Вас затруднять, но если бы Вы сказали свое слово о былых ориенталистах, ведь хоть и в молодом возрасте, но вы, в большей степени, были свидетелем их жизни и работы, о тех прекрасных людях, которые оставили след в науке ни на одно поколение. Вы бы со своей стороны внесли вклад в большое дело, которое называется историей науки. Как жаль, что нам не удалось встретиться, хотя бы в Вильнюсе, сейчас у нас вспомнили о том, что в 20-х годах работали ученые, составившие мировую славу. В Москве собираются издать альбом с аннотациями и информацией об ученых 20-х годов.

Работая в Архиве Академии наук***** , я встречаю работы Владислава Людвиговича. У него был замечательный почерк и такая же ясность мысли. Здесь хранится его архив, но о нашем отце — немного, была блокада***** и многое погибло.

А вы наверное помните многих сослуживцев того времени. Как было бы интересно все это услышать. М[ожет]б[ыть] Вы подумаете над этим. Нельзя не рассказать о том выдающемся, что было в прошлом?

Моя жизнь сложилась неровно. С самого начала молодости, с самого начала войны была на фронте и в январе 1945 года мы со стрелковой передовой частью вошли в Краков, город горел в разных местах, немцы отступали с боями этот прекрасный город был мрачен. Это было... После войны жила и работала в Вене, а затем только кончала университет. Сейчас работаю экскурсоводом, поэтому и приходится много разъезжать. Если бы я знала, что Вы были в Вильно?

У меня есть дочь, ей 25 лет, она архитектор. А как сложилась жизнь у вас? Если только Вы поедете в Советский Союз, или, если только, я хоть чем-нибудь могу быть Вам полезной, пожалуйста, пишите. Я буду так рада повидаться с Вами. И как во многих письмах моего отца к Вашему: «...низко кланяйтесь Марии Владиславовне», и я через много лет кланяюсь Вам.

Самого хорошего Вам в жизни Ваша благодарная
О.Б. Макарова (б[ывшая] Владимирцова)
972 г.

*Архив Польской академии наук в Кракове —
RpsPANKr.4570 t.13 Л. 25–26об.*

***** В Ленинграде — Петербурге, где находится Филиал Архива РАН (СПФРАН), в котором есть фонды и Б.Я. Владимирцова и В.Л. Котвича, так же их корреспонденция встречается и в фондах других ученых, а также научных организаций, хранящихся в этом архиве.

***** Почеркнуто О. Владимирцовою.

Примечания

¹ Улымжиев Д.Б. Монголоведение в России во второй половине XIX — начале XX вв.: петербургская школа монголоведения. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1997. С. 184.

² Там же. С. 206.

³ Полянская О.Н. Монголоведческие направления в исследованиях Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. Вып. 7. История. С. 123–130.

⁴ Там же.

⁵ Полянская О.Н. Монголоведческие исследования В.Л. Котвича (1872–1944). К 140-летию со дня рождения // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. Вып. 7. История. С. 108–114; Она же. Поездка В.Л. Котвича в Монголию в 1912 г. По материалам Польской Академии наук // Буддийская культура: история, источниковедение, языковедение и искусство: Пятое Доржиевские чтения. СПб.: Гиперион, 2013. С. 334–338.

В.Г. Дацышен

*доктор исторических наук, профессор,
Сибирский федеральный университет*

А.В. Дудникова

Сибирский федеральный университет

ДОКУМЕНТЫ ИЗ ФОНДА «БИЙСКОЕ УЕЗДНОЕ ПОЛИЦЕЙСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ», ХРАНЯЩЕГОСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ ОБ ОТПРАВКЕ РУССКИХ ВОЙСК В ЗАПАДНУЮ МОНГОЛИЮ В 1913 г.

В истории международных отношений важной, но малоизученной проблемой стал ввод русских войск в Западную Монголию после победы Синьхайской революции в Китае и провозглашения независимости Монголии. В 1911 г. в Китае началась революция, приведшая к гибели Цинской империи и провозглашению Китайской республики. Монголы Халхи так же свергли цинскую власть, но не признали власть китайцев-республиканцев. Представители бывшей Цинской администрации вместе с китайскими гарнизонами без сопротивления покинули все города Халхи. В конце ноября 1911 г. ургинский амбань (баньшидачэнь) Сань До покинул Ургу (Кулунь). 15 декабря 1911 г. без сопротивления покинул свою резиденцию и Улясутайский цзянцзюнь со своим окружением. Во Внешней Монголии было провозглашено независимое теократическое государство с центром в Урге во главе с Богдо-гэгэн Джембцзун-дамба-хутухтой VIII. Правительство Внешней Монголии возглавил Саин-нойон-хан, воспитанный при Цинском дворе. Одним из самых влиятельных политических деятелей был министр иностранных дел Ханда-цин-ван. Вся полнота власти на местах осталась в руках владетельных князей — хошунных цзасаков. Место цинских амбаней в Улясутае и Кобдо заняли наместники богдо-гэгэна (сайты).

В Кобдо позиции Пекина были более прочными, чем в Халхе, цинская администрация Западной Монголии надеялась на помощь из соседнего Синьцзяна, да и западные монголы не были единодушны в стремлении отделиться от Китая и присоединиться к Халхе. Амбань Пу Жунь отправил семьи китайских чиновников и часть торговцев в Россию, а сам вместе с основной частью китайской колонии Кобдо остался защищать административный центр Западной Монголии. В августе 1912 г. цинская крепость в Кобдо была захвачена монгольскими войсками.

Сразу же после провозглашения монголами независимости Россия предложила свои услуги по предотвращению монголо-китайского конфликта. Но в январе 1912 г. китайский посланник Лу Чжэнсян сообщил министру иностранных дел С.Д. Сазонову об отказе от посредничества России. Через месяц после отречения Пу И от престола Юань Шикай ликвидировал автономию Монголии и попытался силой восстановить власть Китая над Внешней Монголией. Против политики России в поддержку самостоятельности Монголии выступили все китайские политические партии, губернаторы провинций и наместник Маньчжурии. В январе 1912 г. Сунь Ятсен предложил монгольским князьям объединиться против «русской агрессии». Антирусские силы, напрямую поддержанные вице-президентом

Ли Юаньхуном, выступили за полное восстановление китайской власти в Монголии военным путем. В городах юга Китая проходили митинги, собирались средства и оружие для военного похода в Монголию. В разных местах действовали «общества спасения Монголии», китайцы объявляли бойкот русским товарам и учреждениям. Признание автономии Монголии было условием дипломатического признания Китайской Республики со стороны Российской империи, с чьим мнением считались все ведущие державы мира. 3 ноября 1912 г. президент Юань Шикай вынужден был подписать Декларацию о признании автономии Внешней Монголии и запретить все организации, готовившие военные дружины для похода в Монголию.

В центре внимания русских военных властей в 1913 г. была прилегающая к русскому

Алтаю Западная Монголия. В начале 1913 г. на территории Кобдинского округа была сосредоточена крупная группировка хорошо обученных китайских войск, численностью до 4 тыс. чел. И летом того же года монгольские войска вступили там в борьбу с китайскими отрядами, однако ни у одной из сторон не было сил для установления полного контроля над Западной Монголией.

Для защиты русских интересов и поддержания стабильности в Западной Монголии летом 1913 г. в этот регион был направлен крупный воинский контингент из состава Омского военного округа. Документы, отражающие ввод русских войск в Западную Монголию сохранились в Государственном архиве Алтайского края — Фонд № 170 «Бийское уездное полицейское управление».

М.В.Д.
Томский губернатор
По Губернскому управлению
1-е отделение
25 апреля 1913 г.
№ 9913-й
Гор. Томск

КОПИЯ
ЛИЧНО
С.Секретно

Бийскому уездному исправнику

Как видно из сообщения Командующего войсками Омского военного округа от 16 апреля тек. года за №1138-м из гор. Ново-Николаевска в направления Бийск-Кош-Агач-Кобдо будет двинут отряд в составе 2-х батальонов пехоты, 8 горных орудий, полторы сапер и полусотни казаков с необходимыми обозами и тыловыми учреждениями.

Давай знать об этом, предлагаю оказать полное и законное содействие войскам 1/ по формированию транспортов, покупке лошадей и перевозке тяжестей отряда; 2/ по отводу квартир и облегчению покупки продовольствия и топлива при следовании отряда, а также частей, команд и военных транспортов, кои будут направляется в гор. Кобдо по Чуйскому тракту; 3/ по заготовке чинами интендантских запасов продовольствия; 4/ по приему в лечебные заведения гражданского ведомства по пути следования отряда и при эвакуации заболевающих воинских чинов к вообще во всех случаях обращения войск к содействию гражданской администрации. — Подлинное за надлежащей подписью. —

С подлинным верно: Секретарь

Копии сего распоряжения препровождены Крестьянским Начальникам 1,2 и 4 участков и Становым Приставам 1,2 и 5 станов для оказания содействия 6 мая 1913 г.

ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 549. Л. 1.

и.д. ОКРУЖНОГО ИНТЕНДАНКА
ОМСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
№ 19
«25» июня 1913 года
гор. Бийск

Бийскому Уездному Исправнику
Бийский
Уездный исправник
25 июня 1913
Томской губернии

ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 549. Л. 20

НАЧАЛЬНИК
Ново-Николаевского Отряда
«11» июля 1913 г.
№ 50
Гор. Бийск
На №319

Бийскому Уездному Исправнику
Бийский
Уездный исправник
12 июля 1913
Томской губернии

Вверенный мне отряд из Города Бийска предположено выдвинуть тремя эшелонами: 1-й эшелон в составе 2-х рот 44-го Сибирского стрелкового полка и полевых хлебопекарен 12 июля; для него потребуется 21 обывательская подвода; 2-й эшелон — Штаб отряда, 6 роты 41-го Сибирского стрелкового полка, ½ сотня казаков и ½-рота теперь — 14-го июля; для этого эшелона потребуется 24 обывательских подвода и 3-й эшелон — 2 роты 41-го Сиб. стр. полка 7-я горная батарея 8-й Сибирский стр. Артиллерийской бригады — 16 Июля; для него потребуется 9 обывательских подвод.

Генерального Штаба,
Полковник подпись: Козаков
Адъютант штаба отряда,
Поручик подпись: [...]

ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 549. Л. 49

«Утверждаю» Командующий войсками Омского военного округа, Генерал от Кавалерии Шмит 26 апреля 1913 года Г. Омск	Копия Секретно
--	-------------------

ВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Об устройстве и службе военных дорог и этапов для Ново-Николаевского и Зайсанского отрядов, выдвигаемых из Омского военного округа в Кобдоский и Алтайские района Монголии и Китая. —

§1. Для выдвигаемых из Омского военного округа Кобдоский и Алтайский районы Монголии и Китая Ново-Николаевского и Зайсанского отрядов устраиваются военные дороги с этапами: а/ от с. Кош-Агач Томской губернии до г. Кобдо и б/ от гор. Зайсана Семипалатинской области до г. Шара-сумэ в Алтайском округе.

§2. По этим дорогам должны доставляться в отряды укомплектования, снабжения и поста, производиться эвакуация и вообще сообщение с тылом.

§3. Списки этапных пунктов на дорогах, с подробным определением на каждом этапе числа чинов, открываемых приемных покоев для больных, хлебопекарен для снабжения хлебом и необходимых помещений для оборудования этапов, при сем полагаются / приложения № № 1 и 2 /.

§ 4. Для несения службы назначаются: на линию Кош-Агач-Кобдо- две роты 44-го Сибирского стрелкового полка из числа квартирующих в г. Барнауле и на линию Зайсан — Шара-Сумэ — офицеры и нижние чины Зайсанской местной команды, с придачей казаков от 3-го Сибирского казачьего полка.

Распоряжения о наряде сделаны начальнику 11-й Сибирской стрелковой дивизии и начальнику Омской местной бригады.

§5. Для постов летучей почты находящихся в пунктах расположения этапов и подчиненных начальникам этапов, придаются: на линии Кош-Агач — Кобдо конные монголы, которые назначаются при содействии Кобдоского консула, и на линии Зайсан — Шара-сумэ — конные джигиты-киргизы, назначаемые за вознаграждение при содействии областной администрации.

Примечание: сношение о содействии с Кобдоским консулом и Семипалатинским Губернатором сделано.

§ Начальником этапной линии Кош-Агач-Кобдо назначается старший офицер из состава рот, которому иметь местопребывание по указанию начальника Ново-Николаевского отряда. Последнему он подчиняется и выполняет все распоряжения его до прихода отряда в г. Кобдо, а

по соединении Улсутайского и Ново-Николаевского отрядов переходить в подчинение общего начальника Кобдоского отряда.

§7. Начальником этапной линии Зайсан-Шара-Сумэ назначается офицер Зайсанской назначается офицер Зайсанской местной команды по выбору начальника Зайсанского местного отряда; местопребывание он имеет по указанию того же начальника отряда, которому подчиняется.

§ Начальникам отрядов предоставляется, в случае действительной необходимости, разделить этапные линии на участки, с назначением для каждого из них особого начальника этапного участка, подчиненных общим начальникам этапных линий.

§ 9. При начальниках этапных линий, а в случае надобности и при начальниках участков, иметь вольнонаемных переводчиков монгольского* и киргизского** языков, с отнесением расходов на аванс, распоряжении начальников отрядов находящийся.

§ 10. На каждый этап, для заведования им, назначается распоряжением начальника этапной линии этапный комендант из состава чинов охраны этапа.

В сел. Кош-Агач этапным комендантом назначить офицера.

§ 11. Ведению этапного коменданта подлежат, независимо пункта расположения этапа, также и все ближайшие окрестности оною. Район, под ответственный этапному коменданту, простирается: по направлению дороги — половины пути соседнего этапа, по всем же прочим направлениям — тех пунктов, куда, в зависимости от местных условий, этапный комендант имеет возможности распространить свое влияние.

§ 12. В подведомственном ему районе, этапный комендант есть другой представитель военной власти и непосредственный начальник всех воинских команд и чинов, находящихся на этапе для местной, караульной, конвойной и военно-полицейской службы.

§ 13. На обязанности этапных комендантов лежит охранение порядка и благоустройства на этапах.

§ 14. Распоряжение об охране каждого этапа в отдельности исходит от этапного коменданта. При отражении нападения на этапе, он руководствует над всеми, находящимися на этапе, войсками, если на этапе не находится старшего его в чине или звании строевого военного начальника; в последнем случае начальство над войсками принимает сей начальник.

§ 15. В отношении внутренней службы на этапе этапный комендант руководствуется существующими уставами и законоположениями.

§ 16. Следование подкреплений и транспортов со всякого рода запасами, отправляемыми к отрядам и обратный отвоз всего, подлежащего отправлению из отрядов, и в особенности движения нештатных и маршевых команд, почте и курьеров совершается не иначе, как по военным дорогам.

§ 17. Все, подлежащие отправлению в отряды и возвращению из них, направляется на начальные ли головные этапы дорог и распоряжением комендантов этапов отправляется от одного этапа до другого места назначения.

§ 18. При следовании транспортов коменданты этапов обязаны удостоверяться по наружному виду в целостности грузов, требовать от старшего конвойного транспорта устройства замеченных неисправностей, делать дополнительный наряд конвоировать в случае надобности из числа людей охраны этапов и принимать все меры, чтобы транспорты следовали без задержки.

§ 19. Военные дорог с этапными пунктами устраиваются по распоряжению начальников отрядов, по мере продвижения отрядов в глубь Кобдоского и Алтайского округов. Перенесение в случае надобности, в стороны и изменение направления военных дорог производится также распоряжением начальников отрядов.

§ 20. Оборудование этапов и установление порядка службы возлагается на начальников этапных линий.

§ 21. Этапы и все учреждения при них помещаются: в населенных пунктах — в жилых строениях, в степи же, где нет построек в монгольских и киргизских юртах или в лагерных палатках; в последних в первое время, пока не будут доставлены юрты, а также в случае невозможности нанять юрты у населения.

§ 22. Лагерными палатками, согласно расчетов числа их в списках этапов /приложение № № 1 и 2-й/ и подстилочной кошмой снабдить отряды окружному интенданту.

Юрты должны быть выставлены населением /за плату / при содействии Кобдоского консула и пограничной администрации в Зайсанском отряде.

* На линии Кош-Агач-Кобдо

** На линии Зайсан-Шара-Сумэ

Примечание: сношение сделаны:

§ 23. Оборудование этапов инвентарем произвести согласно прилагаемой ведомости /приложение № № 1 и 2-й/ пограничных линий, распоряжение которых на покупку инвентаря отпустить авансы по 1000 руб.

§ 24. Снабжение этапов продовольствием производится попечением интендантства по требованию начальника этапной линии или участка. Пора снабжения печеным хлебом указан в приложениях № № 1-й и 2-й.

§ 25. На всех этапах должны содержаться неприкосновенные запасы продовольствия, фуража и топлива в трехдневной пропорции. На текущее довольствие этапов организовать подвоз по мере надобности распоряжением интендантства.

§ 26. Пополнение боевых припасов на этапах должно производиться по требованиям начальников этапных линий распоряжением начальника Кош-Агачского передового артиллерийского склада и начальника г. Зайсана. Подлинное подписали: Начальник Штаба Омского военного округа, Генерал-лейтенант Ходорович. За Старшего Адъютанта Дорофеев.

Верно:
Вр. и.д. Делопроизводителя

Приложение № 1

**ПЕРЕЧЕНЬ ЭТАПОВ
на линии селение Кош-Агач — гор. Кобдо**

Номер этапа	Пункты расположения этапа	Охрана	Оборудование
Начальный этап	С. Кош-Агач	35 н.ч. ^{1/} с офиц. и 6 монголов	Чины охраны ^{2/} команда хлебопеков все проходящие команды разместиться насколько то позволят местные условия, по обывательским квартирам
	Всего	41 человек	
			На случай невозможности полностью использовать квартиры, для нужд этапа отпускаются 9 палаток и 9 юрт ^{3/}
			На этапе открывается хлебопекарня ^{4/} снабжающая хлебом, кроме начального этапа, этапы №№ 1-3. Заболевающие чины сдаются в местное лечебное заведение.
	Промежуточные этапы		
1.	Р. Чуя /25 верст от предыдущего этапа /.	7 н.ч. 3 монгола <hr/> 10 челов.	На каждый этап потребно 4 палатки и 4 юрты
2.	пик. Ташанты / 25	7 н.ч. 3 монгола <hr/> 10 челов.	Хлеб, а также и медицинская помощь на этапах №№ 1-3 получается с начального этапа, а на этапах №№ 4-5 с этапа № 6
3.	Р. Бурчут / 30 верст /.	7 н.ч. 3 монгола <hr/> 10 челов.	
4.	р. Хулик /18-ть верст /.	7 н.ч. 3 монгола <hr/> 10 челов.	
5.	ур. Урукту /24 верст/.	7 н.ч. 3 монгола <hr/> 10 челов.	
6.	р. Кобдо «...» верст	«...» с ун-офиц. 5 монгол <hr/> 40 челов.	«...» открывается хлебопекарня и околоток. ^{3/} Хлебопекарня снабжается этапы №.№. 4-8 ^{4/}
7.	оз. Тон-Шара-Нор /23 в. /	7 н.ч. 3 монгола <hr/> 10 челов.	На каждый этапе потребно 4 палатки и 4 юрты ^{3/}

История отношений России и Монголии в документах

8.	оз. Толбо-Нор / 22 версты/	7 н.ч. 3 монгола <hr/> 10 челов.	Хлеб, а также и медицинская помощь получается на этапах №№. 7-8 с этапа №6, а на этапах № 9-10 с этапа № 11
9.	р. Толбо /мойка Поповых / 25 верст/.	7 н.ч. 3 монгола <hr/> 10 челов.	
10.	р. Бураты / 20 верст/.	7 н.ч. 3 монгола <hr/> 10 челов.	
11.	ур. Хонгур-лень	25 н.ч. с учн-офиц. и 5 монгол <hr/> 30 челов.	На этапе потребно 8 палаток и 8 юрт в виду того, что на этапе открывается хлебопекарня и околоток ^{3/} Хлебопекарня снабжает хлебом этапы №.№. 9-13 ^{4/}
12.	р. Хошаты /24 версты/	7 н.ч. 3 монгола <hr/> 10 челов.	На каждый этап потребно 4 палатки и 4 юрты ^{3/}
13.	ур. Хонго /16 верст/.	7 н.ч. 3 монгола <hr/> 10 челов.	Хлеб, а также и медицинская помощь получается на этапах №.№12-13 с этапа №. 11, на этапах №14-15 с головного этапа
14.	р. Тархэ-Шурюк /28-м верст/.	7 н.ч. 3 монгола <hr/> 10 челов.	
15.	оз. Шара-Нор /29 верст/.	7 н.ч. 3 монгола <hr/> 10 челов.	
Л.67.			
Головной этап	Гор. Кобдо /23 вер. /		Охрана этапа, а также и все продовольствие деть производиться самим отрядом по распоряжению начальника такого. Прибывающие команды будут препровождаться непосредственно в войсковые части ^{7/}
	Всего	186 н.ч. пехоты и 55 ч. монголов	

Примечание:

1/ В это число входит команда хлебопеков в рабочих всего 10 н.ч.

2/ На всех этапах нижние чины пехоты назначаются из состава Барнаульского отряда.

Монголы назначаются для постов летучей почты, находящихся в пункте расположения этапа и подчиненных начальнику этапа, при чем монголы назначаются при содействии нашего консула в Кобдо, независимо от той линии летучей почты, которая существует в мирное время между Кош-Агачем и Кобдо.

3/ Палатки выдаются интендантством, а юрты выставляются при содействии нашего консула в Кобдо по следующему расчету: на 10-15 н.ч. охраны 1 палатка /юрта/, кроме того нужна палатка /юрта/ для припасов и две палатки /юрты/ для проходящих команд /приблизительно на 25-30 чел./; на этапах, где функционирует околоток 1 палатка /юрта/.

4/ Суточная производительность хлебопекарни должна быть не менее 15 пуд. при чем выпечка хлеба на проходящие команды должна производиться в мере действительной надобности, по уведомлении о приходе таковых команд.

5/ Взять усиленный состав охраны ввиду того, что от охраны потребуется Л. 67 об.содействие переправ через Кобдо проходящих команд и транспортов, кроме того, названная охрана будет служить участковым резервом.

6/ Взять усиленный состав охраны, ввиду того, что охрана будет служить участковым резервом.

7/ На случай, если бы потребовалось удлинение этапной линии, видимо иметь в запасе не менее 10 палаток.

8/ На всю этапную линию необходимо 78 палаток, а с запасными 88, и 78 юрт.

9/ Начальником всей этапной линии назначаются офицеры Барнаульского отряда, которому иметь местопребывание по указанию начальника отряда, которому иметь местопребывание по указанию начальника отряда, которому он и подчинятся. — Подписали: Начальник Штаба Омского военного округа, Генерал-Лейтенант Ходорович. За Старшего Адьютанта, Генерального Штаба Капитан Шепихин. —

Верно:

Вр. и.д. Делопроизводителя.

**ПЕРЕЧЕНЬ ЭТАПОВ
На линии Зайсан — Шара-Сумэ**

Номер этапа	Пункты расположения этапа	Охрана	Оборудование
Начальный этап	Гор. Зайсане	25 н.ч. с ун.-офиц., 2 казака и 3 джигита. ----- 30 челов. ^{1/}	Помещение для этапа отводится в освобожденных казармах Зайсанского гарнизона. Хлебопекарня и приемный покой не открываются на этапе, ввиду наличия в гор. Зайсан местного лазарета и функционирующих войсковых хлебопекарен гарнизона.
	Промежуточные этапы:		
1.	Май-Капчегай /верст от предыдущего этапа/.	5 н.ч. пехоты, 2 казака и 2 джигита ----- 9 челов.	Чины охраны и все проходящие команды помещаются в палатках и юртах, в зависимости от состояния погоды, коих потребно 6 палаток и 6 юрт, включая сюда палатки и юрты, потребные для пограничного поста № 2 ^{3/} Хлеб на этапе получается из гор. Зайсана, куда отправляются все заболевающие чины
2.	Урочище Туманды 2-е / 46 верст /.	15 н.ч. с ун.-офиц., 2 казака и 2 джигита ----- 19 челов.	На этапе потребно 5 палаток и 5 юрт ^{3/} Хлеб на этапе получается с этапа № 3, где функционирует полевая пекарня; заболевающие чины пользуются медицинской помощью с этапа № 3, где открыт околоток.
3.	Пик Мухурдай /42 ^{1/} / 2 вер./	25 н.ч. ^{4/} ун.-офиц., 1 фельд., 2 казака и 3 джигита ----- 30 челов.	На этапе потребно 8 палаток и 8 юрт ввиду того, что на этапе открываются хлебопекарня и околоток ^{3/} Хлебопекарня снабжает хлебом этапы №№ 2, 3 и 4 ^{5/}
4.	оз. Улюнгур /42 версты/.	15 н.ч. ^{6/} ун.-офиц., 2 казака и 3 джигита ----- 20 челов.	На этапе потребно 5 палаток и 5 юрт. Хлеб получается с этапа №3; заболевающие чины пользуются медицинской помощью с этапа № 3, где открыт околоток.
5.	Сарыхулсунская переправа /42 версты/.	25 н.ч. ^{6/} ун.-офиц., 2 казака и 3 джигита ----- 30 челов.	На этапе потребно 6 палаток и 6 юрт ^{3/} Хлеб получается с головного этапа туда же отправляются и заболевшие чины.
Головной пункт	Гор. Шара-Сумэ		Охрана этапа, а также и все продовольствие будет производиться самим отрядом по распоряжению начальника такового. Прибывающие команды будут препровождаться непосредственно в войсковые части ^{7/}
	Всего	100 чел. ^{8/} пехоты, 12 казаков и 15 джигитов	

Примечание:

1/ На всех этапах нижние чины пехоты назначаются из состава Зайсанской местной команды.

Казаки и джигиты / киргизы назначаются для постов летучей почты, находящиеся в пункте расположения этапа и подчиненных начальнику этапа; а казаки берутся из состава 3-го Сибирского казачьего полка, / а джигиты назначаются распоряжением местной администрации и будут потребованы начальником отряда при недостатке казаков.

2/ Назначение большого числа чинов для охраны этапа обстановкой не вызывается, так как в этом пункте имеется пост для охраны границы / № 2-я-25 чел. пехоты и 5 казаков /, который всегда может оказать содействие охране этапа.

3/ Палатки выдаются интендантством, а юрты выставляются распоряжением местной администрации по следующему расчету:

На 10–15 ниж. чин. Охраны 1 палатка /юрта/, кроме того нужна одна палатка /юрта/ для припасов и 2 палатки /юрты/ для проходящих команд /приблизительно, на 25–30 чел./: на этапах, где открывается хлебопекарня добавляются 2 палатки /юрты/ — для нижних чинов хлебопекарни, а на этапах, где функционирует околоскок — 1 палатка /юрта/.

4/ В это число входит команда хлебопеков и рабочих, всего 10 ниж. чин.

5/ Суточная производительность хлебопекарни должна быть не менее 10 пудов, при чем выпечка хлеба на проходящие команды должна производиться в мере действительно надобности, по уведомлении о предстоящем проходе таковых команд.

6/ Взять усиленный состав охраны ввиду того, что от ее чинов потребуются содействие переправы через р. Черный Иртыш проходящих команд и транспортов.

7/ На случай, если бы потребовалось удлинение этапной линии, необходимо иметь в запасе не менее 10 палаток.

8/ На всю этапную линию необходимо 30 палаток, а с запасными 40, и 30 юрт.

9/ Начальником всей этапной линии назначается офицер Зайсанской местной команды, которому иметь место пребывание по указанию начальника отряда, которому он и подчиняется. — Подписали: За Старшего Адъютанта, Генерального Штаба Капитан. Щепихин. —

Верно:

Вр. И.д. Делопроизводителя.

ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 549. Л. 64–64об., 65–65об.,
66–66об., 67–67об., 68–68об., 69

А.В. Старцев

*доктор исторических наук, профессор,
Алтайский государственный университет*

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1912–1923 гг.

В независимой Монголии (Рост г. Улангома. Спектакли в Улясутае)

В Хобдосском округе с каждым годом усиливается значение местечка Улангом, рост его совершается за счет г. Хобдо, особенно после изгнания китайцев монголами из Хобдо в 1912 г.

С того времени Хобдо потерял прежнюю роль центра Хобдосского края, а за его счет и стал приобретать исключительное значение для русской торговли Улангом.

Улангом и раньше привлекал торговцев, особенно китайцев, до 1912 г. здесь жило до 400 человек китайских торговцев и ими было поставлено до 30 мельниц (конных) для перемалывания пшеницы, которую они покупали у местных дербетов (монгол). Из русских фирм постоянно были 2: Мокин и Лебедев — Кутергин и К°. В 1912 г. улангомские китайцы тоже были разгромлены и имущество их все уничтожено монголами, вернее урянхайцами. Благодаря разгрому мельниц, хлебопашество в улангомском районе пало, за отсутствием спроса на пшеницу.

С прошлой осени в Улангоме снова начали селиться китайцы.

В Улангоме в настоящее время имеется 7 русских фирм: Мокина, Мальцева, Лихачева, Лебедева, Ассанова, Дробинина, Бурдукова. Все эти фирмы бийские. Весной временно для скупки скота приезжают иркутские и бийские скотопромышленники.

В Улангоме с прошлого года организовано улангомское торговое общество, избран торговый старшина. Улангомское купеческое общество с прошлой осени организовало свою купеческую почту. Теперь из Улангома в Кош-Агач регулярно 2 раза в месяц ездят нарочные с почтой. В 1915 году улангомцы получают до тридцати экземпляров разных газет и журналов. Одним из улангомцев составлен план улангомской русской фактории и отправлен хобдосскому консулу для возбуждения через нашего дипломатического агента в Урге перед монгольским правительством ходатайства об отведении места под факторию.

Улангомская долина является житницей края, здесь хорошее хлебопашество, огородничество, сенокосение; окрестные горы богаты лесом, сло-

вом — все говорит за то, что Улангом в скором времени разовьется в живой торгово-промышленный город. Монгольский национальный банк после Урги и Улясутая намечает свои отделения в Халхе в м[онастыре] Заин-Шаби и в Хобдосском округе. В Улангоме предполагается в скором времени проведение телеграфа, вероятно и почтовое ведомство обратит свое внимание и не замедлит открыть почтовое отделение.

В Улангом проходят удобные пути со всех сторон: со стороны Кош-Агача, Усы, даже Монды-Иркутска, также Улясутая и Хобдо.

Русская фактория находится около огромного улангомского дербетского монастыря, насчитывающего 2000 лам.

Русская колония в г. Улясутае устраивает несколько благотворительных спектаклей. Прошедшей осенью спектакль в пользу семей воинов, устроенный под руководством торгового старшины П.И. Игнатьева, дал около 700 рублей, второй спектакль, устроенный начальником конвоя консульства г. фон Мейером, дал около 400 рублей в пользу Скобелевского комитета; третий пасхальный спектакль, устроенный в помещении консульства 24 марта, дал наибольший сбор, а именно — 3000 рублей в пользу раненых.

А. Чуец

*Сибирская жизнь. Томск, 1915.
№ 106, 20 мая*

А.Д. Васенев

Русские задачи в Монголии

Назревшая необходимость оздоровления русско-монгольских торговых отношений, возникших еще в конце XVII столетия, сознается ныне всеми: как людьми, непосредственно заинтересованными в этих отношениях, так и идеологами нашей экономической политики на Дальнем Востоке. Своеобразные местные условия жизни туземного населения, род и характер его деятельности, недавняя политическая и экономическая порабо-щенность Китаем, отсутствие со стороны пионеров русской торговли и последующих деятелей планомерной организации торгового дела, неупорядоченность путей и форм сообщения, наконец, индифферентизм фабричной московской промышленности — вот те факторы, которые имели место при возникновении русской торговли в Монголии, существовали в период ее развития и сказываются в настоящее время.

Обширная земельная площадь, которую занимает Монголия, по своему географическому положению как бы предназначена для натурального хозяйства. Действительно, скотоводческое хозяйство является преобладающей формой ее экономического быта. Охотничий промысел за зверем, шкурки которого имеют рыночную стоимость, занимает также видное место в хозяйстве монгола и, в силу растущего спроса на эти шкуры, этот промысел получает большую распространенность. Скотоводство, как преобладающая форма народнохозяйственной жизни Монголии, наложило глубокую, неизгладимую печать на весь уклад ее жизни.

Вассальное положение Монголии от Китая дало возможность китайскому правительству развить там громадную колониционную политику, а китайскому коммерческому миру развить

свои торговые операции в громадном масштабе. Издавна китайская торговля пользуется в Монголии широким покровительством китайских правителей, резидентов (дзянь-дзюней, амбаней) и прочих чиновников, нередко лично участвующих своими капиталами в торговле. Кроме того, установившийся обычай круговой поруки среди монголов давал полную возможность китайцам развить кредитные операции без всякого риска, да еще на таких процентах, как 36 и даже 60% годовых. Обычай круговой поруки так сильно культивировался китайцами, что всякий кредит, даже малосостоятельному монголу, не говоря уже о кредите князю, был гарантирован всей наличностью богатства хошуна (волости), к каковому принадлежал кредитовавшийся монгол. Нередко китайцы, получив с монголов одни только проценты, отсрочивали свои основные долги до следующего года, конечно, с наложением новых сложных -процентов и, если монголы в силу необходимости шли на такие сделки, то неминуемо попадали в петлю, которая с годами затягивалась все сильнее и сильнее.

Китайские коммерсанты, раскинувшие широкую сеть банкирских контор, захватывали в свои цепкие руки целые хошуны. Обычно хошуны, вынужденные платить иностранцам крупные суммы за долги своих князей или разорившихся монголов (а эти иностранцы — те же китайцы) и не имея их в наличности, принимали услуги банкиров (туньшей), которые рассчитывались за них с кредиторами серебром, кирпичным чаем и, обусловив себе за свои долги получение почти всего сырья за половину рыночной его стоимости, они, повторяю, захватывали целые хошуны в свои руки и уже не выпуска-

ли их из своей власти. Нет хошуна, который бы не был захвачен китайцами. Некоторые хошуны в размере своей задолженности доходят до 300 тысяч лан. Такие хошуны едва справляются с ежегодными платежами одних только процентов. Ясно, что при условии обязательства хошуна за монгола, при поощрении чиновников китайской торговли, был допущен полный произвол, который и привел к весьма печальному положению. Монголия оказалась вся в неоплаченных долгах китайцам.

Почти все товары, имеющиеся в лавках у китайцев (мануфактурные, галантерейные и прочие), — по преимуществу заграничного производства и ввезены туда применительно к вкусам и требованиям туземного населения. Если принять во внимание дешевизну их сравнительно с русскими товарами и превосходство в качестве, то станет понятным, почему экспорт русских изделий в Монголию падает, почему торговля, хотя бы хлопчатобумажными товарами, влачит и теперь жалкое существование. В особенности за последние 10–15 лет остро сказывалась эта конкуренция. Китайцы буквально наводнили всю Монголию товарами иностранного происхождения: английскими, американскими, японскими. Товары эти, вытеснив русские со всех рынков Монголии, проникают даже до нашей северо-восточной границы, в Минусинский округ, в Кош-Агач Бийского округа. Такое развитие китайской торговли в Монголии логически определило характер русской торговли. Естественно, что русская торговля, сдавленная многими запрещениями и сильной конкуренцией, все свои торговые операции свела преимущественно к скупке сырья (спрос на какое-то возрастал с каждым годом), через тех же китайцев, которые являются ловкими комиссионерами. Скупаются баранья, верблюжья шерсть, рогатый скот и разного рода звериные шкурки, всего на сумму в Ургинском, Улясутайском и Кобдосском районах до 4 миллионов рублей (беру цифры за последние два года).

Что касается нашего ввоза, то можно сказать, что он исчерпывается гамбургским серебром, выделанными кожами (юфтью) бийских, тюменских и иркутских заводов, изделиями из меди, железа, чугуна, как-то: тазы, чайники, котлы, топоры и еще немногие предметы железно-скобяной промышленности. Если и существует ввоз и продажа в Монголии хлопчатобумажных изделий, то он исключительно поддерживается только мелкими торговцами, да и они в настоящее время, учитывая различие и превосходство заграничного товара перед русским товаром, начинают закупать его у тех же китайских фирм, променивая его на местах на скот и сырье. Вообще же торговля

мелких коммерсантов слабо развита, и с каждым годом объем ее сокращается. Объясняется это беспорядочным ведением дел, крайней неприспособленностью к условиям страны и, конечно, теми причинами, которые являются общими для всей нашей торговли.

Помимо острой конкуренции со стороны китайцев, немалым тормозом к развитию нашей торговли является отсутствие удобных, даже сносных путей сообщения. Эти пути представляют в большинстве неразработанные горные тропы, годные только для вьючного сообщения на верблюдах и лошадях. Таковы тропы от Усть-Каменогорска на Кобдо, от Минусинска в Усинский край и в Урянхайскую землю. От г. Бийска через Кош-Агач на Кобдо и Улясутай, пересекая хребты Алтая, идет та же тропа, которая только на протяжении 250 верст превращена в сносную дорогу, годную для движения на арбах и двуколках. За отсутствием же ремонта, населенных пунктов с запасами корма для скота, этой тропой пользуются только в летнее время, когда имеется подножный корм (только на верблюдах движение не прекращается). Отсутствие мостов на таких реках, как Катунь и Чуя, представляет также большое неудобство. Недостаточное обслуживание торговли почтой и телеграфом особенно пагубно влияет на торговлю. Иногда полная оторванность от крупных центров торговли продолжается подряд несколько месяцев. Далее, совершенно не существовало какой-либо организации среди купечества, не было каких-либо акционерных предприятий, каждый купец изолированно работал со своим скромным капиталом. Торгово-промышленный класс состоял в большинстве из малоразвитых, не представлявших себе всю государственную важность экономической оккупации страны, людей. Нередко наблюдались неблагоприятные приемы ведения дел с туземцами из желания скорейшей наживы. Следует указать также, что консульская часть в ее настоящей структуре не всегда отвечает требованиям торговых интересов. Привлеченная в Монголию в качестве официального представителя наших политических задач, она является в то же время и защитницей наших торговых интересов, для чего, конечно, требуется всесторонне подготовленный персонал.

Вся сумма фактов привела к тому, что сфера нашего влияния в Монголии с каждым годом суживалась. Теперь встает вопрос: какие пути мы должны избрать для возрождения и расширения нашего влияния в Монголии? Объявление Монголией своей независимости от Китая меняет положение дел в благоприятном для нас смысле. Раз создалось такое положение, надо его использовать и поддержать Монголию в ее эмансипации,

оправдываемой назревшими потребностями ее политико-экономического быта. Это необходимо как по моральным, так и по практическим соображениям. Монголия, обладая громадным земельным фондом, представляет обширную территорию с большим богатством в недрах земли, которое хищнически эксплуатируется китайцами. Собственными силами, за неимением оружия и в силу мирного характера пастушеского населения, сложившегося под влиянием буддизма, Монголия не в силах оказать сопротивление, и в первой же схватке она будет сломлена Китаем. Поэтому Монголия ждет в настоящий момент поддержки со стороны России. С давних времен Монголия, наша ближайшая соседка, питает к нам большие симпатии и дружбу. Легендами воспитанная мысль настойчиво твердит им о необходимости перейти под покровительство Белого Царя. Если объявленная Монголией независимость упрочится, китайская торговля, несомненно, утратит свой монопольный характер и тогда для русской торговли откроются широкие перспективы. Условия монгольского рынка вызывают необходимость широкого и долгосрочного кредита (под сырье, рогатый скот и пр.). Кредит поддержал бы также развитие мелкой торговли. Одной из причин падения нашего банковского дела в Монголии явилось то, что банки не приспособились к условиям экономического быта Монголии. Единичные торговцы (я говорю о бийских коммерсантах) не в силах создать какое-либо солидное дело в Монголии за отсутствием среди них солидарности, больших денежных средств. Для этого необходимо объединение торговцев в такую организацию, как акционерное общество, которое привлекло бы к участию московских фабрикантов и поставило дело на широких началах. Приходится отметить печальный факт, что образованных людей среди коммерсантов встречается немного, не говоря уже о служащих. Поэтому логически вытекает необходимость учреждения в таких пограничных пунктах, как Минусинск, Бийск и Иркутск торговых школ, вроде функционирующих уже в России, с включением в программу преподавания в этих школах туземного языка.

Далее необходимо, чтобы наши отечественные фабриканты проявили более активное свое стремление к приобретению новых рынков. Необходимо отбросить индифферентизм, к сожалению, подтвержденный отчетом экспедиции в Монголию. Эта экспедиция, снаряженная московскими фабрикантами, пришла к заключению, что сбыт наших фабрикатов труден, что товары наши вытесняются китайскими, а при до-

роговизне транспорта и высоте наших цен, они не будут иметь успеха. Совершенно верно, но на время наши фабриканты должны поступиться высокими прибылями в Монголии. В общегосударственных интересах и при создавшемся положении они должны обратить свое внимание на Монголию, должны прислушаться к голосу торговцев из этой страны, пойти им навстречу, дать им изделия соответственно вкусам и требованиям туземцев, и тогда, безусловно, создастся та прочная база, которая обеспечит мощное развитие торговли.

Начиная с 1909 года в Монголии появились агенты иностранных фирм по скупке сырья. Эти иностранные агенты имеют большое преимущество перед русскими, так как, скупая сырье, они непосредственно транзитом направляют его в европейские и американские рынки, в то время как русские вынуждены за неимением связи с этими рынками продавать сырье через перекупщиков-коммиссионеров. Поэтому проектируемому акционерному обществу надлежит в будущем обзавестись такими же агентствами в Европе и Америке. Затем о значении улучшения путей сообщения как в торговле, так и в политическом отношении говорить не приходится. Крайне желательно открытие русско-монгольских школ в Монголии, организация там ветеринарно-медицинской помощи. Это, несомненно, встретит горячее сочувствие со стороны местного населения. Русское правительство не должно относиться безучастно к событиям в Монголии. Чувствуется необходимость вмешательства в дела этой страны. Многолетнее существование нашей торговли в Монголии дает нам право на вмешательство. Необходимо создать между Россией и Китаем государство-буфер. Во всех отношениях удобнее иметь соседом мирную пастушескую страну, к нам расположенную, чем враждебно настроенных китайцев. В случае игнорирования Россией монгольских стремлений, Монголии грозит опасность разгрома со стороны китайцев, по примеру знаменитого усмирения в 60-х годах прошлого столетия дунганского восстания в западных провинциях Китая.

Итак, скорейшее проведение в жизнь проекта Русско-Монгольского акционерного общества вполне отвечает настроению Монголии. Идея учреждения такого общества получила уже полное признание со стороны монгольского купечества и, полагаю, встретит также его содействие и участие.

*Русский экспорт. СПб., 1912,
3 6-7. С. 171-174*

Декларация России и Китая о признании автономии Внешней Монголии

23 октября 1913 г.

Ввиду того, что императорское российское правительство определило начала, которые оно принимает за основание своих отношений к Китаю касательно Внешней Монголии, и правительство Китайской Республики я выразило свое сочувствие сказанным началам, оба правительства условились о нижеследующем:

I

Россия признает, что Внешняя Монголия находится под сюзеренитетом Китая.

II

Китай признает автономию Внешней Монголии.

III

Признавая исключительное право монголов Внешней Монголии самим ведать внутренним управлением автономной Монголии и решать все касающиеся этой страны вопросы, относящиеся к торговой и промышленной областям, Китай обязуется не вмешиваться в эти дела и посему не будет посылать войск во Внешнюю Монголию, не будет содержать там никаких гражданских или военных властей и будет воздерживаться от всякой колонизации этой страны. Условлено, однако, что командированный китайским правительством сановник может проживать в Урге, имея при себе необходимый подчиненный штат и конвой. Кроме того, китайское правительство, в случае надобности, может содержать в некоторых местностях Внешней Монголии, подлежащих определению при предусмотренных в V статье настоящего соглашения переговорах, агентов для защиты интересов своих подданных.

Россия с своей стороны обязуется не содержать войск во Внешней Монголии, за исключением консульских конвоев, не вмешиваться в какую-либо отрасль управления этой страны и воздерживаться от ее колонизации.

IV

Китай выражает готовность принять добрые услуги России для установления своих отношений с Внешней Монголией согласно вышеизложенным началам и постановлениям Русско-монгольского торгового протокола 21 октября 1912 года.

V

Касающиеся интересов России и Китая во Внешней Монголии вопросы, порождаемые новым положением вещей в этой стране, составят предмет последующих переговоров.

В удостоверение чего, нижеподписавшиеся, надлежащие на то уполномоченные, подписали настоящую декларацию и приложили к ней свои Печати.

Учинено в Пекине, в двойном экземпляре, двадцать третьего октября (пятого ноября) тысяча девятьсот тринадцатого года, что соответствует пятому дню одиннадцатого месяца второго года Китайской Республики.

(Подписали):
В. Крупенский.
Сун Бао-ци.

*Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 гг.
М., 1952. С. 418–419*

Заключение Министерства торговли и промышленности на проект устава «Сибирско-монгольского торгово-промышленного акционерного общества»

30 сентября 1913 г.

Действительный статский советник Альфонс Васильевич Витте, иркутский 2-й гильдии купец Исай Давыдович Камов, иркутский 2-й гильдии купец Абрам Леонтьевич Кринкевич, потомственный почетный гражданин Яков Григорьевич Патушинский, потомственный почетный гражданин Владимир Михайлович Посохин, баргузинский 1-й гильдии купец Яков Давыдович Фризер и потомственный почетный гражданин Болеслав Петрович Шостакович представили в Министерство торговли и промышленности, для исходатайствования утверждения, проект устава акционерного общества, под наименованием: «Сибирско-Монгольское торгово-промышленное акционерное общество».

Общество это, как видно из проекта устава, учреждается для производства в Монголии операций торговых и комиссионных по покупке и продаже товаров с выдачей подтоварных ссуд, для устройства и эксплуатации в Монголии фабрик и заводов в целях обработки и переработки монгольского сырья, ископаемых и полуфабрикатов, для торговли изделиями этих фабрик и заводов, для производства разведок и разработки в Монголии залежей полезных ископаемых, для устройства в Монголии грунтовых дорог и паровых сухопутных и водяных сообщений, связывающих рынок Монголии с Сибирью, для организации в Монголии транспортного дела и почтовых сношений и вообще для образования в Монголии разного рода торговых и промышленных предприятий (§ 1).

Обществу представляется право, с соблюдением существующих законов, постановлений и прав частных лиц, приобретать в собственность или в срочное владение и пользование в России и Монголии соответственные цели учреждения общества движимые и недвижимые имущества, приобретать от Монгольского правительства всякого рода концессии и открывать в России и Монголии фактории, пристани, склады и агентства (§ 2).

Приобретение обществом в собственность или в срочное владение и пользование недвижимых имуществ в местностях, где таковое приобретение воспрещается, по закону, иностранцам или лицам иудейского вероисповедания, — не допускается (прим. 1 к § 2).

Основной капитал общества определяется в 200000 рублей, разделенных на 2000 именных или на предъявителя акций, по 100 руб. каждая, подлежащих оплате раздробительно, а именно: 40 руб. на акцию вносится не позже шести месяцев по опубликовании устава, а остальные 60 рублей на акцию — не позже двух лет по открытии действий общества (§§ 18 и 21).

Органами общества служат: правление (с местопребыванием в г. Иркутске), ревизионная комиссия и общие собрания акционеров (§§ 29, 47 и 54).

Срок существования общества не назначается (§ 76).

В других частностях проект устава общества согласован с утвержденными в последнее время уставами подобных торгово-промышленных компаний.

Иркутский генерал-губернатор сообщил, что скорейшее образование этого общества при благоприятных ныне условиях для русской торговли в Монголии он находит весьма желательным, особенно в виду поступающих к нему многочисленных заявлений, что за оставлением Монголии китайскими купцами в последней отмечается крайний недостаток во многих товарах первой необходимости, создающий опасение возможности нового обращения монголов к содействию китайских торговцев.

Министерство внутренних дел уведомило, что с его стороны не встречается препятствий к утверждению в установленном порядке проекта устава названного общества, но при условии, чтобы проект этот был дополнен указанием о том, что порядок и условия деятельности устраиваемых обществом в Монголии почтовых учреждений определяются правительством. Такая оговорка представляется необходимой в виду того, что вопрос об организации почтовых сообщений в Монголии подлежит еще всесторонней разработке по соглашению с Министерством иностранных дел и другими заинтересованными ведомствами.

Министерства иностранных дел, финансов и путей сообщения не встречают препятствий к учреждению названного общества на изложенных в означенном проекте устава основаниях.

В соответствии с отзывом Министерства внутренних дел, в проект устава включена Министерством торговли и промышленности, с согласия учредителей, надлежащая оговорка (прим. 2 к § 2)*.

[...]

Заключение

Не встречая препятствий к учреждению названными выше лицами, на основании прилагаемого при сем проекта устава, акционерного общества, под наименованием: «Сибирско-Монгольское торгово-промышленное акционерное общество», министр торговли и промышленности имеет честь представить о сем на благоусмотрение Совета министров.

Подписал: за министра торговли и промышленности,
товарищ министра П. Барк.

Скрепил: управляющий отделом В. Сибилев.

АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д. 720. Л. 42–43.

* «Порядок и условия деятельности устраиваемых обществом в Монголии почтовых учреждений определяются Российским правительством».

Кожевенная промышленность в Автономной Внешней Монголии

Русская юфть уже давно завоевала монгольский рынок, кроме того ее немало проходило и проходит в настоящее время в Калган, отсюда она возвращается обратно в виде готовых монгольских сапог (гутул). Русскими ввозилась только готовая юфть, но по сие время еще никем не предпринималось изготовление из нее предметов монгольского обихода, как-то: обуви, черпаков к седлам, дорожных сум и пр. Хотя опыты изготовления русскими монгольской обуви и были, но оказались неудачными, так как сапоги были сделаны по образцу калмыцких, на монгольские мало похожих. Монголам пришлось они не повкусу и сбыта совершенно не имели. На этом наше производство и замерло, тогда как китайцы, преимущественно в приграничных городах Монголии — в Калгане и Долонноре из русской юфти изготавливают монгольскую обувь, добросовестной выработкой каковой, соблюдением до тонкости фасона по вкусу монголов, уже многие десятки лет тому назад завоевали этому своему производству в Монголии широкий сбыт.

Большая потребность в юфти уже давно зародила в умах русских предпринимателей идею открытия в Монголии кожевенного завода, но долгое время эта мысль не могла осуществиться вследствие нежелания и протеста со стороны монголов касательно разрешения пользоваться местной тальниковой корой, необходимой для дубления кож; доставка же ее или других дубильных материалов из русских пределов слишком удорожала бы производство.

Только в 1911–1913 гг. на реке Мурин на запад от Урги, невдалеке от Мурин-куренья, русским подданным бр. Тонконоговым частным образом удалось добиться от местных монгольских властей дозволения пользоваться тальниковой корой там на месте, где и был оборудован небольшой кожевенный завод при самых ограниченных средствах, с производством юфти кустарным способом. Несмотря на разные препятствия и стеснения со стороны монголов, дело все-таки шло, выделяемая юфть, хотя и невысокого качества, все же нашла сбыт и развитие дела почти уже обеспечивалось. Вырабатывалось ими до 3000 кож в год.

С объявлением войны главный участник дела и кожевенный мастер были призваны на военную службу, вследствие чего дело почти остановилось и в настоящее время, кажется, ликвидировано совсем.

В 1914 г. в Ургу прибыл кожевенный мастер, русский подданный г. Зоон. Несмотря на неблагоприятные обстоятельства (отсутствие средств, дубильного материала и стеснения монголов), г. Зоон арендовал небольшой участок земли на берегу р. Толы возле Урги и в компании с местными торговцами г. Тимановичем и г. Москвитиним открыл небольшой завод, на котором стал вырабатывать юфть и выделывать овчину. Вследствие несогласия между компаньонами и это предприятие стало приходить в упадок, а в настоящее время уже перешло в руки других предпринимателей — трех скотопромышленников. Развития завода пока не заметно и выдаваемых ими юфтей на здешнем рынке не видно.

В 1914 же году русско-подданные буряты открыли на р. Орхон (в 30-40 верстах от Троицкосавска) кожевенный завод под фирму «Братья Бимбаевы и Банзоракчиев». Хотя этот завод существует около трех лет, но производство кож носит чисто кустарный характер. Выделяется исключительно юфть для монголов, черная и цветная. На заводе имеется 4 дубильных и 2 зольных чана; рабочих китайцев 6 человек, отделщиков русских и бурят — 5 человек и 1 мастер-бурят. По свидетельству хозяев, завод выделяет до 2000 кож.

В 1915 году после открытия Монгольского национального банка в Урге, заведующим Ургинским отделением г. Першиным было приступлено к организации в Урге солидного кожевенного завода, который был бы оборудован по последнему слову техники. Капитал для завода, по идее г. Першина, должен был внести отчасти сам банк, отчасти монгольские князья и русское ургинское купечество. Происходили частые организационные собрания, результатом явилось то, что русское ургинское купечество отказалось от участия своими капиталами в устройстве кожевенного завода под тем предлогом, что оно совершенно не желает работать для банка. Вследствие этого, идея г. Першина не осуществилась.

Ввоз в Монголию юфти и вообще всякого рода кожевенных товаров с продолжением войны постепенно прекращался, цена на юфть росла и с 15 р. за 10-четвертовую кожу в 1913 г. поднялась в 1916 г. до 95 руб. Такое резкое повышение цены повлекло за собой открытие целого ряда кожевенных заводов в Кяхтинском Маймачене. Гг. Тиманович и Москвитин, ранее работавшие в Урге, перенесли свою деятельность в Кяхтинский Маймачен, составив новую компанию с г. Васильевым, и открыли в 1916 г. новый кожевенный завод «Монгольский кожевник». Этот завод является в Монголии наиболее крупным; он полукустарного характера, имеет несколько машин

и 15 дубильных чанов. При нем же есть небольшая паровая мельница, но последняя сейчас не работает, т.к. установленные в ней жернова непригодны, а новых выписывать сейчас не представляется возможности. На этом заводе работает всего до 30-ти рабочих, русских и китайцев. Вырабатывает он до 4000 кож. Вырабатываемая им юфть сравнительно со всеми прочими заводами в Монголии по качеству много лучше и имеет хороший спрос. Вырабатывают они и подошвенные кожи, но пока в ничтожном количестве и по качеству незавидные.

В 1916 г. в Кяхтинском Маймачене открылись еще заводы:

1) Под фирмой «И Эйдельман и Л.М. Герштейн». Вырабатывают они также юфть черную, цветную, подошвенную и дублень кустарным способом. Всего выпускают на рынок до 3000 кож, из них не более 10% подошвенной и дублени для русских потребителей, а остальное — на монгольский образец. Работает у них всего до 12 человек рабочих при 6-ти дубильных и 3-х зольных чанах.

2) Завод Г. Шапиро такого же типа кустарным способом производит до 2000 кож. Вырабатывает исключительно юфть. Мастер — сам хозяин завода, работает при 3-х русских и 6-ти китайских рабочих.

3) Завод бр. Ицкович такого же типа, но производство в более широких размерах: вырабатывает до 5000 кож, исключительно юфть, при 6-ти дубильных и 4-х зольных чанах.

4) Завод под фирмой «Роголев и Сандорович» совершенно одинакового типа с предыдущим и вырабатывает до 2000 кож в год.

В 1917 г. выстроен еще кожевенный завод госпожи Важениной, но к выработке кож он еще пока не приступил. Имеет вырабатывать тоже кустарным способом до 2000 кож.

Торговым домом «Коковин и Басов» начата также постройка кожевенного завода в более широких размерах чем все прочие, но производство на нем откроется не ранее будущего года.

Все кожевенные заводы возникли наспех и в постановке своей требуют многих усовершенствований, и вообще кожевенное дело в Монголии можно считать только началом. При более твердых и солидных началах, при правильной постановке оно обещает хорошее будущее, а в особенности, если совместно с выделкой кож будет производится изготовка обуви на монгольский образец и выделка фабричным способом овчин и шкур.

Агент Министерства торговли и
промышленности в Урге
Ф. Щапов

РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 267. Л. 118–119 об.

**Временно управляющий Министерством иностранных дел А.А. Нератов
председателю Совета министров В.Н. Коковцову**

23/10 августа 1912 г.
Секретно

М. г. Владимир Николаевич,

Обсуждая в заседании [15] 2 сего августа вопрос о предположенном заключении особого соглашения с Халхой, Совет министров поручил министру иностранных дел совместно с вашим высокопревосходительством выработать проект такого соглашения, который должен лечь в основание соответствующих переговоров с монголами.

Разногласие в Совете министров произошло лишь по вопросу о приобретении русскими подданными права земельной собственности во Внешней Монголии. К этому вопросу я считаю долгом еще раз вернуться в настоящем письме и прежде всего установить, какие общие задачи должны, по моему мнению, преследоваться императорским правительством в Монголии.

Монгольский вопрос в его нынешнем фазисе возник для нас вследствие стремления китайцев обратить Монголию в ряд провинций, организованных по образцу Внутреннего Китая. Начало этому делу было положено в некоторых частях Внутренней Монголии, непосредственно прилегающих к Чилийской провинции и к провинциям Манчжурии, и мы имеем перед глазами картину тех мероприятий, которыми китайское правительство достигает поставленной цели. Мероприятия эти следующие: введение китайской администрации и связанная с ней посылка в монгольские области китайских войск и, с другой стороны, отчуждение монгольских земель для их заселения китайцами-земледельцами. В возможности проведения тех же мероприятий в Халхе, по соседству с нашей территорией, заселенной одноплеменными с монголами бурятами, мы усматривали двоякую опасность: присутствие там китайских войск должно было бы вы-

звать с нашей стороны ряд ответных мер по укреплению нашей границы в военном отношении, а заселение прилегающих к ней местностей китайцами грозило бы созданием в Забайкальской области и Иркутской губ. положения, однородного с тем, которое испытывает ныне Приамурье и которое побуждает нас принимать ряд законодательных и административных мер против наплыва желтых и против экономической зависимости Приамурского края от соседних манчжурских областей, мер, являющихся, по признанию местных деятелей, лишь паллиативами. Поэтому мы выступили защитниками современного строя Монголии, и задачей нашей сделалось сохранить за ней характер страны, населенной кочевниками и слабой в военном отношении, по крайней мере до тех пор, пока прилегающие к Монголии окраины наши остаются еще мало развитыми. Ставя себе такую задачу, мы избегали также неудобства создания за границей центра, единоплеменного нашим бурятам, на отношении которых к русской власти соседство административно организованной и промышленно развитой Монголии могло бы оказать нежелательное для нас влияние.

Одним из основных условий кочевого быта является, как известно, отсутствие института частной земельной собственности, потребность в котором появляется лишь с переходом кочевников к земледельческому и промышленному хозяйству. Эти два вида хозяйства, напротив, нуждаются в земельной собственности, и отсутствие ее служит тормозом к созданию земледелия и возникновению промышленных заведений. Как последствие вышесказанной задачи, преследуемой нами в монгольском вопросе, Министерство иностранных дел пришло к заключению, что создание земледелия и промышленности в Монголии не может соответствовать нашим государственным интересам. В самом деле, самих монголов следует признать явно неспособными стать земледельцами, а тем более завести национальную обрабатывающую промышленность. Впрочем, если бы способности к этим видам труда оказались у монголов, они стали бы для наших сибирских владений столь же нежелательными соседями, как и китайцы. Но при настоящем развитии монголов земледелие и промышленность в этой области могут быть только иностранные. Само собою разумеется, что мы не можем работать ради создания в Монголии китайской или германской, американской и т. п. промышленности. Для нас могла бы быть мыслима лишь цель создать в Монголии русское земледелие и русскую промышленность. Однако преследование такой цели единственно возможным путем — переселением — едва ли можно признать желательным и соответствующим нашим государственным интересам. О насаждении русского земледелия в Монголии, само собою разумеется, не может быть речи, когда даже для колонизации Сибири нам приходится бороться с рядом трудностей, требующих крупных жертв и усилий.

Что же касается русской обрабатывающей промышленности в Монголии, то нельзя, я думаю, признать нормальным, чтобы русское государство, столь бедное капиталами и промышленными силами, сознательно отвлекало их для деятельности за границей. Если бы попытки наши в этом направлении удались, мы достигли бы лишь развития соседней с нами страны, в ущерб собственным областям.

Если мы хотим извлечь наибольшую сумму выгоды из переработки монгольского сырья, мы должны создать соответствующие заведения на русской территории, а не в монгольских кочевьях. Помимо этого, я не могу не высказать уверенности, что русские промышленные заведения, если бы они создались в Монголии, прибегли бы к услугам китайских рабочих, а не монголов, непривычных к этого рода труду. Таким образом, русская промышленность в Монголии явилась бы источником наплыва туда китайцев и, следовательно, облегчила и ускорила бы тот процесс окитания Монголии, против которого, по общегосударственным соображениям, мы признаем нужным бороться. Я допускаю, что мы не будем в силах воспрепятствовать проникновению китайцев в Монголию. Но, конечно, есть большая разница между тем, чтобы мириться с неизбежным, и тем, чтобы собственными руками создавать условия, облегчающие нежелательный для нас процесс.

В настоящее время деятельность русских торговцев в Монголии сводится к скупке монгольского сырья и сбыту некоторого количества русских товаров: русские промышленные заведения в Монголии сводятся к нескольким шерстомойкам. Деятельность занимающихся этим русских подданных до сих пор значительно стеснялась отсутствием в трактатах постановления, дающего русским купцам право получить в монгольских хошунах, т. е. вне городов, где есть российские консулы, землю для постройки домов, лавок и для устройства шерстомоек. Фактически русские улаживали это затруднение путем заключения частных сделок с монгольскими хошунными цзахаками. Но такие неоформленные и неимеющие для себя опоры в трактатах сделки, конечно, нельзя признать удовлетворительным решением вопроса. Министерство иностранных

дел полагает, однако, что для сказанная целей было бы достаточно, чтобы русские подданные получили право арендовать нужные им участки на более или менее продолжительные сроки. Конечно, аренда недостаточно прочный способ владения землей, чтобы на арендованной земле строить дорогостоящие здания фабрик и заводов, но, как выше сказано, едва ли можно признать, что появление в Монголии русских заводов и фабрик принесет пользу государственным интересам России. Для шерстемойки же или торгового склада того типа, какой ныне существует в Монголии, казалось бы, будет совершенно достаточно, если они будут построены на земле, принадлежащей владельцу их на правах долгосрочной аренды. Что касается городской земельной собственности, то в этом отношении русско-китайский договор 1881 г. создает положение, достаточно обеспечивающее интересы русских торговцев. В силу ст. 13-й этого трактата русским должны быть отведены в городах, где российское правительство имеет право содержать консулов, особые фактории, в пределах которых русские могут приобретать нужные им участки. Мы плохо использовали это право, и дело свелось к отводу русским нужных им участков в сказанных городах. Министерство иностранных дел полагало поэтому, что при заключении торгового соглашения с Халхой надлежит точнее определить, что отводимые русским фактории управляются русской властью. Это дало бы возможность ввести в Монголии на основаниях, соответствующих условиям иностранных концессий во Внутреннем Китае, институт городской земельной собственности, и тем избежать затруднений, которые мы испытываем в полосе отчуждения Китайской Восточной ж. д., где частная земельная собственность оказывается невозможной, так как земли отчуждены для нужд названной железной дороги лишь на 80 лет.

В заседании совета министров [16] 2 сего августа высказывалась мысль, что такая постановка вопроса была бы сужением прав, принадлежащих нам по С.-Петербургскому договору. Такое утверждение есть плод недоразумения. Правда, 13-я ст. С.-Петербургского договора говорит о праве русских приобретать участки, не упоминая о том, что эти участки должны быть расположены в пределах русской фактории. Но вслед за тем, названная статья ссылается на 13-ю статью Кульджинского договора, где говорится именно об отводе места под русские фактории. Напротив, предложенный Министерством иностранных дел проект торгового соглашения с Халхой расширяет принадлежащие нам по С.-Петербургскому договору права, ибо предусматривает создание русских факторий не только в городах, где есть наш консул, но и в других важных для русской торговли местностях.

Нельзя, мне кажется, не предвидеть, что, если наше торговое соглашение с Халхой будет подписано, среди лиц, которые на первых порах двинутся в эту область, найдется немало таких, которые постараются использовать это соглашение для узких целей быстрой личной наживы. Право земельной собственности, конечно, будет использовано ими в целях спекуляции, как бы ни противодействовали этому. Скупленные же со спекулятивной целью земли будут, без сомнения, перепроданы китайцам, которые, впрочем, и помимо этого, конечно, шире русских используют право земельной собственности в Халхе, которого и они, подобно нам, были до сих пор лишены.

Вот те соображения общегосударственного характера, которые, помимо других, более частных, побуждают Министерство иностранных дел считать, что создание в Монголии института частной земельной собственности будет иметь для России гораздо более отрицательных, чем положительных последствий. Давая возможность немногим отдельным личностям извлечь из него более или менее существенные выгоды, этот институт будет широко использован китайцами и послужит к облегчению процесса окитаения Монголии. Едва ли я ошибусь, если предположу также, что русские заводы, которые могут создаваться в Монголии на купленных в собственность землях, займутся прежде всего выделкой и контрабандными ввозами в Россию тех продуктов, которые обложены у нас высоким акцизом, — примеров этого мы достаточно видим в Манчжурии.

За всем тем, ввиду высказанного в Совете министров мнения, что нам все же следует добиваться в Монголии права владеть землей на правах-собственности, имею честь препроводить при сем к вашему высокопревосходительству проект торгового соглашения с внесенными в него вариантами статей 6-й и 8-й 3091. Если бы было признано необходимым настаивать на получении права земельной собственности в Халхе, то в основание переговоров мог бы быть положен либо вариант 6-й статьи, предусматривающей право земельной собственности как в городах, так-и в хошунах, либо, в случае невозможности добиться столь широких преимуществ от монголов, вариант ст. 8-й, предусматривающей только право городской земельной собственности.

Покорнейше прошу ваше высокопревосходительство почтить меня вашим отзывом по содержанию этого проекта, а равно и прилагаемого при сем проекта политического соглашения

с Халхой во вторую статью которого, согласно высказанным на совете министров суждениям, внесено постановление о непредоставлении нерусским подданным больших прав, чем те, которые закрепляются за русскими.

Я был бы признателен вашему высокопревосходительству за доставление мне отзыва вашего в скорейшем по возможности времени, так как все дело соглашения с Халхой представляется спешным.

Примите и пр.

Нератов

*Международные отношения в эпоху империализма.
Документы из архивов царского и Временного правительства 1878–1917.
Сер 2. Т. XX. Ч. II: 14 августа — 17 октября 1912 г. М., 1940. С. 70–74.*

Общий обзор положения русской торговли и промышленности в Монголии за период 1917–1918 гг.

1919 г.

Продолжительная война и последствия ее, как-то: товарный голод и чрезмерное удорожание жизни в России не могли не отразиться на интересах русской торговли и здесь в Монголии.

С половины 1917 года через Кяхтинскую и другие таможи был прекращен ввоз в Монголию большей части русских товаров. Это послужило началом кризиса для русских коммерсантов в Монголии. Имевшиеся запасы товаров русского происхождения быстро таяли, русские магазины в Урге и других пунктах Монголии быстро пустели, а большая часть торговцев, оставшись с завалью, оптом, со скидкой продавали таковую более солидным фирмам и торговлю свою ликвидировали.

Таковая же участь постепенно постигла и крупные фирмы и к концу 1917 года в Урге окончили свое существование крупные три магазина Урманчеева, оптовый и розничный магазины «Русского Экспортного Т-ва», снабжавшие почти все центры Монголии мануфактурными и другими товарами русского производства, три магазина торгового дома «Коковин и Басов» и много других.

В настоящее время в Урге имеется всего до десятка русских лавок, которые с трудом поддерживают свое существование, пополняя ассортимент товаров покупкою здесь же, в китайских магазинах товары японского и американского производства. Окончательной ликвидации упомянутых выше более или менее крупных предприятий много послужило и то обстоятельство, что при ощущавшемся недостатке товаров в городах Забайкалья, здесь в Урге стал замечаться наплыв приезжих из Сибири скупщиков-спекулянтов, которые, не считаясь с ценами, наперебой скупали оптом все остатки русских товаров и вывозили их обратно в кяхтинский Маймачен, а оттуда переотправляли в русские пределы.

Таким образом, товары русского производства, за исключением очень немногих и в небольшом количестве, как-то: юфти, вырабатываемой русскими на своих заводах в кяхтинском Маймачене и здесь, муки, овса и пр. — совершенно исчезли со здешнего рынка. Ввиду того, что потребность в товарах все увеличивалась, то этим обстоятельством, конечно же, не преминули в широком размере воспользоваться наши постоянные конкуренты здесь — китайцы. Они стали наводнять здешний рынок всевозможными товарами, главным образом — японскими и американскими фабрикатами. Это явление продолжает в усиленной мере наблюдаться и по настоящее время.

Вследствие падения русского рубля, цены на товары у китайцев возросли до грандиозных размеров. Например, ящик кирпичного зеленого чая в 27 кирпичей в начале 1917 года стоил до 65 — 80 рублей, в прошлом году он стоил уже 250–270 руб.; одно место китайского табаку в 1917 году стоило 130 — 140 руб., в прошлом году стоило до 450 руб., сейчас стоит 1600–1800 руб.; кусок далембы (американский дринль) в [19]17 году стоил 3 — 4 руб., в прошлом году — 14–15 руб., а в настоящее время — 40 — 50 руб.

С закрытием русской таможни в Маньчжурии прекратилось транзитное движение грузов по Китайско-Восточной железной дороге. Ввиду этого, все товары стали поступать сюда гужевым путем из Калгана и частно — из Маньчжурии, причем, благодаря увеличивавшейся потребности в перевозочных средствах по этим путям, провозные платы возросли во много раз, чем, понятно, еще удорожились и товары.

Бороться с наводнением Монголии иностранными товарами со стороны Китая русские коммерсанты, в силу изложенных обстоятельств, не имели возможности и за эти два с лишним года, безусловно, вся торговля в смысле ввоза и продажи товаров перешла в руки китайцев.

С 1917 года постепенно стали появляться японские и американские товары — бумажные ткани, бумазеи, трико, сукна и шелковые материи, по внешнему виду, цветам и рисункам подделываемые под монгольский вкус, но по качеству далеко не сравнимы с бывшими русскими произведениями. Тем не менее, на все эти товары явился громадный спрос. С начала 1918 года здесь в Урге стал замечаться громадный наплыв разных спекуляторов и коммерсантов из Сибири, которые массами наводняли местный рынок русскими кредитными деньгами, скупая крупные партии разной мануфактуры, вывозили в кяхтинский Маймачен. Из них мелкие торгошники товары перепродавали там, а более крупные, оплатив таковые пошлиной в Кяхтинской таможне, провозили в Верхнеудинск, Иркутск, Челябинск и другие города Сибири [...]

АВПРИ. Ф. Урга. Консульство. Д. 25. Л. 148–149.

Отчет агента Министерства торговли и промышленности А.П. Болобана о ходе русско-монгольской торговли за 1914 г.

В 1913 году русско-монгольская торговля к концу года сильно поднялась, т.к. китайцы в виду политических причин воздерживались от привоза своих товаров, чем пользовались русские коммерсанты.

На такое же положение дел русские коммерсанты рассчитывали в 1914 году. Открыли свои отделения торговые фирмы из Троицкосавска Шергин, Баязитов, наняло помещение для магазина Т-во А.Ф. Второва, торговый дом бр. Швецовых открыл свои отделения кроме Урги в Улясутае, Ван-Хуре, Цзаин-Шаби, в Кобдо и во многих других местах, главным образом в Улясутайском округе.

Но уже к концу 1914 г., после начала войны русско-монгольская торговля в общем начала падать. Ввезенные товары, мануфактура в начале 1914 года во многих местах лежит до сих пор не распроданная. Количество фирм начало сокращаться: на Мурене фирмы Шергина и Баязитова закрыли свои отделения, в Урге Т-во А.Ф. Второва не открыло своего отделения, коммерсант Ларин закрыл свою фирму, коммерсант Гершевич злостно обанкротился, представитель многих московских фирм закрыл свое дело в Урге. Кобдо в торговом отношении начал падать, но зато фирмы Асанова и Кузнецова открыли свои отделения в Уланкоме. В его же районе создано небольшое русско-монгольское товарищество, куда вошли пайщиками 5 дурбетских князей и 9 русских подданных. Во главе этого Т-ва стоит опытный хошунный торговец Бурдуков.

Видя такое падение торговли некоторые коммерсанты постепенно переходят к другим делам. Русские подданные татары Ишмановы по р. Харе занялись сенокосением и овцеводством (выкупили это дело у татарина Сулейманова). Татарин Сулейманов открыл мыловаренный завод и своим мылом совершенно убил ввоз китайского и русского простого мыла в Монголию. Мыло Сулейманова идет даже в Калган, где последний с развитием дела думает открыть свою контору. Открылся лесопильный завод Шильникова, который успешно конкурирует с китайцами. Кожевенный завод Зоона работает пока плохо, т.к. нет капитала. Татарин Сулейманов арендовал копи, где находит хрусталь, аквамарин, топазы и пр. Хрусталь вывозит в Калган. Но будет ли это дело развиваться дальше — покажет будущее.

В отношении аренды земель пока сделано мало шагов, так как арендные платы пока до сих пор произвольны, а соглашения с Монгольским правительством не закончены. Русский подданный Могильников арендовал Кударинский караул на 15 лет, прилегающий к нашей границе к востоку от Кяхты. Русскому подданному буряту Цыренпылову богдо-гэгэн пожаловал Киранского караула, тоже пограничного. Некоторым русским подданным с большим трудом удается получить покосы, пашни под посевы овса. Но ни посева, ни покосы не щадятся кочующими монголами и на все заявления русских подданных не обращается никакого внимания: пасут скот и портят пашни.

В общем, торговый протокол от 21 октября 1912 года монголы совершенно игнорируют. Земель не дают под тем предлогом, что на выбранном участке или священное место, или пастбища. Со своей стороны, я уже три года прошу консульство потребовать от Монголии списка пастбищ и священных мест, т.к. пока этого списка нет, то вся Монголия для русских подданных будет пастбищами или священными местами. В то же время и в 1914 году китайская колониза-

ция упорно продолжалась, распахиваются новые земли. Постепенно Монголия возвращается в торговом отношении к тому же положению, какой она была до переворота.

Русские фирмы поставлены в крайне затруднительное положение. Цены на мануфактуру (далембу и цуямбу) гораздо выше китайских, на 25-30 коп. против ввозимой китайцами. Расходятся хорошо солдатские цветные сукна Злоказова и Носова, тонкие сукна Тюляева, как не имеющие себе конкурентов, а русская далемба и цуямба лежит частью, а частью же продается по 1 р. 30 к.

Хотя московские фабриканты и заявляют о своем желании идти навстречу монгольскому рынку, о чем меня уведомил отдел торговли, но это были только слова. На монгольском рынке заявления фабрикантов не осуществлены. Русские коммерсанты выписывают из Калгана китайскую далембу, цуямбу, платят административно установленную пошлину в пользу монгольской казны, т.к. с русской далембой и цуямбой дела не идут, цены высоки. Можно было еще делать дела с лодзинской далембой и цуямбой, но с начала войны получения прекратились и остатки ее уже проданы.

С каким интересом относятся русские фабриканты к монгольскому рынку видно из того, что во время своей командировки я развез по России образцы товаров требуемых монгольским рынком (табак, кожи, отдельные металлические принадлежности, нюхательницы, трубки, пуговицы, мыло, зеркало), встретил весьма любезный прием, живейший интерес к делу, получил обещание подготовить образцы с подходящей ценой для монгольского рынка, но все это осталось только словами — никто не прислал ни единого образца. Естественно, что монгольский рынок вновь завоевывается китайцами.

Плохое положение русской мануфактуры особенно наблюдается на ургинском рынке. Чем дальше на запад, тем положение несколько улучшается и хорошо в Кобдосском округе, что зависит от расстояния до Калгана, так как провозная плата чем дальше на запад, тем все более и более увеличивается и повышает цену на товар.

Ввиду того, что московские фабрики не желают выделывать требуемую рынком по цене и по качеству далембу и цуямбу или не могут, то местные коммерсанты начали мочить далембу, в особенности деминскую и шейблеровскую. Краска немного сходит, но это не представляет неудобства. Вымочивши, сушат, расправляют и разрывают по 8 аршин кусок и продают по 1 р. 15 к. — 1 р. 20 к. (ниже себестоимости) как и китайцы, привозимую из Калгана. Кроме того, при мочке далембы уничтожают фабричные и таможенные клейма.

Общий же единодушный крик хошунных торговцев, что многие московские фабриканты берут заказы и высылают товар плохого качества. Бязь расходуется немного, но все же она дороже, нежели привозимая китайцами. Идут молескины и другие мануфактурные товары.

Ввоз в Монголию всех прочих товаров увеличился за 1914 год. Война оказала сильное давление на распространение русских товаров в Монголии. Товары замещаются китайскими, кроме железных и чугунных изделий, галантерейных москательных, бакалейных (для нужд русского населения главным образом) и спирта привозимого со ст[анции] Маньчжурия.

Из привозимых товаров из Монголии в пределы России важное место заняла шерсть, как по увеличивающемуся привозу, так и по своей оценке, которая сильно поднялась: с 1914 г. прекратились «задачи» под шерсть по 2 р. 70 к. — 3 р. 50 к. за пуд грязной шерсти. «Задачи» под шерсть были не ниже 5 руб. за пуд грязной шерсти, а рыночная цена поднялась даже до 6 руб. 50 к. (Торг[овый] дом бр[атьев] Швецовых). В 1914 году китайцы скупали шерсть для перепродажи русским фирмам. Увеличение ввоза шерсти я отношу на продажу шерсти монголами без остатка в стране, в виду усиленной «албы», сеймовых и правительственных податей.

[...] Вся русская торговля, да и китайская, пока базируются на монгольском скотоводстве и продуктах последнего. На этом источнике монгольское население, главным образом, базирует свою платежеспособность.

Вывоз тарбагана (сурка) сократился в 2 раза (в 1914 г. — 605817 шкурок, а в 1913 г. — 1164974 шт. Сокращение это объясняется исключительной войной, которая помешала вывезти этот товар в Германию.

Между Ургой и Кяхтой русский подданный Прокин добивается поставить автомобильное движение. В 1914 г. им были построены мосты через некоторые реки, но дождями были размыты и там вновь требуется постройка солидных мостов с гатями. Вообще, предприятие это не заслуживает никакого внимания ни в каком смысле. Оно уже давно обречено на провал. Единственный способ установить регулярное и разумное передвижение грузов и пассажиров — это устройство тракта по образцу русских, для чего необходимо построить станции и этим станциям

отвести необходимое количество земли для земледелия, сенокосения и выпасов. Тоже желательно бы и в направлении Монды — Улясутай.

В общем настроение монголов в торговом отношении к китайцам более лучшее, чем к русским. От русских желают получить все и не дать ничего, а китайцы у монголов берут все и им не дают ничего, кроме убытков. Все же нахождение под игом китайцев, несмотря ни на какие договоры, сказывается и еще долго будет сказываться, ибо монгольскому уму непонятно, что, покупая в кредит китайский дешевый товар, он, в конце концов, уплачивает китайцу больше, нежели покупая дороже русский товар. Монгольский ум — ум дня, сегодня дешево, а о завтрашнем дне он и не думает. К сожалению, война прекратит русскую конкуренцию с китайской и после войны придется взяться сначала, а во время войны необходимо охранять и подкреплять наши права в Монголии, провести в жизнь Кяхтинский договор и сохранить корни русской торговли, чтобы они не засохли совсем.

АВПРИ. Ф. Урга. Консульство. Д. 21. Л. 41–49.

Особый журнал Совета министров

15/2 августа 1912 г.

*По вопросу о заключении соглашения
с ургинским хутухтой и князьями Халхи*

С высочайшего Вашего императорского величества соизволения, министром иностранных дел в заседании Государственной думы [26] 13 апреля т. г. заявлено было, что главной задачей нашей в Северной Монголии является воспрепятствование образованию в этой пограничной с нами области сильного в военном отношении государства. При этом ближайшими в этих видах целями нами ставится, с одной стороны, сохранение в Халхе управления национальными властями, а с другой — недопущение ввода в эту страну китайских вооруженных сил и колонизации ее китайскими земледельцами. В то же время, стремясь к обеспечению практического достижения изъясненных целей, мы согласились выступить посредниками между Китайским правительством и Ургинским хутухтой и неоднократно указывали китайцам на нашу готовность содействовать их примирению с монголами, при условии сохранения в Халхе ее самобытного строя. Первоначально Китайское правительство согласилось на наше посредничество, но затем прекратило переговоры по сему предмету, надеясь, повидимому, восстановить свою власть в Халхе помимо нас. Вместе с тем, противодействуя приобретенному нами в Халхе преобладающему влиянию, китайцы вознамерились воспользоваться существующей между хутухтой и князьями Халхи рознью для того, чтобы расстроить их планы о создании автономии и вновь подчинить своей власти. Но даже если бы китайцам не удалось осуществить эти замыслы, они могли бы в значительной мере подорвать наше положение в Монголии провозглашением в ней равноправия всех иностранцев и принципа открытых дверей, ибо подобная мера повела бы к возникновению здесь иностранных торговых интересов и наводнению этой страны китайцами, а

может быть, даже и к коренному преобразованию ее внутреннего строя*.

Ввиду приведенных обстоятельств, Министерство иностранных дел пришло к убеждению, что политика выжидания в монгольском вопросе становится опасной и что наилучшим решением его в данное время было бы заключение между Россией и Халхой двустороннего дипломатического акта, сущность которого сводилась бы к обещанию русского правительства отстаивать самобытный строй Халхи и не допускать как ввода в Монголию китайских войск, так равно и колонизации ее китайцами. С другой стороны, на правителей Халхи следовало бы возложить обязательство не заключать никакого договора, нарушающего указанные начала, и обеспечить за русскими

* В письме от 28/15 мая Коковцов, касаясь истории русско-китайско-монгольских отношений, отмечал, что, по его мнению, попытка России расширить свои права и привилегии в Монголии не встретит протеста со стороны иностранных держав ввиду того, что «для последних Монголия в силу самого географического ее положения не может иметь особо важного значения». И далее Коковцов писал: «Равным образом я не усматриваю особой опасности в проникновении иностранцев в Северную Монголию. Особое положение, которое мы занимаем в отношении этой страны благодаря ее непосредственному соседству с нашими владениями, а равно вследствие дружелюбного отношения к нам ее населения и нынешних правителей, создают для проявления нашей торгово-промышленной деятельности там столь благоприятные условия, что для нас не должна быть страшна иностранная конкуренция». Эта фраза подчеркнута, и на полях помета Сазонова: «Это знаменательное явление, которое не мешает иметь в виду. Действительность, конечно, скоро рассеет сладкие иллюзии министра, финансов».

подданными и за русской торговлей свободное пользование в пределах Монголии всеми правами и преимуществами, принадлежащими им в силу прежних договоров между Россией и Китаем. Политическое значение такого акта было бы весьма серьезно, ибо китайцы оказались бы вынужденными считаться с совершившимся фактом сепаратного соглашения нашего с монголами, а эти последние оказались бы в ответственных и, впрочем, весьма для них выгодных отношениях с нашим отечеством; наконец, соглашение это значительно затруднило бы интриги иностранных держав против занятого нами положения в Халхе.

При заключении проектируемого акта Министерство иностранных дел имеет в виду потребовать, чтобы он был подписан не одним хутухтой, но и влиятельнейшими князьями Халхи, так как участие в этом договоре представителей светской власти придаст ему значительно большую прочность. Что же касается территориального объема настоящего соглашения, то, впрямь до времени, предполагалось бы ограничить его четырьмя аймаками Халхи. Таким образом, отдельные части Внутренней Монголии и Барги, объявившие уже о своем присоединении к ургинскому правительству, останутся пока вне упомянутого соглашения. Отношение же к этому соглашению Кобдоского и Алтайского округов, из которых первый уже присоединился к Халхе, будет зависеть от обстоятельств, которые должны выясниться на месте во время переговоров нашего уполномоченного с ургинскими правителями.

Изложенные в торговой части проектируемого соглашения предположения Министерства иностранных дел относительно определения прав русских в Монголии основаны на работах особого, под председательством товарища министра иностранных дел, гофмейстера Нератова, междуведомственного совещания*, которое, одобряя вообще эти предположения, не достигло единогласного заключения лишь по двум частным вопросам, касающимся: а) прав русских подданных по владению недвижимостью в Монголии и б) порядка обеспечения заключаемых ими в этой стране сделок. В отношении первого вопроса представители министерств финансов и торговли и промышленности заметили, что неупоминание в предположенном договоре о предоставлении русским подданным прав по приобретению недвижимых имуществ повсеместно в Монголии чрезвычайно вредно отразилось бы на возможности осуществления русскими предприятиями экономической в

Монголии деятельности. Ввиду сего, представители названных ведомств признавали существенно необходимым оговорить это право в предстоящем договоре. В то же время, в видах устранения замечаемой ныне необеспеченности сделок между русскими ж монголами, являющейся серьезным тормозом для развития в Монголии русской торговли, представители указанных ведомств считали полезным установить принцип имущественной ответственности монгольских властей за действительное исполнение этих сделок.

Предположения совещания гофмейстера Нератова были сообщены на отзыв заинтересованных ведомств, причем министры финансов и торговли и промышленности, не настаивая на установлении имущественной ответственности монгольских властей за исполнение торговых сделок, присоединились к заключению своих представителей в совещании относительно необходимости обеспечить в намечаемом договоре за русскими подданными право приобретения повсеместно в Монголии недвижимых имуществ.

О вышеизложенном управляющий Министерством иностранных дел, гофмейстер Нератов, представил на уважение Совета министров, пояснив при этом, что ведомство иностранных дел не усматривало бы, за всем тем, достаточных оснований ко включению в наш договор с монгольскими князьями особой оговорки о правах русских по приобретению повсеместно в Монголии земельной собственности, ибо, как показывает опыт, для нас гораздо важнее заручиться преобладающим политическим в этой стране влиянием, чем изложенными на бумаге обширными договорными правами, которые местные власти всегда найдут возможность истолковать в самом узком и неблагоприятном для нас смысле, если общее положение наше в Монголии окажется не вполне прочным.

В дополнение к сему, министр иностранных дел, гофмейстер Сазонов, изустно объяснил в заседании совета министров, что главной своей целью при разрешении монгольского вопроса Министерство иностранных дел поставило сохранение в Монголии административного и военного *status quo***. Задача эта имеет первостепенное государственное значение, так как создание на границе значительной части наших сибирских владений слабого в военном отношении и зависимого от нас государства в существеннейшей степени обеспечит безопасность этой части русской территории и позволит нам сделать крупные сбережения народных сил и средств по охране нашей сибирской границы. При выполнении указанной задачи приходится, однако, считаться с своеобразными условиями международного характера, сложившимися в Китае. В нем переплетаются и

* Имеется в виду межведомственное совещание по монгольскому вопросу, созванное под председательством Нератова, состоявшееся 6 мая/23 апреля, 14/1 мая и 18/5 мая 1912 г. Суть обсуждавшихся вопросов в основном изложено в настоящем документе.

** Существующее положение (лат.)

сосредоточиваются важнейшие политические и торговые интересы как наши, так и иностранных держав, причем взаимное соперничество их может сдерживаться в рамках мирного развития лишь при строгом соблюдении существующих трактатов и договоров. Поскольку успехи отдельных государств основываются на постановлениях последних, конкурирующие державы с ними примиряются. Но раз создаются новые отношения, выходящие за пределы таковых актов, является повод для попыток к расширению прав и других государств. Очевидно, постановления действующих трактатов обязательны и для России, и только при условии неукоснительного их соблюдения мы могли бы использовать к нашей выгоде благоприятно складывающееся, для нас в Китае положение. Если бы, однако, мы вышли за пределы существующих соглашений, то со стороны других держав немедленно же возникли бы притязания на получение однородных с нами преимуществ.

Считаясь с отмеченными обстоятельствами, министр иностранных дел находит благоразумным положить в основу проектируемого договора с Монголией мысль об обеспечении в ней за Россией лишь тех прав, которыми уже пользуются там русские подданные по силе действующих договоров. Всякое в этом отношении новшество, хотя бы даже являющееся лишь развитием постановлений этих договоров, возбудит соперничество конкурирующих с нами в Китае держав, которые в этом случае не преминут, конечно, приложить все усилия к тому, чтобы толкнуть Китай на новые попытки к восстановлению своего господства над Монголией или же, по крайней мере, будут домогаться установления и для своих подданных выговоренных в пользу русских преимуществ. Между тем, всякое усиление Китая в Монголии, а в особенности проникновение в нее иностранного влияния было бы не в наших интересах.

С другой стороны, при заключении с Монголией договора нельзя не принимать в соображение и пробудившегося в настоящее время национального самосознания монголов, побуждающего их к весьма ревнивому отношению к своим правам, как самостоятельного государства. Щадя эти чувства, необходимо при начертании обсуждаемого договора исходить, по возможности, из начала равенства обеих договаривающихся сторон и не предъявлять к монголам чрезмерных требований, несовместных с их новым, эмансипированным от Китая, положением и претящих их национальному чувству.

Ввиду вышесказанных соображений, министр иностранных дел предполагал бы ныне заключить с хутухтой и князьями четырех аймаков Халхи двусторонний акт, в силу коего императорское российское правительство гарантировало бы монголам право управляться своими националь-

ными властями и содержать собственное войско, не допуская в Монголию китайских войск и китайской земледельческой колонизации. Со своей же стороны, хутухта и князья Халхи обязывались бы этим актом не заключать никакого соглашения, нарушающего указанные начала, и предоставлять русским подданным-и русской торговле по-прежнему пользоваться в своих владениях правами и преимуществами, принадлежащими им в силу договоров между Россией и Китаем. В развитие сего последнего положения проектируется, как объяснил гофмейстер Сазонов, заключить договор, в существенных частях воспроизводящий касающиеся Внешней Монголии постановления С.-Петербургского трактата 1881 г. Последовательно проводя изложенные общие начала, министр иностранных дел считал бы необходимым не вводить в этот договор указания на предоставление русским подданным права приобретения повсеместно в Монголии недвижимой собственности, так как обеспечение за нами такого права не отвечало бы точному смыслу постановлений С.-Петербургского договора, оговаривающего подобное право лишь по отношению к городам, в которые российское правительство имеет право назначить своих консулов, а не по отношению ко всей Монголии, где, как в стране, населенной кочевниками, принцип частной земельной собственности вообще неизвестен. С другой стороны, рассматриваемое постановление могло бы вызвать в монголах подозрение, что путем договора мы стремимся к захвату принадлежащей им территории для колонизации ее русскими крестьянами. Подобное опасение, могущее натолкнуть их на мысль о своекорыстии нашей политики, значительно затруднило бы, конечно, заключение предстоящего договора, и без того связанное с немалыми трудностями.

Сообразив настоящее дело, Совет министров принял во внимание, что, несмотря на недавнее сравнительно возникновение монгольского вопроса, отношение к нему русского правительства имеет уже свою историю. Первоначально, когда среди монголов обнаружились первые попытки, порвав свои вассальные отношения к Китаю, создать независимое государство, мы выступили в качестве незаинтересованных в том или ином исходе сего дела посредников, стремящихся лишь закрепить и оформить фактически сложившиеся отношения. А именно, мы предлагали поддерживать суверенитет Китая в этой стране, но с освобождением ее от китайской администрации, от постоя в ней китайских войск и от колонизации монгольских земель китайцами-земледельцами. Сообразно сему, депутация монгольских князей, направлявшаяся в минувшем году с ходатайством к российскому правительству о поддержке, не была допущена в С.-Петербург. Однако китай-

ское правительство не пошло навстречу изъясненным предположениям и предпочло, уклоняясь от принятия наших условий, выжидать более благоприятного для него времени, дабы попытаться вновь подчинить Монголию своему полному владычеству. При таком обороте дела быстро развертывающиеся в Китае и Монголии события вынудили нас принять по отношению к ним более определенное положение. С высочайшего вашего императорского величества соизволения, в заседании Государственной думы [26] 13 апреля 1912 г., министром иностранных дел было заявлено, что российское правительство обеспечивает сохранение в Халхе управления национальными монгольскими властями и не допустит ввода во Внешнюю Монголию китайских вооруженных сил и колонизации ее китайскими земледельцами. Вслед за сим это заявление было сообщено китайскому правительству российским посланником в Пекине. Тем самым наша политика в монгольском вопросе приняла новое и более решительное направление, причем в проектируемом договоре мы готовимся торжественно подтвердить автономию Халхи и берем ее под свою защиту. Вследствие сего, русское правительство может быть поставлено в необходимость в ближайшем же времени принять на себя заботы по устройству военных сил Монголии и по обеспечению займов, которые, несомненно, понадобятся ей при организации внутреннего управления страной; наконец, не исключена возможность, что нам придется защищать обещанные нами Халхе преимущества и вооруженной рукой. При таких условиях, ныне, когда предстоит подтвердить изъясненные начала двусторонним, заключаемым между русским правительством и монгольскими правителями — выборным хутухтой и князьями, — актом, на первую очередь должен быть поставлен вопрос; в достаточной ли и соответствующей предвидимым с нашей стороны жертвам степени обеспечиваются проектируемым соглашением русские интересы. Ввиду сего и разделяя в существе мысль министра иностранных дел о своевременности заключения с Монголией указанного акта политического характера, Совет министров, при ближайшем рассмотрении настоящего дела, не мог не заметить, что С.-Петербургский договор 1881 г. определил, главным образом, права, предоставляемые нам Китаем по отношению к вассальному его владению — Монголии. Коль скоро в настоящее время последняя приобретает автономные права, нами к тому же гарантируемые, то естественным последствием такого изменения государственно-правового положения сей страны должно быть сохранение в ней за русскими подданными, по крайней мере, тех прав, которые были предоставлены им в период нахождения Монголии под

китайским господством. Предъявлять подобное требование возможно, казалось бы, без всяких опасений возбудить недоверчивость или подозрительность монголов, так как, беря на себя защиту их самостоятельности, мы не можем не выговорить себе тех прав, которые обеспечат нам необходимое для сего в названной стране положение. При этом нельзя забывать, что статьей 13-й С.-Петербургского договора русским подданным в Монголии предоставлено уже право строить в местах, где российское правительство имеет право учреждать консульства, собственные дома, лавки, амбары и другие здания на участках, кои будут приобретаться или же отводиться местными властями. Сохранение за нами этого права и распространение его на всю вообще Халху безусловно необходимо для возможности упрочения и развития нашей торговли и промышленности в Монголии, и, очевидно, не время было бы отказываться от означенных преимуществ накануне предполагаемого дальнейшего укрепления нашего влияния в этом крае.

Но, вместе с тем, считаясь с вышеприведенной статьей С.-Петербургского трактата, Совет министров не встретил бы препятствий к тому, чтобы при предстоящих при заключении обсуждаемого договора переговорах было точно установлено, что обеспечиваемое за русскими подданными право приобретения повсеместно в Монголии недвижимой собственности имеет в виду покупку земли в торговых и промышленных целях и, в частности, для жилья и для устройства складов, контор, магазинов, фабрик, заводов, факторий и тому подобных экономических предприятий.

Переходя засим к вопросу о том, насколько права русских в Монголии ограждаются от конкуренции иностранцев и китайцев, Совет министров заметил, что, по силе статьи 2-й-проекта основного договора, хутухта и князь Халхи обязываются лишь не заключать никакого соглашения, нарушающего установленные в статье 1-й начала, т.е. автономию Монголии и недопущение в оную китайских войск, адмшшстрации и китайских земледельцев. При изъясненном изложении сего договора, монгольское правительство имело бы, невидимому, право предоставить китайцам или другим иностранцам такие права, коими не пользуются русские подданные. Во избежание возможных отсюда недоразумений, необходимо было бы, по мнению Совета, дополнить проект договора категорическим указанием на то, что иностранцам, а в том числе и китайцам, не может быть предоставлено больших, сравнительно с обеспеченными договором за русскими, прав.

В заключение своих суждений по рассматриваемому делу, Совет министров остановился на вопросе о том, подлежит ли специальному в

данном договоре упоминанию наше требование об отмене постановлений С.-Петербургского трактата, предоставляющих русским подданным право беспошлинной торговли в Китае в пятидесятиверстной от русской границы полосе, по аналогии с отменой означенного постановления по границе с Китаем. В сем отношении совет нашел, что по отношению к Монголии нет надобности в подобной оговорке, так как статьей 2-й проекта договора о праве русских в Халхе русским подданным предоставляется право беспошлинной торговли во всей Внешней Монголии. Что же касается упомянутых прав в пятидесятиверстной полосе от границы на русской территории, то с прекращением в Халхе суверенных прав Китая, с которым были заключены соответствующие о таковой полосе взаимные соглашения, сохранение или отмена рассматриваемой льготы зависит, по мнению Совета министров, исключительно от российского правительства, и, как известно, льгота эта подлежит упразднению с исходом нынешнего года.

На основании вышеизложенного, совет министров полагает:

Заявленные министром иностранных дел предположения о заключении, на проектированных им основаниях, договора с урги́ским хутухтой и князьями Халхи одобрить, со включением в этот договор намеченных советом министров добавлений, касающихся: а) прав русских подданных по приобретению в собственность недвижимых имуществ в Монголии и б) непредоставления в названной стране иностранцам и китайцам больших прав, нежели те, коими пользуются в ней русские подданные.

Такое заключение свое Совет министров всеподданнейшим долгом почитает повергнуть на высочайшее Вашего императорского величества благоволение.

Подлинный журнал подписан гг. председателем и членами Совета министров и скреплен помощником управляющего делами совета.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительства 1878–1917. Сер 2. Т. XX. Ч. II: 14 августа — 17 октября 1912 г. М., 1940. С. 6–11

Особый журнал Совета министров

15/2 августа 1912 г.

По вопросу о продлении

С.-Петербургского русско-китайского договора 1881 г.

Существующие между Россией и Китаем торговые отношения определяются договором, заключенным в С.-Петербурге 24/12 февраля 1881 г., причем в статье 15-й означенного договора указано, что «торговые постановления настоящего договора и правила, составляющие дополнение к ним, могут быть подвергнуты пересмотру по прошествии 10 лет со дня размена ратификаций договора; но если в течение 6 месяцев до окончания этого срока ни одна из договаривающихся сторон не заявит желанья приступить к их пересмотру, торговые постановления и правила останутся в силе на новый десятилетний срок».

Так как размен упомянутых ратификаций последовал [19] 7 августа 1881 г., то впервые вопрос о пересмотре С.-Петербургского трактата мог настать [19] 7 февраля 1891 г. За отсутствием, однако, соответствующих заявлений со стороны как России, так и Китая, договор 1881 г. остался в силе на новое десятилетие, т. е. до [20] 7 августа 1901 г., а затем по той же причине на следующее десятилетие—до [20] 7 августа 1911 г. Ввиду предполагавшейся в начале последне-указанного года денонсации китайским правительством рассматриваемого договора,

Министерством торговли и промышленности был предпринят ряд подготовительных работ по пересмотру его, и выработанные министерством по сему предмету в особом междуведомственном совещании основные положения одобрены были в декабре 1910 г. Советом министров. Со своей стороны, Пекинское правительство выразило намерение, сохраняя основные положения договора 1881 г., внести в него на наступающее десятилетие некоторые частичные исправления. В связи с этим, для ведения необходимых по этому поводу переговоров, имевших состояться в С.-Петербурге, назначены были русским и китайским правительствами особые уполномоченные. Начавшиеся между уполномоченными совещания пришлось, однако, вскоре прервать вследствие наступившего в Китае полнейшего расстройтва всего управления, при котором местные правящие лица, поглощенные заботами о своем положении и даже о личной безопасности, оказались решительно не в состоянии вести какие-либо ответственные переговоры с иностранными державами.

При изъясненных условиях, Министерство иностранных дел пришло к заключению, что в

настоящее время не только нельзя продолжать начатые с Китаем переговоры по пересмотру С.-Петербургского договора 1881 г., но невозможно даже добиться подписания уполномоченными от Китая лицами протокола о бессрочном оставлении этого трактата в силе на будущее время, к чему также сделана была нами попытка.

Вместе с тем, не в наших, конечно, интересах откладывать решение вопроса о С.-Петербургском договоре до того времени, которое китайцы найдут для себя наиболее выгодным. Изыскивая посему способы к дальнейшему сохранению в общем благоприятного для России С.-Петербургского трактата 1881 г., министр иностранных дел остановился на мысли о продлении сего договора, равно об отмене установленной им крайне стеснительной для нас пятидесятиверстной беспошлинной полосы вдоль русско-китайской границы, односторонним заявлением императорского правительства. К такому направлению настоящего дела, по мнению гофмейстера Сазонова, имеются в обстоятельствах данного времени вполне достаточные основания, позволяющие заявить китайскому правительству, что если оно, в силу тех или других причин, устранить которые не во власти русского правительства, не в состоянии вести с нами переговоры о пересмотре С.-Петербургского договора, то тем самым этот договор должен быть признан остающимся в силе на новый десятилетний срок, т. е. до августа 1921 г.

Такое заявление с нашей стороны будет вполне понятно для общественного мнения как в России, так и за границей, и потому китайский протест против подобной меры, если бы таковой последовал, не мог бы встретить поддержку в остальных державах. Равным образом, весьма благовременно было бы объявить, в порядке автономного с нашей стороны акта, об отмене льготы по беспошлинному ввозу китайских товаров в пределы пятидесятиверстной полосы, с предоставлением тем самым китайскому правительству поступить точно так же относительно пятидесятиверстной полосы на китайской территории, о чем оно само уже включило соответствующее предложение в проект изменений С.-Петербургского договора. Остановившись на изъясненном решении, гофмейстер Сазонов полагал в то же время, что при проектируемом одностороннем заявлении отпадает возможность предъявить какие-либо дополнительные к Китаю требования в связи с продлением действия С.-Петербургского договора 1881 г.

Поставленный в известность о вышеизложенных предположениях Министерства иностранных дел министр торговли и промышленности

вполне присоединился к мысли о продлении С.-Петербургского торгового договора 1881 г. и об отмене пятидесятиверстной полосы односторонним актом русского правительства, причем признал, однако, полезным попутно с этой мерой: 1) подтвердить Китаю необходимость неукоснительного исполнения наших ультимативных требований, заявленных нами и принятых Китаем в марте 1911 г., 2) оговорить обязательство Невесной империи соблюдать договорные постановления относительно беспошлинной торговли русскими товарами в Синьцзянской провинции, 3) постановить за правило, что уплата всех обусловленных договором пошлин при ввозе русских товаров в Китай освобождает их, засим, от каких-либо при дальнейшем передвижении в пределах Китая дополнительных сборов, и 4) выговорить для русских купцов факультативное право уплачивать при ввозе своих товаров в Китай сухим путем либо транзитную пошлину, либо ликин — по их усмотрению.

Так как при ведомственных по сему поводу сношениях вопрос о предъявлении нами, в связи с продлением названного договора, намеченных министром торговли и промышленности дополнительных требований вызвал возражения министра иностранных дел, то статс-секретарь Кокцов счел необходимым обсудить изъясненный вопрос в Совете министров.

Войдя вследствие сего в рассмотрение настоящего дела, Совет министров принял прежде всего во внимание, что, согласно словесным объяснениям т. с. Тимашева, предоставляемые трактатом 1881 г. русским людям права по торговле с Китаем терпят постоянные стеснения от китайских властей. Об этом убедительно свидетельствуют многократные жалобы русского купечества и донесения наших консульских представителей в названной стране, причем случаи нарушения Китаем наших законных прав особенно участились за последние годы. При таких условиях возобновление на новый десятилетний срок действия нашего договора с Невесной империей окажется имеющим для нас вполне реальное значение лишь в том случае, если постановления означенного договора будут действительно соблюдаться Китаем. Ввиду сего, сообщая китайскому правительству о признании нами трактата 1881 г. сохраняющим свою силу, желательно, казалось бы, напомнить китайским властям о необходимости точного исполнения наших ультимативных требований 1911 г., сущность коих состояла именно в подтверждении прав, закрепленных за Россией договором 1881 г. Такой же характер подтверждения, а не изменения этого договора имеют, по заявлению т. с. Тимашева, и проектированные им четыре дополни-

тельных пункта, не вносящие в наши отношения с Китаем ничего нового сравнительно с постановлениями С.-Петербургского договора 1881 г. Однако Министерство иностранных дел находило бы предъявление намеченных министром торговли и промышленности дополнительных к Китаю требований неудобным и несоответствующим одностороннему характеру проектируемого нами заявления о продлении вышеуказанного договора.

По мнению гофмейстера Сазонова, подобные требования дали бы китайцам повод и возможность выдвинуть свои ответные предложения и таким образом лишить наш шаг характера односторонности, единственно целесообразного в отношении нынешнего китайского правительства. Ибо даже если бы нам удалось ныне договориться с ним относительно удовлетворения взаимных пожеланий, то соглашение это оказалось бы в действительности обязательным лишь для императорского правительства, которое считало бы себя связанным данными обещаниями, тогда как принятые временным китайским правительством обязательства легко могут быть признаны его преемниками ничтожными, а современное анархическое состояние страны вполне допускает возможность неисполнения местными властями и населением Китая взятых на себя его центральным правительством обязательств. Признавая за приведенными сообщениями министра иностранных дел весьма серьезное значение, Совет министров и со своей стороны счел предпочтительным ограничиться в предстоящем заявлении нашем Китаю указанием на признание нами договора 1881 г. сохраняющим свою силу, так как начатые по пересмотру его переговоры были прерваны самим китайским правительством, а денонсации сего договора со стороны Китая в установленный срок не последовало. В этих пределах означенное заявление вполне соответствовало бы, по мнению совета, вышеприведенному постановлению статьи XV трактата 1881 г. и не вовлекало бы русское правительство в какие-либо дальнейшие по сему предмету переговоры с Китаем. Единственно, чем следовало бы дополнить проектируемое заявление, заключалось бы в указании с нашей стороны на принятое Россией решение отменить действующее ныне, согласно статье 1-й правил, приложенных к договору 1881 г., постановление о беспошлинной торговле в пятидесятиверстной полосе вдоль русско-китайской границы, поскольку постановление сие касается, разумеется, русской территории. При этом надлежало бы пояснить китайскому правительству, что, принимая эту меру, приуроченную к [14] 1 января 1913 г., мы имеем в виду

пойти навстречу заявленному нам китайским уполномоченным в его первых предложениях по пересмотру договора 1881 г. желанию Китая упразднить существующую льготу по беспошлинной торговле в пятидесятиверстной полосе вдоль русско-китайской границы.

Что же касается дополнительных пожеланий, намеченных министром торговли и промышленности, то, оценивая вполне серьезное значение их для нашей торговли с Китаем, совет признал желательным, чтобы Министерство иностранных дел вошло по поводу них в соответствующие сношения с китайским правительством, но независимо от предстоящего заявления о продлении договора 1881 г. и после него. Наконец, остановившись на вопросе о сроке продления упомянутого договора, совет нашел, что с точки зрения русских интересов всего предпочтительнее было бы заявить китайскому правительству о признании нами рассматриваемого договора продолжающим свое действие на новый десятилетний срок, т.е. до [20] 7 августа 1921 г. Засим, если бы, однако, при ближайшем осуществлении настоящих предположений выяснилось, что сохранение в силе сего договора на полный десятилетний срок не представляется возможным, то допустимо было бы, по ходу дела, принять и более сокращенный срок, устанавливаемый, во всяком случае, точно определенным числом лет.

Руководствуясь изложенным и за изъявленным на сие т. с. Тимашевым согласием, Совет министров полагает:

Предоставить министру иностранных дел заявить китайскому правительству: 1) что действие С.-Петербургского русско-китайского торгового договора 1881 г. признается нами сохраняющим свою силу на новое десятилетие, т. е. по 20/7 августа 1921 г., и 2) что предусмотренное в статье 1-й приложенных к сему договору правил постановление о беспошлинной торговле на нашей территории в пределах пятидесятиверстной полосы вдоль русско-китайской границы отменяется с [14] 1 января 1913 г.

О таком своем заключении совет министров долгом почитает всеподданнейше представить на высочайшее Вашего императорского величества благовоззрение.

Подлинный журнал подписан гг. председателем и членами совета министров и скреплен помощником управляющего делами совета.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительства 1878–1917. Сер 2. Т. XX. Ч. II: 14 августа — 17 октября 1912 г. М., 1940. С. 6–11

**ПРОТОКОЛ
к соглашению между Россией и Монголией
об автономии Внешней Монголии**

21 октября 1912 г.

Ввиду постановления статьи второй соглашения, подписанного сего числа между действительным статским советником Иваном Коростовцем, по уполномочию императорского русского правительства, и председателем монгольского Совета Министров, покровителем десяти тысяч учений, сайн ноином ханом Намнансурун, полномочным министром внутренних дел чинсузукту Цин-ваном ламой Цыренчимед, полномочным министром иностранных дел, в звании хана, эрдени дайчин Цин-ваном Хандадорджи, полномочным министром военным эрдени далай дзюнь-ваном Гонбосурун, полномочным министром финансов тушету дзюнь-ваном Чагдорджаб и полномочным министром юстиции эрдени дзюнь-ваном Намсарай, по уполномочию повелителя Монголии, монгольского правительства и князей-правителей, означенные уполномоченные договорились между собой относительно следующих статей, в которых изложены права и преимущества, частью коих русские подданные уже пользуются в Монголии, а равно права и преимущества монгольских подданных в России.

Статья 1-я

Русские подданные попрежнему пользуются правом свободно проживать и передвигаться во всех местах Монголии, заниматься там всякого рода торговыми, промышленными и иными делами, а равно вступать в разного рода сделки, как с отдельными лицами, так и с фирмами и учреждениями, официальными или частными русскими, монгольскими, китайскими или иностранными.

Статья 2-я

Русским подданным попрежнему принадлежит право во всякое время ввозить и вывозить без уплаты ввозных и вывозных пошлин всякого рода произведения почвы и промышленности России, Монголии и Китая и других стран и свободно торговать ими без уплаты каких бы то ни было пошлин, налогов или иных сборов.

Действия означенного постановления не распространяются на смешанные русско-китайские предприятия и на русских подданных, фиктивно объявивших себя владельцами товаров, им не принадлежащих.

Статья 3-я

Русские кредитные учреждения имеют право открывать в Монголии свои отделения и совершать всякого рода финансовые и иные операции, как с отдельными лицами, так и с учреждениями и обществами.

Статья 4-я

Покупки и продажи русские подданные могут совершать на наличные деньги или посредством мены товаров; при этом они могут заключать сделки в кредит. Ни хошуны, ни монгольская казна не являются ответственными за долги частных лиц.

Статья 5-я

Власти Монголии не будут препятствовать монголам и китайцам совершать всякого рода коммерческие сделки с русскими подданными, поступать в услужение к ним лично или в учрежденные ими торговые и промышленные предприятия. Никаким официальным или частным обществам, учреждениям или лицам в Монголии не будет предоставляемо монопольных прав в торговой или промышленной области. Само собой разумеется, что общества и лица, которые получили уже от монгольского правительства таковые до заключения настоящего соглашения, сохраняют свои права и преимущества до истечения обусловленного срока.

Статья 6-я

Русским подданным предоставляется право повсеместно в городах и хошунах занимать участки на срок и приобретать их в собственность для устройства разного рода торгово-промышленных заведений, а также постройки домов, лавок и складов. Кроме того, русские под-

данные имеют право арендовать для распашек свободные земли. Само собой разумеется, что эти участки будут приобретаться и наниматься для вышеназванных надобностей, а не для спекулятивных целей. Участки эти будут отводиться, по соглашению с монгольским правительством согласно существующим в Монголии узаконениям, повсеместно, за исключением священных мест и пастбищ.

Статья 7-я

Русским подданным предоставляется вступать в соглашения с монгольским правительством относительно эксплуатации горных и лесных богатств, рыбных промыслов и т.п.

Статья 8-я

Российское правительство имеет право назначать, по соглашению с монгольским, своих консулов в те места Монголии, где это им признано будет необходимым.

Точно так же монгольскому правительству предоставляется иметь правительственных агентов в тех пограничных местах империи, где это будет найдено нужным, по взаимному соглашению.

Статья 9-я

В пунктах, где имеются российские консульства, а также в других местностях, имеющих значение для русской торговли, будут отводимы, по соглашению между российскими консулами и монгольским правительством, для проживания и разного рода промыслов русских подданных, особые фактории, которые будут находиться в исключительном заведывании означенных консулов, а там, где их нет, — старшин русских торговых обществ.

Статья 10-я

За русскими, подданными сохраняется право учреждать на свой счет, для пересылки писем и перевоза товаров, почту, как между разными местностями в Монголии, так и между сказанными местностями и пунктами на российской границе, по соглашению с монгольским правительством. В случае постройки станционных зданий и других пужных построек, следует руководиться правилами, изложенными в статье 6 настоящего протокола.

Статья 11-я

Российские консулы в Монголии будут пользоваться, в случае надобности, для пересылки казенной корреспонденции, посылки курьеров и других казенных надобностей, монгольскими правительственными почтовыми учреждениями, но с тем, чтобы не употреблять на это бесплатно свыше ста лошадей и 30 (тридцати) верблюдов в месяц, выправляя каждый раз открытый лист от монгольского правительства. Для переездов своих консулы и вообще русские официальные лица будут пользоваться теми же учреждениями за плату. Право пользоваться монгольскими казенными станциями распространяется также на частных лиц российских подданных, причем плата за пользование станциями в этом последнем случае будет определяться по соглашению с монгольским правительством.

Статья 12-я

Русским подданным предоставляется право плавать на своих торговых судах и торговать с прибрежным населением по рекам, текущим сперва по Монголии и затем по русской территории, и по притокам этих рек. Российское правительство окажет монгольскому правительству помощь для улучшения судоходства по этим рекам, установки нужных знаков и т.п.; монгольские же правительственные власти отведут на этих реках места, нужные для причала судов, для устройства пристаней и товарных складов, для заготовки дров и т.п., руководствуясь в таких случаях постановлениями статьи 6 настоящего протокола.

Статья 13-я

Для перевозки товаров и прогона скота русские подданные имеют право пользоваться всеми сухопутными и водными путями, причем, по соглашению с монгольскими властями, они могут устраивать на свой счет мосты, переправы и т. п., с правом взимания особого сбора с проезжающих.

Статья 14-я

Скот русских подданных во время перегона может останавливаться для отдыха и кормления. На случай необходимости продолжительных остановок, местные власти отводят вдоль

скотопрогонных трактов и в пунктах, имеющих значение для торговли скотом, достаточные участки под пастбища. За пользование этими пастбищами свыше трех месяцев будет взиматься плата.

Статья 15-я

Установившийся обычай пользования пограничным русским населением покосами, а также охотой и рыбной ловлей на монгольской стороне, сохраняется на будущее время без всяких изменений.

Статья 16-я

Сделки между русскими подданными и учреждениями, с одной стороны, и монголами и китайцами, с другой, могут быть заключаемы словесно или письменно, причем контрагентам предоставляется предъявлять заключенные ими договоры для засвидетельствования местным правительственным властям. В случае, если бы последние усмотрели препятствие к засвидетельствованию договора, они немедленно сообщают о том российскому консулу, и возникшее недоразумение разрешается по соглашению с ним.

При этом устанавливается, что сделки, касающиеся недвижимости, должны облекаться в письменную форму и предъявляться для засвидетельствования и утверждения подлежащим монгольским правительственным властям и российскому консулу. Документы на право эксплуатации естественных богатств требуют утверждения монгольского правительства.

В случае возникновения споров по заключенным сделкам, как словесным, так и письменным, сторонам предоставляется окончить дело полюбовно, при содействии посредников, избранных каждою стороной. Если этим путем не будет достигнуто соглашения, дело разрешается смешанною судебною комиссиею.

Смешанные судебные комиссии бывают постоянные и временные. Постоянные учреждаются в местах пребывания российских консулов, причем состоят из консула или его представителя и делегата властей Монголии в соответствующем ранге. Временные комиссии открываются вне указанных мест, по мере возникновения дел, и состоят из представителей российского консула и князя того хошуна, [к] которому принадлежит или в котором проживает ответчик. Смешанным комиссиям предоставляется привлекать в качестве экспертов сведущих лиц из русских подданных, монголов и китайцев. Решения смешанных судебных комиссий приводятся в исполнение без замедления, в отношении русских подданных через российского консула, и в отношении монголов и китайцев через князя того хошуна, к которому принадлежит или в котором проживает ответчик.

Статья 17-я

Настоящий протокол входит в силу со дня его подписания.

В удостоверение вышеизложенного обоюдные уполномоченные, найдя при сопоставлении обоих параллельных текстов настоящего протокола — русского и монгольского, — изготовленного в двух экземплярах, эти тексты согласными, подписались на каждом из них, приложили печати и таковыми текстами обменялись.

Учинено в Урге, октября 21 дня 1912 года, а по монгольскому летоисчислению во второй год правления Всеми Возведенного последнего осеннего месяца 24 дня.

С. П.

Председатель монгольского Совета Министров

Полномочный министр внутренних дел

Полномочный министр иностранных дел,
в звании хана

Полномочный военный министр

Полномочный министр финансов

Полномочный министр юстиции

И. Коростовец

сайн ноин-хан Намнансурун

чин-сузукту Цин-ван лама Цыренчимед

эрдени дайчин Цин-ван Хандадорджи

эрдени далай дзюнь-ван Гонбосурун

тушету дзюнь-ван Чагдорджаб

эрдени дзюнь-ван Намсарай

*Русско-китайские отношения. 1689–1906.
Официальные документы.
М., 1958. С. 122–126*

Соглашение между Россией и Монголией об автономии Внешней Монголии

21 октября 1912 г.

Ввиду всенародно выраженного желания монголов сохранить исторически сложившийся самобытный строй своей страны, китайские войска и власти были удалены с монгольской территории, и повелителем монгольского народа был провозглашен чжебзун дамба хутухта. Прежние отношения Монголии к Китаю, таким образом, прекратились. Ныне, ввиду вышеизложенного, а также существующей между русским и монгольским народами искренней взаимной дружбы и ввиду необходимости точно определить порядок взаимной русско-монгольской торговли, действительный статский советник Иван Коростовец, по уполномочию российского императорского правительства, и председатель монгольского Совета Министров, покровитель десяти тысяч учений сайн ноин хан Намнансурун, полномочный министр внутренних дел чинсузукту Цин-ван лама Цыренчимед, полномочный министр иностранных дел, в звании хана эрдени дайчин Цин-ван Хандадорджи, полномочный военный министр эрдени далай дзюнь-ван Гонбосурун, полномочный министру финансов тушету дзюнь-ван Чагдорджаб, полномочный министр юстиции эрдени дзюнь-ван Намсарай по уполномочию повелителя монгольского народа, монгольского правительства и князей-правителей, договорились о нижеследующем:

Статья 1-я

Императорское российское правительство окажет Монголии свою помощь к тому, чтобы она сохранила установленный ею автономный строй, а также право содержать свое национальное войско, не допуская на свою территорию китайских войск и колонизации своих земель китайцами.

Статья 2-я

Повелитель Монголии и монгольское правительство представят русским подданным и русской торговле попрежнему пользоваться в своих владениях правами и преимуществами, перечисленными в прилагаемом протоколе. Само собою разумеется, что другим иностранным подданным не будет предоставлено в Монголии более прав, чем те, которыми пользуются там русские подданные.

Статья 3-я

Если бы монгольское правительство сочло нужным вступить в отдельный договор с Китаем или другим иностранным государством, то новым договором ни в коем случае не могут быть нарушены или изменены статьи настоящего соглашения и протокола без согласия на то императорского российского правительства.

Статья 4-я

Настоящее дружественное соглашение войдет в силу со дня его подписания.

В удостоверение вышеизложенного обоюдные уполномоченные, найдя при сопоставлении обоих параллельных текстов настоящего соглашения — русского и монгольского, — изготовленного в двух экземплярах, эти тексты согласными, подписались на каждом из них, приложили печати и таковыми текстами обменялись.

Учинено в Урге, октябре 21 дня 1912 г., а по монгольскому летоисчислению во второй год правления Всеми Возведенного последнего осеннего месяца 24 дня.

С.П.

Председатель монгольского Совета Министров
Полномочный министр внутренних дел
Полномочный министр иностранных дел
в звании хана
Полномочный военный министр
Полномочный министр финансов
Полномочный министр юстиции

И. Коростовец

сайн ноин хан Намнансурун
чин-сузукту Цин-ван лама Цыренчимед
эрдени дайчин Цин-ван Хандадорджи
эрдени далай дзюнь-ван Гонбосурун
тушету дзюнь-ван Чагдорджаб
эрдени дзюнь-ван Намсарай

Русско-китайские отношения. 1689–1906.

Официальные документы. М., 1958.

С. 126–127

Из торгового отчета по Кобдоскому Округу за 1915 год

Великая мировая война нанесла тяжкий удар русской торговле в северо-западной Монголии. Главными причинами наблюдаемого упадка русской торговли послужили следующие:

1) Выезд владельцев русских торговых предприятий и их служащих из Монголии по случаю призыва в войска.

2) Воздорожание товаров в России и воспрещение вывоза многих из них за границу, вследствие чего ввоз товаров в Монголию в значительной степени сократился, и ощущается постоянный недостаток во многих из них, как, например, в чае, мануфактуре и выделанной коже.

3) Понижение курса русского рубля. Несмотря на меры, принятые монгольским правительством и представителями наших заграничных установлений в борьбе с искусственным понижением курса русского рубля, стоимость последнего понизилась в конце отчетного года до 5 цзянь серебра, т. е. один лан серебра стоил два рубля, вместо 1 руб. 43 коп. (по нормальном установленном курсу). Указанное отношение между русским рублем и ланом (1 руб. = 5 цзянь) было фиксировано монгольским правительством, но фактически во многих местностях китайцы и монголы принимали русский рубль за 3–4 цзянь, да и сами русские купцы, нуждаясь для закупок скота и сырья в серебре, приобретали его у китайских купцов в Улясутае, заплатив им по 2 руб. 50 коп. за один лан. Никогда бы русский рубль не подвергался бы таким колебаниям, если бы он в Монголии считался денежной единицей, но, к сожалению, такой единицей, по прежнему, остался лан серебра. По установившемуся обычаю торговые сделки заключаются обыкновенно на ланы, и только при расплатах русскими деньгами ланы переводятся на рубли. В виду этого и в связи с понижением курса русского рубля монгольские товары расцениваются очень дорого; так, например, баран в два лана вместо трех рублей ныне стоит 5–6 рублей; бык в 30 — 35 лан вместо 45 рублей поднялся в цене до 60 — 80 рублей и т. д. Монголы от изменившегося отношения между рублем и ланом ничего не выигрывают и ничего не теряют, так как лишние деньги, который они ныне выручают от продажи по таким дорогим ценам скота и сырья, переплачиваются ими опять на покупаемых товарах: даже такой предмет первой необходимости для кочевника, как кирпич чая, в конце отчетного года поднялся в цене от 80 коп. до двух рублей. По всем вероятностям, понижение курса нашего рубля будет продолжаться и, в конце концов, монголы совершенно откажутся от принятия русских бумажных денег (явление, которое уже в настоящее время в некоторых мест-

ностях наблюдается), или, в виду высокой расценки монгольских товаров, русским торговцам придется отказаться от покупки скота и сырья. Пострадает, конечно, главным образом, русская казна, которая благодаря обстоятельствам военного времени, является почти единственным покупателем монгольских баранов, рогатого скота, шерсти, овчин и прочего сырья.

4) Начавшаяся торговая деятельность китайских купцов. Китайские купцы, вновь появившиеся в Кобдосском округе, выехали из Китая осенью 1914 года и весной 1915 года. В настоящее время в Кобдосском округе насчитывается около тридцати китайских торговых предприятий, обосновавшихся по рьякам Кобдо, Теси. Беконмурин и их притокам. Главная цель вновь появившихся китайцев заключается в коммерческой рекогносцировке и ознакомлении с рынком, поэтому действия их отличаются крайней осторожностью: привезенный товар продают пока только на серебро или обменивают на баранов, шерсть, овчину и пушнину, в долг товар не отпускают. Исключение составляют лишь несколько крупных фирм, которые, взыскивая старые долги, в то же время отпускают монголам в небольшом количестве товар в кредит. Только эти фирмы, выгоняющие много баранов и лошадей в Китай, представляют собою серьезных конкурентов для русских торговцев в Кобдосском округе, в особенности первые две, которые в то же время занимаются банкирскими операциями. Прочие же китайские торговые предприятия, с весьма ограниченным штатом служащих, не обладают ни достаточным оборотным капиталом, ни запасом товаров, в виду чего собираемых баранов, быков и сырья полностью перепродают нашим торговцам.

[...] Ввоз товаров из России в округ в 1915 году, по сравнению с 1914 годом, уменьшился на 157 575 рублей, а вывоз товаров из округа в Россию увеличился на 1694131 рубль. Такая большая разница в статье ввоза товаров за последние два года в пределы России объясняется тем, что в 1915 году начался усиленный ввоз шелковых тканей транзитом из Китая в Россию через Кобдосский округ и Кош-Агачскую таможенную. Поэтому, для более точного определения стоимости товаров, ввезенных в Россию исключительно из Кобдосского округа, необходимо из общей суммы ввоза вычесть 1 585 889 рублей, составлявшие стоимость китайских шелковых тканей, ввезенных в Россию через Кош-Агачскую таможенную. Таким образом, ввоз монгольских товаров из Кобдосского округа в Россию за 1915 год определяется в 982 145 рублей, т. е. на 108 242 рубля больше, чем в 1914 году. Среди ввезенных в Россию то-

варов первое место по количеству и стоимости занимает овечья шерсть, которая почти вся была куплена крупными фирмами на месте по цене около 12 рублей (в среднем) за пуд мытой шерсти. Бараны покупались по цене около 5 рублей и быки около 60 рублей (в среднем) за голову. Кирпичный чай и китайские товары ввозились в округ, преимущественно, из Улясутая.

С 1 августа 1915 года между городом Кобдо и Кош-Агачем установлено правильное почтовое сообщение. Регулярное получение и отправление

по два раза в неделю всякого рода почтовой корреспонденции и по одному разу в месяц посылок внесло известное оживление и облегчение как в коммерческой, так и частной жизни русских людей заброшенных судьбою на эту далекую окраину.

Донесения Российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным вопросам. Монголия: Кобдо, Шарасумэ. 1917. № 1. С. 1–6.

Трехстороннее соглашение России, Китая и Монголии об автономии Внешней Монголии

25 мая 1915 г.

Его императорское величество государь император и самодержец всероссийский, президент Китайской Республики и его святейшество богдо чжебцзун дамба хутухта хан Внешней Монголии, движимые искренним желанием разрешить общим соглашением разные вопросы, возникшие вследствие создавшегося во Внешней Монголии нового положения вещей, назначили своими уполномоченными;

его величество государь император и самодержец всероссийский: своего дипломатического агента и генерального консула в Монголии, действительного статского советника Александра Миллера;

президент Китайской Республики: генерала Би Гуй-фана и чрезвычайного посланника и полномочного министра в Мексике Чэнь Лу, и его святейшество богдо чжебцзун дамба хутухта, повелитель Внешней Монголии своих: помощника главного начальника юстиции эрдени чжонон бэйсэ Ширнин Дамдина и главного начальника финансов тушету Цин-вана Чакдурчжаба, которые, проверив свои полномочия, согласились между собой в нижеследующем:

Статья 1-я

Внешняя Монголия признает русско-китайскую Декларацию и ноты, обмененные между Россией и Китаем 23 октября 1913 года (5-го числа 11-го месяца 2-го года Китайской Республики).

Статья 2-я

Внешняя Монголия признает над собой сюзеренитет Китая. Россия и Китай признают автономию Внешней Монголии, составляющей часть китайской территории.

Статья 3-я

Автономная Монголия не имеет права заключать с иностранными державами международных договоров, касающихся политических и территориальных вопросов.

Что касается политических и территориальных вопросов, относящихся к Внешней Монголии, то китайское правительство, обязуется сообразоваться со 2-й статьей нот, обмененных между Россией и Китаем 23 октября 1913 года (5-го числа 11-го месяца 2-го года Китайской Республики).

Статья 4-я

Титул «богдо чжебцзун дамба хутухта хан Внешней Монголии» жалуется президентом Китайской Республики, календарь коей применяется в официальных бумагах наравне с монгольским календарем с циклическими знаками.

Статья 5-я

Россия и Китай, согласно 2-й и 3-й статьям русско-китайской Декларации 23-го октября 1913 года (5-го числа 11-го месяца 2-го года Китайской Республики), признают за автономным правительством Внешней Монголии исключительное право ведать всеми делами своего внутреннего управления, а равно и заключать с иностранными державами международные договоры и соглашения по всем вопросам, касающимся торговли и промышленности автономной Монголии.

Статья 6-я

Согласно той же статье 3-ей Декларации, Россия и Китай обязуются не вмешиваться в существующий во Внешней Монголии автономный строй внутреннего управления.

Статья 7-я

При предусмотренном статьей 3-й вышеупомянутой Декларации Китайском сановнике в Урге будет состоять военный конвой численностью не больше 200 человек. При его помощниках в Улясутае, Кобдо и Монгольской Кяхте военные конвои не будут превышать 50 человек каждый. В случае назначения, по соглашению с автономным правительством Внешней Монголии, помощников китайского сановника в другие местности Внешней Монголии, военные конвои при них не будут превышать 50 человек каждый.

Статья 8-я

Императорское российское правительство не будет содержать при своем представителе в Урге больше 150 человек консульского конвоя. В других местностях Внешней Монголии, где уже имеются или будут основаны по соглашению с правительством автономной Внешней Монголии российские консульства или вице-консульства, военные конвои при них не будут превышать 50 человек каждый.

Статья 9-я

Во всех торжественных или официальных случаях китайскому сановнику предоставляется первое почетное место. Он имеет право, в случае надобности, представляться его святейшеству богдо чжебцзун дамба хутухте хану Внешней Монголии в отдельной частной аудиенции. Таким же правом частных аудиенций пользуется и императорский российский представитель.

Статья 10-я

Китайский сановник в Урге и его помощники в разных местностях Внешней Монголии, предусмотренные статьей 7-й настоящего соглашения, имеют общий надзор за тем, чтобы деятельность автономного правительства Внешней Монголии и подчиненных ему властей, не нарушала суверенных прав и интересов Китая и его подданных в автономной Монголии.

Статья 11-я

Территорию автономной Внешней Монголии составляют согласно 4-й статье нот, обмененных между Россией и Китаем 23 октября 1913 года (5-го числа 11 -го месяца 2-го года Китайской Республики), области, находившиеся в ведении китайского амбана в Урге, цзянцзюня в Улясутае и китайского амбана в Кобдо, причем границей с Китаем служат границы хошунов четырех аймаков Халхи и Кобдоского округа сопредельных, на востоке — с Хулупбуирским округом, на юге — с Внутренней Монголией, на юго-западе с Синьцзянской провинцией и на западе — с Алтайским округом.

Формальное разграничение между Китаем и автономной Внешней Монголией будет произведено особой комиссией из делегатов России, Китая и автономной Внешней Монголии, причем к началу работ по разграничению будет приступлено не позже двух лет со дня подписания настоящего соглашения.

Статья 12-я

При ввозе китайскими купцами в автономную Внешнюю Монголию товаров любого происхождения таможенного обложения не устанавливается. Однако, китайские купцы будут уплачивать все установленные и могущие быть впредь установленными в автономной Внешней Монголии виды внутреннего торгового обложения, какие будут уплачиваться монголами автономной Внешней Монголии.

Купцы автономной Внешней Монголии, ввозящие во Внутренний Китай местные товары всякого сорта, равным образом уплачивают как установленные, так и могущие впредь быть установленными виды торгового обложения, наравне с китайскими купцами.

Иностранные же товары, ввозимые во Внутренний Китай из автономной Внешней Монголии, облагаются таможенными пошлинами, установленными Договором о сухопутной торговле 1881 года (7-го года правления Гуан-суй).

Статья 13-я

Гражданские и уголовные дела, возникающие между китайскими подданными, проживающими в автономной Внешней Монголии, будут рассматриваться и решаться китайским сановником в Урге и его помощниками в других местностях автономной Внешней Монголии.

Статья 14-я

Гражданские и уголовные дела, возникающие между монголами автономной Внешней Монголии и проживающими в этой стране китайскими подданными, будут рассматриваться и решаться

ся совместно китайским сановником в Урге и его помощниками в других местностях автономной Внешней Монголии или уполномоченными ими на то лицами и монгольскими властями, причем, если ответчиком или обвиняемым является китайский подданный, а истцом или обвинителем — монгол автономной Внешней Монголии, то совместное рассмотрение и решение дела происходит у китайского сановника в Урге и его помощников в других местностях автономной Внешней Монголии; если же ответчиком или обвиняемым является монгол автономной Внешней Монголии, а истцом или обвинителем — китайский подданный, то дело тем же совместным порядком рассматривается и решается в монгольском присутственном учреждении. Виновные наказываются по своим собственным законам. Сторонам предоставляется право разрешать возникающие споры полюбовно, путем избрания посредников, выбранных из своей среды.

Статья 15-я

Гражданские и уголовные дела, возникающие между монголами автономной Внешней Монголии и проживающими в этой стране русскими подданными, рассматриваются и решаются по порядку, указанным в 16-й статье русско-монгольского торгового Протокола 21 октября 1912 года.

Статья 16-я

Все судебные дела, гражданские и уголовные, возникающие в автономной Внешней Монголии между русскими и китайскими подданными, разбираются и решаются следующим порядком: в судебных делах, где истцом или обвинителем является русский подданный, а ответчиком или обвиняемым — китайский подданный, русский консул лично или через уполномоченное им самим лицо участвует в судебном заседании на равных правах с китайским сановником в Урге или его делегатом или его помощниками в других пунктах автономной Внешней Монголии. Русский консул или уполномоченное им лицо допрашивает в зале заседания истца и русских свидетелей, а ответчика и китайских свидетелей чрез китайского сановника в Урге или его делегата, или его помощников в других пунктах автономной Внешней Монголии; рассматривает представленные доказательства, требует обеспечения исков, заключения экспертов, если считает экспертизу необходимой для выяснения права сторон, и пр.; он участвует в постановлении и выработке решения, которое подписывает с китайским сановником в Урге или его делегатом или его помощниками в других местностях автономной Внешней Монголии; приведение же решения в исполнение лежит на обязанности китайских властей.

Китайский сановник в Урге и его помощники в других местностях автономной Внешней Монголии, равным образом, могут лично или через уполномоченных ими лиц присутствовать в российских консульствах при разборе дел, в которых ответчиком или обвиняемым является русский подданный, а истцом или обвинителем — китайский подданный. Приведение же решения в исполнение лежит на обязанности русских властей.

Статья 17-я

Ввиду того, что часть телеграфной линии Кяхта—Урга — Калган пролегает по территории автономной Внешней Монголии, решено, что означенная часть этой телеграфной линии составляет полную собственность автономного правительства Внешней Монголии. Подробности, касающиеся устройства на границе этой страны и Внутренней Монголии передаточной телеграфной станции, обслуживаемой китайскими и монгольскими чиновниками, а равно и вопросы о тарифе для передаваемых телеграмм, распределении доходов и пр., будут обсуждены и улажены особой технической комиссией из делегатов России, Китая и автономной Внешней Монголии.

Статья 18-я

Китайские почтовые учреждения в Урге и Монгольской Кяхте сохраняются на прежних основаниях.

Статья 19-я

Автономное правительство Внешней Монголии ответит в полную собственность правительства Китайской Республики необходимые помещения для пребывания китайского сановника в Урге и его помощников в Улясутае, Кобдо и Монгольской Кяхте, равно как и состоящего при них подчиненного штата. Для конвоев упомянутых лиц будут отведены необходимые земельные участки вблизи мест их пребывания.

Статья 20-я

Китайский саповник в Урге и его помощники в других местностях автономной Внешней Монголии, равно как и состоящий при них подчиненный штат, пользуются монгольскими казенными

почтовыми станциями применительно к постановлениям ст. 11 русско-монгольского торгового Протокола 21 октября 1912 года.

Статья 21-я

Постановления русско-китайских Декларации и нот 23 октября 1913 года, 5-го числа 11-го месяца 2-го года Китайской Республики, равно как и русско-монгольского торгового Протокола 21 октября 1912 года, остаются в полной силе.

Статья 22-я

Настоящее соглашение, написанное в трех экземплярах на русском, китайском, монгольском и французском языках, вступает в силу со дня его подписания. Из четырех текстов, по сличению оказавшихся согласными, руководствующим при толковании соглашения будет служить французский текст.

Заключено в Кяхте в 25-й день мая месяца 1915 года, что соответствует 7-му дню 6-го месяца 4-го года Китайской Республики.

С. П. Би Гуй-фан

С. П. А. Миллер

С. П. Ширнин Дамдин, Чакдурчжаб

С. П. Чэнь Лу

*Русско-китайские отношения. 1689–1906.
Официальные документы. М., 1958. С. 102–106.*

ДОКЛАД

**заведующего Алтайским отделением Всероссийского текстильного синдиката
Ю.Г. Лукьянова о поездке в Монголию в августе 1923 г.**

5 сентября 1923 г.

г. Барнаул

*Уполномоченному Всероссийского
текстильного синдиката по Сибири
А.С. Кургузову*

По Вашему поручению я посетил Монголию в целях обследования монгольского рынка в отношении сбыта текстильной продукции и заготовки шерсти и пушнины. Из Барнаула я выехал 24 июня пароходом до Бийска, откуда по Чуйскому тракту (через Алтайские горы) отправился в Кош-Агач. В Кош-Агач прибыл 9 июля, предполагая числа 11–12 июля выехать за границу. Но сделать это удалось лишь 22 июля. Дело в том, что начальник Катон-Карагайского пограничного пункта Мочалов, в ведение которого находится и Кош-Агачский погранпункт, ссылаясь на то, что граница в районе Кош-Агача закрыта Кирреспубликой, категорически отказался пропустить меня за границу и предложил ехать через Катон-Карагай, заставляя, таким образом, проехать до Кобдо и обратно свыше 1000 верст лишних чрезвычайно трудной верховой тропинкой (расстояние от Кош-Агача до Кобдо 350 верст тележной старой трактовой дорогой, а через Катон-Карагай — 380 верст горной тропинкой, проезд по которой возможен только верхом и только в сопровождении особого, знающего эту тропинку проводника).

Во избежании очень больших расходов и потери около месяца лишнего времени, не говоря уже о чрезвычайной трудности дороги, я согласиться на поездку через Катон-Карагай не мог и вынужден был начать с различными учреждениями телеграфную переписку, добиваясь разрешения на проезд границы в районе Кош-Агача. В результате этой переписки и был, наконец, дан пропуск за границу через Кош-Агач.

Надо сказать, что в течение 13 дней, когда я добивался проезда границы через Кош-Агач, Кош-Агачский погранпункт из ведения Кирреспублики перешел в ведение Ойротской области и начальником пункта был назначен Пономарев. Для иллюстрации прилагаю копии телеграмм по вопросу о переезде границы. Неурядица и волокита, связанные с переездом границы, по моему мнению должны быть отнесены на счет усмотрения мест. На почве этого усмотрения происходят чрезвычайно нелепые вещи. Например, Катон-Карагайский пункт вывез из Кош-Агача около 30 пудов маральего рога, принадлежащего Ойротской области и предполагает продать его в Катон-Карагае с торгов; Кош-Агач конфисковал товары у контрагента нашего Семипалатинского отде-

ления и не дает пропуска на вывоз шерсти, закупленной этим контрагентом, а Катон-Карагай, в свою очередь, не пропускает в Кош-агач хлеба, который издавна вывозился оттуда кош-агачским населением (в Кош-Агачском районе хлеба не сеется) и т.д.

Благодаря длительной задержке в Кош-Агаче, мне пришлось отказаться от мысли посетить Улясутай и ограничиться посещением только Кобдо. 22 июля я выехал из Кош-Агача, 28-го утром приехал в Кобдо, где пробыл до 31 июля. Вернулся в Барнаул 17 августа.

В качестве переводчика, знатока дороги и монгольских обычаев я брал с собою из Бийска бывшего монголиста Александра Ивановича Трапезникова. Трапезников служил раньше у бийских купцов Асанова и Бодунова, закупавших в Монголии большие партии шерсти и пушнины. Кроме Трапезникова, я брал с собою сотрудника нашего отделения Абрама Яковлевича Цкловера. Взять с собою Цкловера мне пришлось потому, что дорога в Монголию большей частью проходит через дикую, мало обитаемую горную местность и считается небезопасной, тем более в Горном Алтае до сих пор бродят остатки бандитов, следовательно, присутствие своего человека ни в коем случае не могло считаться лишним.

За время моего пребывания в Монголии, в частности, в г. Кобдо, мне удалось выяснить следующее.

Фирмы, оперирующие в Монголии, характер их деятельности

В Кобдосском округе работают фирмы: американские — Вуден и бр. Бреннер, китайские — Било-кту, Бо-тук-лус и Та-ли-чен и единственная русская — Центросоюз. Эти же фирмы работают и в Улясутае. Кроме того, там работает монгольский кооператив из Урги и китайская фирма Та-шэн-ху. Фирма Та-шэн-ху, являясь китайским банком, непосредственно никаких заготовок не ведет. Все остальные китайские фирмы, как в Кобдосском, так и в Улясутайском округах, не располагая большими товарными и серебряными средствами, ведут пустяковые сравнительно закупки, закупая преимущественно мерлушку, крупный рогатый скот и частично шерсть. Наиболее богатая по количеству товаров из всех перечисленных китайских фирм — фирма Та-ли-чен. Центросоюз закупает преимущественно крупный рогатый скот, причем в Уланкомском районе Кобдосского округа платит довольно высокие цены: он дает за быка примерно в 35 пуд живого веса 25 чаев (на банковское серебро чай = 1 руб. 40 коп.). Таким образом, средний монгольский бык оплачивается на месте по 35 рублей. Центросоюз ведет закупку скота главным образом за зеленый чай и частично за серебро. Других товаров у него почти не имеется. Американская фирма бр. Бреннер в нынешний сезон не вела совершенно никаких заготовок. Она предполагает начать с осени закупку пушнины. Фирма Вуден закупает исключительно монгольскую шерсть, к 1 августа она закупила около 30000 пудов. Товаров у этой фирмы очень мало. Все ее товарные ресурсы заключаются в 20-40 кусках китайской далембы, цуембы и шанда-дабы и 5-10 ящиках зеленого чая. Закупка велась главным образом на серебро и большей частью в кредит. Заведующий Кобдосским отделением Вудена русский колонист П.Д. Кряжев, которого монголы хорошо знают и доверяют ему, до сего времени ждет присылки серебра из Урги, чтобы рассчитаться за принятую шерсть.

Вообще у всех фирм мануфактурных товаров очень мало, по преимуществу мануфактура доставляется на монгольский рынок китайцами, но далеко не в достаточном количестве. Мануфактура фигурирует исключительно китайская, если не считать самого незначительного количества английской мануфактуры, иногда просачивающейся в Монголию. Русской мануфактуры монголы не видели около 10 лет. Из сказанного смело можно сделать вывод, что монгольский рынок, обслуживавшийся раньше по преимуществу русской мануфактурой, до сего времени никем не завоеван и возможности для широко сбыта русской мануфактуры не утеряны.

Мерилом ценностей на монгольском рынке в районе Кобдо-Улясутай является лан = 2 руб. банковским серебром и товарная единица, приобретаемая на местах широкую популярность — чай. «Чай» — это кирпич зеленого чаю № 27 = равен китайскому доллару = 1 руб. 40 коп. банковским серебром.

Цены товаров и сырья

Американская фирма Вуден продает далембу за кусок неполной меры т.е. $6 \frac{3}{4}$ арш. (полномерный кусок содержит 8 аршин) по 2 — $2 \frac{1}{2}$ лана.

Китайские фирмы продают тот же товар до 3 лан за неполномерный кусок. Той же ценой торгуют и цуембой. Английский ситец продают по 50-60 коп. банк/серебром за аршин.

На зеленый чай в кирпичах № 27 имеется большой спрос, ибо помимо большого его потребления он служит основной товарообменной единицей и имеет обращение наравне, а, пожалуй, и шире серебра.

Цены на сырье менее устойчивы и за последнее время заметен уклон к повышению, [порожденный, поддерживаемый ?] монополично работающими там несколькими закупочными фирмами.

Вуден покупал весной с.г. шерсть монгольскую [...] по 20 долларов (38 руб.) за 100 джин (равно 3 ½ пуда. В период заготовки понизились до 15 и 13 долларов а к августу доведены до 8 долларов (11 р. 20 коп.) за 100 джин.

Сурок весенний партионно покупался весной по 2 чая (3 р. 80 к.) за пару, с постепенным снижением цен к августу дошел до 1 чая за пару. При покупке розницей дешевле на 10–15%. Осеннего сурка и других видов пушнины пока нет в предложении и цена на них пока не устанавливалась.

Перспективы заготовок и товарообмена

Из сырья, интересующего ВТС, в настоящее время в Кобдосском округе можно заготавливать за сезон овечьей шерсти 50–60 тыс. пуд, сурка до 50 тыс. шт., соболей до 200 шт., лисиц, среди которых есть и высокоценные сорта, — до 1000 шт.

В Улясутайском округе, по недостаточно точным данным, возможно заготовить шерсти до 30 тыс. пуд и сурка до 100 тыс. шт. Сурок этих районов преимущественно светлый. Темного (тарбагана) встречается сравнительно мало.

При наличии свободного сырья и недостатке мануфактуры, сбыт таковой в настоящее время обеспечен на сумму 600–800 тыс. довоенных рублей, т.е. около 2 млн современных золотых рублей в год.

В виду того, что реализация мануфактуры за границей за серебро для синдиката невыгодна и нецелесообразна, то сбыт мануфактуры мыслим только в тесной связи с заготовкой промышленной шерсти и валютного сырья, т.е. пушнины.

Исходя из этой предпосылки и отсутствия на местах солидного посреднического аппарата, в круг товарного обращения некоторые посторонние, но неизбежные при товарообмене промежуточного обращения:

- Чай зеленый № 27 в кирпичах;
- Кожа «кяхта»;
- Маралий рог;
- Кабарговая струя;
- Банковое серебро

Специальные сорта мануфактуры отчасти имеются в обращении, отчасти же необходимо изготовлять на фабриках трестов, объединяемых синдикатом (образцы и ассортимент при сем прилагаются).

Чай зеленый, в случае отсутствия такового у наших госорганов из группы Пищевкуса, можно получить с Востока транзитом через Ургу, а в крайнем случае вглуби Монголии у крупных китайских фирм.

Кяхта (кожа особой обработки) может быть изготовлена здесь силами местного Кожтреста.

Маральи рога (панты) и кабарговую струю можно заготовить в Горном Алтае.

Банковое серебро в стадии работы в Монголии будет поступать как выручка за продаваемые товары в количестве достаточном для операций на местах, но вначале в период организации необходимо получить его некоторое количество для оплаты таможенных пошлин и расчетов по транспортировке товаров в пределах Монголии.

Отношение к иностранцам

Отношение к нам, как к представителям советского торгового госоргана, повсюду очень хорошее. При посещении местных «князей» вроде губернатора и генерал-губернатора, необходимо отметить весьма дружелюбное к нам отношение, как к представителям советского госоргана. Такое же вполне миролюбивое и доверчивое отношение мы встречали со стороны рядовых монголов на пути туда и обратно.

Представление деловых и административных кругов Западной Монголии о нашей Республике, как о стране обедневшей и неспособной вести торговых дел с соседями, в том числе и с Монголией.

Наши беседы с ними отчасти разубедили их в этом, в результате чего выдана разрешительная грамота (копия в приложениях) на имя Всероссийского Текстильного Синдиката на право беспрепятственной торговой деятельности в пределах Кобдосского генерал-губернаторства (Западная Монголия) и разослано по хошунам (административная единица, нечто среднее между нашей волостью и уездом) оповещение о предстоящей работе ВТС по продаже мануфактуры и покупке сырья.

Снисканное нами доверие и деловой подход к вопросу о нашем выступлении на рынках Северо-Западной Монголии вызывает необходимость подтверждения на деле наших заверений об экономическом возрождении нашей Республики и возможностях восстановления с Монголией торговых взаимоотношений довоенного периода.

Китайцы, проживающие и торгующие в Северо-Западной Монголии, пользуются плохой репутацией, как следствие практикуемых ими недобросовестных приемов в торговых делах.

Русские колонисты в Северо-Западной Монголии, а главным образом в Кобдо, преимущественно бывшие служащие русских фирм, работавших в Монголии в довоенное время. В силу необходимости они в настоящее время работают по специальности у заграничных фирм, но готовы всегда работать по заданиям русских предприятий.

Пошлины

Таможенная политика Монголии в годы войн круто изменилась.

Прежде русские товары ввозились в Монголию беспошлинно, также беспошлинно вывозилось оттуда в Россию сырье.

В настоящее время ввоз и вывоз облагается 6% с покупной и продажной внутри Монголии цены на все без исключения товары по всей монгольской границе. Оплата таможенных пошлин взимается исключительно серебром, что при скудности его обращения внутри страны является затруднительным как для импорта, так и для экспорта.

Увеличение накладных расходов по ввозу и вывозу не может быть для нас безразличным. Следствием чего является необходимость, чтобы внешторг через Ургу добивался если не полного упразднения таможенных сборов на русско-монгольской границе, то во всяком случае понижения их до минимума, или дифференциации их до минимума, благоприятной для товаров обрабатываемых синдикатом.

Состояние Кобдо и периферии. Связь

Город Кобдо — центр округа и области и резиденция консула СССР. В прошлом Кобдо представлял из себя европейский оазис в стране кочевников. В полосу гражданских войн в 1912 году город подвергся основательному разрушению. Последние десять лет ничего почти не поправлялось и только в текущем году приступают к восстановлению города. Пока дома и магазины в большинстве случаев без полов, окон и дверей. Восстановлены: здание консульства СССР, школы, торговые помещения фирм Вуден и бр. Бреннер. Рядом с городом расположены лагеря, вмещающие 500 солдат. Русская колония поселилась в юртах возле города. Культурная жизнь города оживает.

Город Улясутай по характеру тождественный с Кобдо, но не подвергался разрушению.

В периферии Кобдо и Улясутая селений в полном смысле этого понятия нет. Кое-где вблизи проезжих троп временно осели агенты китайских и иных торговых фирм и даже административно-территориальные единицы определяются по признакам гор, рек и ущелий, но не жилых мест. Все живое кочует и не менее двух раз в год меняет местожительство.

Периодических торжищ вроде ярмарок, базаров в городах нет. Кочевники посещают города бессистемно, по мере надобности.

Почтовой связи не существует. Консульство и деловые круги по мере надобности пользуются курьерами.

Русский телеграф Кобдо — Кош-Агач за последние годы разрушен. Столбы утилизированы населением, а часть проволоки собрана и хранится на местах. О судьбе русской телеграфной линии Улясутай — Урга мне неизвестно. В текущем году, по-видимому, обращено внимание на восстановление телеграфной связи и пока что составлена смета. Дальнейшее движение вопроса зависит от предоставления средств заинтересованными в существовании телеграфа учреждениями и предприятиями.

Пути сообщения. Транспорт

Чуйский тракт, самый кратчайший и проходимый путь в Северо-Западную Монголию, начинается от города Бийска, конечной станции ответвления Алтайской железной дороги. Тракт проведен 10 лет тому назад через хребты Горного Алтая. Расстояния удлиняют многочисленные подъемы и спуски зигзагами. Местами дорога ведет по бортам, выдолбленным в отвесных скалах над берегами горных рек.

Расстояния: Бийск — Кош-Агач — 505 верст, Кобдо — 350 верст, Улясутай — 500 верст. Кош-Агач — Улясутай без заезда в Кобдо — 800 верст. Улясутай — Урга — 1000 верст.

Самым трудным для езды и транспортирования грузов является перегон Онгудай — Кош-Агач (350 верст), ведущий исключительно по горам.

В пограничной с Монголией полосе местность опустевшая во время гражданской войны последних лет. Дорога местами размыта, мосты провалившиеся.

Сибшоссе в текущем году приступлено к ремонту тракта и сооружению новых паромов.

Грузоподъемность лошади по Чуйскому тракту 10-18 пудов на телеге.

Бывший тракт Кош-Агач — Кобдо местами размыт и порос кустарником, но продвижение по нему на двуколках (таратайках) возможно. Грузоподъемность лошади — та же.

От Кобдо до Улясутая ведет тележная дорога, но грузы перевозятся здесь преимущественно вьюком, нагружая на верблюда до 15, а на лошадь — до 7 пуд.

Стоимость провоза пуда товаров или сырья от Бийска до Кош-Агача от 1 р. до 1 р. 50 коп. в золотом исчислении. От Кош-Агача до Кобдо — 1 руб. серебром. От Кош-Агача до Улясутая от 2 до 2 руб. 50 коп. серебром. В зимние месяцы перевозки по Горному Алтаю затрудняются отсутствием подножных кормов.

Условия работы ВТС в Монголии

Необходимость выступления ВТС на рынке Северо-Западной Монголии очевидная и бесспорная.

Развернуть работу следует в двух пунктах — в Кобдо и Улясутае. Таким образом, охватывается громадный район в сторону Урги. Работая только в Кобдо можно обслуживать лишь часть Улясутайского округа.

При наличии Алтайского отделения в Барнауле транспортные и перевалочные операции вплоть до границы в Кош-Агаче могут быть выполнены существующим уже аппаратом ВТС.

Отделения в Кобдо и Улясутае следует сконструировать применительно бытовым условиям Монголии и характеру производимых там смешанных торговых операций по сбыту мануфактуры и массовой заготовке сырья.

Примерные штаты отделений:

Заведующий отделением — 1

Его заместитель, он же заведует складом товаров и сырья — 1

Товаровед — 1

Приемщик шерсти — 1

Приемщик пушнины — 1

Бухгалтер — 1

Счетовод — 3

Кассир — 1

Агент по транспорту — 1

Приказчик для розничной торговли — 1

Сторож — 2

Всего: 13 служащих.

По мере развертывания работы учреждаются агентуры: при Кобдосском отделении до 7-ми, при Улясутайском отделении — до 5-ти. Штат агентуры — агент и его подручный.

Кое-где вместо агентуры работа может быть поручена контрагенту на определенных условиях.

При отделениях и агентурах необходимо оборудовать примитивные мойки для шерсти. Это дело не повлечет за собой больших затрат и даст более положительные результаты, чем перевозка шерсти в грязном виде и перемывка ее на крупных дорогостоящих мойках.

Помещения, нужные для отделений, в Улясутае найдутся без затруднений, а в Кобдо есть помещения бывшие Асанова, а ныне находящиеся в распоряжении консульства СССР, которое любезно предоставляет их в распоряжение ВТС.

Агентуры приходится помещать преимущественно в юртах.

Бытовые особенности Монголии заставляют ставить отделение по типу фактории. При отделении должна быть квартира для приезжей клиентуры, которую приходится на время посещений неустанно поить чаем и даже подкармливать.

Торговые операции в Монголии нераздельны с гостеприимством и монгол-покупатель считает себя в первую очередь гостем, а вслед за этим — покупателем. Эта особенность создает особую статью расходов «на представительство», распространяющуюся и на агентуру.

Вплоть до развития розничной торговли товарами синдиката при оптовом складе неизбежно иметь розничное отделение, обслуживаемое одним продавцом.

Отсутствие дифференцированной торговли и недостаточность имеющихся в обращении денег и их суррогатов, заставляет вести торговлю преимущественно товарообменную и принимать в расчет за отпущенные товары помимо шерсти и пушнины и другие виды сырья, не входящие в круг прямых интересов в ВТС. Реализация на месте полученного таким образом всестороннего сырья не встретит затруднений.

Из изложенного характера торговых операций, неизбежных в Монголии, и невозможности скорого извещения об изменениях цен, вытекает необходимость устойчивой расценки товаров на целый сезон не в деньгах, а в ситцевых или сырьевых единицах.

Точные результаты таких операций можно учесть по продвижении сырья, полученного за товары, на территорию Республики, сопоставляя стоимость отправленных товаров и полученного сырья.

Применение такого безденежного учета гарантирует от убыточности операций и соответствует разнообразию калькуляции, вызываемой особенностями монгольского рынка.

В соответствии с характером торговых операций в монгольских отделениях должно быть приспособлено и счетоводство отделений.

На первое время, впредь до выявления опыта работы в Монголии в современной обстановке, монгольские отделения должны [быть] организационно связаны с нормальными отделениями ВТС, работающими на территории СССР. В данном случае, Кобдосское и Улясутайское отделения могут быть приобщены к ближайшему к ним Алтайскому отделению ВТС в г. Барнауле, через которое неизбежно установление почтовой связи с центром ВТС, выполнение таможенных обрядностей и перевалочные операции по товарам и сырью. снабжение монгольских отделений неизбежным инвентарем и даже строительными материалами может производиться лишь с Алтая и, следовательно, через Алтайское отделение.

Кадры служащих для монгольских отделений целесообразнее всего составлять из лиц, имеющих за собой опыт работы в Монголии и знающих монгольский язык.

Из таких лиц считаю нужным отметить персонально:

Самым подходящим кандидатом на заведующего отделением ВТС в Кобдо считаю Попова Михаила Алексеевича. Это сын крупного в свое время монголиста, принимающий непосредственное участие в делах отца в Монголии. Знает хорошо монгольский язык не только разговорный, но и литературный. Пользуется исключительным доверием и популярностью среди монголов. Хороший сведущий в товарном и сырьевом деле.

Помощником ему можно назначить Трапезникова Александра Ивановича, бывшего служащего русских монголистов; знает язык и местность. Состоял моим переводчиком при поездке в Монголию. В настоящее время работает временно агентом в Алтайском отделении агентом по заготовке марального рога.

Заведущим отделения в Улясутае могу указать Грехова Алексея Ильича, знатока Монголии и спеца по сырью и мануфактуре. В случае решения открыть только одно отделение, Грехова можно использовать в качестве товароведа. В настоящее время состоит председателем кооператива в Кош-Агаче.

Товароведов, сырьевщиков, продавцов и других торговых специалистов, знающих язык и обычаи, можно получить на местах, из состава русских колоний в Кобдо и Улясутае, а также среди бывших монголистов, проживающих на эту сторону границы на Алтае.

Счетный аппарат приходится привлечь из пределов Сибири, так как на местах в монголии счетоводов и бухгалтеров не находится.

Включение в кадры служащих монгольских отделений хотя бы по одному сотруднику из работающих в аппарате Синдиката способствовало бы большей организационной спайке с системой ВТС.

Оплата труда служащих в Монголии должна быть смешанной, т.е. частью денежная (золотом или серебром), частью натуральная (товаром, продуктами и т.п.). Ответственным служащим необходимо предоставить при предприятии квартиры с отоплением и освещением.

Примерная ставка заведующему — 150 долларов в месяц (210 руб.), прочие разряды от 15 до 120 долларов, включая натуральные выдачи.

В целях стимуляции инициативы и интенсивности труда явилось бы рациональным установление премии или татъемы в зависимости от оборота отделений.

Чтобы использовать сезон сбора пушнины (осень-зима) и быть готовым к сбору летней шерсти, необходимо приступить к работе с ранней осени, забросив в Монголию товары не позже октября. К этому вынуждают также условия гужевого транспорта по Горному Алтаю, ибо в ноябре и декабре длительный осенний ледостав приостанавливает переправы через горные реки. Перевозки товаров по зимнему пути с декабря месяца затрудняются отсутствием подножного корма в безлюдной полосе Горного Алтая, а заброска корма гужом или в тюках значительно удорожает стоимость перевозок.

Необходимо также заблаговременно перебросить из русской территории строительные материалы для ремонта помещений в Кобдо (смета в приложениях).

Сохранность ценностей Синдиката, забрасываемых в Монголию, гарантирует гражданское умиротворение и сравнительно благоприятная политическая обстановка в Монголии в настоящее время.

Мыслимые осложнения с Китаем не могут изменить этой обстановки, тем более, что длительность расстояния от китайской границы ослабляет в значительной мере возможность риска. Пограничная полоса по обе стороны не имеет никаких опасений.

Принципиальное решение Правлением вопроса о выступлении Синдиката на рынках Северо-Западной Монголии, своевременно сообщенное, даст возможность планомерного проведения подготовительных мер в этом направлении и использования благоприятной в настоящее время экономической обстановки для СССР в целом, а для ВТС — в частности.

Наряду с обследованием возможностей работы в Монголии, мне было поручено ознакомиться с деятельностью экспедиции Монголгосторга в части выполнения наших заданий по заготовке шерсти и сурка.

Время вынужденного ожидания разрешения переезда границы в Кош-Агаче, два дня при возвращении обратно я посвятил выполнению данного мне поручения.

О работе Монголгосторга

В начале мая экспедиция Монголгосторга по прибытии в Бийск с товарами пополнила кадр сотрудников и приготавливалась к продвижению в Монголию.

Распоряжением Сибревкома, вытекающим из соображений международного положения того времени, запрещена была переброска товаров к монгольской границе на неопределенное время. Такое экспромтное препятствие вынудило Монголгосторг распустить часть сотрудников экспедиции и бездействовать в ожидании дальнейших распоряжений. К концу мая положение изменилось и получено разрешение на продвижение товаров. Новое пополнение состава экспедиции и организация транспорта отняли много времени и экспедиция прибыла к границе Монголии (Кош-Агач) лишь в половине июля. Переброска товаров затянулась еще позднее.

Время было уже упущено. Новые препятствия со стороны пограничных властей при переезде границы усугубили запоздание. Только в конце июля Монголгосторгу удалось перебросить товары через границу в районы Белое Озеро, Уланком, Саксай и Дюлюки. Базой экспедиции остался Кош-Агач.

К 6 августа Монголгосторгом заготовлено для ВТС около 2 тысяч пудов шерсти, что примерно соответствует отпущенному нами товарному авансу на ее заготовку.

Монголгосторг[ом] часть свободных от несостоявшейся закупки скота товаров переведена в шерсть, но шерсть эта, как заготовленная на собственные Монголторга ресурсы, не подпадает под действие нашего с ним соглашения и, по-видимому, буде реализована по высоким, едва ли для нас приемлемым ценам.

Наша расчеты с Монголгосторгом по шерсти возможно ликвидировать только к 1 декабря, обо массовая переброска шерсти до Бийска начнется лишь в октябре.

Сурка к началу августа заготовлено около 3 тысяч штук. Весенний сурок скуплен на местах и вывезен еще до прибытия запоздавшей экспедиции. Сбор осеннего сурка не обещает быть обильным, вследствие запрещения в некоторых районах монгольскими властями суркового промысла по религиозным побуждениям.

Вообще работу экспедиции в этой отрасли заготовок следует считать не вполне удачной.

Замена предполагавшейся нашей заготовительной экспедиции соглашением с Монголгосторгом не дала желаемых результатов, как в количественном отношении заготовки, так и в области закрепления нами сырьевого рынка. Значительное количество шерсти находится в распоряжении Монголгосторга, а не нашего.

На наш запрос об увеличении аванса на заготовку шерсти (4 июня с.г. №0477) нам предложено воздержаться.

В виду изменившихся цен на шерсть дополнительные авансы в настоящее время для Монголгосторга не представляют интереса.

Вообще работа на договорных началах в текущий сезон заготовок выявила лишь отрицательные стороны, связывая нашу свободу действий применительно к условиям часто меняющейся конъюнктуры сырьевого рынка.

Заведующий Алтайским отделением ВТС

Ю.Г. Лукьянов

ГААК. Ф Р-10. Оп. 1. Д. 181. Л. 657–664 об.

О. Батсайхан

*доктор исторических наук, профессор,
Институт международных исследований Академии наук Монголии*

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ МОНГОЛИИ И МОНГОЛО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЙ

29 декабря 1911 г. монголы освободились от маньчжурского господства, официально известили мир о своем самостоятельном независимом становлении и провозгласили Богдо Жавзандамба хутухту императором (правителем-ханом) Монгольского государства*.

В 1911 г. монголы освободились от маньчжурского государства Цин и провозгласили восстановление независимости, что и стало началом новой эпохи в истории монголов. Возведение VIII Богдо Жавзандамба-хутухты на престол хана стало признаком становления самостоятельного государства монгольской нации и выражением уверенности и почтения большого числа монголов.

С возведением Богдо Жавзандамба-хутухты на львиный престол императора Монголии, дали государству титул Монгол и летоисчисление — титул «Многими возведенный», Их-Хурэ переименовали в столицу Нийслэл-Хурэ, и, таким образом, началась новая история возрожденной Монголии на Азиатском континенте в начале XX в.

Тогда известный журналист, работавший в то время в английской газете The Daily Telegraph Э.Ж. Диллион написал статью под заглавием «Отделение Монголии от Китая» в апрельском номере 1912 г. периодического журнала «Современный обзор» на английском языке. Э.Ж. Диллион был известен как журналист по России, написавший много статей по политическим и экономическим вопросам России. Он в своей статье тронул интересы русских в Монголии, в частности генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева-Амурского и выставил секретную беседу Деспота-Зеновича, представителя графа Н.Н. Муравьева-Амурского с Монгольским амбаном в 1850-х гг. в Урге, что является интересным источником для исследования истории монголии. Почему мы включаем эту статью и запись беседы.

* Батсайхан О. Монголын сүүлчийн эзэн хаан Богд Жавзандамба хутагт: Амьдрал ба домог, Последний император Монголии Богдо Жавзандамба хутукту: Жизнь и легенда\ УБ., 2011 г.

Николай Николаевич Муравьев-Амурский (1809–1881) является одной из наиболее неординарных личностей в истории России. Прославился Муравьев-Амурский в период русско-турецкой войны 1828–1829 гг., отличившись в боях под Варной и Шумлой. Затем — успешная служба в Польше и на Кавказе. в 1846 г. он был тульским губернатором, а в 1847–1861 гг. Муравьев-Амурский — губернатор Восточной Сибири. Здесь в полную силу проявились его энергия, творческий потенциал, нестандартность мышления и форм деятельности. Много сил отдал он изучению и освоению края, привлекая к деятельности местную интеллигенцию и даже политических ссыльных; мечтал об оживлении связей с центральной Россией посредством строительства железных дорог. Муравьев-Амурский активно содействовал адмиралу Геннадию Ивановичу Невельскому (1813–1876) в исследовании и описании Дальнего Востока — Сахалина и окружающих его вод. Благодаря комплексной экспедиции на Амур (1854–1855), инициативе и дипломатическому дару Муравьева-Амурского удалось подписать с Китаем Аргунский договор (1858), по которому России были возвращены территории, отторгнутые от нее еще в 1689 г. Была определена граница по Амуру. Плавание по нему, Уссури и Сунгари разрешено лишь России и Китаю. А Муравьеву пожалован Император титул графа Амурского.

В 1861 г. он был освобожден от должности губернатора и назначен членом Государственного Совета. Последующие 20 лет не привлекался к активной государственной деятельности. Скончался Муравьев-Амурский во Франции, где был на лечении и где его посещали его друзья-сибиряки. В 1891 году в Хабаровске ему воздвигнут памятник.

Бүр 1853 онд Муравьев «хэрэв Манж гүрэн унаж, эх нутаг Манжууртаа буцах болвол Бэ-эжин дэх хятадын засгийн газраас Монголд ноерхлоо тогтоохоос урьтаж бид Монголыг өөрийн протекторатаа болгох талаар хурдан арга хэмжээ авах естой» хэмээн бичиж байв.

Именно после подписания Айгунского договора, были подписаны ряд договоров между С.Петербургом и Пекином, как Тяньжинский 1858 г. и Пекинский 1860 г. Согласно последнему, был открыт Консульство Российской империи в Урге в 1861 г.

Пограничный комиссар и градоначальник Александр Иванович Деспот-Зенович (1828–1895) окончил юридический факультет Московского университета в 1848 г., а в 1849 г. за неблагонадежность был выслан в Пермь под надзор. По ходатайству генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева А.И. Деспот-Зенович был переведен переводчиком в Главное управление Восточной Сибири и отправлен в распоряжение кяхтинского градоначальника. В октябре 1852 г. его назначили исполняющим обязанности пограничного комиссара, а в 1854 г. он был утвержден в этой должности. В качестве пограничного комиссара он показал свои всесторонние способности и образованность. Имея постоянные контакты с дзургучеем, китайскими чиновниками, купцами, он приобрел навыки в общении с ними и необходимые в его положении дипломатический такт и проницательность. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев в отношениях с китайскими пограничными властями и чиновниками в Урге поручал Деспоту-Зеновичу самые ответственные дела.

В 1854 г. в целях защиты неразграниченных между Россией и Маньчжурским Цином территорий на Дальнем Востоке российские войска под командованием Н.Н. Муравьева приступили к занятию Приамурья и Приморья. Китайские власти были заранее предупреждены и не препятствовали движению, но, пытаясь точно определить намерения российских властей, предложили встретиться с китайским представителем на р. Горбице. Генерал-губернатор, отбывший на Амур, отправил в 1854 г. в Ургу А.И. Деспота-Зеновича в сопровождении переводчиков П.Я Шишмарева и А.П. Фролова. В результате этой поездки Зенович сумел убедить ургинских амбаней, что многолетние согласие и мир являются подтверждением доброго расположения России к Китаю, а переброска ведется исключительно для защиты российских и смежных китайских владений от англичан.

В 1858 г., в преддверии подписания Айгунского договора, Деспот-Зенович снова был отправлен Н.Н. Муравьевым в Ургу для сообще-

щения важных политических сведений, касающихся обоих государств. Генерал-губернатор хотел еще раз подчеркнуть уважительное отношение к ургинским правителям, чтобы исключить их негативное влияние на отношение пекинского двора к амурской проблеме. В Урге делегация (А.И. Деспот-Зенович, П.Я. Шишмарев, Н.С. Петров) встретилась с амбанем бэйсэ Дэлэк Дорчжи. Переговоры, проведенные ими, закрепили мирные намерения Китая и желание его правительства начать переговоры и подписать договор.

По ходатайству графа Н.Н. Муравьева-Амурского с 15 января 1858 г. он был назначен исправляющим должность градоначальника Кяхты, а через год — 27 марта 1859 г. утвержден Сенатом.

В августе 1862 г. А.И. Деспот-Зенович представил в Иркутск аналитическую записку «О мерах для сближения с Монголией», в которой определял цель российской политики в регионе — распространение влияния на Китай через среднеазиатские страны и в особенности Монголию, Маньчжурию и Тибет. Для этого он предлагал, во-первых, поддерживать среди монгольского населения слухи о близости россиян к буддизму. Во-вторых, градоначальник предлагал устранить все препятствия в общении между монголами и бурятами, поддерживать вступление их в родственные отношения, а главное оказывать поддержку буддийскому духовенству. «Кто знает какое почетное место занимают ламы в семействах и как глубоко вошло в жизнь Монголии это безотчетное доверие к духовенству — тот поймет, что действуя на монгольское племя нужно прежде всего иметь на своей стороне духовенство» — пишет он. Тем самым российские власти добьются распространения пророссийских настроений в монгольской среде. В-третьих, Зенович высказывал мысль о необходимости расширения торговли путем отмены пошлин. Он предложил проект реформирования таможенного управления в Кяхте, имеющего своей целью активизацию российского предпринимательства в регионе. Расширение объемов торговли должно было сопровождаться в монгольской среде распространением российского «образа жизни», бытовой культуры.

Предложения Деспота-Зеновича вызвали дискуссию среди членов дипломатической канцелярии. Специалисты поддержали цель,

но выступили против мер, которые предлагал автор. Российский консул в Урге, подполковник К.Н. Боборыкин выступил против отмены пошлины на чай, ввозимого в Россию по русско-китайской границе.

Для содействия развитию русско-китайских, русско-монгольских отношений Деспот-Зенович предлагал создать двухступенчатую систему подготовки переводчиков. В Кяхтинском училище предполагалось преподавать теоретический курс языка и общие сведения о стране изучения в течение года. На второй ступени рекомендовалось, в течение трех лет обучать студентов в Пекине, при российской дипломатической миссии. При поступлении на службу после окончания учебного заведения переводчикам должен был присваиваться классный чин 14-ранга. Рекомендации Деспота-Зеновича, зная о проблеме нехватки грамотных переводчиков, поддержал генерал-губернатор М.С. Карсаков. Но Министерство иностранных дел посчитало, что в настоящее время нет необходимости в штатных переводчиках китайского языка, кяхтинское училище вполне справляется с задачей подготовки переводческих кадров.

Для поддержания доброжелательных отношений с маньчжурскими чиновниками в традицию вошло дарить им подарки. Это были в основном хрустальные изделия, которыми ургинские амбаны не пользовались и складывали их в амбары. Роскошь подарков, степень их достоинства для маньчжурских чиновников имели огромное значение. Поэтому кяхтинская администрация поставила вопрос перед Азиатским департаментом о замене подарков. Например на часы, оружие, металлические изделия, костяные и черепаховые поделки, ларчики, шкатулки, табакерки с музыкой и сюрпризами и т.д. Так как Россия относилась к категории «внешних вассалов», то в азиатском департаменте решили, что посылка вещей в большем количестве чем раньше, может быть расценена китайцами как признание вассалитета. Было решено, что хрусталь можно заменять другими подарками, но их стоимость не должна превышать суммы в 300 рублей. Суммы этой обычно не хватало. В одном из писем Н.Н. Муравьеву Деспот-Зенович передает слова посланника в Пекине: «в благодарность за присланные вами амбаню Бэйсэ неоднократно подарки, он уверял здесь всех, что мы даем только ничтожные не ценные вещи, весьма скупы, и что у нас дорогих вещей

собственного производства почти нет, что лучшие вещи английской работы, что обещанное нами оружие дрянно (при этом он сослался на вооружение пограничных казаков), что больших орудий, таких как у китайцев и англичан у нас нет и пр.». Далее он пишет свои мысли по этому поводу: «...что касается подарков, то действительно амбань Бэйсэ прав. Прошлый раз только ценные вещи были подарены ему, когда вы посылали меня в Ургу. Обычные подарки градоначальника состояли всегда в стеклянных вещах, не имеющих решительно никакой цены. Да и можно ли что-нибудь порядочного послать амбаням, когда отпускается только 300 р. и здесь нет хороших вещей. В прошедшем году я истратил 600 р. и все-таки, кроме слишком обыкновенного сукна и шелковых материй (которые хуже китайских) я не мог ничего приискать. Из 1 тыс. р. отпускаемых на пограничные расходы, при нынешних беспрестанных переездах курьеров и посылках ко мне монголов, не только не достает этих денег, но я должен был истратить значительную сумму из собственного жалования. Откровенно скажу, что все мои серебряные вещи, привезенные с собою, ушли на подарки. Спрашиваю: какая есть фактически возможность доказать, что Россия богата мануфактурными и другими произведениями, когда от представителя ее посылается всякий хлам, собственно по неимению средств. Если они имеют еще не так дурное об этом мнение, то, разумеется, обязаны вашим роскошным подаркам, которые вы при случае делали на границе. Вообще я должен сказать, что при таких усилениях пограничные дела не могут идти. Нужно дать более власти и средств, и определить цель, к которой должно стремиться».

Восточно-Сибирская и кяхтинская администрации достаточно успешно действовали в отношении Китая и Монголии. Амбань Бэйсэ не раз обвинялся в симпатиях к русским.

За годы своей службы в Троицкосавске А.И. Деспот-Зенович проявил себя как превосходный администратор и дипломат. Он многое сделал для развития торговых и политических отношений с Китаем. В 1862 г., получив должность тобольского губернатора, Александр Иванович покинул Кяхту. Последние годы жизни он был членом совета внутренних дел, где как знаток руководил в министерстве делами Сибири. На могиле умершего в Крыму кяхтинское купечество поставило памятник с над-

письму на двух языках — русском и польском, зная его привязанность к своему народу.

П.Я. Шишмарев является отцом известного дипломата Якова П.Шишмарева, служившего почти полвека в консульстве Российской империи в Урге драгомоном, секретарем, консулом, генеральным консулом с 1861 г.

Амбан бэйс или по монгольски звали просто Хүрээ министр Дэлэгдорж был выходец из хошуна Дархан засаг, Тушэту ханского аймака. В 1833 г. он был назначен начальником пограничников на границе с Россией, а с 1838 г. стал Монгольским Амбан сайдом (министром) Урги.

Э.Ж. Диллион

ОТДЕЛЕНИЕ МОНГОЛИИ ОТ КИТАЯ

(Периодический журнал «Современный обзор», апрель 1912 г.)

Одним из самых знаменательных событий этого сопряженного с неприятностями десятилетия будет распад Китая со всеми его последствиями. Его распад, по моему мнению, представляет собой ту часть цены которую Китайцы будут платить за изменение своего режима. Я писал в Феврале прошлого года: «Юан-Ши-Кай, несмотря на свою изобретательность и находчивость, не сможет удержать к Китаю его пограничные провинции. ...Я склонен считать окончательную потерю Монголии как нечто возможное. А это произойдет как отделение северо-западных провинций Монголии от новой Республики, что, похоже, уже является предрешенным вопросом».

События подтверждают сейчас то что малоизвестный эпизод Российского отношения с Монголией привел меня считать почти определенным. Ниже дается его краткий обзор.

В церковном дворе лежит тело графа Муравьева кто сделал для продвижения России на Дальнем Востоке больше чем любой другой государственный деятель в ее истории. Все таки он был не более чем Генерал-Губернатор Восточной Сибири. Он получил титул «граф Амурский» за заключение Договора Айгуна по которому Китай уступил Амурскую реку вплоть до ее дельты. Его политика была энергичной, даже можно сказать, агрессивной, и за что принц Горчаков ее не одобрял. А он, после Крымской войны, «стал предпочитать не возбуждать спящую собаку»

Муравьев, однако, бросил свой взгляд на Монголию и Маньчжурию и выдвинул планы психологического воздействия. Он послал искусного дипломата Деспот-Зеновича для представления его в Урге, столице северо-западной Монголии. В то время (1852) положение Маньчжуской династии было ненадежным. Тайпингское восстание угрожало стать революцией. Война с Англией, а потом Францией поколебала самое основание Китайской Империи. Муравьев был полон решимости подбирать ее плоды как только они упадут с качающегося дерева. Его план не был в действительности направлен на захвату Монголии или Маньчжу-

рии. Иначе это могло тревожить другие Державы и толкать их призыву к применению силы за расширение своих влияний. Он, следовательно, решил поддержать Монголов отделиться от Китая. Муравьев относился к Маньчжурии в том же духе. Он представил им отличные поводы и поднял их надежды. Монголия, он убеждал, была объединена не с Китаем, а с его правящей верхушкой. Поэтому раз она перестает править, эта связь прерывается. И он обещал каждому из этих народов что Россия поможет. Эти обещания и переговоры велись через посредничество Деспот-Зеновича, встречи которого с Амбаном были засекречены. На официальной встрече где оба Амбана присутствовали, беседы были сдержанными. Ниже можно находить как эти беседы велись примерно.

ВЫ ПРИДЕТЕ В МОЙ КАБИНЕТ? СПРОСИЛ ПАУК С МУХУ

Деспот-Зенович: Если это приятно Богу подвергать правящей династии несчастья которое Россия не может предотвратить и Маньчжурия будет унаследована Мингской династией, то Россия будет считать что Маньчжурия и Монголия не должны признавать власть Китайской династии, а должны сформировать отдельные королевства со своими национальными правителями. Мы тогда... окажем им помощь.

Монгольский Амбан: Я не понимаю хорошо как Монголия и Маньчжурия будут отделены от Китая.

Деспот-Зенович: Это обязательно произойдет если какой нибудь Бог-бедствия не отвратит его.

Монгольский Амбан: Но как вы оторвете Монголию и Маньчжурию от Китая?

Деспот-Зенович: Вы, Амбан, знаете что согласно истории Маньчжурия, Монголия и Китай были однажды отдельными королевствами.

Монгольский Амбан: Да. Но это есть позиция Генерала-Губернатора?

Деспот-Зенович: Да.

Монгольский Амбан: И инструкции были даны вам для ее выражения?

Деспот-Зенович: Все что мне поручили передать вам, я передал без всякого сокращения или увеличения. ...Правительство России никогда не позволит Мингской династии править над Маньчжурией и Монголией.

Монгольский Амбан: Вы говорите что Россия отделит Маньчжурию и Монголию. Но как? Вместе?

Деспот-Зенович: Отдельно.

Монгольский Амбан: От кого зависит отделение Монголии от Китая?

Деспот-Зенович: От самых жителей. Короче, Россия, будучи в хороших отношениях с обоими нациями, желает им только хорошего.

Монгольский Амбан: Да. Я понимаю. Но мне очень хочется знать какие мотивы будут использованы для того чтобы побуждать Монголов порвать свой связи с Маньчжурией?

Деспот-Зенович: Монголия будет объединена как независимое королевство со всеми его атрибутами.

Деспот Зенович углубил свою позицию еще больше когда он нанес визит к Монгольскому амбану. Он, предподнося ему серебряную чашку полную шампанского, выразил надежду что он увидит Монголию такой же свободной как степной конь без узды. Но если кто-нибудь должен был взять его за узду, он уверял, то им должен быть его друг Амбан. А это затронуло Монгола. Он сразу позвал своего переводчика и спросил тихим голосом если это было желание только Зеновича или всех Русских. Согласно ответу, это было желание Генерала-Губернатора. Славенский чародейка потом навел на Маньчжурского Амбана и предподнес ему серебряную чашку. При этом он обратился к нему в совсем другом тоне. Он воскликнул: «Будь Маньчжурская династия долго правит над всеми нациями как орел парит над всеми птицами».

В конце 1858 г. Деспот-Зенович имел долгий разговор с Тотью, Секретарем Монгольского Амбана. Он напомнил ему прошлую славу и нынешнюю запущенность Монголии и рекомендовал независимость как панацея для спасения национальной жизни. Тот согласился, но пожаловался что Монголам нехватает военных сил, оружия и финансовых ресурсов.

Деспот-Зенович: Смотри на Россию. Она ваша надежда. Она желает чтобы Монголия стала, после распада династии, независимым королевством.

Тоть: Вы подробно объяснили мне стремление России по отношению к Монголии. Но, наверное, у нее есть другие мотивы для пожелания ей независимости?

Деспот-Зенович: Россия есть такой мощной что ей не нужны Монгольские степи.

Тоть: Но если после распада Китая, Маньчжурия станет независимым королевством, будет Россия стремиться объединить Монголию к ней?

Деспот-Зенович: Монголия должна образовать отдельное королевство. А его Правительство лучше будет, по желанию графа Амурского, полагаться на бейса, Монгольского Амбана.

Тоть: Но что будет если правящие принцы другие чем принцы Халха, откажутся признавать его власть?

Деспот-Зенович: Силы будут применены для того чтобы их подчинять.

Тоть: Скажите, пожалуйста, когда Генерал-Губернатор начнет действовать?

Деспот-Зенович: Это может случиться скоро.

МЕЧТА ГРАФА АМУРСКОГО ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ЧЕРЕЗ 60 ЛЕТ

По разным причинам планы задуманные графом Амурским остались как пожелания. Ничего не вышло из них вплоть до распада Манчжурской династии в тот самый год. А когда это случилось, они были осуществлены так как это было высказано Деспот-Зеновичем. Влияние России было критическим инструментом для отделения Монголии от Китая. Немцы утверждают будто Русские солдаты воевали недавно вместе с Монголами против Китайцев в Лупинфу и что Русский офицер погиб в столкновении. Тоже утверждают будто нападение осуществленное Монголами которые никак не являются воинственными, было подготовлено и началось на территории Русских железных дорог. Я не могу определять которое из этих утверждений является правдивым, хотя они не могут быть оставлены как будто их вообще не было. Я, лично, не верю им. Но вот что определено. Когда центральное правительство Китая собиралось послать войска для подавления восстания Монголов, которые не имели ни малейшего шанса против Китая, Россия отказалась пропустить его войска через свои железные дороги. На жалобы Пекинских правителей, которые обосновали свою просьбу на правах договора, Русские ответили что Россия решила остаться нейтральной. Поскольку войска не могли быть посланы через пустыни, Пекин приказал оставить Лупинфу. А теперь Монголия, или вернее, та ее часть которую Русские так называют, стала независимой. Ее правителем, однако, стал Хутагт, фигура подобный на Ламайского папы. Но он был, по национальности, Тибетом.

Южная Монголия, представленная шестью Союзам, отказалась присоединиться к власти Хутагта потому что он не был Монголом. Они тоже стараются приобрести самостоятельность от Китая. В последний раз когда я слышал о них то это было заявление что они хотели получить взаимную

двадцать миллионов ланг мунго для того чтобы создать 50 тысячную армию. Они попросили Россию оказать им такую же эффективную помощь что помогло Монголам выстоять. У них даже был готов кандидат на пост Императора в том случае если им удастся провозгласить свою империю. А пока они следовали указаниям Сан Ламой, кто служил, во время Русско-Японской войны, начальником Департамента Японской Разведки. Утверждают будто Япония стоит за ними. Внимательному обозрителю ясно что отделение Монголии повлечет за собой протекторат России. Ясно что со временем такой протекторат будет охватывать и Северную Манчжурию. Вполне возможно что Республика Китай, раздираемый межусобными столкновениями и противоречащими советами и ослабший отсутствием финансовых ресурсов, сможет, тем не менее, удержать эти провинции если Россия не будет стоять в сторону сепаратистов. Но сегодня Республика не может делать ничего против России так же как Япония не могла после ее одностороннего отказа от Договора Шимоносеки. Монголия тяготеет к Славской Империи и уже вошла в орбиту ее влияния. Так считают, по крайней мере, в Москве, особенно те кто там делает историю. Он утверждают: «Стоит только смотреть на карту чтобы увидеть что в колонизации Азии мы остановились перед достижением своих естественных границ. ...Это есть место где нам надо быть осторожным, предпринимать предупредительные меры и действовать осмотрительно. Это есть место где нам надо поднять те Русские флаги которые, согласно пакту одного из самых последовательных Царей, не должны быть опущены никогда»*.

С точки зрения права наций, Русь защищает свой поступок, утверждая что союз Монголии и Китая был личным и перестал существовать после распада династии. Если дело обстоит так, это значит что Монголия вновь стала воюющей стороной и поднялась против Республики. А заявление России о нейтралитете был хорошо обоснованным.

ПРЕЛЕСТИ МОНГОЛИИ

Верно, что Монголия есть награда к чему надо стремиться. Ее хорошо влажные долины, богатые пастбище, густые леса, минеральное богатство — все это не может не вызывать соблазн. Ее обитатели, говорят пять миллиона, являются послушными и смиренными людьми которые любят бездельничать и не хотят трудиться. Они готовы находиться в правлении любой могучей нацией и будут рады если ее правление будет умеренным. Этот народ является таким непродуктивным что

каждый второй сын любой семьи отправляется на монастырь. Считают что пять восьмых всего возрослого мужского населения есть ламы. Если они таковы, нет нужды их бояться. Если полагать что Чингис хаан, известный всемиу миру, воскрес после отсутствия шесть столетия, он не мог бы узнавать своих воинствующих соотечественников в их бездеятельных потомках. Главным преступлением совершаемым сейчас в стране есть воровство. Убийство совершается крайне редко.

Миграция Русских в Монголию уже началась. Страна южнее Сибирского округа Минуссинск притягивает к себе большое количество торговцев и предпринимателей. Сибирские торговцы из Томска, Иркутска и Барнаула спешно создают специальные экспедиции для изучения Монгольского минерального богатства что, говорят, находится там в изобилии. Господа Сафьяанов, Иваницкий, Новомейский их другие организовали группу исследователей для проникновения в глубь страны. Они там получают ценные концессии. Округ Уссинска предоставляет такие стимулы что Правительство России предпринимает усилия для поддержания там предпринимательства своих подданных. Строятся транспорт и дороги к Монгольской границе не только для обычного использования но и для стратегических целей. Было заявлено что Хутагт, новый Император Монголии, послал в Санкт-Петербург своего представителя для проведения переговоров о получении займы в незначительной сумме — сто тысячи фунтов и предоставить право использования минерального богатства страны — золото, медь и другие минералы — в качестве залога на долгосрочной основе. Крупные склады сторятся в Урге, Кобдо, Улиастай и других местах для хранения товаров сделанных в России. Рассматривается вопрос о желаемости постройки железной дороги к Монгольской границе.

Говорят, что золото существует в Монголии в больших количествах и что золото-искатели направляются туда. Рассказы о существовании золотосодержащих песков волнуют. Верно, что Китайцы не выглядят что они нашли там замечательное сокровище. Но у них не было тысячи рабочих. Те кто там работали, они работали очень примитивно. Положили песок в посуды и вертели их в воде. Более того не было стимулы для приобретения ценного металла в то время барьеры для их извлечения были громадными. Жадность руководящего класса тоже была запрещающей. Подданные Царя пытались сделать лучше, но их попытки были постоянно сорваны при последнем режиме. В настоящее время страна открыта для Русских которые, впервые в истории сознают эти возможности и полны решимости использовать их экономически и политически. Это и является одним из последствий Китайской революции.

* Столыпин А. Новое Время. 11 февраля 1912 г.

Письмо Богдо гэгээна и четырех ханов Халха Монголии Российскому императору Николаю II с просьбой о помощи

В своем указе 1909 г. Богдо Жавзандамба-хутухта сообщает, что «сейчас в Монголии наступило время подумать, как укрепить религию и государство, защитить наши земли и найти способ, как жить долгое время спокойно и счастливо.

Вы не только счастливо не будете жить, сидя сложа руки и лишившись всего этого, но будете терпеть различные страдания и не сможете владеть землями. И зная истину, я не могу не напомнить всем вам, что не будет пользы от того, что все монголы будут поклоняться восьми моим образам, и потому не сообщив то, о чем я знаю, не смогу просто спокойно сидеть... Об этом пусть хорошенько подумают ваши ноены и чиновники, и как только, так сразу же доложите мне»*.

В июне 1911 г. сайн-ноен Т.Намнансурэн в письме к Богдо упоминает, что новая маньчжурская политика в Халхе становится опасной. Ознакомившись с этим письмом, Богдо Жавзандамба в июле того же года издал указ о созыве на совет всех четырех аймачных ханов, ванов и ноенов в Их-Хурэ**.

Имеется множество сведений о тайном совете феодалов в Урге в июле 1911 г., который собирался «в доме Богдо, и он возглавлял эту встречу»***, о чем сообщает в своем послании правительству американское посольство, находившееся в Пекине.

Летом 1911 г. тайный совет Богд Джебзундамба хутагта, 4 халхаских ханов, ванов и ноенов и других приняли решение о просьбе помощи у русского царя о невозможности терпения в дальнейшем маньчжурско-китайского ига. В данном письме-петиции от Джебзундамба ламы, Тушээт хан Дашняма, Сэцэн хан Наваннэрэна, Засагтхан Содномравдана, Сайн ноен хан Намнансурэна к Русскому царю было

* Т. Темерхулэг Наймдугаар Жавзандамба хутагт ямар хун байв, Утга зохиол урлаг, 1990 оны дөрөвдүгээр сарын 6-ны дугаар

** З.Лонжид Богд гэгээнтэн Орос улсаас хэдэн удаа тусламж хуссэн бэ, Монгол Улсын Их сургуулийн Нийгмийн шинжлэх ухааны сургуулийн Эрдэм шинжилгээний бичиг, Туух- 6, УБ., 2007, 70 дахь тал.

*** Р. Болд Монголын тусгаар тогтнолын талаарх АНУ-ын үзэл хандлага, байр суурь, бодлого (1910–1973) сэдэвт докторын диссертаци, 2007.

указано о новых мерах китайцев, стремившихся использовать земли монголов для земледелия, не считаясь с монгольскими обычаями, где отмечали: «просим оказать могущественной державе помощь как малому государству для защиты наших интересов ... ждем вашей помощи как дождя в период великой засухи», и отправили с этой целью в Россию жанжина чин ван Ханддоржа, да лам Цэрэнчимэда и тушмэла Хайсана.

Кроме официального обращения к Русскому царю, было отправлено письмо с указанием 21 пунктов о внутренних и внешних условиях Монголии в Министерство иностранных дел Российской империи, где упоминалась реальная возможность оказания помощи и поддержки Российской империей Монголии в будущем, иными словами, подчеркивалась взаимовыгодная помощь, что укрепление отношений с Россией выгодно для монголов и также отвечают интересам России.

ИЗ ПИСЬМА

В 1 пункте данного письма было указано: «По нашей монгольской традиции полномочия ханов и ванов передаются из поколения в поколение, тогда как китайские тушмэлы требуют от нас за эти должности большие дани в виде десятков тысяч ланов и из-за того, что мы не можем выплатить дань, очень много незаконных тушмэлов-самозванцев».

В 3 пункте: «Без никакого обоснования и рассматривания суда только с позиции унижения и давления монгольских граждан наказывают, отбирают скот, собственность и даже приговаривают к смертной казни».

«Разрешение китайцам занятие земледелием и проживание на монголо-китайской границе, несение караульной службы китайскими солдатами, оттягивание монгольских цириков в будущем чревато отрицательными последствиями для русско-монгольских отношений и дружбы», а также указывалось, что «замена монгольских цириков китайскими солдатами на более 10 караульных постах Хулунбуяра за последние годы» является опасной целью с китайской стороны для возможного оказания военной взаимопомощи между Россией и Монголией в будущем.

В 11 пункте: «После начала маньчжурского ига китайские торговцы и купцы занимаются мошенничеством, насильно продают нам свои дорогие товары по своей цене, дешево покупают наш скот, дают ссуду денег под высокие проценты, из-за чего народ наш обеднел до крайности. Сейчас начались новые меры и стали брать новые пошлины, таможи и др., что мы не можем такую ситуацию терпеть в дальнейшем». Таким образом, в письме было указано о невозможности дальше терпеть унижения и готовности подняться на борьбу за свою независимость.

Был «проведен совет 4 ханов и Богдо-ламы» и принято решение возрождения своей независимости, и были высказаны «опасения по поводу возможной утечки информации о проведении собрания китайскому шпиону», что указывало на сильный контроль с китайской стороны.

Упомянув о решении образования независимого государства: «Наши монгольские ханы и ваны объединившись и единым голосом решили образовать независимое государство под управлением Богдо-хана и вечно жить в дружбе с Великим государством, опираясь на его силу и мощь», и в 15 пункте указывалось на «милость Великого государства».

Далее указывалось на возможность подписания следующих документов в ближайшем будущем между Монголией и Россией: возможность подписания секретного документа, также торгового договора между Монголией и Россией, строительства железной дороги, обработки золота и др, открытия военной подготовительной школы. Монгольская сторона указывала на возможность развития русской торговли на территории Монголии.

Письмо Богдо гэгэна и четырех ханов Халха Монголии Российскому императору Николаю II с просьбой о помощи на монгольском языке

1911 оны зун цаг Халхын Жавзандамба хутагт ба дөрвөн хаадаас бух монгол ундэстэн нь Манж хятадын дарлал дор тэсэш угуй болсон учрыг гаргаж, тусгаар улс байгуулахад тусламжыг гуйж Орос улсын хаанд ергесен бичиг

Шашиныг мандуулах амьтаныг жаргуулагч Жавзандамба лам Халхын Тушээт хан Дашням, Сэцэн хан Наваанцэрэн, Засагтхан Содномравдан, Сайн ноён Намнансурэн нар хичээнгүйлэн Их Орос улсын их цагаан хааны амгаланг эрж унэн байдал учирыг гаргаж, айлтгах нь

Манай халхын дөрвөн аймгийн монголчууд эртнээс нааш шарын шашиныг шүтэж, еерсдийн хэв суртлаар явтал, хожим манж хаан мандаж, шарын шашиныг эрхэмнэн эрдэм ершеелийг дэлгэрүүлсэний тулд бидний багш анхан уеийн Богд лам шарын шашиныг эрхэмлэн манж хаанд шүтсээр хоёр зуу илүү он Монгол хан ван засгууд еер еерийн албат арддаа эзэн болж газар орны ашгаа еертөө эдэлж маш амар тайванаар аж терж буйд ойрноос нааш хятад тушмэд эрх барьж улсын хэргийг элдвээр самууруулахын дотор ялангуяа шинэ засгийн дүрэм хэмээн нэрийдэж завшаан дор монгол газрыг ашиг тариа хэмээх зэргээр эзлэн хуучин хэв суртлыг халж эрх хучийг бууруулан бүрэлгэх нь унэхээр гашуун, уунд халхын аймаг бүгдээр чармайн хэлэх нь манж хаан бурхан шашиныг эрхэмлэж, эрдэм ершеел маш бадарсаны тулд урьд бид нар шүтэж дагасан нь эдүгээ нэр буй боловч унэн угуй дор хурч зовлон зудгуурийг уусгэх нь цагаар нэмэгдэхийг аль хэн ч тодорхой мэдэх тулд эдүгээ хусэх нь

Их Орос улсын их цагаан хаан эрдэм ершеел утга хучин нэн их дээр шарын шашиныг бадруулж буян чуулганыг хязгаалшгүй хураахын тулд урьд ноёдын гуйснаар их улс дор шүтэж бага улсын есоор харилцан туслалцаас бидний хуучин хэв суртал алдагдах угуй бегеед шарын шашин нэн бадарч ашид амар тайванаар баймой. Ийм санаа хусэлтэй нь Овер Монголд бас үлэмж буй. Эдүгээ учирыг гаргаж туслах хамгаалахыг эрсүгэй хэмээн олноор санаа нийлж зөвлөлдөн тогтсон. Уунд лам би санавал урьд хожид байдал телев унэн бегеед миний санаа мөн. Хянахад олон улсын тогтоосон хуулинд аливаа тер бага улс болбоос чийрэг их улсыг тушиж еертөө тогтнох чийрэг их улс болбоос тер бага улсыг тэтгэн туслах есон буй тул учирыг гаргаж бичиг ерген тусгайлан жанжин чин ван Ханддорж, да лам Цэрэнчимэд, тушмэл Хайсан нарыг зарсаны тулд их хаан унэн байдал телевийг нэвт толидож агуу ершеелеер нигуулсэн үзэж даруйхнаа хамгаалан туслахыг их ганд бороог хусэх мэт сусэглэн гуйж чин унэнийг илруулэн ечуухэн билэг сэлтийг хичээнгүйлэн ергев.

Цагаагчин гахай жилийн зуны суул сарын шинийн дөрвөн

Хятад тушмэд манай Манж улсын эрхийг эзлэж эрт эдүгээ дор олон монголыг хилс бэрхээр дарлан зовоож хашруулан бухий учирыг эдүгээ бидний мэдсэн амссан тедийгээс товчлон гаргаж мэдүүлэхуй нь:

Нэгэн зүйл. Манай монгол хан вангуудаас дараалан засаг ба засаг бус олон тушмэд хэргэм тушаал залгамжлах зэрэг жинхэнэ хууль есоор явуулбаас зохих хэрэг зүйлд хятад тушмэд ямагт ечнеен түмэн мянган лан менге албадан хянан авч сая айлтгаж залгамжлуулах болсон бегеед хэрэв менге зоос улэмж хараахан тушааж чадахгүйг нь боогдуулан хойшлуулсаар энэ хэр зэргэ залгамжпан чадаагүй ечнеен течнеен жилээр хүлээсэн засаг ба засаг бус ихээхэн бага тушмэд маш олон.

Нэгэн зүйл. Эзэн хан жил бур манай монгол олон ван засгуудад хууль есоор шагнаваас зохих торго будааны зэрэг тоо бухий юмыг олон он дор егсөнгүй. Манж хятад тушмэд завсараас шуурэн авч ашиглаад эрх сурээрээ айлгаж ер нэг ч гомдох газар угуй болсон билээ.

Нэгэн зүйл. Иргэн Монгол харилцан холбогдсон хэрэг зүйл байхул чухам алины унэн ташааг магадлахгүй ямагт Монголыг дарлан мушгиж, эд юмыг аван хилс гужир ял оноон алах целех зэргээр шийтгэх нь нэн олон болж, гашуудалыг хэлэх газар угуйд хүрсэн бегеед иргэн ямар хунд ялтай хэрэг дэгдээвч ер цээрлуулэн шийтгэх явдал угуй. Монгол хун хааяа эндэгдэл буй ахул огт хэрэгт хамаарахгүй хунийг боловч хүчээр холбогдуулан уг ечиг огт угуйгээр онц хунд ял оноох нь хилс бэрхийн туйл дор хүрсэн билээ.

Нэгэн зүйл.

Монгол сайн хунийг цухалдуулсаар бие зугатан гарах замын зуур тохиолдсон хошуудыг нам нийлэв хэмээн гутгэж ечнеен түмэн лан менге албадан телуулэхээр тулган зовоож хэрэг шийтгэх тушмэдийг чандлан хадгалж буй нь унэхээр хилстэй билээ.

Нэгэн зүйл

Манай ганц эрхэмлэх шарын шашины ундэс охь манлайн баруун зуугийн зальхай хэдэн тушмэд эзлэн завших арга мэх зохиож агсаар далай ламыг шахамдуулан гажуудуулж, айлган зайлуулаад одоо элдэв зүйлээр дарлаж, маш санааны даваар эзлээд буй нь манай шарын шашин унэхээр унэ угуй хенген болж, бас ханалыг мэдэхгүй манай олон монголыг нэгэн адил болгое хэмээх хортой санаа узтэл илэрхий тул гомдолтой бегеед маш эмээлтэй билээ.

Нэгэн зүйл

Монгол газар шинэ засаг дэлгэрүүлэх нэрээр шалтгаалж, олон иргэнийг нэн улэмж хуруулан халхын хойд хязгаарын хэд хэдэн хошууны нутгийг зенд нь хагалан тариа тариулж нутаглан суулгахаар нэгэнт тогтоон бухий нь монголын амьдралыг нэгмесен тасалж хойд хязгаар захыг батлая хэмээсэн санаа лавтай мен тул нэн цухалдаж хорсох билээ.

Нэгэн зүйл.

Зах залгаалдаж суух олон хошуунд хятадаар тариа тариулж завдмагц харуулын монгол цэргийг татаж хятад цэрэг суулгаваас Орос Монгол харилцан найралдаж чадахгүй болно хэмээн зевлеж буй нь сайн санаа бус узтэл Хелен буйрын захын арван илуу харуулын монгол цэргийг татаад хятад цэрэг суулгасаар хэдэн жил болов.

Энэ нь манай Орос Монгол хоерын харилцан туслалцах явдлыг таслая хэмээсэн маш хортой санаа билээ.

Нэгэн зүйл.

Монгол газар олон иргэнийг элсэн хуруулж муж байгуулан олон хятад тушмэдээр бариулан Монголын олон засгуудын эрх хүчийг бууруулан хасахаар зевшиж бухий нь унэхээр тачияадалтай билээ.

Нэгэн зүйл.

Хятад тушмэд шарын шашиныг огт хэрэг угуй дор үзэж насан идэр лам нарыг цэргийн сургууль хийлгэн хурлын сумийг цэргийн гэр болгон зул хужийн херенгийг цэргийн хэрэгсэл болгохоор зевшиж бухий нь унэхээр хартай харгисын туйл болсон билээ.

Нэгэн зүйл.

Ойрхи хэдэн жилд олон иргэн олон замаар анги хуваан ечнеен течнеенеер нийлж цувалдсаар Хурээний газар ба уугээр туугээр орж ирсэн нь маш олон бегеед хэрэв урьд бадруулт терийн арван долдугаар онд манай евер Монголын Ест, Зуу Уд хоер чуулганы газар тариалан суусан олон иргэд гэнэт санаа нийлэн урваж монголын шар хар хегшин залуу эр эм олон хунийг ялгалгүй гэр оронг халдаж суйтгэсэний адил болоход хурвээс унэхээр гашууны туйл билээ.

Нэгэн зүйл.

Манай Монгол Манж улсад дагаж орсоноос хойш олон зальхай иргэд маймаа худалдааны учир еерсдийн юмыг онц их унээр худалдан егех бегеед манай Монголын мал юмыг боогдуулан хялбар унэ дор авах ба менге зээлдуулвээс хуунээс хуу уржуулж авсаар манай Монголыг нэгэнт яс чемгенд хуртэл ядруулсан бегеетел одоо шинэ засаг хэмээн нэрийдэж олон зүйлийн юмаас цем гааль татвар хурааж улмаар мелжин элдэв зүйлээр урэгдуулэн бухий нь манай Монголын хучин яахин тэсэх билээ.

Нэгэн зүйл

Угаас тогтсон хууль дор монгол иргэн харилцан ураг барилдах есонгуй бегеетел одоо шинэ засагаар шалтгаалж хуучин хуулийг халж монгол иргэн харилцан ураг барилцахаар ноднин жил зарласан нь унэхээр хортой санаа мөн бегеед энэ мэт харанхуй засгийг манай монгол яахин дагаж чадах билээ.

Нэгэн зүйл

Манай олон монгол хошуунд бэлтгэсэн цэрэг угуй боловч улэмжхэн хурц зэвсэг олвоос эндэх хятад цэрэг хэдэн зуугаас илуу угуй болхул ер айх явдал угуй гагцхуу далдуур нууц бэлтгэсэн цэрэг олон байх ба дотоод газраас их цэрэг гаргаж ирэх болбоос хучин тэнцэх угуй болох тул одоо даруй энэ тэнгэрийн цэрэг илгээж туслан хамгаалахыг хусэх билээ.

Нэгэн зүйл.

Манай Богд лам эхлэн дервен хан олон ноедын ийнхуу зевелгеенийг манж хятадын этгээд сонсож мэдсэн нь магад буй за. Уунийг урьдаар нэн даруй хянан сэрэмжилж бэлтгэх угуй байгаад нэгэнт Хурээний газар хор хенеелийг амсах дор хурвээс дахин олон монголчууд санаа нийлж тус хамгаалалыг хуртэж амьжрах унэхээр бэрх болмой. Нэгэн зүйл.

Эдугээ Монгол нутгийн зах хязгаар харуулын газар цэрэг олныг цуглуулан тариа тариулах хэмээж буй нь тариачин хятад олширвоос ганц манай монголд хор болох тедий бус их улс дор мөн тус угуй болох учирьг нарийвчлан мэдүүлэх юун хэрэг билээ.

Дээрээс нэвт толилсоор буй аж.

Нэгэн зүйл

Эдугээ манай монголчууд бугдээр санаа нийлсэн ба их улс гадаад олон улс лугаа найр найрамдах болсоны дээр манж улсын харьяат дотор газар бошгыг халах нам хэмээх муу хятад энд тэнд олон дэгдэж самууныг уусгэн бухий ба цаазын засгийг байгуулан завдаагүй уес чухам манай орос монгол хоерын найрамдах цаг болсон. Хэрэв энэ сайн тухай уеийг алдваас хожим алин этгээдийн хэрэг бутэх угуй гэмшвээс гуйцэх угуй болохыг мөн айлдан толилсоор байгаа буй за.

Нэгэн зүйл

Хятад хун болбоос терлех чанар муу урвах дуртай. Орчин жилээс дотоод газар байн байн урваж улсын цэргийг зудээн эдийг хоосруулсан ба нийт гадаад олон улсын хунийг думдад улсын хамаатай газар байлгах угуй улдэн арилгамой хэмээн их самууныг уусгэж эртнээс угуу гамшиг зовлонг едеж олон улс дор их дуут цэргийн зүйл телуулэн улсын сан хемрегийг нэгмесен хоосон хендий болгоод одоо манай Монголын язгуураас нутагласаар ирсэн херенге газрыг албадан тариулж амьдралыг таслан газрын тарилга менгийг хятад тушмэд хуваан авч амьд бухнийг аврагч шарын шашиныг хенгетген харгислаж туйлын хилс болсоныг унэхээр хулцэхуйеэ бэрх бегеед хятад хун эл хурсэн газраа элдвээр самууныг дэгдээхуй нь тэдний сурамгай зан мөн. Хэрэв манай халхын хойд хязгаар тултал хятадыг тариалан суулгаваас эртнээс найр найрамдахаар ирсэн их улс лугаа магад завшин халдаж манай Монголыг дагалдуулан мохош угуй хор зовлонг амсуулахад хуруулэх нь нэн эмээлтэй билээ.

Нэгэн зүйл

Манай олон хан ван засгууд олноор санаа нийлж монгол бухний оройн чимэг Богдыг хаанд ергемжилж Монгол улс болон Их улс дор тушиглэн ач тусыг шутэж ашиг зовлонг хамтатган уурд найртай сайнаар явахыг хуссэн билээ. Олдвоос дээрээс нигуулсэн толилох ажаам уу.

Нэгэн зүйл

Манай монгол Их улсыг тушиж бага улс болон еертее тогтнож болох болбол нууц болзоо гэрээ бичиг байгуулж хэн алиныг бат итгэмжийг илруулж болох ба угуйг дээрээс толилон тогтоому.

Нэгэн зүйл

Нууц болзооны гэрээ бичиг байгуулж болох бегеес тэр гэрээнд Монголын газар яахин Оросын худалдаа гуйлгээ, темер зам хийх ертее байгуулах алт менге зоорь нээлгэх, бичиг цэргийн сургууль байгуулах зэрэг зүйлийг нарийвчлан хэлэлцэж тогтоовоос болох болбу.

Нэгэн зүйл

Манай халхын газар байх хятад худалдааг бурэн улдэж гаргаад Орос худалдаа элсэхээр одоо зевлен тогтож буй. Ганц худалдаа арилжаа хэмээгч олны аж терех амьдралд холбогдох чухал хэрэг мөн тул орос худалдааг одоо манай монгол газар яахин цэргээр хамгаалуулан аргацаан оруулахыг урьдаар бэлтгэн аваас болох болбу. Олдвоос дээрээс нигуулсэн толилох ажаам уу.

Энэ хорин нэгэн зүйлийг илуу зургаан сарын хорин гурванд Гадаад хэргийн журганд мэдүүлэв.

*Монголын тҮҮхийн эх сурвалж (1911–1921) , УБ., эмхтгэж, хэвлэлд бэлтгэсэн
О. Батсайхан, УБ., 2010, 112–117 дахь талд буй*

Из протокола особого совещания по делам Дальнего Востока

Совещание председательствовал Председатель совета министров статс-секретарь гофмейстер Столыпин, присутствовали министр финансов статс-секретарь Коковцов, Морской министр вице-адмирал Григоревич, Министр торговли и промышленности тайный советник Тимашев, Временно управляющий военным министерством генерал от инфантерии Поливанов, Временно управляющий министерством иностранных дел действительный статский советник Нератов и Начальник главного управления генерального штаба генерал от кавалерии Жилинский.

Особому совещанию предстояло обсудить направление которого императорскому правительству надлежит придерживаться в монгольском вопросе в связи с посылкой в С.Петербург Ургинским хутухтой и князьями четырех аймаков Халхи особой депутации, которой поручено просить государя императора о принятии Монголии под протекторат России.

Эта депутация прибыла в С.-Петербург (15) 2 августа и была принята на следующий день Временно управляющий министерством иностранных дел. Из расспросов депутации выяснилось, что как это впрочем уже было известно из донесений императорской миссии в Пекине и консулов в Монголии, китайское правительство задумало преобразовать управление Монголией, пользовавшейся до сих пор значительной автономией и являвшейся скорее вассальным владением царствующей в Китае династии. Задуманные преобразования, отчасти уже проведенные в так называемой Внутренней Монголии, должны привести в управление сказанной автономии, причем Халха должна в административном отношении быть доставлена в одинаковое положение с провинциями Внутреннего Китая.

Для подготовки такого объединения Застенного и Внутреннего Китая пекинское правительство, уже ранее отменившее указ о запрещении китайцам выселяться на север от Великой стены, ныне решило колонизовать китайцами монгольские земли, распространить на Монголию действие китайского горного устава, связать железными дорогами с Пекином главнейшие центры Халхы. Видя главное препятствие поставленной цели в процветающем в Монголии ламаизме, пекинское правительство задумало упразднить большинство буддийских монастырей в этой области. Наконец, в Монголии было решено сформировать и расквартировать регулярные китайские войска, а из монголов набрать для этой цели конницу.

Доказательством непреклонности таких решений правительства богдохана служат как пример Внутренней Монголии, уже обращенной в округа Хейлунцзянской и Мукденской провинции, так и факт начала китайской земледельческой колонизации в прилегающих к русской границе хошунах Халхи, начало постройки железной дороги из Пекина через Калган на север от Великой стены, а равно требование уплаты монголами определенного налога, поступающие от которого суммы должны идти на военные формирования.

Такой поворот китайской политики по отношению Монголии не замедлил вызвать среди ее князей и духовенства сильнейшее беспокойство и желание отстоять свои права и самобытный строй страны. Призванные императорским указом высказаться относительно предположенных реформ князья Халхи единогласно просили Богдоханское правительство не нарушать искони установившегося строя Монголии. Затем, собравшись в июне 1911 г. в Урге, князья постановили соединиться под главенством ургинского хутухты и отложиться от Китая. Сознывая свою разрозненность в бессилие перед китайцами, они решили обратиться к России и просить ее помощи в задуманном ими деле, причем однако желают сохранить ту долю самостоятельности, которой они до сих пор пользовались. Для передачи этого ходатайства и была снаряжена прибывшая нынча в С.Петербург депутация.

Приступая к обсуждению вопроса о том, как отнестись к сказанному ходатайству, особое совещание прежде всего обратило свое внимание на то, что в настоящее время императорское правительство принуждено принимать деятельное участие в решении разных острых вопросов на Ближнем и Среднем Востоке, принимать на себя деятельную роль в монгольском вопросе и тем ослабить наше влияние в делах Запада было бы весьма нежелательно. Правда, наступивший в монгольских делах кризис не является для нас неожиданным с давних пор мы оказываем монголам нашу поддержку и покровительство, некоторые наши агенты в Монголии в значительной мере содействовали создававшемуся среди монголов убеждению, что они могут рассчитывать на русскую помощь в случае попытки порвать с Китаем, тем не менее, при настоящей политической конъюнктуре было бы нежелательно активно выступить в монгольском вопросе.

С другой стороны, задуманные Китаем преобразования в Монголии, колонизация китайцами-земледельцами прилегающей к нашей границе полосы, соединение железными дорогами лежа-

щих близ этой границы пунктов с центрами китайской администрации и расположения китайской армии, особенно же появление в ближайшем соседстве с нашими владениями значительных китайских вооруженных сил не могут не тревожить нас. Монгольский вопрос представляет поэтому для нас большое значение и поддержка монголов в их стремлении противодействовать сказанным начинаниям китайского правительства вполне соответствовала бы нашим интересам.

Исходя из этих соображений, особое совещание полагало, что наиболее отвечающим нашим политическим задачам и обстановке настоящего политического момента было бы, чтобы императорское правительство, не выступая активно в монгольском вопросе и не принимая на себя обязательства силою оружия отстаивать задуманное монголами Халхи отложение от Китая, выступило посредником между ними и поддержало дипломатическим путем стремления монголов сохранить свою самобытность, не порывая с их сюзеренами- императорами дайцинской династии.

Практически, по мнению особого совещания, осуществление такого рода направления в этом деле должно выразиться в том, чтобы императорскому посланнику в Пекине было поручено сделать в дружеской и благожелательной форме представления богдоханскому правительству, указав ему на то, что волнения среди монголов Халхи, вызываемые проектами преобразований этой области, не могут оставить императорской правительство равнодушным как ввиду соседства Халхи с нашими владениями, так и ввиду имеющих там крупных русских торговых интересов, и что самые эти преобразования, направленные к нарушению равновесия на границе, находятся в противоречии с неоднократно делаемыми нам за последнее время заверениями о желании китайского правительства находиться в дружеских отношениях с Россией.

Что касается прибывшей в С.Петербург депутации, то ей следует объяснить невыполнимость в настоящую минуту задуманного монголами полного отложения от Китая, но обещать нашу поддержку в борьбе с китайцами за сохранение самобытного строя Халхи*. Ввиду существующих у депутатов опасений за их безопасность по возвращении на родину и страха перед местью китайцев, жертвами которой могут сделаться как сами депутаты, так и послание их хутухта и князя, следует обещать им наше заступничество перед китайцами, самому же факту посылки депутации постараться придать характер наивной демонстрации против китайских утеснений, отнюдь не заслуживающей кары. Во всяком случае, следует действовать так, чтобы в глазах как китайского правительства, так и русской печати, которой, вероятно, сделается известно о приезде депутации, она не имела политического значения.

Ввиду высказанного императорским посланником в Пекине убеждения, что для обеспечения безопасности депутатов и для успеха наших представлений, направленных к сохранению самобытного строя Халхи, необходимо присутствие в Урге некоторой нашей вооруженной силы, особое совещание полагало нужным без замедления усилить конвой нашего консульства в названном городе двумя сотнями казаков с пулеметами**.

Столыпин, В.Кокцов, Григорович, С.Тимашев, Ал.Поливанов, А.Нератов
Согласен
Петергоф, (7 Сентября) 25 августа 1911 года

*Международные отношения в эпоху империализма. 1878–1917.
Серия 2. 1900–1913, Т. 18–20, Л., Т. 18,
Ч. 1: 14 Мая — 13 сентября 1911 года, 1939. С. 339–341*

* В телеграмме от 3 августа/21 июля 1911 года за № 710 Лавдовский сообщал: «По словам ханов и князей они, в случае отделения от Китая, желали бы выговорить для себя защиту от внешних врагов нашими войсками, внутреннее самоуправление и неприкосновенность их кочевого быта. Все остальные условия они ставят всецело в зависимости от нашего усмотрения. Насколько серьезна просьба князей, видно из того, что они в случае неудачи, рискуют головами».

** Телеграммой от 19/6 августа за № 1099 Нератов извещал Коростовца о решениях, принятых особым совещанием по делам Дальнего Востока, и предлагал указать китайскому правительству, что замышляемые им военные и административные реформы в Халхе «были бы сочтены нами да враждебное по отношению к России действие».

Телеграммой от того же числа за № 1100 Нератов предписывал Коростовцу обратить внимание китайского правительства на то, что создание в Монголии китайской армии приведет к нарушению равновесия на границе и «не может не отразиться на совокупность отношений между обеими державами». В заключении Нератов просил Коростовца дать понять китайскому правительству, что «мы не останемся равнодушным к судьбе монгольских депутатов и посланных их лиц». На указанных телеграмме имеется помета Николая II: «Согласен!». Петергоф. 19/6 августа 1911 года

Декрет Богдо хана о восстановлении Монгольского государства и назначении министров Правительства

в 9-й день среднего месяца зимы года Белого Кабана, в час тигра или же по европейскому летоисчислению 29-го декабря 1911 года в 11 часов прошел официальный ритуал вознесения на государственный престол Хана Монголии Богдо Джебзундамба хутагта, как глава государства и религии. Это было официальным заявлением об отделении от Маньчжурского ига и образования независимого государства. На этой же церемонии первым декретом Богд хаана было создана правительство независимого Монгольского государства в составе 5 министерств. По декрету Богдо хана, министрами были назначены: Ханддоржи — министром иностранных дел, да лама Цэрэнчимэд министром внутренних дел, Түшээ гүн Чагдаржав — министром финансов, Далай ван Гомбосүрэн военным министром, Ван Намсрай министром юстиции. Этим же декретом были переименованы год беловой свиньи на год Многими возведенного, Их Хурэ в Нийслэл Хүрээ \столица Хүрээ\.

Этим же декретом Богд хаан, как глава государства и религии Монголии оказал милости людям пожилого возраста и наградил заслуженных духовных и светских лидеров, чиновников, в нем говорилось:

«Я, Наран гэрэлтү \испускающий лучи солнца\ Богдо хан, распространитель веры, даритель счастья живым существам, всеми признанный повелитель монгольского народа, самодержец религии и государства всемилостивейше объявляем:

Для того мы приняли всеобщее избрание и воссели на трон великого хана монгольского народа, чтобы вера Будды воссияла невозмутимо подобно сотням тысяч светил, а государство окрепло как гора Сумбур, дабы многочисленный монгольский народ мог в постоянном спокойствии вкушать счастье. И к тому же наши усердные старания постоянно будут.

Сверх сего, начиная с ваших многих ханов, ванов, нойонов и кончая многочисленным народом, каждому в отдельности, объявляем нашу ханскую милость, дабы все единодушно в добром служении религии и государству подвизались, благовейно приняв основу верность, прямоту, прилежание и правдивость. Милость же наша такова: жалуется старикам от 70 лет до 80-ти лет по 3 лана серебра, от 80 до 90 лет по 6 лан, от 90 до 100 лет по 9 лан. О достигнутых ста лет доложить и приведя их вторично милостиво наградить. Разных осужденных от наказания избавить, а если окажутся тяжкие преступники, то молодых брать на военную службу — пусть усердствуют они, а старых брать на службу местную». Указом Богд хана был учрежден флаг государства Монголии — желтого цвета со знаком «Соембо» в центре.

Декрет Богдо хана о восстановлении Монгольского государства и назначении министров Правительства на монгольском языке

1911 оны евел цаг Халхын Жавзандамба ламаас Монгол улсын хааны ширээнд еслон сууж олон ноёд ба ард нийтэд сануулга угийг тэмдэглэн хэлж засгийн яамдын толгойлогч сайдуудыг томилон тавьж буулгасан хишиг тараах зарлиг

Олноо ергөгдсөний тэргүүн он арван нэгэн сарын шинийн есөн

Шашныг мандуулах амьтаныг жаргуулагч, Олноо ергөгдсөн Монгол улсын эзэн шашин төрийг хослон баригч наран гэрэлт Богд хааны зарлиг

Би олны ергемжлэхийг хүлээж Монгол улсын хааны сууринд суусан нь бурханы шашиныг буман нараны гэрэл мэт хир угуй мандуулан хаан төрийг Сумбэр уул мэт бат болгож олон Монгол албатыг уурд энх түвшиний соелд учирлуулахыг ургэлжид шамдан хичээхийн дээр ялангуяа танай олон хан ван ноёдоос дараалан түмэн албат хуртэл төв шударга хичээнгүй үнэнийг сүслэн эрхэмлэж бүгд нэгэн сэтгэлээр шашин төрд сайнаар зүтгэхийг тус тус ухуулан хишиг тараах зарлиг буулгасан нь

Тулгур төр байгуулах тухайн хэрэгт онц хучин зүтгэж явсан Түшээт хан аймгийн засаг хошой чин ван Ханддоржид үе улиран эрдэнэ дайчин цол, ханы ямба давхар пунлуу шар хурэм, улбар шар жолоо, нэгэн үед ногоон жууз шагнаж, Шадар сайд, Бүгд захирах сайд, Гадаадын хэргийг бүгд захиран шийтгэгч яамны тэргүүн сайдын тушаалд тохоон талбигтун.

Хүрээний да лам Цэрэнчимэдэд чин сужигт цол, гурван давхар магнаг дэвсгэр тушлэг ширээ, улбар шар жолоо ногоон тэрэг, чин вангийн пунлуу уурд херенгенеес албан гаргуулах угуй болгон Шадар сайд, Бүгд захирах сайд, Дотоод яамны хэргийг бүгд захиран шийтгэгч яамны тэргүүн сайдын тушаалд тохоон талбигтун. Мөн тус шавийн харьяат эл албан хэргийг хавсарган шийтгүүлэгтун.

Харчин ван Гунсэнноровын хошууны дэд зэргэ тушмэл Хайсанд уе улиран чин зүтгэлт цол улсад туслагч гун, отго, хурэн жолоо, жич халхын дотор улаа шагнаж Дотоод яамны дэс тушмэлийн тушаалд тохоон талбигтун.

Унэн санаагаар чармайн зүтгэсэн Сэцэн хан аймгийн Засаг хошууны бэйс Гомбосурэнд уе улиран эрдэнэ далай цол терийн жун ван улбар шар жолоо шагнаж Шадар сайд, Бугд захирах сайд, Цэргийн хэргийг бугд эрхлэн шийтгэгч яамны тэргуун сайдын тушаалд тохоон талбигтун.

Тушээт хан аймгийн засаг улсын тушээ гун Чагдаржавт уе улиран тушээт цол терийн жун ван улбар шар жолоо шагнаж Шадар сайд, Бугдийг захирах сайд, Сангийн хамаг хэргийг бугд захиран шийтгэгч яамны тэргуун сайдын тушаалд тохоон талбигтун.

Мен аймгийн гунгийн зэргэ засаг тэргуун зэргэ тайж Намсрайд уе улиран эрдэнэ цол терийн жун ван улбар шар жолоо шагнаж Шадар сайд, Бугд захирах сайд, Шуух таслах хэргийг бугд захиран шийтгэгч яамны тэргуун сайдын тушаалд тохоон талбигтун.

Тушээт хан Дашнямд уе улиран ногоон жууз шар хурэм улбар шар жолоо очир бат сайн цол шагнан

Сэцэн хан Навааннэрэнд уе улиран ногоон жууз шар хурэм, улбар шар жолоо махасамади далай сэцэн цол шагнан

Засагт хан Содномравданд уе улиран ногоон жууз шар хурэм улбар шар жолоо эрдэнэ бишрэлт цол шагнан

Сайн ноен Намнансурэнд уе улиран ногоон жууз шар хурэм улбар шар жолоо итгэмжит ээ-тэй эрх дайчин цол шагнан бас Шадар сайд болгогтун.

Жич дервен ханд аливаа яам ихээхэн хэргийг эрхбиш сонсгон зевлемуй. Энэ дервен хан дервуулээ Хурээний газар сууваас цем нэгэн адил сонсговоос зохимой. Хэрэв хедее одох болбоос эрхбиш нэгэн хун албан хүлээж суугтун хэмээжээ.

Очерк личности главного деятеля и души переворота — Хутухты, возведенного ныне избранием князей на ханский престол

Его Превосходительству Г.А. Козакову

18 Января 1912 года

№ 109

О Деятелях и положении дел в Современной Монголии

События, разыгравшиеся здесь в исторические ноябрьские дни 1911 года, выдвигают на авансцену главных деятелей переворота, совершившегося по искреннему убеждению всего народа, исключительно в вере и надежде на помощь и покровительство России.

Первая роль в том акте, который привел Монголию к нынешней свободе, принадлежит вне всякого сомнения, Хутухте. Если когда нибудь будет написана история последних лет Монголии то она с благодарностью подчеркнет смелую и решительную инициативу Восьмого Богдо - гэгэна, осуществившего то, о чем самые бесстрашные умы едва смели помышлять.

В благодарной памяти народа — как бы ни развернулись далее нынешние события- должны остаться те мужество и бесстрашие, с которыми нынешний Чжэбцзунь- дамба, единодушной волею князей возведенный ныне на древний трон монгольских ханов, вступил в борьбу с Китайским правительством, казавшимся стране, до самого последнего времени, таким сильным и неодолимым, — каждый раз, когда интересы его или близких ему лиц или страны казались ему в опасности.

Более чем вероятно, что не будь здесь настоящего Богдо- гэгэна, Китай давно проглотил бы Монголию и превратил бы ее в Китайскую провинцию.

Протесты князей, опиравшиеся в градомном большинстве случаев на сильную и твердую волю Хутухты, останавливали Китайское правительство от последнего и решительного шага к полному порабощению страны.

Последние мероприятия Пекина, направленные под влиянием докладов и донесении бывшего Маньчжурского амбана Саньдо, столь безславно закончившего свою, как называлось первоначально, блестящую и энергичную деятельность, к уничтожению остатков монгольской автономии, были, как известно, той последней каплей, которая переполнила чашу терпения многострадального, по истине монгольского народа и Хутухта в этот исторический момент встал во всю свою высоту, когда, чутко угадав помысли народа, решил порвать с Китаем, таким грозным когда-то властелином для Монголии, и просить у Великой России руку помощи от ставшего непосильным кошмарного гнета. Инициату посылки депутации в Петербург Хутухта все же пред-

ставил своему народу в лице ханов и князей, но не может подлежать ни малейшему сомнению, что не подкрепи их твердая воля и общепризнанное мужество Духовного Главы, посылка делегации не могла бы осуществиться.

Дальнейшие события, разыгравшиеся со столь головокружительной быстротой в Китае и приведшие к полному разгрому нынешней династии, естественным порядком закончили то, чему начало было положено первым решительным шагом, то есть посылкой в Россию представителей князей и ламского духовенства.

И до самого последнего момента — слабую, колебавшуюся волю громадного большинства князей поддерживали только мужество и твердая решимость того же Богдо-Гэгэна, и возведение его на ханский престол было лишь данью признания князьями великих заслуг Чжэвцун-дамбы Хутухты в деле освобождения страны от ненавистного ига.

Историческая заслуга Гэгэна заключается еще в том, что он разгадал в последнем маньчжурском представителе - Амбане Саньдо, импонировавшим наружным блеском своей личности - слабую, жалкую и безвольную личность, растерявшуюся при первом же на нее решительном натиске до самой позорной трусости. В оправдание свое Саньдо может приводить в настоящее время все что угодно: и измену в войсках, предавшихся, будто бы на сторону монголов, и революционное брожение умов среди воиск, и неожиданную для него мобилизацию монгольских солдат, и тайную поддержку монгольских вождельцев со стороны и т.д.

На самом же деле известно, что в момент переворота в Урге никаких монгольских войск не было и что Хутухта снабдил из своих запасов ружьями всего 100 человек монгол, на спех собранные в самой Урге, и что ни о каком организованном вооруженном нападении монгол на Саньдо и его чиновников, на китайские маньчжурские войска не могло быть и речи. Более того, есть все основания думать что не проявил маньчжурский амбан в решительный момент столь паническую трусость и сумел он закрепить за собой хотя бы 50 человек солдат из местного гарнизона - монгольская история сложилась бы иначе. Оценивая эту сторону деятельности Хутухты, необходимо отметить, что по общему признанию лиц, знакомых с ходом событий, среди князей и близких к Хутухте лиц далеко не было полного единодушия в пользу удаления отсюда представителя Маньчжурской династии, а напротив в решительную минуту замечались колебания, нерешительность и опасение тяжелых последствий. Среди этих лиц, преувеличивавших до последнего момента мощь и силу Китайского представительства в Монголии и угрожающую силу местного гарнизона, находились даже такие деятели, как бывший монгольский амбан в Урге, бэйс Пунцукцэрин и начальник Духовного ведомства и казначей Хутухты, старый Шанцзотба, оба когда то самые близкие к Гэгэну лица, но ныне утратившие, повидимому, всякое доверие его, благодаря проявленной ими в последний момент трусости и преувеличенной осторожности.

Чтобы покончить с личностью Хутухты, ставше перед нами только в это последнее время во весь свой рост, нельзя не вспомнить, что начало его сознательной деятельности (в настоящее время ему 43 года) не давало решительно никаких оснований к тому, чтобы преугадать в склонном к разгулу и безумному мотовству Гэгэне — нынешнюю недюжинную фигуру главного виновника исторического переворота в Монголии.

Многим из лиц, находившимся в Урге 10, 15, 20 лет тому назад, памятли кутежи в Хутухтинском дворце, переходившие нередко в дикие безобразные оргии. Многие тогдашние выходки Богдо - Гэгэна заставляли говорить подолгу о себе всю Ургу. Так известен случай скупки здесь, по распоряжению Хутухты, русских женских платьев и кофточек и потом облачения в эти непривычные одеяния самых приближенных лам Хутухты на потеху ему самому и окружавшим его князьям.

Необыкновенная расточительность и склонность Хутухты к мотовству едва не заставили одно время Китайское правительство в лице маньчжурского амбана Гуй бина, взять под опеку Хутухтинскую казну и самого Гэгэна.

Небезизвестно так же, что многие русские предприниматели в Урге сколачивали себе круглый капитал на слабости Хутухты ко всяким новинкам, благодаря которой в его дворце находятся целые склады вещей, решительно никому не нужных и покрытых от долгого лежания пылью, грязью и плесенью. Прогоревшие содержатели цирков и зверицеицы сбывали здесь за безумие дикие цены зверей и животных, которых впоследствии никто не знал как и чем кормить, привозилось и продавалось по неслыханным ценам самые последние новинки европейской культуры, как - то: мотоциклетки и автомобили разбившиеся при первом же выезде от неумелого управления ими и т.д.

С годами и с появлением во дворце Хутухты в качестве приближенной к нему особы, жены монгольского князя Гувчи - чжоном бейсэ, получившей впоследствии столь громкую известность

среди монголов в сане Великой Цаган-Дара-Эхэ, а ныне возсевшей на ханский трон в качестве супруги Богдохана, в его привычках и внешней обстановке замечается некоторая перемена.

Цаган-Дара-Эхэ усиленно возносятся моления монголами, и ей именно народом приписываются великие заслуги в деле освобождения страны от китайцев, как ближайшей наперстнице и вдохновительнице Первосвященника и Светского главы монгольского народа.

Неоспоримо только то, что с водворением Цаган-Дара-Эхэ в Дворце, Хутухта стал значительно экономнее в своих расходах и сдержаннее в мотовстве, а с некоторого времени многие склонны обвинять его в скупости.

Между тем кутежи в Хухутинском Дворце не только не сократились, а напротив после переворота, как передают, усилились: у русских скупаются целыми ящиками всякие вина, вплоть до шампанского и закуски, и оргии, говорят, делятся во дворце Богдо - Гэгэна и Богдохана на реке Толы целыми ночами. В то же время приближенные к нему лица подмечают в нем за последние месяцы резкую перемену в обращении, угрюмость и молчаливость, объясняемые, повидимому, обострившеюся с прошлого лета болезнью глаз, делающего его временами совершенно неспособным различать лица.

Такова, в кратких чертах, недюжинная личность VIII Гэгэнэ, сумевшего привлечь к себе и объединить всю Халху, а в будущем быть может и всю Монголию и возсесть, несмотря на свое инородческое, тибетское происхождение, на древний престол монгольских ханов.

Генеральный Консул В. Люба

Договор России и Монголии 1912 года о дружбе

21 октября/3 ноября 1912 г. полномочный представитель Российской империи Иван Яковлевич Коростовец с одной стороны, и премьер-министр Монголии Сайн-нойон-хан Намнансурэн, Полномочный Министр Внутренних Дел Чин-ван Лама Цэрэнчимэд, Полномочный Министр Иностранных Дел, в звании хана Эрдэнэ дайчин чин ван Ханддордж, Полномочный Военный Министр Эрдэнэ далай жүн ван ГомбосҮрэн, Полномочный Министр Финансов Тушету жүн ван Чагдаржав, Полномочный Министр Юстиции Эрдэнэ жүн ван Намсарай по уполномочию Императора Монгольского народа, Монгольского Правительства и Князей-правителей с другой, заключили в Монгольской столице Нийслэл-Хурэ Соглашение о дружбе, которым определили отношения между новой Монголией и Россией. В русском тексте использовано слово «соглашение», а в монгольском — «договор о дружбе» [Найрамдлын гэрээ бичиг]. Следовательно, международно-правовой статус документа различается в монгольском и русском вариантах.

Соглашением и его приложением были узаконены особые права российских торговцев в Монголии. Через три дня после подписания Соглашения о дружбе между Россией и Монголией министр иностранных дел России Сазонов дал указание послу Крупенскому уведомить об этом китайскую сторону. Крупенский сообщил об этом министру иностранных дел Китая в Пе-

кине 26 октября 1912 г., и китайский министр на это сказал: «Россия признала Правительство Монголии», добавив: «но однако еще не признала Китайское правительство» [Гримм, 1925, с.181–183; Монголын ард түмний, 1982, с.174–175]. Это свидетельствует о том, что Китай рассматривал подписание Соглашения о дружбе и Торгового протокола как факт признания Россией независимости Монголии — причем раньше, чем Россия признала Китайскую республику.

На многолетнюю стратегию и политику России влияли общность границы, исторические связи, традиции, взаимные экономические интересы. После 1911 г. Россия находилась в конкуренции с другими государствами, и в стратегическом плане ей было важно расширить, а не потерять свои позиции, закрепленные Русско-японским договором о разделе сфер влияния.

Данным Соглашением Российская империя не только официально признала Монголию и ее правительство, но в дальнейшем Соглашение было принято за правовую основу при закреплении государственного суверенитета.

Хотя Соглашение о дружбе и Торговый протокол 1912 г. традиционно причисляют к экономическим документам, они имели огромное политическое значение. Сам факт заключения Соглашения не только привел к концу прежние отношения между Монголией и Китаем, но и открыл возможность для новообразованного

Монгольского государства иметь равные отношения со всеми странами мира. После провозглашения Монголией своей независимости Соглашение стало первым официальным правовым документом для определения статуса Монголии на международной арене.

Данным документом было определено:

1. Монголия — государство, имеющее собственное правителя и собственное правительство.

2. Монголия имеет право формировать собственные войска.

3. Монголия начала существовать по принципу суверенного государства.

4. Из Монголии были выведены китайские войска и эксплуататоры, а в дальнейшем она получила право не допускать на свою территорию китайские войска и китайских переселенцев.

Монголия стала юридически правомочным субъектом, имеющим полное право на заключение любых договоров с иностранными государствами. Это право было признано Правительством Российской империи, и Россия обязалась оказывать всемерное содействие для его «неукоснительного соблюдения». Так-

же необходимо отметить, что в существовавших в то время условиях факт подписания данного Соглашения являлся, в сущности, весьма прогрессивным шагом. Хотя в ходе переговоров монголами был поставлен вопрос о включении Внутренней Монголии и Барги в состав Монголии, русские наотрез отказали в данном требовании; также был получен отрицательный ответ на вопрос о пребывании монгольского посла в Петербурге. Судьба Внутренней Монголии к тому времени уже была предрешена секретным договором между Россией и Японией.

Российская империя официально признала Правительство Монголии подписанием данного Соглашения о дружбе, и рассматривала Монголию как правомочный субъект для подписания такого документа. Объявление всему миру о подписании данного документа было фактическим признанием нашего государства и его названия «Монголия». Это, безусловно, не отвечало интересам Китая. Таким образом, подписание Соглашения о дружбе с одной из сильнейших держав дало монголам новый импульс для продолжения борьбы за свою независимость.

Соглашение

Въ виду всенародно выраженного желанія Монголов сохранить исторически сложившійся самобытный строй своей страны, китайскія войска и власти были удалены с монгольской территоріи.

Повелителем монгольского народа былъ провозглашенъ Чжебзунъ Дамба хутухта. Пренія отношенія Монголіи к Китаю такимъ образомъ прекратилась.

Ныне въ виду вышеизложенного, и также монгольскимъ народами исконней дружбы въ виду необходимости точно определить порядокъ взаимной русско- монгольской торговли Председатель Монгольского Совета Министровъ, Покровитель десяти тысячъ ученм Сайнь Ноинъ ханъ Намнансурунь, Полномочный Министръ Внутреннихъ Дель Чинь сузугту Цинь-ванъ Лама Цыренчимедь, Полномочный Министръ Иностраннхъ Дель, въ званм хана Эрдени дайчинь Цинь-ванъ Хандадорджи, Полномочный Военный Министръ Эрдени далай дзюнь ванъ Гонбосурунь, Полномочный Министръ Финансовъ Тушету дзюнь ванъ Чагдорджабъ.

Полномочный Министръ Юстиіи Эрдени дзюнь ванъ Намсарай по уполномочію Повелителя Монгольскаго народа, Монгольскаго Правительства и Князей-правителей и Действительный Статский Советникъ Иванъ Коростовець по уполномочію Россмскаго Императорскаго Правительства договорились о нижеследующемъ:

Статья 1

Императорское Россійское Правительство окажетъ Монголіи свою помощь къ тому, чтобы она сохранила установленный ею автономный строй, а также право содержать свое національное войско, не допуская на свою территорію китайскихъ войскъ и колонизаціи своихъ земель китайцами.

Статья 2

Повелитель Монголіи и Монгольское Правительство предоставятъ русскимъ подданнымъ и русской торговли по прежнему пользоваться въ своихъ владеніяхъ правами и преимуществами, перечисленными в прилагаемомъ Протоколе. Само собою разумеется, что другимъ иностраннымъ подданнымъ не будетъ предоставлено въ Монголіи более правъ, чемъ те, которыми пользуются тамъ русскіе подданные.

Статья 3

Если бы Монгольское Правительство сочло нужнымъ вступить въ отдельный договоръ съ Китаемъ или другимъ иностраннымъ государствомъ, то новымъ договоромъ ни въ коемъ случае не могутъ быть нарушены или изменены статьи — настоящаго Соглашенія и Протокола безъ согласія на то Императорскаго Россмскаго Правительства.

Статья 4

Настоящее дружественное Соглашение воидеть въ силу со дня подписанія.

Въ удоствореніе вышеизложеннаго обоудные полномоченные найдя при сопоставлена об-ихъ параллельныхъ текстовъ настоящаго Соглашенія — экземплярахъ, эти тексты согласными, подписались на каждомъ изъ нихъ, приложили печати и таковыми текстами обменялись.

Учинено въ Урге, Октября 21 дня 1912 г., а по монгольскому летоисчисленію во второй годъ правленія Всеми Возведеннаго, последняго осенняго месяца 24 дня.

И. Коростовец

Председатель Монгольскаго Совета Министровъ Сайнь Ноинь хань Намнансурэн
Полномочный Министръ Внутреннихъ Дель Чинь сузугту Цинь-вань Лама Цэрэнчимэд
Полномочный Министръ Иностраннихъ Дель, въ званм хана Эрдени дайчинь
Цинь-вань Ханддорж,
Полномочный Военный Министръ Эрдени далай дзюнь вань Гомбосурэн
Полномочный Министръ Финансовъ Тушету дзюнь-вань Чагдаржав
Полномочный Министръ Юстицм Эрдени дзюнь- вань Намсрай

Протокол

Статья 1

Русские подданные по-прежнему пользуются правомъ свободно проживать и передвигаться во всехъ местахъ Монголии, заниматься тамъ всякаго рода торговыми, промышленными и иными делами, а равно вступать въ разнаго рода сделки, какъ съ отдельными лицами, такъ и съ фирмами и учреждениями, официальными или частными, русскими, монгольскими, китайскими пли иностранными.

Статья 2

Русскимъ подданнымъ по-прежнему принадлежитъ право во всякое время ввозить и вывозить безъ уплаты ввозныхъ и вывозныхъ пошлинъ всякаго рода произведенія почвы и промышленности России, Монголии и Китая и другихъ странъ и свободно торговать ими безъ уплаты какихъ бы то ни было пошлинъ, налоговъ или иныхъ сборовъ. Действія означеннаго постановленія не распространяются на смешанные русско-китайскіе предприятия и на русскихъ подданныхъ, фиктивно объявившихъ себя владельцами товаровъ, имъ не принадлежащихъ.

Статья 3

Русские кредитные учреждения имеютъ право открывать въ Монголии свои отделения и совершать всякаго рода финансовыя и иные операціи какъ съ отдельными лицами, такъ и съ учреждениями и обществами.

Статья 4

Покупки и продажи русскіе подданные могутъ совершать на наличные деньги или посредствомъ мены товаровъ, при этомъ они могутъ заключать сделки въ кредитъ. Ни хошуны, ни монгольская казна не являются ответственными за долги частныхъ лицъ.

Статья 5

Власти Монголии не будутъ препятствоватьъ монголамъ и китайцамъ совершать всякаго рода коммерческіе сделки съ русскими подданными, поступать въ услуженіе къ нимъ лично или въ учрежденныя ими торговыя и промышленныя предприятия. Никакимъ официальнымъ или частнымъ обществамъ, учреждениямъ или лицамъ въ Монголии не будетъ предоставляемо монопольныхъ правъ въ торговой и промышленной области. Само собою разумеется, что общества и лица, которые получили уже отъ монгольскаго правительства таковыя до заключенія настоящаго соглашенія, сохраняютъ свои права и преимущества до истеченія обусловленнаго срока.

Статья 6

Русским подданным предоставляется право повсеместно в городах и хошунах занимать участки на срок и приобретать их в собственность для устройства разного рода торгово-промышленных заведений, а также постройки домов, лавок и складов. Кроме того русские подданные имеют право арендовать для распахек свободные земли. Само собой разумеется, что эти участки будут приобретаться и наниматься для вышеназванных надобностей, а не для спекулятивных целей. Участки эти будут отводиться, по соглашению с монгольским правительством, согласно существующим в Монголии законам, повсеместно, за исключением священных мест и пастбищ.

Статья 7

Русским подданным предоставляется вступать в соглашения с монгольским правительством относительно эксплуатации горных и лесных богатств, рыбных промыслов и т.п.

Статья 8

Российское правительство имеет право назначать, по соглашению с монгольским, своих консулов в те места Монголии, где это им будет признано необходимым.

Точно так же монгольскому правительству предоставляется иметь правительственных агентов в тех пограничных местах империи, где это будет найдено нужным, по взаимному соглашению.

Статья 9

В пунктах, где имеются российские консульства, а также в других местностях, имеющих значение для русской торговли, будут отводимы, по соглашению между российскими консулами и монгольским правительством, для проживания и разного рода промыслов русских подданных, особые фактории, которые будут находиться в исключительном заведовании означенных консулов, а там, где их нет, старшин русских торговых обществ.

Статья 10

За русскими подданными сохраняется право учреждать на свой счет, для пересылки писем и перевоза товаров, почты, как между разными местностями в Монголии, так и между сказанными местностями и пунктами на российской границе, по соглашению с монгольским правительством. В случае постройки станционных зданий и других нужных построек, следует руководиться правилами, изложенными в статье 6 настоящего протокола.

Статья 11

Российские консулы в Монголии будут пользоваться, в случае надобности, для пересылки казенной корреспонденции, посылки курьеров и других казенных надобностей, монгольскими правительственными почтовыми учреждениями, но с тем, чтобы не употреблять на это бесплатно свыше ста лошадей и 30 (тридцати) верблюдов в месяц, выправляя каждый раз открытый лист от монгольского правительства.

Для переездов своих консулов и вообще русские официальные лица будут пользоваться теми же учреждениями за плату. Право пользования монгольскими казенными станциями распространяется также на частных лиц российских подданных, причем плата за пользование станциями в этом последнем случае будет определяться по соглашению с монгольским правительством.

Статья 12

Русским подданным предоставляется право плавать на своих торговых судах и торговать с прибрежным населением по рекам, текущим сперва по Монголии и затем по русской территории, и по притокам этих рек. Российское правительство окажет монгольскому правительству помощь для улучшения судоходства по этим рекам, установки нужных знаков и т.п.; монгольские же правительственные власти отведут на этих реках места, нужные для причала судов, для устройства пристаней и товарных складов, для заготовки дров и т.п., руководствуясь в таких случаях постановлениями ст. 6 настоящего протокола.

Статья 13

Для перевозки товаров и пригона скота русские подданные имеют право пользоваться всеми сухопутными и водными путями, причем по соглашению с монгольскими властями они могут устраивать на свой счет мосты, переправы и т.п. с правом взимания особого сбора с проезжающих.

Статья 14

Скот русских подданных во время перегона может останавливаться для отдыха и кормления. На случай необходимости продолжительных остановок местные власти отводят вдоль скотопронных трактов и в пунктах, имеющих значение для торговли скотом, достаточные участки под пастбища. За пользование этими пастбищами свыше 3 месяцев будет взиматься плата.

Статья 15

Установившийся обычай пользования пограничным русским населением покосами, а также охотой и рыбной ловлей на монгольской стороне сохраняется на будущее время без всяких изменений.

Статья 16

Сделки между русскими подданными и учреждениями, с одной стороны, и монголами и китайцами, с другой, могут быть заключаемы словесно или письменно, причем контрагентам предоставляется предъявлять заключенные ими договоры для засвидетельствования местным правительственным властям. В случае, если бы последние усмотрели препятствия к засвидетельствованию договора, они немедленно сообщают о том российскому консулу, и возникшее недоразумение разрешается по соглашению с ним.

При этом устанавливается, что сделки, касающиеся недвижимости, должны облекаться в письменную форму и предъявляться для засвидетельствования и утверждения подлежащим монгольским правительственным властям и российскому консулу. Документы на право эксплуатации естественных богатств требуют утверждения монгольского правительства.

В случае возникновения споров по заключенным сделкам как словесным, так и письменным, сторонам предоставляется окончить дело полюбовно, при содействии посредников, избранных каждой стороной. Если этим путем не будет достигнуто соглашения, дело разрешается смешанной судебной комиссией.

Смешанные судебные комиссии бывают постоянные и временные. Постоянные учреждаются в местах пребывания российских консулов, причем состоят из консула или его представителя и делегата властей Монголии в соответствующем ранге. Временные комиссии открываются вне указанных мест, по мере возникновения дел, и состоят из представителей российского консула и князя того хошуна, к которому принадлежит или в котором проживает ответчик. Смешанным комиссиям предоставляется привлекать в качестве экспертов сведущих лиц из русских подданных, монголов и китайцев. Решения смешанных судебных комиссий приводятся в исполнение без замедления в отношении русских подданных через российского консула и в отношении монголов и китайцев — через князя того хошуна, к которому принадлежит или в котором проживает ответчик.

Статья 17

Настоящий протокол входит в силу со дня его подписания.

В удостоверение вышеизложенного обоюдные уполномоченные, найдя при сопоставлении обоих параллельных текстов настоящего протокола - русского и монгольского, изготовленного в двух экземплярах, эти тексты согласными, подписались на каждом из них, приложили печати и таковыми текстами обменялись.

Учинено в Урге, октября 21 дня 1912 года, а по монгольскому летоисчислению во второй год правления «Всеми Возведенного», последнего осеннего месяца 24 дня.

(ПОДПИСИ НА МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ):

Председатель монгольского Совета министров
Полномочный министр внутренних дел
Полномочный министр иностранных дел в звании хана
Полномочный военный министр
Полномочный министр финансов
Полномочный министр юстиции

Сайн Ноин Хан
Чин-Сузукту Цин-Ванлама
Эрдени Дайчин Цин-Ван
Эрдени Далай Дзюн-Ван
Тушету Дзюн-Ван
Эрдени Дзюн-Ван

(ПОДПИСЬ)

И. Коростовец

*Известия Министерства иностранных дел.
1913. Кн. II. С. 16–23*

Из ноты Монгольского правительства правительствам США, Англии, Германии, Дании, Японии, Франции, Бельгии, Голландии и России

Монголы отделившись от Цинской империи, создали независимое суверенное государство, возвели на трон всемонгольского хана, главу духовенства Халха Жавзандамба, передав в его руки всю полноту государственной и духовной власти. Извещая об этом уважаемое правительство, просим заключить договор о торговле и дружбе. 9 числа первого зимнего месяца 1912 года.

**Нота Монгольского правительства на Монгольском языке
улсыг байгуулсан учирьг Гадаад улсуудад зарласан бичиг**

Монгол Улсын Гадаадын хэргийг бүгд эрхлэн шийтгэгч яамны бичиг
Франц, Бельги, Англи, Япон, Их Герман, Америк, Дани, Голланд, Орос улсын Гадаадын хэргийн явдлын яамнаа илгээв.

Мэдтүгэй хэмээн явуулах учир.

Эдүгээ манай улсын засгийн хэрэг шийтгэх газраас хургэн ирсэн бичиг дор эдүгээ манай Монгол улс нийт бухнээр эртнээс тогтносоор ирсэн еерийн газар орон ба шажин суртаал ёс журамыг алдагдах угуйгээр сахих учир нэгэнт Чин улсаас салаад вертев тогтнож еврее эзэрхэх улс тер байгуулан Халх Монголын шарын шашины эзэн Жавзандамба лам юугаа Монгол улсын хаан эзэнд ергемжлен шашин терийг хослон бариулаад Олноо ергегдсений тэргуун он хэмээн халсан зэрэг явдлыг эрхэм яамнаас олон гадаад улсад зарламой хэмээн бичиг хургэн иржээ. Иймийн тул манай яамнаас олон улсад мэдтүгэй хэмээн явуулсанаас гадна уунийг эрхэм явдлын яамнаа мэдтүгэй хэмээн явуулаад уламжлан эрхэм засгийн хэрэг шийтгэх газраа нэвтрүүлэн байцаан үзэж хулээгээд гэрээ байгуулан худалдаа нэвтрүүлж улсын найрамдлыг зузаатгамой. Ууний тул мэдтүгэй хэмээн илгээв.

Олноо ергегдсений хоёрдугаар он намарын суул сарын хорин

М. Зулькафиль

*доктор исторических наук, профессор,
Монгольский государственный университет*

Ч. Чойсамбаа

*кандидат филологических наук, доцент,
Монгольский государственный университет*

ПЕРВЫЕ ГАЗЕТЫ МОНГОЛИИ

Самая первая новость Монгольского телеграфного агентства, опубликованная в газете «Правда» под названием «Восстание монголов» от 30 марта 1921 г. Эта является первой информацей Информационного агентства Монголии, направленной

в зарубежную печать. Автором новости является Иван Григорьевич Демко, работавший в то время советник-наставником при Полтическом управлении Монгольской Народной Революционной Армии и начальником МонТА.

Монголчуудын бослого

ЧИТА.1921 оны гуравдугаар сарын 23 /ДЕЛЬТА/. Троицкосавскаас аван мэдээнээс үзвэл, Унгерн, Комаровский нарын хэрмэл дээрэмчин бүлэг цагаантан хийгээд санаа сэтгэлээр бүрэн дампууран унасан хятадын цэргийн эрхтний аллага таллагад нэрвэгдсэн монголчууд тэмцэн босож Маймаа суурин болон түүний ойролцоох газруудыг байлдан эзлээд Монголын ардын засгийн Газрыг зарлан тунхаглав.

Дэлхийн империалистуудын түрэмгий ашиг сонирхлыг илэрхийлсэн оросын цагаантны балмад бодлогын эсрэг Монголын засгийн газар шийдвэртэй тэмцэж, тусгаар тогтнолоо хамгаалан нутаг дэвсгэртээ аж төрөн сууж байгаа энгийн номхон орос, хятад, монгол иргэдийн энх амгалан байдлыг аль болохоор хамгаалах зорилт тавьж байна.

Маймаад гарсан улаан монголчуудын бослого нь Монголын хүн амын бүх давхаргыг хамарч ойролцоох хошуудад амжилттай дэлгэрч байна гэж хилийн районоос мэдээллээ /РОСТА/.

Правда. 30 марта 1921 г. № 68

Первая монгольская газета «Шинэ толь хэмээх бичиг» («Газета, именуемая Новое зеркало»), положившая начало монгольской журналистике, являлась прессой, пропагандировавшей прогрессивные демократи-

ческие идеи, с ярко выраженными просветительскими чертами. Эта газета особое внимание обратила на освещение события в России и вопросы монгольско-российских отношений.

Оросын түүх

Оросын доод хуралд монголын хэргийг шүүмжилсэн нь. 1914 оны 5 дугаар сарын 10-нд Гадаад яамын сайд Сазанов гадаад байдлын тухай үг хэлэхдээ 1913 оны 10 дугаар сарын 23-нд гаргасан тунхагт Хятад ба Монголын дотоод хэрэг байтугай гадаад лугаа харилцах ба жич худалдааны хийгээд боловсруулан ашиглах явдлыг өөртөө эзэрхсэн Монгол улс төр байгуулсныг зөвшөөрөн хүлээжээ.

Гэтэл хутагтын сайдууд хайхралгүй харин өөрийн цэргийн хүч, улсын сүрийг хэрээс хэтрүүлэн бодож, зэвсгийн хүчээр олон монгол аймгийг өөрийн эзний эрхэнд оруулсугай хэмээн санажээ. Тэд Орос улсаас мөнгө цэргийн тусламж олж монголчууд эл суусан газар бүгдийг Хятадаас салгах болно хэмээн санажээ. Гэр доторх захиргааг мөртэй сайнаар засч чадахгүй байтлаа газар орон алсалсан ба анхнаас түүх ес нь болж найрамдал дэмий сайнгүй, нэгэн язгууртнуудыг эзэрхсүгэй хэмээжээ. Энэ мэт бүтэшгүй саналууд үнэн хэрэг тохиолдвоос зайлшгүй эвдрэх нь лав тул манай улс хөхүүлэн туслалцаж үл чадна.

Бид өөртөө эзэрхсэн Монгол Улс хоосон нэр биш естой улс болсугай хэмээвээс хамгийн түрүүнд дотоод захиргаа ба санхүүгийн хэргийг эрхлэвээс зохих явдлыг мэдэхгүй байж үл болмуй. Монголын Засгийн газар ийнхүү хүмүүжих завдлага гаргаваас бид зүрхнээс дурлан хэрэг бүтээхүй дор ч тус хүргэнэ.

Шинэ толь хэмээх бичиг. 1914. № 13

Толиулах нь

Оросын «Шинэ цаг» хэмээх сонинд Орос, Монгол, Хятад гурван этгээд Хиагт хотноо чуулж, Орос, Хятад хоёрын байгуулсан гэрээ бичгийн учрыг хэлэлцэх хэмээснийг хойшлуулав. Монголчууд одоогийн байдлыг үл сайшааж элдэвчлэн арга үүсгэж, гэрээ хэлэлцэх учрыг бэлтгэж чадаагүй хэмээн хойшлуулмуй.

Эдний санал сэтгэлд үл нийцэх гэрээг ямарваа аргаар хүлээхгүй байхыг эрж, гадаад олон улсын төлөөний хүмүүс лугаа нэвтрэлцэн тус хэрэг бүтээхийг горилж буй. Бас монголчууд Оросод найргүй нь улам ихэдсээр консул сайдаас ирсэн элдэв олон хэрэг зүйлийг удаашруулан дэмий л харилцан бичиглэцгээнэ. Энэ хэрэв үнэн бөгөөс мэргэн арга үүсгэж засахгүй болохул дэмий сайнгүй хэмээмүй.

Шинэ толь хэмээх бичиг. 1913. № 5

Тусгайлан сонсгох нь

Оросын Байкалийн өмнөх мужийн Стратинский хотноо «Восточная Забайкалья» хэмээх сонин бичиг гарна. Харъяат нутгийн ба улс төрийн хэргийг шүүмжилмүй. Энэхүү сонин бичгийн үзэл нь урагш дэвшихийг хүсмүй. Аль ч намд үл хамаарна. Сонин бичгийг захиж авсугай хэмээвээс үнэ нэгэн жилд найман цаас. Үүний тул сонсгов.

Шинэ толь хэмээх бичиг. 1914. № 14

Найрамдлын гэрээ бичиг

Гэрээг 1912 оны 10 дугаар сарын 21-нд Намнансүрэн, Коростович нар байгуулжээ.

Орос улсын энэ жилийн январь сарын аравны өдөр Монголын Элчин Сайд нөхөр Сэлт Их Орос Улсын хаан эзэнд бараалхсан болой. Элчин нөхөр Сэлт өөрийн еслолын хувцас, малгай өмсч, оросын хаанаас шагнасан эрдэнийн одон зүүжээ. Хааны зэрэг эрдэнэ дайчин Чин ван Ханддорж Аннын одон ба орхимж тэргүүн зэргийг зүүж, хэрэг зөвлөх сайд Ширнэн-Дамдин Станиславын одон, орхимж тэргүүн зэргийг зүүж, бас элч нарын эх зохиох түшмэл Бавуудорж мөн одон хоердугаарыг зүүж, хэлмэрч Цэрэнпилов, Довдонов хоёрыг авч, Гадаад яамны түшмэл Шишмарев хэмээх урьд Хүрээнд сууж асан өвгөн Консул лугаа хамт их хааны хөдөөний «Царское село» хэмээх хотноо их ордонд хүрч очвоос еслолын жагсаалын сайд түшмэл, ван гүн нар ихэд хүндлэн угтаж аваад Александровский хэмээх ордондоо оруулж, бага номын сангийн нэгэн тасалгаанд түр хүлээлгээд эрдэнэ дайчин ван, Ширнэн-Дамдин, Жамсарано гурвыг таслан урьж эзэнд бараалхулбаас элчин сайд Ханд дорно зүгийн заншлаар зургаа сөгдөж, өөрийн эзэн Жавзандамба хутаг

ба бүх монголын төлөөнөө амгаланг айлтгав. Их улсаас багахан Монгол Улсыг тоож, тусгай элч зарж, их хааны гүнээ өршөөхүй ба Монголын хүний ашгийг хамгаалах саналыг илтгэсний их баярыг хүргэмүй. Бас нэгэн 1912 оны 10 дугаар сарын 21-ний өдөр гэрээ байгуулан Монголын улс төрийг бат бэх болгосны тухай шар, хар ард, түшмэд цөмөөр машид баярлан Орос улсын их хаан танаа үнэн баярын сэтгэлийг айлтгахаар намайг явуулсан билээ. Одоо их хаан таны гэгээнд тулж бараалхан манай Монгол Улсын сэтгэлийг танд нэвтрүүлэн айлтгахын их золыг надад хүртээвээ. Одоо Монгол Улсын хүмүүжих бадрах нь Орос улс ба Хаан таны өршөөл хамгаалалд итгэнэ хэмээх зэргийг айлтгаад Богд хааны мутрын бичгийг шар хадгаар ороон хаанд өргөв.

Энэ үед өвгөн консул Шишмарев хэлмэрчлэв. Их хаан бэлгийг хүлээн авч төлөөнөө айлтгасанд ихэд бясан Монголын улс төр цэцэг мэт дэлгэрэн мандах болтугай хэмээн ерээл тавив. Тэндээс элч нарын нөхөд хүлээн суусан номын тасалгаанд хаан эзэн өөрөө монголын сайд нарыг дагуулан заларч Ван ханд заан танилцуулж бараалхуулав. Их хаан хүн тус бүрээс үг асууж, бүгд лугаа айлдан хэлэлцэхийн завсар зарлиг болсон нь:

Тан лугаа шашин нэгтэй буриад нар миний бие сахих цэргүүд дотор буй биш үү хэмээн сануулав. Бас Монгол орноос бэлгэнд хүргэж ирэн барьсан найман жороо морь, эмээл, хазаар, хударгатай байхыг цонхоор хараад дотогш залрав.

Ордны нэгэн тасалгаанд Монголын элч нарыг жимс, элдэв зүйлийн идээгээр зочилж хуримлуулав. Монголоос хүргэж ирсэн бэлгийн дотор нэгэн бага хоер зэрэг ширээ буй. Олбог нь алтан хормойгоор бүтээсэн хатгамал луунуудтай, бас сайхнаар зассан хөх ба алтлаг бадмаараг, сувд эрх бүс дугуй хэлбэртэй хас туухай, мөнгөөр бүтээсэн урт насны бурхан, хадаг мэт хутганууд буй.

Их хаанд бараалхсанаас гадна Бүгд Ерөнхийлөх сайд Коковцев, гадаад яамны сайд Сазанов зэрэг сайд нартай уулзжээ.

...Их Орос улсаас Нийслэл хүрээний газарт элчин сайд суулгах тухай, одоогийн Коростович сайдыг хэвээр Хүрээнд суулгахаар тогтож, Монголоос Оросын нийслэл Петербург хотноо элчин сайд суулгахыг түр хойшлуулъя хэмээжээ. Бас олон гадаад улсаас Монголын шинэ улс тусгаар тогтносон зүйлийг батлуулахуйн учир эдүүгээд одоогоор яаравчлахыг байя хэмээн зөвлөлдөв. Бусад олон чухал зүйл зөвлөн шийдэхгүй дор баруун зүйг Балкан газраа байдал түгшүүртэй тул шууд шийтэхэд бэрхтэй хэмээн түдгэлзмүй.

Шинэ толь хэмээх бичиг. 1913. № 1

Монгол, Хятад хоер ба Орос, Монгол хоерын холбоо

Монгол, Хятад хоер ба Орос, Монгол хоерын холбоо уржнан жилийн зун их оросын нийслэл Петербург хотноо монголчуудын төлөөний хүн илгээсэн цагаас эхэлж шууд урвачухай. Дундат улсын засгийн газар бол Монголын аливаа естой үнэнч хүслийг хангахгүйгээр үл барам монголын өөртөө эзэрхэг эрхийг дуустал арилгаж, Хятадын нэг муж болгосугай гэсэн муу бодлогыг ухаж мэдээд Богд Жавзандамба хутагт ван, гүн нар зөвлөлдөн хэлэлцэж их орос Улсаас хамгаалан туслахыг гуйсугай хэмээн тогтоод тусгай хүн зарсныг Оросын Засгийн хэрэг шийдэх газар төлөөний хүнийг маш найртайгаар хүлээн авч хятадын засгийн газраа уламжлан Монголыг хөнөөх саналаа буцаахыг ятгая хэмээсэн билээ. Үүнд Бээжинд сууж буй Оросын элчин Сайд хятадын засгийн газраа хэлэ Монголд түрэмийлэн орох явдлаа болгоомжилж, Монголын хэрэг шийтгэх зүлийг сайнаар засах болов уу. Хэрэв монголын хэргийг сайнаар шийтгэхгүй болбаас эрх биш түгшүүртэй явдал дэгдэж, найрамдалд манай хоер улсад үл хүссэн түвэг ирмүй хэмээх зэргийн үгээр ятгаж, мөн Хятадын засгийн газрын Монголын байдлыг хөдөлгөхгүй, цэрэг явуулахгүй, нүүдлийн иргэдэд газрыг хагалбарлуулахгүйгээр тогтволно зохино хэмээснээс гадна Оросод зарсан төлөөний хүмүүсийг буруушаан зэмлэвээс манай улс огт хүлээхгүй хэмээжээ. Энэ мэтийн эрс тэсээр мэдтүгэй хэмээснийг Хятадын засгийн газар даанч хайхарсангүйн дээр анхнаас Монголын газар манай дундат улсын дпоор шүтээн бүхий тул бид өөрийн дураар монголын байдлыг халан засваас зохино хэмээжээ. Хятадын самуун дэгдсэнээс хойно Орос улс Монголын тухай хэргийг бас л дахин давтан хэлэвч Хятад шууд хариу өгсөнгүй. Энэхэн тэрхэн хэмээн шалтгаачиж, Халх, Улиастай зэрэг газар цэрэг явуулах саналгүй хэмээх мэтээр хойшлуулахуй дор бас л Орос улсаас Монголын хэргийг хамт зөвлөөе хэмээвээс Хятад бас л хүлээсэнгүйгээс гадна мөн Бээжингийн Засгийн газар хэдэрлэнэ удаашруулсаар Монгол хэдийнээ өөртөө тогтнож, Хятад дотроо самууран улсын ганц эзний засгийг халж, Бүгд найрамдахыг байгуулан, дайчин улсаар холбогдож бйасан монгол, хятад хоер улсын хэлхээ нэгэнт тасарсныг мэдэхгүйгээр үл барам харин Монголын хэргийг ойшоохгүй тул бас л Орос улс Хятадын бүгд найрамдах улсын засгийн газраа ятгаж Хятад Монгол хоерын хэргийг зуучлан хэлэлцүүлсүгэй хэмээвээс Хятад бас л шалтгаалж Монголын хэрэг бол манай гэрийн дпоторх хэрэг тул манай иргэн улс мэдвээс зохино хэмээжээ.

Монголын хэргийг найрамдлын есоор шийтгэсүгэй хэмээж их Оросын гадаадын сайд 1912 оны апрель сарын 13-ны өдөр улсын хэрэг зөвлөх их чуулганы өмнө Монголын хэргийг тодорхой илтгэж бүхнээ сонсгож Хятад улсыг ятгаж эвээр шийтгэсүгэй хэмээсэн боловч Хятад улс Оросын найрамдах саналыг ойшоож, хэрэг учрыг хамт хэлэлцэн, Монголын тусгаар эрх онцгой байдлыг хөдөлгөхгүй тавьж, Хятад өөрийн дээд эрхийг сахисугай хэмээсэн газар огт үгүй. Харин хэтэрхий ихэмсэглэн биедээ үлэмж итгэж, Оросын санаачлан хэлснийг авалгүй буцааж, Монголын хаан ба Хүрээний засгийн газар олон удаа захиа явуулж горьдуулан занах явдал гаргачахуй.

Энэ зуур Монголын эрх баригчид засгийн хэрэг шийтгэх яам, захиргаа сэлтийг журамтай сайхнаар зохион байгуулж хятадаас нэг мөсөн тасарч салаад өөртөө тогтнож, тусгаар улс болохуй явдлыг лавтайяа шийдсэн Хүрээний үүсгэлийг туслахаар үл барам, дотоод Монголын нутаг ч дагалдсаар ноднин зун баруун хязгаарын Монголчууд нийлж хятадыг хөөн гаргачихуй. Энэ мэт болсныг хятад ер хайхасангүй байтал урьдчилан инээх дургүй агсныг мэдээд, Орос улс аргагүй болж Хүрээний засгийн газар лугаа чиг барилдлага хийж Монгол, Орос хоорон дахь холбоог илтгэн мөн Монгол улс ямах зэрэг орших есыг илтгэн тогтооход хүрсэн билээ. Үүнээс их Орос улсын бүрэн эрх барих сайд хүрээний газраа ирж Монголын олон сайдууд лугаа нэгэн сар дуустал хэлэлцэн тогтоож зарласан. Гэрээ бичгүүдээс хоерыг манай «Шинэ толийн» тэргүүн дэвтэрт смйрүүлэн гаргасныг толилсон буй заа.

Шинэ толь хэмээх бичиг. 1913. № 2

Первая революционная газета «Монголын үнэн» («Монгольская правда»), выходившая 10 ноября 1920 г. в Иркутске почти в каждом номере печатала разные материалы о России

и монгольско-россискийх отношениях. Газета сыграла особую роль в пропагандировании идеи Октябрьской революции среди монгольских аратов и революционных бойцов.

Орос улсын Зөвлөлийн засаг тогтсоор гурван жил гүйцсэний тус

Орос улсын Зөвлөлийн засаг болбаас дэлхий дэх аж хөдөлмөрийн түмэн ард ба дарлагдсан бага улсууд тэгш жаргал эдлэн аж төрөхийн төлөө эрх бадруулахын тул туйлыэн их оролдлого тэмцэл байлдаан хийсээр эдүгээ гурван жил гүйцэв. Сүүлийн онуудад болсон дэлхий дахины хүчир их дайн нь эзэрхэг түрэмгий засгуудын худалдаа наймаагаа дэлхий дүүрэн гүйлгэх ба газар орон булаан эзлэх шунахай тэмцлээс эгүүдсэн, түүнээ түг түмэн ард хядагдсан болой. Орос улсын Зөвлөлийн засаг, тэрхүү ноёд баячуудын олз тусын тул ардын цус гол мөрөн мэт урсгасан дайнд оролцохыг эрс тэс цээрлэж, дэлхий дэх эзэрхэг шунахай засгуудыг устган, эрх мэдлийг ардын гарт авахыг ба довтлох түрэмгийлэх явдлыг огт таслан арилгаж дэлхий дахин бүгдээр эв эеэр найрамдлан суухыг зарлан сонгосон бүлгээ. Хуучин орос засаг лугаа холбоотой асан Англи, Америк, Францус, Рибин зэргийн улсууд нь нөгөө этгээдийн Герман улсыг ялаад, газар орон ба ашиг хөрөнгийг довтолсны сүүлд, дотроо үймээнтэй байсан Орос улсыг довтолох хэмээн давхин орж оросын харгис үзэлт Деникин, Колчак хэмээгч нарт цэргүүд ба эд мөнгө, буу зэвсгээр үлэмжхэн туслан явуулахын дээр Рибин улсын олон мянган цэргүүдийг Сибирь орноо оруулан атаман Семенов гэгчид тусалж тухиран цэрэглүүлэвч Зөвлөлийн засгийн улаан цэргүүд тэд бүхнийг бутцохиход тэдгээр улсын засгууд нь харъяат цэргүүдээ гэдрэг буцаан аваачжээ.

Чөлөөт эрхт Орос улс өөрийн газар орноо хамгаалан чадсан байтугай, дэлхий дахины ес байдлыг халах үзэл явдал нь улам улам бадран олон улсын дунд дэлгэрчээ. Англи, Францусын харгис засгууд басхүү Поляк улсыг хутгуулан тухирч, Зөвлөлийн Орос улс лугаа байлдуулж буу эвсэг, зөөр тэргүүтнээр тусалж байхад тэдгээр улсуудын ард олноор түүнийг буруушааж эсэргүүцэн зөрчсөнөөр түйтгэрлэгдэн поляк улс нь оросын баатар зоригт ард олон лугаа байлдах чадал мухардаад эв баталжээ. Иймийн тул эзэрхэг шунахай засгууд, орос улсын газар орон ба хөрөнгийг довтолохоор давхилахаа орхиж, харин өөрсдөө яахин хувьсгалд дайрагдалгүй бүтэн ахууг бодох болоод баймуй.

Хувьсгалын явдал ганц Европод дэлүүрсэн төдийгөөр бус Ази тивийн дарлагдсан олон улсууд дунд уламхан хөгжиж байхаар шинжвээс дэлхий гүйцэд дүүрэх нь ойрхон болсон ажгуу.

Орос улсын аж хөдөлмөрийн ард гурван жил дотор дэлхий дэх бүхий харгис үзэлтэн лүгээ тулалцаж, дайлан ирсэн дайснуудыг дарж чадсан учир болбаас революц хэмээх хувьсгалын үзлийн үнэнийг ба хүчийг илэрхий үзүүлжээ. Энэхүү үзэл замбутив дээр газар бүхнээ дэлгэрэн оршиж дарлагдсан түг түмэн ард, бага улсуудад чөлөө эрхтэй сайхан аж төрөхийн зол заяа ирүүлмүй.

Монголын үнэн. 1921. 11.10. № 1

Ю.В. Кузьмин

доктор исторических наук, профессор,
Байкальский государственный университет экономики и права

В.А. Василенко

кандидат исторических наук, доцент,
Иркутского государственного университета

РУССКО-МОНГОЛО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УРЯНХАЙСКОМ КРАЕ

О монгольской агитации в Урянхайском крае и мерах противодействия ей (начало 12.09.1914 г., окончание 17.08.1915 г.)

Секретно

Разведка Штаба Иркутского военного округа

№ 40

4 октября 1914 г.

Монголия

Сведения из Урги
Командирование на Кяхтинский
съезд (достоверно)

В добавление к прежденаходящимся в Кяхте монгольским представителям, в середине сентября было командировано еще несколько офицеров и чиновников. (вх. № 1153)

Агитация против русских (достоверно). Урянхайский край

Из Урянхия получены тревожные вести: среди сойотъ, населяющих долины рек Кемчик, Шаганоръ, Элегестъ и др., а также вблизи Джакуля, пос. Знаменный и Атамановка появились пропагандисты, возбуждающие население против русских. Сведения эти получены от крестьян... последние указывают и имена главных зачинщиков. Тринадцатого сентября состоялось совещание представителей местной власти, на котором положение было признано серьезным, здесь же были выработаны способы доставки отряда, в случае надобности в тот или другой пункт. Восстания урянхов ожидают в период времени с октября (Л.18) до января, когда прекратится сообщение с Минусинском.

ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 90. Л. 18

(вх. 1143) МИД
чиновник при дипл. части
при предст. ген-губ.
№ 179
г. Иркутск

Господину заведующему Пограничными делами Усинского округа

Препровождая при сем к Вашему Высокоородию копию секретной разведки штаба Иркутского военного округа с сведениями о проявленных в Урянхайском крае антирусского движения имею честь, по приказанию Главного начальника края, покорнейше просить Вас не отказать в сообщении насколько названные сведения соответствуют действительности.

Чиновник по Дипломатической части
Н. Эльтеков

ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 90. Л. 19

Л. 20
МВД
Комиссар по делам Урянхайского края
окт. 18, 1914 г.
(№ 81)

Секретно
г. Иркутскому Генерал-губернатору

Вскоре после того как слух о войне России с немецкими государствами достиг монголов и урянхов, монгольские правители не замедлили сделать попытку снова распространить свою власть над урянхами.

Попытка эта выразилась в официальном обращении монгольских правителей ко всем урянхайским правителям, коим предписывалось им подчиниться монгольскому правительству, причем действия мои, по прежнему, назывались самовольными, не соответствующими дружбе двух Государств: Монголии и России.

Образцом такого обращения, присланного мне правителем (Бугде-Даргой) урянхов 17-ти отоков (бывшего хошуна Бейсе) Чжимой при сем прилагаю. Ввиду того, что урянхи хошуна Амбань-Нойона, как и сам Амбань, со временем провозглашения Монголией своей независимости, не считались, хотя бы временно, как прочие урянхайские хошуны, входящими в состав вновь образовавшегося монгольского гос-ва, то монгольские правители в целях привлечения на сторону Монголии самого Амбаня, постарались заинтересовать последнего наградами и пожалованиями, которых он мог бы получить от Ургинского Хана, если бы перешел в монгольское подданство. (Л. 21) Копию сообщения монгольских правителей об этом к Амбань-Нойону я также при сем прилагаю.

В виду таких неожиданных выступлений в Урянхае монгольских правителей, я немедленно сообщил всем урянхайским нойонам как о причинах возникновения войны, так и о благоприятном ходе для нас военных действий, указав им при этом, что они только что приняты под покровительство России, присягнули на верность нашему Государю, дали торжественное обещание не входить в сношение с монгольским правительством и что поэтому на все обращения к ним монгольских правителей они не должны отвечать, и что, не смотря на тяжелую войну, Россия имеет достаточно сил и средств как для защиты урянхов от произвола монгол, так и для наказания, усиленное в военное время, ослушников и лиц, пытающихся произвести без(с)порядки среди урянхов. В то же время, в целях правдивого ознакомления урянхайских правителей с ходом военных действий, я стал посылать им для прочтения издаваемую в г. Харбине на (Л. 22) русские средства при управлении Китайской железной дороги монгольскую газету «Монгулун Сонин бичик», получаемую мною в двух экземплярах. Все эти меры успокоительно подействовали на урянхайских правителей и они вскоре-же командировали ко мне в с. Усинское своих чиновников с выражением пожеланий побед русским, или, как они выражались, «нашим» войскам и уверения в приятии с их стороны самых строгих мер для поддержания полного порядка и спокойствия среди урянхов.

Почти одновременно с проявленной монгольским правительством попыткой восстановления своей власти в Урянхае ко мне стали отовсюду посылать донесения о начавшемся правлении враждебных чувств урянхов к русским, выражавшихся в открытых угрозах урянхов разгромить всех русских, выгнать их из Урянхая, перебить их и т.д. В двух отдельных случаях угрозы эти были соединены с враждебными действиями и выразились в поджоге сена у русских в п. Боянголь и выбитии стекол в доме русского торговца Артамонова на Шигонаре. (Л. 22) В этом случае, помимо моего воздействия на урянхов через их правителей, необходимо было наглядно показать массе урянхайского населения, что русские подданные, в случае еслибы жизни и состоянию их угрожала опасность, никоим образом не останутся без защиты и (Л. 23) с этой целью мною было предписано образовывать во всех русских поселках дружины, которые на первых порах ежедневно, а затем только в праздники должны с песнями и оружием в руках, у кого какое имеется, маршировать по поселку на глазах у урянхов, я для постоянного непосредственного наблюдения за урянхами я командировал на Запад (на Кемчик) переводчика Самойлова с 5-ю казаками, на восток Секретаря Мальцева с 3-мя казаками, а сам с 2 казаками объехал русские поселки, фактории и прииски, находящиеся в центре Урянхая.

В то же время я просил Усинской местной команды Поручика Довгинского возможно чаще (Л. 23) прогулки команды (45 низших чинов) с песнями по селу Усинскому, где всегда имеются приезжие урянхи, а на случай вызова этой команды в урянхайский край, для быстроты ее продвижения, мною выработан совместно с поручиком Довгинским особый план, согласно которому команда выступит из села Усинского в Урянхай на конных подводах и, пополняемая по пути дружинниками, может прибыть в любое место Урянхая для защиты русских на 3—4 день.

Из прилагаемых при сем (в копии) донесений Чжакульского и Шигонарского старших выборных Ваше Высокопревосходительство изволите усмотреть, насколько серьезны были опасения русских подданных за свою безопасность, а из донесения русских торговцев на Чжакуле видно, что главная причина недовольства урянхов кроется в захвате русскими у урянхов земельных угодий. Поэтому я, в целях успокоения урянхов, просил переселенческого чиновника Габаева снять на все время войны топографические работы среди сойотских кочевий и (Л. 24) не захватывать пока новых земель, занявшись в это время устройством и приведением в известность земель, занятых ранее русскими засельщиками.

Принятыми вышеописанными мерами достигнуто полное успокоение как русского, так и урянхайского населения и жизнь в Урянхайском крае в настоящее время протекает в условиях мирного времени, о чем о чем и имею честь донести Вашему Высокопревосходительству.

И.об. Комиссара
А. Церерин.

ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 90. Л. 20–31

Комиссар по делам
Урянхайского края
29 декабря 1914
Вх. № 117

(копия)

Письмо Демчи Агвана на имя Сайта

Весьма секретно

Свидетельствую Вам, многомилостивый Сайд, свое почтение, секретно сообщая, что с момента принятия Вами под свое покровительство урянхов 36 сумонов все было спокойно, но в настоящее время Ойнар сумон Гемчик Балдырь и др. чиновники смущают народ, подбивая изменить его Амбань нойону и послати чиновников к монгольскому правительству, вовлекая тем всех урянхов в прежнее тяжелое и затруднительное положение. Вышеуказанное секретно доношу Вам, Милостивый Сайд, для сведения и для прямого принятия мер пресечения.

За сим имею честь засвидетельствовать Вам свое почтение.

11 луны 12 числа (16 декабря)

Переводчик Самойлов

Верно: секретарь Мальцев

ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 90. Л. 61

Бланк Министр ин. дел января 12 дня 1915 г. № 10	Секретно Печать канцелярии генерал-губернатора 20 янв. 1915 г.
---	--

Милостивый государь Леонид Михайлович,

Я имел честь получить письмо Ваше от 15-го мин. декабря, за №199, в котором Вашему Превосходительству угодно было сообщить мне об агитационных посланиях, полученных Урянхайским Амбань-Нойоном от Чжалханцзы-Хутухты. Вы изволите выражать при этом желание, чтобы дипломатическому Агенту в Монголии было поручено сделать новые представления Монгольскому правительству в видах прекращения агитации среди урянхов.

Из приложенных к сказанному письму документов я не вижу, однако, чтобы Монгольское правительство было причастно к тем посланиям, которые Чжалханцзы-Хутухту отправил Амбань-нойону. Послания эти по-видимому продиктованы недовольством Чжалханиза_Хутухты, лишаящегося доходов, которые он извлекает от жителей Сальчжакского и Тачжинского хошунов.

Его прев-ву Л.М. Князеву

Я не сомневаюсь, что в этом вопросе симпатии Ургинского Хутухты и его министров находятся на стороне Чжалханиза-хутухты,; но думаю (Л. 62об.), что они не располагают достаточным влиянием на последнего, дабы при маловероятном пойти на сторону нашим требованиям, принять решительные меры против его агитации среди урянхов названных двух хошунов.

С другой стороны, нам известно, что монгольское правительство желало бы подвергнуть Урянхайский вопрос обсуждению на происходящей в Кяхте конференции, где оно может рассчитывать на поддержку своих домогательств китайскими делегатами.

Д.С.С. Миллеру были даны указания отклонить обсуждение на Кяхтинской конференции этого вопроса, как не имеющего отношения к Монголии и вытекающего исключительно из русско-китайских договоров об исправлении границы. Наше выступление перед Монгольским Правительством с требованиями по поводу Урянхайских дел несомненно натолкнуло бы Монголов

настаивать на обсуждении (Л. 62об.) Урянхайского вопроса в Кяхте. Мы действовали бы таким образом против наших собственных интересов.

Ввиду вышеуказанных соображений, мне кажется, что настоящая минута была-бы неподходящей для каких-либо настояний на воздействии Монгольского правительства на Чжалхани-за-хутухту, тем более что не могу ожидать, чтобы такие настояния привели (Л. 63) к желательным для нас последствиям.

Я думаю далее, что с агитацией монголов в Урянхай нам следует бороться не дипломатическими представлениями, вообще мало действенными, когда делаются таким слабым и дезорганизованным Правительством, как Монгольское, — а реальными мерами, доказывающими урянхам пользу для них русского владычества.

К таким реальным мерам я отнес бы приближение к урянхам места пребывания наших властей, до сих пор находящихся за пределами Урянхайского края, и большую осторожность в вопросах отчуждения урянхайских земель, несомненно остро чувствующихся урянхами. (Л. 63) Именно удаленность нашей власти и ее недостаточная внимательность к нуждам урянхов, могут, мне кажется, создавать почву, на которой агитация среди них монголов может иметь успех.

Примите, Милостивый Государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Сазонов

ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 90. Л. 62–63

вх № 55 25 февраля Министру Иностранных Дел Февраля 14 дня 1915г. №77/0. IV.	Его Превосходительству Л.М. Князеву Секретно, управление канцелярией 25 февр. 1915г.
--	--

Милостивый Государь Леонид Михайлович,

В письме на мое имя от 29-го мин. месяца №15, Ваше Превосходительство высказываетесь за желательность в видах укрепления связи туземного населения Урянхайского края с Россией, удовлетворить ходатайство урянхайских правителей о допуске в Петроград их делегации для принесения благодарности за принятие их под русский протекторат.

По сему поводу считаю долгом заметить, что прибытие такой делегации в столицу в настоящее время, когда происходит тяжелая борьба наша с германскими державами, представляется мне несвоевременным. Кроме того, такие инородческие делегации обычно приводят (Л№66) их членов лишь к преувеличению их значения, чем нередко затрудняется влияние местной власти на пославшие их племена. Мне казалось бы поэтому более целесообразным, чтобы урянхайские правители, если они непременно желают послать делегацию в Россию, направили ее в Иркутск, где Ваше превосходительство, в качестве высшего для Урянхайского края представителя русской власти, могли бы выслушать урянхайских депутатов и взять на себя повергнуть к стопам ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА одушевляющие их чувства.

Примите, Милостивый Государь, уверение в отличном моем почтении? и совершенной преданности.

Сазонов

О политическом положении в Урянхайском крае.
Записка по вопросу о границе Урянхайского края.

Написано 1 января 1916 г.
окончено 22 февраля 1917 г.

т. 265
м.п.

ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 90. Л. 66

Милостивый Государь Борис Владимирович,

Новые попытки монголов, опираясь на содействие китайцев, заявить свои, и китайские, права на Урянхайский Край и послать туда своих представителей в сопровождении военного конвоя, заставляют меня, в целях прекращения дальнейших недоразумений и даже возможности вооруженного столкновения, коснуться Урянхайского вопроса по существу.

Из переписки по этому вопросу за последние годы я усматриваю, что, несмотря на (Л. 214об.) неоднократные протесты и внушения монгольскому правительству о неимении с его стороны никаких прав на урянхайскую землю, считающуюся спорной между Россией и Китаем, монголы не переставали вести противорусскую агитацию среди урянхов, причем первоначально все эти попытки исходили главным образом от Чжалханцы-хутухты, хошун которого находится в ближайшем соседстве с Урянхаем. Посланцы этого владетельного ламы собирали дань с урянхайских хошунов и лишь по неоднократном выдворении монгольских эмиссаров появление их в крае почти прекратилось.

В то же время между урянхами стали распространяться слухи, исходившие из Монголии, что вопрос о принадлежности Урянхая тому или другому государству будет решен на Кяхтинской Тройной конференции, открывшей свои заседания осенью 1914 года. При этом монголами были сделаны попытки вызвать в Ургу урянхайских чиновников с документами относительно границ (Л. 215) Урянхайского края для представления таковых на Кяхтинской конференции. Об этих попытках предшественник мой сообщил министру иностранных дел письмами от 09 и 20 июня 1914 о выезде урянхайских чиновников, мерами, принятыми нашей администрацией, не был допущен.

Мнение, что Тройная Кяхтинская конференция разрешит урянхайский вопрос, очевидно, укоренилось между монголами и через них передавалось в Урянхай, и по заключении 25 Мая Тройного Кяхтинского Соглашения начались новые попытки Чжалханиза-хутухты убедить урянхов в том, что верховная власть под Урянхайским краем принадлежит Монголии, ссылаясь уже на ст. 11 названного соглашения. Текст Тройного соглашения был разослан монголами по всем Урянхайским хошунам с пояснением, что предусмотренное, якобы ст. 11 разграничение несомненно вернет Монголии своевольно занятый русскими Урянхайский Край, составляющий часть Улясутайского Округа.

(Л. 215) Протесты и внушения, делавшиеся Ургинскому Правительству Дипломатическим Агентом Д.С.С. Миллером, очевидно, не имели должного воздействия, так как 13 Апреля сего года Монгольский Министр Иностранных Дел уже в официальной ноте заявил о правах Монголии на Урянхай, основываясь на той же ст. 11 Кяхтинского Соглашения, а по последним сведениям монголы, для осуществления своих мнимых прав на Урянхай, прибегли к содействию Китая и намериваются послать туда своего чиновника... в сопровождении китайского вооруженного конвоя.

Таким образом, стремлением привлечь к решению Урянхайского вопроса также и Китай, все время совершенно пассивно относившийся к нашему укреплению в названном крае, монголы стараются усложнить и запутать создавшееся положение.

При той быстроте, с какой распространяются между туземцами разные слухи, известие о совместном выступлении Китая и Монголии не замедлит проникнуть в Урянхай и внести в умы урянхов, уже начинающих привыкать к нашей власти новую тревогу.

Эти соображения, а также невозможность (Л. 216) рассчитывать, как показал опыт прошлого, на положительное воздействие на Ургу путем протестов и внушений, заставляют меня высказаться за необходимость разрешения вопроса о границе нашей с Монголией в ближайшем будущем, путем определения этой границы особым соглашением с Монголией, без привлечения, по возможности, к этому сектору? Китая и фактическим проведением этой границы на месте.

Я полагаю, что лишь таким путем мы можем гарантировать себя от дальнейших выступлений Монголии и обострения наших отношений с последней и Китаем на этой почве.

Ко времени моего прибытия Урянхай, как известно Вашему Высокопревосходительству из телеграммы моей от 26 июля с.г., настроение там было очень тревожное, что объясняется, главным образом, теми колебаниями, которые проявлялись по отношению Урянхайского вопроса и сомнениями самих урянхов в прочности установления русской власти, отчасти и потому, что государственная граница указывалась (Л. 216) различно представителями отдельных ведомств, из которых одни считали границу далеко южнее реки Теси, другие по хребту Танну-Ола, а третьи — по Саянскому хребту. Эти обстоятельства побудили меня решительно объявить о принадлежности всего Урянхая России и установить границу по среднему течению реки Теси.

При таком решении вопроса получается естественная граница по довольно широкой и многоводной, а в известное время года и совсем непроходимой реки Теси и остается за нами большая долина шириною в 30–40 и длиной в 150–200 верст, жизненно необходимы как урянхам, так и нашим скотопромышленникам в качестве защитных пастбищ. По отзыву сопровождавшего меня представителя Штаба Иркутского Военного Округа и в военном отношении и мы имели все преимущества выдвинуть границу, как аванпост будущей оборон. Линии по хребту Танну-

Ола, проведение линии границы по хребту было бы не выгодно в смысле обороны последнего ввиду многопроходимости его со стороны северных склонов и большей доступности с юга.

Кроме того, среднее течение реки Теси совпадает с линией монгольских караулов, составляющих среднюю границу четырех аймаков Халхи.

Не настаивая, таким образом, на включении в пределы нашего Урянхая Соинского сумо, расположенного на юге от реки Теси и уже около 100 лет входящего в состав Ойнарского хошуна, мы могли бы, я думаю, использовать отказ под видом особой уступки Монгольскому Правительству.

Препровождая при сем записку, представленную состоящим при мне чиновником по Дипломатической Части Кол. Советником Эльтековым, прошу Ваше Высокопревосходительство не отказать в уведомлении о Вашем решении по настоящему вопросу и вновь прошу, во всяком случае, не отказать в распоряжениях ... считать до официального распоряжения государственную границу Урянхайского края реку Тесь.

Прошу принять уверения в отличном уважении и совершенной преданности.

[...] Пильц

ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 129. Л. 214–216

Записка по вопросу границы Урянхайского края

В мае 1914 года пяти урянхайским хошунам было объявлено ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволение на принятие их под покровительство России, явившееся результатом неоднократных просьб урянхов о принятии их в русское подданство, особенно настойчивых после объявления в 1911 г. Автономии Монголии и изгнания из Урянхая китайцев. Но одновременно с такими же просьбами некоторые из урянхайских правителей обращались также и к монгольскому правительству. Зависимость отдельных урянхайских родов от монгольских князей существовала еще издавна. Так, Шалык-сумо и Сартул сумо Ойнарского хошуна подчинялись: первое — Сартульскому хошуну, а второе — хошуну Байзыр-аракча. Кемчикский Бейсе-хошун (ныне хошун 17 отоков) подчинялся князю Сайн-ноиновского аймака Олет-бейсэ (ныне — бейлэ) Сандықдоржи, который присылал для управления этим хошуном своих чиновников, часто сменявшихся и увозивших с собой десятки тысяч рублей.

(Л. 133) Сумоны Мадо и Чжодо были данниками князя Цзасактухановского аймака дурукчи — цин-вана Найхайчжанцана, а в 1912 г. И Кемчикский Да-хошун был сделан данником Чжалханцзы-хутухты, который не (Л. 133об.) преиниул осуществить свою власть, посылая в хошун своих чиновников за сбором податей.

Несмотря на противодействие наших властей и неоднократное выдворение посланцев, поборы эти продолжались до самого последнего времени.

То же было с Сальчжакским и Точжинским хошунами и эти последние особенно упорствовали на своей независимости от Монголии, между тем, как Кемчикский хошун, после объявления в 1914 году русского протектората, проявили полную лояльность нашим властям.

Чжалханцзы-хутухта не хотел признать объявленного Русским правительством протектората и лишиться доходов с Урянхая, вследствие чего он не переставал агитировать против русской власти в крае.

Чжалханца, несомненно, имея за собой надежную поддержку Ургинского хутухты, действовавшего в данном случае может быть без ведома председателя Монгольского Совета Министров Сайн-ноин-хана. По крайней мере не многочисленные протесты

(Л. 134) Дипломатического Агента в Монголии против монгольской агитации в Урянхает, Ургинское правительство, в лице Сайн-ноин-хана, отвечало неосведомленностью о действиях Чжалханцзы и обещанием соответствующих распоряжений последнему.

С усилением в Урге ламской партии и пребыванием там Чжалханцзы-хутухты совпало официальное заявление Монгольского правительства от 13 апреля сего года (Л. 134) на имя Дипломатического агента Д.С.С. Миллера о правах Автономной Монголии на Урянхайский край, основываясь на превратном толковании ст. 11 Тройного Кяхтинского договора 1915 г. Еще раньше этого выступления, в конце февраля настоящего года, была сделана попытка образовать на границе Монголии вооруженную шайку урянхов с целью арестовать поставленного русской властью правителя Ойнарского хошуна — Агван-Шарыпа и преданных русских чиновников этого хошуна. Попытка эта, во время принятыми Комиссаром по делам Урянхайского края мерами, была парализована и большинство участников арестовано.

(Л. 134) Организация этого нападения исходила от смененного в прошлом году Комиссаром правителя Ойнарского хошуна — Амбань-нойона и его сына, нашедших себе приют в Монголии,

куда направляются недовольные русским режимом урянхи и где они находят в лице лам, в частности, Чжалханцы-хутухты, сочувствие и поддержку. Этот последний, согласно полученным из Урянхайского края сведениям, обращался по поводу своих притязаний на Урянхайский край также и к китайскому резиденту в Урге. Точных сведений об отношении Чен-Лу к этому делу и официальному обращению к нам Урянхайского правительства нотой 13 Апреля не имеется, но несомненно, в интересах китайцев поддерживать всякое разногласие (Л. 134об.) способное обострить отношения России и Монголии.

Поэтому можно с уверенностью сказать, что, несмотря на самые энергичные протесты нашего Дипломатического представителя в Монголии и наши заявления об отсутствии у последней каких-либо прав на Урянхай, несомненно будут продолжаться попытки Чжалханцы-хутухты и ламской партии отстоять свое утраченное положение в Урянхае, основываясь на духовном главенстве Ургинского хутухты и, как уже упомянуто, на превратном толковании ст. 11 Кяхтинского договора 1915 года, определяющей только границы Автономной Монголии со стороны Китая. Монголы ссылаются при этом на имеющегося в названной статье упоминание о том, что в пределы Автономной мМонголии входят области, находившиеся в введении китайского Цзяньцзюна в Улясутае, которому при китайском владычестве были подчинены урянхи.

Все эти превратные толкования договора и сведения о сношениях Чжалханцы-хутухты с китайским резидентом и русским представителем в искаженном виде доходят до урянхов и вместе с происками названного ламы и некоторых недовольных русскими влиятельных урянхов., несомненно, имеющих в крае своих сторонников, питают в умах урянхов сомнения в прочности русского владычества и сильно затрудняют планомерное закрепление в крае русской правительственной власти и установления полной подчиненности туземного населения.

Для окончательного устранения притязаний Ургинского правительства, отдельных представителей которого трудно убедить в полной неосновательности желательного им толкования ст. 11 договора 1915 г., является необходимым определить пределы находящегося под нашим покровительством Урянхайского края и установить точные границы Автономной Монголии также и со стороны России.

Наиболее благоприятная нам обстановка для решения вопроса о разграничении, независимо от общей политической конъюнктуры может наступить, конечно, лишь по окончании строительства Усинской дороги, когда мы будем в состоянии, в случае надобности опереться на внушительную военную силу.

Окончание работ по постройке названной дороги предполагается уже в будущем году, и поэтому является своевременным теперь же обсудить основания, которыми мы будем руководствоваться при определении территорий Урянхайского края, входящей в наши пределы.

(Л. 135) Возбуждая в 1910 году вопрос о спорной принадлежности Урянхайского края Китаю или России, наш посланник в Пекине основывался на различных толкованиях Буринского договора 17127 года. Только что вернувшийся в то время из командировки по обследованию этой части государственной границы — полковник Генерального штаба Попов, представил Д.С.С. Коростовцу (Л. 135об.) данные, согласно которым государственная граница на основании названного договора была проведена не по Саянскому хребту, а по хребту Тану-Ола. На этих же данных основывались наши заявления Монгольскому Правительству о недопустимости его притязаний на Урянхайскую землю.

Результаты исследований полковника Попова изложены в его книге «Второе путешествие в Монголию», часть III (исследование границы на участке Кяхта-Алтай).

Приблизительно те же основания, как у полковника Попова, приведены также и в книге инженера Родевича и статье В.Н. Васильева «Урянхайский пограничный вопрос», в защиту их мнения о направленности русской государственной границы, согласно Буринскому договору по хребту Танну-Ола, а не про Саянскому, как это считали в течение двух веков.

...

Исходным пунктом сомнений относительно правильности направления границы по Саянскому хребту у всех трех вышеуказанных авторов, разбиравших Урянхайский пограничный вопрос, является существование линии монгольских караулов по хребту Танну-Ола, т.е. по южным его склонам, между тем как вдоль пограничной линии Саянского хребта таких караулов не существует. В случае, если бы пришлось в будущем при решении вопроса о границе нашей с Монголией руководствоваться толкованием Буринского договора разработанным полковником Поповым, то возникает вопрос, насколько обоснованным и веским являются данные, приведенные им в защиту южного направления границы и могут ли они быть выдвинуты им при произ-

водстве разграничения на месте смешанной комиссией, состоящей из наших монгольских или китайских делегатов, без риска быть окончательно опровергнутыми.

(Л. 136) Ознакомившись с архивными материалами, имеющимися в канцелярии Иркутского генерал-губернатора, я пришел к совершенно определенному заключению, что произведенное полковником Поповым исследование государственной границы с Китаем на юге Енисейской губернии, послужившие поводом к официальному заявлению Д.С.С. Коростовца в ноте на имя Китайского правительства, от 08 марта 1910 г. О спорности урянхайской территории, произведено крайне пристрастно, и что данные, приводимые полковником Поповым в защиту своих положений, не выдерживают серьезной критики и легко могут быть опровергнуты людьми, знакомыми с местностью, каких безусловно могли бы подыскать в первом случае монголы.

Выводы полковника Попова были уже опровергнуты в обстоятельной записке делопроизводителя Московского главного архива Д.С.С. Белокурова, составленной по поручению Министерства Иностранных дел.

Со своей стороны, не вдаваясь в подробный разбор книги полковника Ппова, могу заметить, что во время моей прошлогодней командировки на озеро Косогол, я был на реке Хореть (...). Хорет, в верховьях которой стоит пограничный знак № 17, между тем как полковник Попов, на стр. 42 своей книги отрицает существование этой реки в данной местности.

Точно так же отрицает полковник Попов существование хребта Эргинь-Таргакь Тайга, но которому определена Буринским договором пограничная линия между 18 и 19 знаками. Это название и теперь еще сохранил один из самых значительных хребтов в Саянах (и при рассмотренных мною местных).

Общеизвестная также местность Кем-кемчик-бомъ (знак 23). Полковник Попов ссылается на то, что названия мест, по которым указана граница в Буринском договоре, (Л. 136об.), имеются и на хребте Танну-Ола, но где именно, и соответствуют ли они описанию, не указывают, и при своем изследовнии местности определить не мог.

На многих официальных русских картахнанесен под этим названием хребет, определяющий границу на протяжении 160 верст. Все пограничные знаки ясно указаны на разменченной ландкарте, приложенной к договору, на которой совершенно праивтльно обозначена топография местности. Если даже карта была составлена, как указывает полковник Попов, через год после разграничения, то из приводимых им же материалов по описанию бассейна Верхнего Енисея, собранных подписавшем договор и ландкарту графом Саввой Владиславовичем (...)

Ясно видно, что русский представитель был хорошо знаком с местностью, по которой проходит граница и не мог подписать заведомо неверной карты.

(Вписано рукою: по моим сведениям F (совпадение — лишь название перевала Хонинь Дабаг (овечья тропа), которое носит один из перевалов по хр. Танну-Ола). Это есть лишь случайное совпадение, так как его местонахождение совершенно не соответствует описанию границы по Буринскому договору).

Как бы то ни было, исследование Полковника Попова, произведенное с очевидным пристрастием и предвзятостью, в свое время сыграло большую роль, дав повод к официальному заявлению нашему китайцам о спорности Урянхайской территории.

В то же время, ближайшее ознакомление с текстом Буринского договора и содержащееся в нем описание местности, по которой проходит государственная граница, приводит нас к несомненному заключению, что последняя проведена по Саянскому хребту.

Проверки этой границы за последнее время были проведены в 1883 г. Чиновником особых поручений Осташкиным и горным инженером Боголюбовым в 1892 г. Чиновником (...) при Главном Управлении Восточной Сибири Перетолчиным и в 1897 г. Полковником Барановым, причем, если и имелись разногласия относительно границы, то во всяком случае направления ее определялось по Саянским горам, и их южным отрогам севернее Верхнего Енисея.

(Л. 137) Из вышесказанного, можно придти к заключению, что основывать наши притязания на Урянхайский край на Буринском договоре является весьма рискованным, и что в случае разграничения между Монголией и Россией было бы осторожнее совсем не касаться названного договора.

До исследования границы полковником Поповым и представления им своих выводов нашему посланнику в Китай, которые трудно было проверить в Пекине, последний, в своем донесении от 22 марта 1909 г. За № 56 имеется вполне «Единственно вполне верное собрание в пользу южного направления границы основано на некоторых фактах.

(Л. 157) (В скобках — Алтын-хан, первая половина XIX в.)

Это последний аргумент имеет несомненное значение, но мирно его использовать его возможно только при (...). И далее: «прежде чем высказаться за то или разрешение вопроса, следует твердо установить тот факт, то если мы будем стремиться присоединить к России Урянхайский край, то это не будет исправлением или восстановлением, а изменением существующей границы»

Принимая во внимание все вышеуказанное, было бы целесообразнее обновать наши права на Урянхай на исторических данных, а именно, присяжном листе, данном Алтын-ханом (Кунканчемь) царю Михаилу Федоровичу в 1634 году, подтвержденному затем (...) (Лобсоном — Лубсаном? — Василенко), сыном Алтын-хана (...)

(Л. 137) Царство Алтын-ханов, которые кочевали у истоков Енисей и озера Упсы, образовалось в середине XVI века, и под властью его находилось не только много монольских и калмыцких племен, но (и) не которые тюркские народности, киргизы на Енисее и телеуты между Иртышем и Обью.

Сведения об этом царстве дошли до нас в донесении пяти посольств, состоявших из томских казаков, отправленных к Алтын-хану от имени Московского царя. Первый из этих посланцев, казачий атаман Василий Тюменец посетил Алтын-хана в 1616 году.

В 1690 году царство Алтын-ханов было завоевано Галданом, основателем калмыцкого царства.

(...)

(Л. 138) Таким образом, мы приходим к выводу, что права наши на территорию бассейна Верхнего Енисея, присоединенные в 1634 году, были утрачены с заключением Буринского договора и вновь восстановлены лишь по изгнании китайцев из Урянхия и принятии, согласно ходатайству самих урянхов, пяти хошунов этого края в 1914 году под покровительство России.

Затем нам надлежит вопрос о направлении южной границы Урянхайского края, а именно: следует ли провести границу:

По самому хребту Танну-Ола

2) по линии монгольских караулов, идущих по южным его отрогам, или же

3) следует настаивать на включении в территорию находящегося под нашим покровительством Урянхайского края всей земли, занимаемой ныне китайскими племенами.

В 1771 году заведующий Соинским сумоном Ойнарского хошуна, кочевавшим по южным склонам Танну-ола, на север от линии караулов, добился от Богдохана Цан-луна разрешения на переселение своего сумона на лучшие места к югу от линии караулов и реки тем на территорию, никем не занятую.

(Л. 138) Площадь, занимаемая ныне Соинским сумо, имьет на севере границей реку Тесь, на юге — хребет Хан-ку-куй, на высоте р. Цаган-усу в направлении к югу Хусь и далее линию, идущую к восточной оконечности хребта Хан-ку-куй.

На западе граница сумона от названного (...) определена 10 знаками, отделяющими кочевья соинских урянхов и дурбетов. С востока на запа территория, занимаемая Соинским сумо, имеет 120–130 верст.

Правитель сумо, по ходатайству (Л. 138об.) своего правителя Ванчика, принят в монгольское подданство и получил титул гуна. Несмотря на меры, принятые в начале настоящего года Комиссаром, и на выраженную им покорность, гунн Ванчик в последнее время опять заявил о своемподчинении Монголии и является одним из деятельных сотрудников Чжалханизы-Хутухты.

(Л. 139) Распространить фактически нашу власть на Соинское сумо и держать там нам военный отряд, при отрезанности сумо и держать там военный отряд представляется делом трудно выполнимым. Что касается границы по самому хребту Танну-Ола, о чем мы заявляли как китайцам, так и монголам, то в данном случае имелось ввиду лишь общее определение границы в противоположном направлении последней по Саянскому хребту, а не определение границы по самому водоразделу хребта. Это можно заключить из того, что:

Главные сомнения относительно правильности направления государственной границы по Саянам у последователей Урянхайского пограничного вопроса, как уже сказано выше, вследствие существования (???) караулов, отделяющих Монголию от Урянхия, которая проходит не по самому хребту Танну-Ола, а по южным склонам, и что

2) Постепенно в Китае Д.С.С. (Л. 138об.) Коростовец, возбудивший впервые официально перед Богдоханским правительством вопрос о спорности китайских прав на Урянхайскую землю, имел ввиду при определении границ этой земли линию монгольских караулов, что видно из донесения его от 28 ноября 1910 г., за № 623, где говорится: «При таких условиях (Л. 139) вопрос о занятии

Урянхайского края нами сводится к умению и такту того лица, которому было бы поручено расположить караулы из наших казаков по хребту Танну-Ола, параллельно линии китайских караулов»

Проведение границы по линии караулов имеет за собой те существенные преимущества, что: включает в пределы Урянхайского края южные склоны Танну-Ола, имеющие капитальное значение для кочевой жизни этого края, живущего, по преимуществу, скотоводством. Склоны эти представляют из себя удобные зимние пастбища, где урянхи из года в год пасут свои стада (на оставлении за ними этих пастбищ Урянхи особенно настаивают?)

(Л. 135) и что:

3) При проведении границы по караулам не пришлось бы проводить трудную работу по установлению границы на основании прежних договорных прав, которые, как изложено выше, более чем шатки. Граница по караульной линии уже имеется в натуре и для определения границы между Автономной Монголией и Россией достаточно было по аналогии со ст. 11 Кяхтинского договора 1915 г. Постановить, что в состав Автономной Монголии входят четыре аймка Халхи и Кобдосский округ, а также Хозутский хошун и Дархаты. За исполнением этих последних областей, границы хошунов определены на севере линией караулов. Пришлось бы вновь проводить границу лишь между Урянхайским краем и Дархатами, правительство же остальных работ по разграничению, на основании вышеуказанного определения не встретило бы никаких затруднений.

Чиновник по дипломатической части

Н. Эльтеков

15 июля 1916 г.

ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 129. Л. 133–135

С.Л. Кузьмин

кандидат биологических наук, старший научный сотрудник,
Российская академия наук

ДОКУМЕНТЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАРОНА УНГЕРНА В МОНГОЛИИ

Договор 1913 г. между Монголией и Тибетом

(Восток (oriens). 2011. № 4. С. 122–128)*

Договор между Монголией и Тибетом от 29 декабря 1912/11 января 1913 г., заключенный в столице Монголии, давно известен историкам. Однако он считался мнимым, а его юридическая сила — установленной нечетко¹. Публикации тибетского и монгольского оригиналов появились лишь недавно². Итак, оригиналы договора существуют. Но встал вопрос об их аутентичности, а также о международно-правовом статусе данного документа, тем более что, по мнению ряда авторов, Монголия в 1913 г. сама не была независимым государством и не могла подписывать договор о признании независимости других государств³.

Анализ статуса Монголии показывает, что к 1913 г. она обрела не только фактическую, но и формальную независимость. Основные аргу-

менты в пользу этого следующие⁴. Синьхайская революция, ведшаяся под лозунгами освобождения ханьцев от маньчжурского господства, разрушила империю Цин. Народы, входившие в нее, получили право на самоопределение подобно тому, как это произошло при революциях в других империях (Австрийской, Османской и др.). В частности, свои национальные государства образовали ханьцы (Китайскую Республику) и монголы (Внешняя Монголия). Тибет же был не составной частью империи Цин, а государством, зависимым от нее.

Объявив о своей независимости в 1911 г., Внешняя Монголия приобрела главные признаки государственности: была изгнана иностранная (маньчжуро-китайская) администрация; страну возглавил монарх; были созданы собственные властные структуры — в частности пять министерств; на страну не распространялось законодательство Китая; экономика была самостоятельной; были собственные вооруженные силы и т.д.

* С этого времени вышел ряд важных публикаций в сборниках: «Монгол, түвдийн гэрээ» — олон улсын эрх зүйн баримт бичиг (эрдэм шинжилгээний хурлын илтгэлийн эмхтгэл). Улаанбаатар, 2012, и «The Centennial of the Tibeto-Mongol Treaty: 1913–2013» (Lungta v. 17, 2013). — прим. авт.

Для закрепления независимости Монголии было важно международное признание. 3 ноября 1912 г. был подписан Российско-монгольский договор (в русском варианте — соглашение). В России его считали признанием автономии Внешней Монголии, а не ее независимости. Однако способ заключения и содержание документа, а также последующие отзывы русского дипломата И.Я. Коростовца, подписавшего его, позволяют рассматривать его формальным признанием независимости, а не автономии Монголии.

В преамбуле говорилось, что прежние отношения Монголии к Китаю прекратились, и в Монголии должен сохраняться ее автономный, или самобытный строй. Однако его сохранение было возможно лишь в рамках империи Цин и прежних отношений монголов с маньчжурской династией Айсинь Гиоро, но эта империя распалась, а династия уже не правила. В договоре говорилось также, что у Монголии есть монарх и правительство, а китайские войска и власти должны быть удалены. Признавалось право содержать монгольское войско, запрещались колонизация китайцами и ввод их войск. Китай обозначался как иностранная держава по отношению к Монголии, а за последней закреплялось право вступать в договоры с иностранными государствами.

По способу выработки и заключения (минуя Китай), это также был документ о признании независимого государства. Так его и рассматривал в то время ряд международных экспертов⁵. Вместо «Внешняя Монголия» там использовался более широкий термин «Монголия» в русском варианте и «Монгол Улс» («Государство Монголия») в монгольском. В русском варианте использован термин «соглашение», а в монгольском — «гэрээ», что означает не «соглашение» (монг.: хэлэлцээр), а «договор» (впрочем, и соглашения, и договоры имеют равную силу при международном признании государства). Для терминов «автономный» или «самобытный» в монгольском варианте использованы термины өөрөө эзэрхэх и өөртөө тогтнох (самостоятельность). Эти термины — синонимы слова независимость (так же как в договоре с Тибетом). Русская и монгольская версии документа имели равную юридическую силу. Следовательно, признаки независимости, зафиксированные в монгольском тексте, не отменялись русским текстом. Объявление всему миру о его подписании было фактическим при-

знанием государства и его названия «Монголия». В результате Монголию как государство Россия признала раньше, чем Китайскую Республику. Об этом и заявил МИД Китая, не признавший Российско-Монгольский договор.

Вскоре после подписания этого документа в столицу Внешней Монголии — Нийслэл-хурэ приехал Агван Доржиев, полномочный представитель Далай-ламы XIII на переговорах с Монголией и Россией. Доржиев встретился с Коростовцом и сообщил ему, что Тибет хочет заключить договор с Монголией и Россией⁶. Коростовец, отметив, что «Халха уже провозгласила свою независимость, признанную Россией», не возражал против заключения договора Тибета с Монголией, но был против договора Тибета с Россией⁷. Доржиев провел переговоры с монгольскими князьями и членами правительства. Проект договора между Монголией и Тибетом хранится в Национальном архиве Монголии (Ф. 63. Оп. 1. Д. 39. Свиток 1)⁸.

Нет данных, позволяющих сомневаться в полномочиях Доржиева и монгольских и тибетских чиновников, подписавших договор. Таким образом, будучи признана Российско-Монгольским соглашением 1913 г. как государство, Монголия не только стала юридически правомочным субъектом для подписания международных договоров, но и получила формальное согласие российского дипломатического представителя на подписание такого договора с Тибетом.

Остальные государства не признали Монголо-тибетский договор (в том числе главные «игроки» вокруг Тибета — Россия и Великобритания). В связи с этим, тибетцы и монголы предпочли держать в секрете детали подписания документа. Последующие события в Тибете, Монголии, России и вокруг них привели к тому, что эти детали и далее не предавались огласке. Тем не менее обстоятельства подписания договора не противоречат его юридической сущности.

Договор существует в тибетском и монгольском вариантах, хранится в Архиве МИД Монголии (Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 1)⁹. Он написан на монгольском и тибетском языках, чернилами, на бумаге, использовавшейся в Монголии и Тибете в начале XX в. Монгольская и тибетская версии не содержат расхождений и несоответствий; одна не имеет приоритета над другой. На них стоят подписи и печати полномочных предста-

вителей обоих монархов. Приведу его перевод на русский язык (по монгольской версии, сверенной с тибетской; факсимиле и транскрипцию на монгольскую кириллицу см. в книге¹⁰, с учетом имеющегося перевода на английский язык¹¹).

Таким образом, подписание договора 1913 г. между Монголией и Тибетом позволяет рассматривать его как легитимное признание последнего субъектом международного права. Если основным источником при решении вопроса о

статусе Тибета в новое время считать международные конвенции, то приоритет следует отдать рассматриваемому договору. Следовательно, Тибет в первой половине XX в. был независимым государством *de facto* и *de jure*.

Я искренне благодарю О. Батсайхана, Д. Бумаа, Нгаванга Тукдже и Ж. Оюунчимэг за помощь в получении монгольских и тибетских материалов, уточнении их перевода и консультации.

Примечания

¹ Напр., Bell Ch. Tibet: Past and Present. New Delhi—Madras: Asian Education Services, 1992. P. 150, 151, 258, 304.

² Батсайхан О. Монголын суулчийн Эзэн Хан VIII Богд Жавзандамба 1911 оны ундэсний хувьсгал (Последний великий хан Богдо Джебцзундамба VIII и национальная революция 1911 г.). Улаанбаатар: Адмон, 2008. С. 334–336.

³ Напр.: Клинов А.С. К вопросу о международно-правовом статусе Тибета // Мир Евразии. 2008. Т. 2, № 2. С. 41–46; Wang Jiawei, Nyima Gyaincain. The Historical Status of China's Tibet. China Intercontinental Press, 1997.

⁴ Батсайхан О., Кузьмин С.Л. Основания современной монгольской государственности // Олон улс судлал. 2008. № 2. С. 68–86.

⁵ См.: Батсайхан О. Монголо-русское соглашение 1912 г. // Восток (Oriens). 2009. № 3. С. 60–69.

⁶ Коростовец И.Я. От Чингисхана до советской республики. Улан-Батор: Адмон, 2004.

⁷ Коростовец И.Я. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 — май 1913 г. Улаанбаатар: Адмон, 2009. С. 198.

⁸ Кузьмин С.Л. Монголо-Тибетский договор 1913 г. и проблема государственного статуса Тибета // Владимирцовские чтения. М., 2010. С. 134.

⁹ Публикация факсимиле: Батсайхан О. Монголын суулчийн Эзэн Хан VIII Богд Жавзандамба 1911 оны ундэсний хувьсгал. С. 334–336.

¹⁰ Там же. С. 262–264, 334–336.

¹¹ Batsaikhan O. Bogdo Jebtsundamba Khutuktu, the Last King of Mongolia. Mongolia's National Revolution of 1911. Ulaanbaatar: Admon, 2009. P. 250–251.

Текст договора*

Наши два Государства, Монголия и Тибет, выйдя из подчинения Цинского Государства, отделившись от Китая, каждое образовав свое независимое Государство и, (принимая во внимание, что) с давних времен по настоящее время Монголия и Тибет имеют одну и ту же религию и дружественные отношения, заключили настоящий договор, чтобы дальше эти отношения укреплялись.

По повелению монарха Государства Монголия — получившие право заключать договор:

Первый сайд** министерства иностранных дел, министр иностранных дел, да-лама, Нягт-Билэгт Равдан,***

Второй сайд, командующий войсками, Манлай-Батор, бэйсэ Дамдинсүрэн****

По повелению монарха Государства Тибет — получившие право заключать договор:

* Большие квадратные красные печати — министерства иностранных дел Монголии, остальные — Лувсана Агвана (Агвана Доржиева — полномочного представителя Далай-ламы XIII) и тибетцев. В монгольском тексте печати Доржиева и тибетцев поставлены дважды: в начале и конце договора. В начале текста по-монгольски указаны их должности без имен (указан только Лувсан Агван), в конце по-монгольски написаны должности, а затем по-тибетски подписи (но подпись Лувсан Агван — по-монгольски). Печать финансового департамента в монгольском тексте поставлена дважды — после имен Еше Гьяцо и Гедуна Калсанга. В тибетском тексте печати Лувсана Агвана и тибетцев приложены только в конце, на подписи с указанием должностей.

** Сайд в данном случае — министр.

*** Нягт Билэгт (старомонг.: никта биликту) — личный титул, означающий Одаренный Аккуратностью (или Тщательностью — нягт). Да-лама — высокое должностное лицо, избираемое из лам и входящее в совет шанцотбы — управляющего шаби (шабинарами), т.е. учениками Богдо-гэгэна, по религиозному долгу выполняющими работы для духовного наставника. В литературе их часто ошибочно называют «монастырскими крепостными».

**** Манлай-Батор — личный титул, означающий Первый Богатырь (или Герой). Бэйсэ (совр. монг.: бээс) — третья степень княжеского достоинства.

Чиновник, Гужир Цаншив, Ханчин Лувсан-Агван*

Донир

Чиновник финансового отдела

Писарь

Статья 1. Монарх Государства Тибет, Далай-лама, одобряет и признает образование независимого Государства Монголия и провозглашение Джебцзундамба-ламы, лидера Желтой веры**, монархом этого Государства в 9-й день 11-го месяца года металла — свиньи.

Статья 2. Монарх Государства Монголия, Джебцзундамба-лама, одобряет и признает создание независимого Государства тибетцев и провозглашение Далай-ламы монархом этого государства.

Статья 3. Оба Государства будут совместно работать ради процветания драгоценной буддийской религии.

Статья 4. Оба государства, Монголия и Тибет, отныне и всегда будут помогать друг другу в случаях внешних и внутренних опасностей.

Статья 5. Каждое Государство, в пределах своей территории, будет поддерживать подданных другого, путешествующих по делам религиозно-государственным или по делам религиозно-государственного образования.

Статья 6. Оба Государства, Монголия и Тибет, как и раньше, будут вести торговлю друг с другом своей продукцией, такой как товары, скот, шкуры и предметы переработки, а также заключать финансовые сделки.

Статья 7. Отныне предоставление кому-либо кредита будет разрешаться только с уведомления и санкции официальных учреждений. Без такой санкции долговые претензии официально рассматриваться не будут. В случаях серьезных осложнений вследствие невозможности обеих сторон прийти к соглашению, такие долги могут покрываться учреждениями. Это не относится к долгам шаби и хошунов***.

Статья 8. Если возникнет необходимость дополнить статьи настоящего договора, правительства Монголии и Тибета назначат полномочных представителей, и последние придут к соглашению в соответствующее время.

Статья 9. Настоящий договор вступает в силу со дня его заверения печатями.

От Государства Монголия — полномочные представители правительства монарха для переговоров и заключения договора:

Первый сайд министерства иностранных дел Нягт Билэгт, да-лама Равдан,

Второй сайд, командующий войсками Манлай-Батор, бэйсэ Дамдинсурэн

От Государства Тибет — полномочные представители монарха Далай-ламы для переговоров и заключения договора:

Чиновник Гужир Цаншив, Ханчин Лувсан-Агван (подпись на монгольском)

Донир [Нгаванг Чойзин — подпись на тибетском]****

Чиновник финансового отдела [Еше Гьяцо — подпись на тибетском]

Писарь [Гедун Калсанг — подпись на тибетском]*****

Государства Монголия второй год Многими Возведенного*****

Государства Тибет года воды — мыши 12-й месяц, 4-й день

* Лувсан Агван (тиб.: Лосанг Нгаванг) — как уже отмечено, Агван Доржиев. Он обозначен не только как чиновник, но и как Гужир Цаншив (тиб.: гуджир цэншап) — партнер по философскому диспуту (Далай-ламы) и Ханчин (тиб.: кхен чен) — Великий Настоятель, т.е. монах, занимающий высокое правительственное положение в Тибете. Его печать — круглая красная.

** Желтая вера — буддизм школы Гэлуг.

*** Хошун — административно-территориальная единица Монголии.

**** Нгаванг Чойзин в тибетском варианте обозначен как цедрон — координатор между Далай-ламой и тибетскими чиновниками. В монгольском варианте он обозначен как донир. В Монголии донир обозначал секретаря канцелярии настоятеля монастыря; он ведал перепиской со всеми светскими и духовными учреждениями, рассылал на места указы и повеления Богдо-гэгэна. Позже дониром стал называться также официальный представитель Далай-ламы во Внешней Монголии, представлявший тибетское правительство и имевший там власть над всеми тибетцами. Таким образом, слова донир и цедрон в договоре имеют одно и то же значение. Его печать круглая черная.

***** Еше Гьяцо и Гедун Калсанг, очевидно, также относились к тибетской колонии в монгольской столице. Последний был секретарем и помощником первого. Они использовали одну и ту же, черную квадратную печать, так как относились к одному департаменту.

***** Многими Возведенный — один из титулов Богдо-гэгэна VIII Джебцзундамба-хутухты после возведения его на трон Богдо-хана (великого хана) Монголии.

Опубликованный указ Богдо-гэгэна о награждении Р.Ф. Унгерна и других*

Многими Возведенного 11-й год, 15-й день Белого месяца**.

Возвышающего религию, Дарующего счастье живым существам, Всеведущего покровителя, Высшего Чандамани,*** Очирдара**** Джебцзундамба-ламы, Держащего религию и государство, Солнечносветлого, Десятитысячелетнего Богдо-хана указ.

Я, нашей Внешней Монголии Джебцзундамба-лама, был возведен ханом, организовал самодержавную власть, [затем,] следуя Трехстороннему договору***** Срединного государства, Монголии и России, [мы] получили автономное право и, таким образом, следуя судьбе, сложилось самостоятельное [управление]. Неожиданно китайскими революционерами — чиновниками и солдатами — [мы] были незаконно захвачены и временно потеряли власть, подверглись всяческому притеснению и страданиям. Но сейчас, силой Ламы, Трех Драгоценностей***** и Охранителей религии,***** [для помощи] древней Желтой вере объявились знаменитые генералы — джанджины, уничтожили жестоких врагов, очистив город Хурэ, взяли [его] невредимым, дали покой, восстановили прежнюю законную власть, поэтому сии [военачальники] подлинно заслуживают почтения и похвалы. За героические заслуги [награждаются:]

Русский джанджин — генерал Барон — потомственной степенью хан, титулом дархан-хошой-чин-ван, зеленым паланкином, оранжевой курмой, желтыми поводьями и трехчочковым павлиньим пером, чином Восстановивший Государство Великий Батор-джанджин.

Генерал Резухин — потомственным титулом чин-ван, личным правом на оранжевую курму, желтыми поводьями, трехчочковым павлиньим пером, чином Непоколебимо Похвальный Батор-джанджин.

Помощник джанджина Жигмиджав Жамболон — потомственным титулом чин-ван, личным правом на оранжевую курму, темновато-красными поводьями, трехчочковым павлиньим пером, чином Непоколебимо Усердный джанджин.

Монгольский джанджин, тэргун-тайджи Лувсанцэвэн — потомственным титулом чин-ван, личным правом на оранжевую курму, темновато-красными поводьями, трехчочковым павлиньим пером, чином Непоколебимо Благословенный джанджин.

Также в этом деле восстановивший порядок и мобилизовавший военнообязанных подданных в солдаты, выявивший отличные силы усердия, самолично героически сражавшийся, в данном месте раньше и сейчас уничтожавший врага, старательный батор, гун Найданжав — потомственным титулом чин-ван, личным правом на оранжевую курму, желтыми поводьями, трехчочковым павлиньим пером, чином Развивающий Величие джанджин.

Батор гун Джамц — степенью бэйлэ, титулом бэйсэ, личным правом на двухчочковое павлинье перо.

Кроме того, многих нижестоящих подданных, военных чиновников и простых солдат, проявивших отличную заслугу, лам, нойонов, чиновников — из соответствующих ведомств джанджинов установить и дознать, оценить заслуги, поощрить [соответствующими] наградами, определить к докладу и представить в военное министерство. Передав, издать постановление.

МУУТА. Ф. АЗ. Оп. 1. Д. 257. С. 64–67

Перевод с монгольского Ж. Оюунчимэг.

* В РГВА и АВПРФ есть перевод из архива Азиатской дивизии (издание указа — 22 февраля, копии — 4 марта), в МУУТА — две рукописных копии, предположительно 1921 г. Одна из них с переводом дана в этой книге. По смыслу текст близок к переводу из РГВА, но есть ряд отличий. Вторая копия (МУУТА. Ф. АЗ. Оп. 1. Д. 1149. Свиток 5) заметно отличается от этой: в ней нет преамбулы и строки о присвоении Унгерну степени хана (видимо, эта часть утрачена или не переписана), но есть строки о присвоении Тогтохо-бэйсэ титулов бэйлэ и чин-ван, трехчочкового павлиньего пера. Датировка отличается (8 февраля).

** По григорианскому календарю — 22 февраля 1921 г.

*** В буддизме — драгоценность, исполняющая все желания.

**** Держащий ваджру.

***** Кяхтинское соглашение 1915 г.

***** Три Драгоценности — Будда, Дхарма и Сангха. В молитве буддийского Прибежища к ним добавляется Наставник (тиб.: Лама).

***** Имеются в виду божества-охранители религии (монг.: сахиус).

**Циркуляр военного министерства правительства Монголии об установлении
правопорядка, март 1921 г.**

Сообщение военного министерства. Причина агитации для всего народа.

Раньше из нашего министерства во все пределы было объявлено об агитации. Для того чтобы соблюдали законность и остановили преступления, были распространены листовки, которые расклеили в Нийслэл-хурэ. Сейчас при посредстве министерства внутренних дел слушали возрождающего государство великого батора чин-вана джанджина Барона: среди простых людей, офицеров и чиновников, которые состоят под моим подчинением, есть люди, которые иногда нарушают правопорядок. В каждом случае дознавать, арестовывать, приводить в наше место для наложения соответствующего наказания. Так он сказал. В том случае, если при дознании есть законное [основание] для обвинения аристократов, по этому делу от нашего министерства проводить тщательную работу по объяснению и агитации. Главный джанджин Барон стремится наказать русских, бурят, солдат и простых людей, которые нарушают закон. В этом проявляется истинное стремление уважать закон, истинная дружба. Потому монгольские солдаты, русские, бурятские чиновники, солдаты и простой народ должны умножать дружбу. Для этого, чтобы весь народ следовал [этому], из нашего министерства разослали соответствующие директивы, и агитационные листки расклеили в Нийслэл-хурэ. Нельзя не следовать! Следуйте с почтением. Посему объявляется указ.

Многими Возведенного 11-го года, 3-го месяца

МУУТА. Ф. А5. Оп. 1. Д. 280.

Перевод с монгольского Ж. Оюунчимэг

[Ц. Ж Жамцарано]

**ДНЕВНИК,
веденный летом 1904 г. хори-бурятом Ц. Жамцарановым,
командированным Русским комитетом для изучения Средней
и Восточной Азии в Ургу и Забайкальскую область для собирания
этнографическо-лингвистического материала¹**

22 июня. Обо в Жапхаре. Описать.

27, 30 июня. Стрижка овец (шерстебитие) у Баханхая и Басагадая. Описать отдельно.

1 июля. Приехал вместе с Барадиным в Агу² 14 июня, а выехал из Питера 30 мая. Пока соби-рался в Ургу, прошло дней 16, и выехал в Ургу 1 июля. Со мной поехали дядя (нагаса)³ Жап Эр-дэнийн, брат (дүү) Аюр Жамцаранай, провожатый (нөхөр) Базар Сэмпилэй и еще три цаганца⁴ из местности Догой — богомольцы, пристроившиеся к моему поезду. Зовут их — Надсал Жабай (Жа-пов), Пагма и ее сын Идамжап, мальчик 12 лет, умный, потерявший деда и отца, которые страшно любили его. Мальчик любит мечтать, бродить по горам, долинам подальше от людей. Ламы-прорицатели объявили, что мальчик душевно болен, что до него добивается покойный отец и дед, и что единственное спасение от гибели — это распродать все-все до последней мебели включительно и идти на поклонение святыням и святым в течение 100 дней, где имеется Ганжур⁵. Место поклонения должно находиться подальше

от родного улуса на западе или северо-западе. Вот испуганная мать распродала все и поехала со своим единственным сыном Идамжапом в Ургу, спутник их — брат мужа, упомянутый Надсал. Мы выехали верхами и в телегах: я, дядя Жап-нагаса и Базар — верхами, брат Аюр — в двуколке (хасаг), а надсаловцы, все втроем — в четырехко-лесной телеге, запряженной парой и одной завод-ной лошастью.

У меня была одна заводная лошадь под теле-гу. Выехали из нашего дома все 1-го утром до-вольно рано. Предварительно для моего выезда был определен день и час выезда и направление, какое должно взять сначала. Несоблюдение этих точностей могло печально отразиться в дороге.

Путь был освящен одним омирянившимся бандием⁶. ПUTEОСВЯЩЕНИЕ состояло в том, что приглашенный читал тибетскую книжку — молит-ву буддам 100 стран, воскурил сан⁷ из благово-ний, [совершил подношение] маслом, хлебом, сметаной, побрызгал вина во все стороны духам местных гор и дол, суши и воды... Провожал папа-

ша до Оботуйя. Почему-то он был тронут нашей поездкой (моей и брата). Видно было, как ему не хотелось расставаться; посылая массу добрых пожеланий, расстался с нами, скрывая свои чувства... Бедный!

Вышли в путь и поехали однообразной рысцой. Лошади не разошлись и потому шли плохо, икая и пыхтя.

Базар Сымпилэй собственно выехал проводить до станции Могоутуй⁸ и потому был одет в домашний халат, порванный и весь в заплатках.

Я ехал на своем любимом коне, посвященном (сэтэртэй)⁹ Жамцарану, масти красно-коричневой (рыжик). Раз конь посвящен кому-либо из бурханов и тенгриев — на нем могут ехать избранные мужчины — хозяин, его сын, лама — вообще люди достойные, а женщина не должна даже прикасаться к седлу или потнику... Чуть чего — конь испоганится, а от этого сердится божество... Посвящаются* разным божествам бараны, быки, верблюды, козлы.

Брат Аюр — хувраг¹⁰ из Агинского дацана, слушает цаннит¹¹ в классе дондонжуу¹², ему 21 год. Очень способен и быстр в мыслях и словах. Я его взял в качестве спутника, чтобы косвенно приучить его к путешествию.

Жап-нагаса (дядя по матери отца), лет 54, человек крепкий, моложавый, хороший знаток по-тибетски и по-монгольски, мирянин, семьянин без детей, своей ученостью может состязаться с довольно образованными ламами...

Базар Сымпилэй — лет под 30, потерявший сразу отца и мать (от холеры или желтой лихорадки). Он остался с младшим братом Мункойем, и поочередно живут у нас в качестве работников. Он расторопен, добродушен и честный человек.

Надсал, лет под 50, человек бывалый, проверенный, услужлив.

Пагма — столько же лет, вдова смиреннейшая и вдумчиво-молчаливая, безумно любит своего сына Идамжапа.

Идамжап — 12 лет, коренастый, умный мальчик. О чем он мечтает, одному небу известно...

Последние трое и наш провожатый называют меня *багши* — учитель, потому что я был учителем один год. Все, кроме меня и брата, имеют билеты лишь в пределах Забайкальской области. Я должен вывезти их в качестве своих спутников (каковыми они и были на деле).

В полдень остановились в Шандалийн Кугуругте, в 50–60 верстах от места выезда от Судунтуя. Пообедали у костоправа (барячи) Цыбен[а], лошади устали до невозможности. Костоправы бывают всегда наследственными, занимаются

выправлением вывиха, сложением перелома костей, делают массаж, помогают роженицам. Костоправы (барячи)** пользуются почетом и играли, и играют большую роль в жизни бурят. Многие бывают утверждены властями, и таковые не имеют права отказываться от подачи помощи пострадавшим. О барячах упоминается в «Степном или хоринском положении», где описаны юридические обычаи хоридоевцев.

Поехали дальше, но, отъехав версты 2–3, были застигнуты страшной грозой, промокли все до нитки за исключением меня — Жамцаранова, который имел непромокаемый дождевик. Бурят-степняки удивляются и относятся довольно недоверчиво к непромокаемому дождевику, а кони подпускают к себе неохотно. Но мои спутники после этой грозы убедились в преимуществе моего непромокаемого дождевика перед их суконными дождевиками.

Отъехав верст 15, заночевали в пади Адгалик¹³, недалеко от богатого тунгуса Б. Гысэла.

Вода для коней была на дне высохшей речки, а для нашего питья имелся колодец в полтора аршина глубиной, вырытый в русле речки. Воды бывает немного, но она просачивается постоянно со всех сторон и через несколько минут ямка бывает заполнена.

Молодой парень, сын соседнего тунгуса, принес нам в ведре свежее молоко, как угощение.

2 июля. Поднялись рано утром и, напившись чаю, поехали дальше. Ведерце отдали хозяину, положив по обычаю бурят на дно его конфеты. Посуду нельзя возвращать или дарить пустую.

Переехали реку Онон на маленьком «карбазе». Наши кони, как степные и не видавшие сроду ни одной лодки, не хотели взойти на карбаз, а надсаловские кони, как более культурные (много раз бывали в Чите и Нерчинске и переезжали реку Ингоду¹⁴), взойли сразу. Наших пришлось положить силком, рискуя полететь в воду [с высоты] в 1–2 сажени.

В полдень повертелись в пограничной станции Могойтуй (не надо смешивать с ж.д. станцией того же названия). Необходимо было прописать паспорт, подковать лошадей, купить сухари, сахар и т.п.

Зашли с дядей Жапом в станичное правление — сидят помощник атамана и писарь. Показываю свой министерский паспорт (Грамоту) и прошу отметить мой приезд, перечислив моих спутников. «Да мы такого царского паспорта не выдавали. Ступайте-ка лучше к самому атаману», — ответили нам оба. Мы пошли к атаману на дом. Он выдавал дочь замуж и был пьян так, что еле двигал ноги... Хвастался, что служит 15 лет, что его все уважают и т.п. Ничего не мог добиться,

* Слева приписано: «О посвящении животных божествам».

** Слева приписано: «О костоправах».

он лишь размазал мой паспорт. Формально за-ручившись его согласием, я отправился опять к помощнику и растолковал, как и что делать. Прописка была сделана на монгольском переводе, чтоб показать пограничному монгольскому старосте (занги¹⁵).

3 июля. Заночевали в русских пределах — на покосном месте. Решено взять в Ургу и Базара, ибо выяснилось, что мы с братом не справимся с телегой и лошадьми. Наняли его за 11 рублей до Урги и обратно, не далее, 40 дней на наших харчах. Базара привлекали не столько деньги, сколько удобный случай поклониться Богдо-гэгэну. Об этом он сам говорил.

Поднялись утром рано и поехали дальше. Наши кони затоптали немного хлеба — никого не было около, и пришлось оставить затоптанный хлеб без вознаграждения.

Перед отправкой в путь нашли довольно хорошую ременную треногу*, и я уже взял было, но наш Базар — а точнее наш нөхөр — товарищ, серьезно запротестовал, говоря и доказывая, что взятие таких держанных «потных» ремней влечет за собой непременно какое-нибудь несчастье. Он уверял, что когда ездил за чаем в Долоннор, он нашел такие пути, а ночью выкрали двух коней. Дядя и Надсал говорили, что всякий ремень должен быть взят, как бы плох он ни был. «Так говорят старинные люди!», — уверяли они. Впрочем, они согласились со мною, что если тренога лежит растянутой или поперек дороги, то нельзя брать, если скомкана — нельзя оставлять. Перешли на другие предметы. Если нож или ножницы смотрят острием к тебе, нельзя брать, а если смотрят черенком или задом, следует брать. Если найдется волосая веревка, нельзя брать, хотя бы это было хорошим арканом. Ремень лучше уж брать.

Выехали на границу через хребет Хабчу на Эмту гораздо левее того места, через которое обыкновенно проезжают. Это произошло потому, что никто из нас хорошенько не знал дороги. Жапнагаса был 37 лет тому назад, Надсал — 27, а я — 13, и то проезжал по другому пути. Остальные наши спутники вовсе не бывали. Приходилось все время расспрашивать дорогу. Так вот, выехали левее и наехали на постовых казаков. Как только увидели нас, из юрты выскочили казаки с ружьями в руках и стали поперек дороги, держа ружья наготове. Мы взяли да свернули прямо в их юрту. Такая наша храбрость смутила, должно быть, казаков, и они встретили нас с явной почтительностью. Особенно повлияла на них моя шляпа со спущенным шнурком (она служила предметом удивленного шепота). Я показал им министерский паспорт и объяснил, в чем дело, и мы были про-

пущены без задержания: «По настоящему, оно, значит, надо было полковнику в Кундулюн (верст за 30 в сторону), ну, как сумленья нет, так мы и пропускаем», — говорил старший казак.

Выехали на долину р. Душийн-гол, отдохнули у одного бурята, женатого на монголке и живущего уже 20 лет в Монголии. Таких бурят довольно много. Они обыкновенно сперва служат пастухами у казаков и пасут стада на монгольских пастбищах. Некоторые богатеют и возвращаются на родину, иные остаются бедными, а иные, нажив состояние, остаются жить за границей, как упомянутый бурят. Многие семьи полуобрусели, но остались буддистами, живут по-русски — в домишках (хотя таковых и не много видел), и обратно — многие казаки (больше, чем буряты) приняли бурятские обычаи и язык. Дело в том, что казаки, посещая своих пастухов, очень охотно (наперебой) заводят романы с бурятками, и вот в результате — ребенок полубурятского, полурусского покроя. Здесь достойно удивления то, что казаки (русские) питают пристрастие к буряткам, а буряты не имеют обратного влечения к русским девкам. Кстати, надо отметить, что тунгуски гораздо больше любят бурятских парней, нежели своих тунгусских.

Сделали сегодня до 60–70 верст. Эмту Хура и Душийн-гол.

Надо было предъявить билет пограничному занги, соответствующему токтору¹⁶ или станции Могойтуй (токтор барса). Занги жил в 25 верстах в стороне от пути, в пади, за хребтом Баян Саган. За этим делом поехал я с дядей Жапом. День страшно жаркий. Едем под ветер, зной душит неимоверно. А наши спутники должны были остановиться на Душийн гол, купить барана и заготовить мясо, ждать нас**.

На широкой как стол долине р. Души разбросаны войлочные юрты монголов. Ни постоянных оград, ни дворов, нет даже кольев. Телят городят подвижными ширмочками (харчи¹⁷, хаамаг), их легко поставить и убрать. Чаще всего телят привязывают к аркану (зэлэ). Ягнят и овец тоже низывают на зэлэ, надев сквозные петли на шею. Овцы настолько приучены, что первому зову хозяйки или кого-либо доильщиц, сами лезут в петли, образуя тесный ряд, головой навстречу. Петля сделана из одного аркана, и если развязать один конец — все овцы освобождаются. Как уж удаётся эта хитрость — не ведаю. Со скотом возятся вообще женщины. Доильщица подходит к каждой овце сзади, начиная с одного конца ряда, доит, вытянувши к себе вымечко промеж ног.

Видели плотников (модочи-дереводелатели), которые делали телеги русские (казацкие). Это

* Слева надпись: Поверия бурят-монголов о находке ремня и др. предметов.

** Слева надпись: «О том, как ездили билет предъявлять и что на пути видели».

ремесло в степи является новшеством, потому много любопытствующих. Плотники, все здоровнейшего телосложения без рубашек, в одних сапогах и штанах. Тело загорело. Они производили какое-то странное впечатление — трогательное и в то же время грустное. Люди понастроили железные дороги, телефоны, телеграммы, летают по воздуху и пр. хитрости умеют, а эти дети степей лишь начинают строить плохую телегу! (Телеги, конечно, были у монголов, но долговязые арбы или тележки, вертящиеся с осью).

Так вот, мы едем на юго-восток, под ветер, задыхаясь и пыхтя. Хочется спать, так уж напекло. Вот уж перед нами перевал через небольшой хребет, а там — недалеко живет занги — но мы изнемогали оба, а также и лошади. Свернули к одинокой юрточке в нескольких саженях от дороги, напоили лошадей в болоте и остановились чаевать. В юрточке жило два человека: монгол-ка-девица с дочкой лет 13 (вероятно от какого-нибудь ламы-банди). Их богатство заключалось в 5–6 козах с козлятами и одной собаке. По словам обеих, собака у них умная, очень умная: «Она-то и кормит нас», — гордо заявляет хозяйка.

— Как так?

— Да как же? Она ловит нам тарбаганов. Она такая умница, что подходит к тарбагану со стороны, противоположной ветру (и мы тоже, и всякий человек — тарбаганолов), а тарбаган не замечает ее. Наша собака как бросится наперерез пути между тарбаганом и его норой и ловит у самой норы. Изловит и не станет есть, а отдает нам. Вот какая наша собачка! — говорила красноречивая хозяйка, а дочка поддакивала.

Они очень сожалели, что собака захворала, что-то сделалось с ногой, и она перестала гнаться за тарбаганами. Разговаривая так, они сварили чаю, конечно, кирпичного, напоили нас, как гостей. Их очень удивляло шитье моего халата на машинке, еще больше удивляли мои часы и моя подушечка (бамбалзуур).

— Пора бы кочевать в другое место, где тарбаганов много. Здешние уже перебиты (нас — тарбаганоловов уже чересчур много), а если и есть кое-где, так их и не словить, умные стали. Укочевали бы давно, да не чем юрту возить, прощить надо богача, — говорила хозяйка.

Надо заметить, что в 3 летние месяцы монголы не доят овец, считая грехом (хотя оно и не всегда грех), и стараются питаться тарбаганиной, каковая составляет желанное блюдо степняков. Считается позволительным бить, ловить, стрелять и пр. способами убивать тарбагана и есть.

Увидав на конце моего кнутовища кровь, девочка пресерьезно спросила меня, удачно ли я охотился на тарбаганов и как ударил. Когда я объяснил, что кровь от овода, напившегося крови

коня, она покачала головой и свистнула, выражая этим сомнение (ну, мол, сказывай сказку)...

Поблагодарив за чай и подарив девочке 2–3 штуки русских конфет, поехали дальше. Перевалили через перевал, еще какие-то носы и распадки (а дороги — никакой) и приехали к одной простой юрте. Кругом юрты паслись стада верблюдов и овец. Айл (юрта) был зажиточный. Повстречались с монголом, лет 30, с ружьем-кремневкой за плечом.

— Здравствуйте! Здоров ли скот? Жирен ли? — и пр. обычные приветствия-расспросы кочевников, и в конце оказывается — перед нами сам занги.

Вошли в юрту, обстановка обыкновенная: в середине под отверстием вверху [юрты] очаг, у северной стены — кровать, у западной — сундучки, между северной и западной — киот с бурханами и чашечками. Пониже от западной стены (т.е. ближе к двери, что на юг) полочки для чашек, ковшей, деревянных тарелок, кожаный мешок — бочка для заквашивания молока... Вдоль восточной стены — винокурный аппарат из бездонного ведра, широкого в середине с отдушником по бокам. Это ведро ставится на чашу с перебродившим молоком, щель между краями чашки и ведра замазывается коровьим пометом с пеплом. Сверху ставится холодильник в виде чаши, наполненной водой (холодной водой). Винные пары уходят через одно боковое отверстие по изогнутой трубе и каплют в кувшин. Угостив табаком, (что обязательно для мужчин), чаем, предложили айрул (сушеный творог), хурууд (тоже), өрму (сушеные пенки от молока). Чай сами разливают, а подают гостю кувшин с чаем и чашку: пей себе на здоровье, сколько хочешь и как можешь.

Я показываю монгольский перевод паспорта. Занги торжественно заявляет, что он не видывал и не слыхивал о существовании такого паспорта.

Приехали к этому времени двое каких-то лам, гордо вошли в юрту, едва удосужили нас «бурят» презрительным «Здравствуй».

— А, Гэлун-бгай¹⁸, Здравия желаем! Пожалуйста, сюда, повыше, (т.е. поближе к киоту). Ну, как изволит Ваше здоровье? — почтительные обращения сыпались в изобилии.

Пришла хозяйка и оказала такое же почтение, плюс плохо скрываемое кокетство. Ламы были очень фамильярны с хозяйкой и поминутно обменивались глазками, улыбками...

— Нет ли архи (вина)? — спросили ламы.

— Ах, к сожалению сегодня все выпито, проезжал Нирва-бгай¹⁹ (казначей), — отвечал виновато занги.

Из дальнейшего разговора было видно, что перед нами типичные поклонники монголов, вина

и лени. Я заинтересовался их биографией, главным образом, образованием.

— Где Вы изволили получить образование? — спросил я.

— В Урге (Да Хурээ) у Гэгэна, — отвечал один гордо и с явным презрением.

— Да! — удивился я вслух. — Вы знакомы с самим Гэгэном?

— О, да, знакомы... (и я готов был верить).

— Вероятно, учили цаннит в Гандане²⁰? Скажите, по какому методу изучают цаннит? По Джамьян Шадбы²¹? — спрашиваю я, в надежде поднять себя в их глазах.

— Мы не учились в цанните, а посещали цогчин²², — отвечал тот же лама, но уже упавшим голосом, и не с таким презрением.

— А долго ли изволили быть в цогчине? Конечно, Вы занимались науками у частных лиц, как иногда делают серьезные ученые (сайн мэргэд)? — спрашиваю их.

— Мы всего три года пробыли, — отвечали ламы, уже совсем стусевавшись.

Тем временем занги (после резких требований) взял деревянную дощечку (самбара²³), промазанную салом и сажей, крытую пеплом, и записал мое имя, число людей, палаток, лошадей и телег.

Исполнив свое дело, поехали обратно, уже на отдохнувших немного конях.

Выехали вместе с ламами. Один из них оказался главным ламой при местной часовне (дуган), где по временам собираются окрестные ламы (далеко не монахи) и читают книги, и совершают разные богослужения. Съезжаются местные кочевники удовлетворять свои религиозные потребности. Пища ламам дается местным обществом натурою в виде (баран[ов]), чая, молока, сыра и пр. Вот эти-то ламы ездили к занги посоветоваться и определить срок, когда начать хурал (собрание, молебствие). Вопросом о доставке пищи и необходимых юрт при дугане занимается занги, и поэтому он является важным и решающим лицом.

Приехали к своим поздно, в полночь, кое-как разыскали, сделав с утра за весь знойный день не меньше 120 верст на одних и тех же конях. Они бессменны до Урги. Завтра надо было пораньше подняться до наступления жары. Спасибо бедным коням. Спасибо...

Наши купили барана за 4 руб., без шкуры, зарезали, наелись и спали хором, свистя в нос. Простудиться не могли, испеклись что-ли в жаре?... А мы с дядей, поужинав кое-как, свалились беспомощно и заснули медвежьим сном.

Клянусь, больше не распространяться в дневнике...

4 июля. Выезжаем на запад, вверх по долине Душийн-гол (по монг. Дучийн гол). Беседуем,

по обыкновению, с дядей Жапом. Разговор идет о родовых обычаях нашего племени.

Все 11 родов хоридоевцев происходят от одного прародителя — Хоридоя. Все 11 родов хоридоевцев происходят от одного прародителя — Хоридоя. Каждый сын, составивший род оток, имел в свою очередь по несколько сыновей, которые составили хухуур* (сосуд, фляга для вина). Хухууром называли потому, что каждый сын должен был подносить вино (архи) в фляге (хухуур)²⁴ своему деду Хоридою и отцу своему, как только выгонит вино (тогоо нэрэмсэрэ). Стало быть, у кого сколько сыновей, столько фляг получал. Число фляг, находящихся у отца, показывало, сколько у него сыновей (фляги чаще ставились у изголовья родителя). Такой обычай — угощать родителя или деда (если имеется) вином в хухууре существовал до недавнего времени, есть, пожалуй и теперь в немногих захолустьях.

Таким образом, племя наше хори делится на 11 родов: от первой матери Шаралдай родились: 1) Галзууд, 2) Хоасай, 3) Кубдууд, 4) Шарайд, 5) Гучид; а от второй жены Нагатай родились: 1) Харгана, 2) Бодонгууд, 3) Худай, 4) Батанай, 5) Сагаан, 6) Хальбан.

У Галзута было 6 сыновей: 1) Шинхэн, 2) Нарбада, 3) Доргоши, 4) Даганхай, 5) Дулдыгыр, 6) Не мог вспомнить. О других потом. Каждый из них, расплодившись, составил хухуур или подрод, существующий и по сие время. Однородичи считаются родственными и до недавнего времени не заключали между собой браков, однохуурцы считались и считаются близкородственными, и даже теперь не заключают браков между собой.

В старину и до последнего времени за невестой с *халом*²⁵ ездили из всех 11 родов племени, чтоб показать, что брак члена племени есть дело общеплеменное. Когда роды стали жить вразброску, и трудно было найти представителей каждого рода, заменяли отсутствующего родича стрелю (ибо приезжали при луке и стрелах).

Каждый родич привозил по төөлөй (баранья голова и весь баран, как угощение), всего, стало быть, 11 голов. Теперь с *халом* приезжают только с одной головой без стрел и без соблюдения представительства, и то — не всегда. *хал* есть угощение родителей невесты (и их сородичей) вином и мясом родителями и сородичами жениха, для чего последние приезжают к первым. (Составить потом очерк родовых и брачных обычаев).

Харганадский род (род дяди Жапа) имеет 11 хухууров:

- 1) моотогон (мохоо хутагата)
- 2) обхой
- 3) абхан (абха юумэ абадаг)

* Слева надпись: «Материал к родовому быту хорибурят. Хухуур, как подрод».

- 4) барахай (украл кнутовище — ташурай бурээ)
- 5) хорон
- 6) хоодой (хоодогошолдоод зоогоодшидог)
- 7) хухунууд
- 8) мундахан
- 9) улаанууд (напр. ширунэй ламахайтан, суматан)
- 10) онход (усыновлен из (чужого) племени онход)
- 11) тангад (приписан впоследствии — халдабари, происходят от тангута Тархай Багши).

Есть еще Баатаржаан — с 10 сыновьями. Не знаю, составляет ли он хухуур, или есть последний родич, а может быть, есть один из перечисленных племен. 10-ый сын Баатаржаана Харганы усыновлен из хорпосов (монг. племя). (*Исследовать род (отог), подрод хухуур, аймаг, хотон и айл — не спеша*).

У Юма Аюшиева, кубдутца, в Буганде²⁶ имеется родословная баторжанцев и вообще харганасцев, составленная знаменитым ламой Дылгировым²⁷ (баторжанец), написанная по-тибетски.

У Шоена Сундуйин (в пади Улзутуй) рядом с Судунтуйем²⁸ (где обретается пишущий дневник), имеется история бурят до Тобоева²⁹ «История хори-бурят 11 родов и, в частности, агинских».

Хубдууд имеет хухууры: 1) нохой уруг, 2) улалзай, 3) лыглууд.

Шарайд (род пишущего): 1) ходонса (хурса хутагата — хандагайн халганаг хаха эсхэбэ), 2) ахайдай, 3) харшууд (напр. шоодор манзараатан), 4) долоод (аригунтан, напр.), 5) тоботой (һыгутэн, бардотан, напр.), 6) дэлдуйд (далайтан, напр.), 7) сунид, приписавшийся потом (напр. сагабай, холзаама)*.

Саганский род без хухуура, хотя пробовали составить хухуур уже впоследствии: 1) улуунху сааган шоно (голодный белый волк), 2) улугшин хара хангай (сука черная), 3) ургудук хара ботгтон (тощий, беспомощный черный верблюжонок).

Остальные роды были мало известны нам.

4 июля. Обедаем в начале родника *Замай булаг*. Сюда попали из долины Души через маленькую падь (хундый) по имени Дылгыр. Ночуем в устье реки Тургэн.

5 июля. В старину хоринцы, когда выдавали девушку замуж, перед обычаем *басага булялдахо* (отымание девушки), делали [обряд] *өрму булялдахо* (отымание пенки). Девушки выносили в ведре өрму (пенку), а парни отнимали и съедали пенку, отбивая друг у друга. Жених приезжал за день до свадьбы, ночевал, делал *төөрөг* (как бы

* Слева приписано: Старики (буряты-хори) говорили в беседах: «Амидый уабхо жаргал, алтан дайдо сайхан, энэ бэе һуудэр, эд мал шуудэр». Перевод приблизительный: жизнь — блаженство, свет — прекрасен, наше тело — тень, богатство — роса.

освящали новую юрту, приготовленную для девушки, которая и по теперь выдается с юртой в полной обстановке), а утром уезжал с багажом, т.е. с юртой и обстановкой ее.

С просьбой о назначении дня выдачи девушки приезжали отдельно, еще до *һала*. Подносили, как и теперь, матери невесты *шагайт* (вареную бедренную баранью кость с мясом). С *һалом*, как сказано, ездили с 11 *төөлэй* (голов бараньих), по одному *төөлэй* с каждого рода, а потом дошло постепенно до 1 *төөлэй*.

Остановились в Салхитуйн Худаг (колодец), вырытый одним местным монголом. Попали сюда через Жаргалантайн Бурту и Ундур. Отчаевали. Пообедали. Проехав через 15–20 верст, приехали в Бургастуй или Хужиртай. Проехали еще 15 верст и ночуем.

6 июля. Поднялись с солнцем и едем дальше, без чая, вверх по долине сухой реки Ульдзы. Попали на дорогу в Ургу — Ульдзийн зам. Во время обеда (купили барана), повстречались с ламой. Рассказал он сказание о том, откуда взялись русские. Русские произошли от сорной травы. Записано отдельно**.

О русских отзываются неважно. Да и вообще мнение монголов о русских во многом изменилось за последние два года. Прежнего боготворения белого царя, уважения к могуществу России — нет, чувствуется струнка ненависти. «Пусть побеждают ийпон³⁰. Они (ийпон) ведь буддисты, их царь перерожденец Махагалы»³¹, — говорил монгол. «Все бурханы должны помогать ему (ийпон). Вы, буряты, орете от притеснения чиновников (нойод, ахмат). Ваших лам и лучших людей сажают в тюрьмы, гоняют пешком. Мы все знаем, что у вас своих нойонов нет, а есть русские. Что если бы, например, над нами поставили китайцев? А? Или маньчжуров? Лучше бы повеситься (божи үхүбэл дээрэ)», — говорил монгол. По его уверенности, превращение перерожденца Хуугэн-гэгэна находится в рядах *ийпон* и лицом всегда смотрит на юг, к *ийпон*, а спиной — к русским. Значит, русские будут побеждены.

Записана легенда о происхождении русских. Они произошли от сорной травы (записано в ..., см. синюю тетрадь III).

7 июля. Ночевали в долине Ульдзы, без воды. Поднялись без чая и остановились, не доезжая до Эхин Бурду.

8 июля. Сайхан³².

9 июля. Зун Байян. Мой конь захворал — надалило седлом, должен был оставить у одного монгола до возвращения, купив свежего конька за 30 рублей. Конек оказался диковатый, с дурными привычками.

10 июля. Хурха.

** Слева написано: Отношение монголов к русским.

11 июля. Аршанта Хара Хургийн аршан. Уже 2-ю ночь караулим коней. Здесь воруют. С нами едут несколько военных монголов на празднество *наадан*³³ (данчи³⁴ и скачки). Они с собой гонят баран[ов], чтоб колотить и есть, но один из них стреляет тарбаганов, и обедают тарбаганиной.

Какая-то апатия ко всему. Грустно, сны зловещие: выпадают, будто, зубы (резцы и клыки), а это: смерть близких родственников. Сообщаю товарищам, встревожены, но стараются успокоить друг друга, говоря, что сны — глупость. И я тоже успокаиваюсь. Брат хочет спросить в Урге лам-предсказателей: «Благополучно ли у нас дома?» Надо заметить, что за несколько дней до моего приезда, в один день сразу пропали жеребец и лучший конь. А когда умирает жеребец или лучший конь в табунах — это значит по бурятскому убеждению, что грозит опасность (смерть) главным членам семьи. Я с братом Аюром считаем себя несколько отчужденными и почему-то за себя не боимся. А что-то будет?

12 июля. Переехали через реку Керулен.

13 июля. Ночевали, не доезжая до реки Налайха.

14 июля. Приехали. Нас встретили фиктивные нищие, прося милостыню. Они молоды, сильны, вполне работоспособны, но страшные лентяи и любят дармоедничать. Спутники дают конфеты, сухари. Я серьезно советую воздержаться от подаяния, считая подавание милостыни подобным нищим за грех. Нечего развращать. Хотя они и так уж без нас развращены.

В Ургу въехали споря. Нас осаждали монголы и монголки, предлагая квартиру, брались пасти коней по 1 руб. или 50 коп. за неделю. Все расхваливали себя, доходя до наглости. Грязь города, бесконечные нахальные приставания монголов и угнетенное настроение — все вместе соединилось и вылилось в одну какую-то мрачную тоскливую форму.

14 июля. Представлялся консулу (В.Ф. Люба), делал снимки с борцов и с монгольских лам, познакомился с братом Гэгэна³⁵ — Лубсан Ванданом и его товарищем — Гонбожап-габжи. Славные люди. Лубсан Вандан отказался от всех почестей, какие ему предлагались Богдо-ханом и Далай-ламой, отказался по убеждению. А его братья оказались не такими. Младший, кроме Гэгэна, получил от Далай-ламы титул Чойжина³⁶, имеет почет как хутухта³⁷ (святой), правит дворцовым делом и очень близкий человек самого Гэгэна. Имеет при себе юм (девицу).

Старший брат Лубсан Вандана возведен в хамбы³⁸ и пользуется почетом, другой брат — светский князь — был сначала *гуном*³⁹, потом произведен в *бэйсэ* (чин, кажется, ...) ⁴⁰, тоже пользуется известностью и почетом, как нойон.

Про Лубсан Вандана многие, даже ургинские, не знают. Не раз мне говорили, что брата и нет у Гэгэна. Интересовался европейской наукой, расспрашивал о технических открытиях; говорили о многом и весьма сердечно. Человек очень отзывчивый к страданиям других.

15 июля. Поклонялись Гэгэну, уплатив по 2 руб. с человека (нас было 7 человек).

Всех богомольцев было, кажется, до 200. Тут были монголы южные, в костюмах китайского покроя, были восточные, говорившие по-маньчжурски, были из Бурятии (как мы), были западные. Всем пришлось долго-долго ждать, пока не открылось благословение. Гэгэн был в городе, а мы у дворца, в 2–3 верстах от города, смотрели на борьбу. Приехал после полудня на желтых носилках. Во дворе приготовили кресло и ковры. Поставили всех по очереди. Впереди всех поставили одного монгола, уплатившего 50 руб. (по таксе он имеет право получить благословение ударом руки, а мы — двухрублевки — колотушечкой). Распоряжались нами ламы, гэгэнские люди, с пестрыми полосатыми кисетами на боку (форма ихняя). С публикою обращались варварски грубо: ругали и кричали, как никто, и били нещадно, решительно ни за что, ни про что.

И нам досталось порядочно. Одного (Базара) ударили палкой по голове, меня толкнули острой палкой в подмышку. Надсала — тоже. Монгола — еще хуже. Протестовать было немислимо, сперва я было запротестовал, но когда увидел, что главный заправила приказал запереть ворота, а вся дворцовая челядь готова по первому знаку наказывать несчастного смельчака, и, когда мне сказали, что многие бывали избиты за свою нескромность, принужден был проглотить горькую пилюлю.

Появился Гэгэн из своего дворца, с ним его супруга с 2-мя детьми — подростками. Началось благословение. Как только, кто подходил к Гэгэну и наклонял голову, по его голове ударяла колотушка.

И в то же время вас подхватывали двое крепких лам и с силой выталкивали прочь, крича: «Вон, вон (*Яб! Яб! Хойч бай!*)!». Гэгэн апатично поглядывал через толпу своих поклонников, а правая рука его механически исполняла благословение: кому — по макушке, кому — по затылку, кому — в лоб.

Гэгэнша, молодая, высокая и довольно стройная монголка, нетерпеливо торопила покончить с церемонией, звонко приговаривая: «Ябха гуй ю? Ябха гуй ю?!»⁴¹. Многие держали в руках ленточки (заньяа⁴²), чтоб в них вошла святость. Такие ленточки надеваются потом на шею, для чего раздаются тем, которые не были на благословении. Наши освятили несколько ленточек, чтобы везти домой. Так кончилось наше поклонение Гэгэну.

Дворец со стороны плана и расположения домиков интересен тем, что все исполнено так, как

это бывает в святой Шамбале⁴³ (так говорили мне богомольцы). На воротах имеются надписи, возвеличивающие Гэгэна. Там тоже упоминается, что перед нами Шамбала. На портике домика, под навесом которого происходило благословение, написаны изречения такого рода:

Šašin ketegči burqaп-u nom bolai — Религией называется учение Будды⁴⁴.

Sayıtu onobasu masi sedkelen bolumui — Если хорошенько усвоить, будет очень чисто (свято).

Tögü ketegči ulus-un čayaja bolai — Государство (строй, порядок) есть закон для людей.

Bügüdeger sakibası masi batu bolumui — Если все будут исполнять (или соблюдать, охранять), станет очень прочно.

А над ними: üjekü büri amıyulang-un blam-a — Перед каждым взором — особа ламы (т.е. Гэгэна).

Sonusqu büri nom-un gasiyan — На каждый слух (слушание) — нектар учения.

Tögül büri amıyulang-un dalai — В каждом перерождении — море блаженства.

16 июля. Беседовали с братом Гэгэна. Подарил ему [сборник] «300 бурханов». Был в восхищении.

17 июля. Ничего не делал. Покупал товарищам товару в одной китайской лавке. Как только выехали за город — нас осадили маклеры китайских фирм и всячески расхваливали свою фирму, клялись, что у них нет ни надувательства, ни хитрости, что лишнего не запрашивают и т.д. Мы попались на удочку одному черненькому китайцу.

Когда покупали товар, в нашу комнату вошло несколько человек с длинными кисетами, что указывало на их должность — свиты кого-то. Мы продолжили свое дело, не обращая внимания на высокомерные слова вошедших вроде: «Кто ты? Какой бурят? Зачем приехал? Поклонился Богда?» Вскоре вошел молодой лама высокого роста, с косыми глазами, с пьяной физиономией, подтверждаемой походкой. Китайцы наши засуетились, вошедшие раньше ламы почтительно расступились, один из них шепнул что-то вошедшему, показав на меня пальцем. Лама, очевидно, был недоволен. Сел на лавку китайца, ему подали чаю. А мы продолжали выбирать товар. Лама со своими спутниками начал громко разговаривать по нашему адресу, хохотал, показывая изредка пальцем и осматривая нас с ног до головы. «Куда поехали?» — предлагает лама вопрос по-русски: «Братский, зачем поехал? Как тебя зовут, братский?»

— Приехал по своему делу, нужно было. Зовут меня Цыбен, сын Жамцаранова, — говорю в ответ по-русски же. Признаться, я был удивлен.

— А зовут вас, могу спросить? — говорю по-монгольски.

— Спроси у военного министра Курпадкина⁴⁵ в Петербурге, — отвечает лама, отворачиваясь от меня.

Его спутники рассмеялись почему-то. Я повторил свой вопрос и получил тот же ответ, но в более грубом тоне.

Чем дальше, тем хуже. Меня расспрашивал о том, откуда, зачем, что делает агинский ширетуй Данжинов⁴⁶ (который давно умер). Я отвечал по-монгольски, потому что на мои русские слова лама отвечал невпопад, обнаруживая незнание языка. Я сказал, что учусь в столице в Императорском университете и командирован высокопоставленными учеными, имею паспорт от государева имени — ничего не помогало; со мной продолжал обращаться как с рабом. Подбегает наш китаец и шепчет мне: «Это Дара-Эхэ-лама⁴⁷. Что Вы не поклонитесь?! Поклонитесь с хадаком!» Но меня в это время не двинул бы сам Будда... Товарищи было заколебались, но я строго остановил их.

— Значит, Вы знакомы с Куропаткиным, нашим военным министром? — вопрошаю ламу.

— О! Да! Да! Я знаком со всеми в Петербурге. Знаком с министром внутренних дел, с военным, со всеми министрами, со всеми нойонами... Если хочет братский [узнать], кто я таков, запроси в Петербурге. У этих моих приятелей-знакомых или твоего государя. Меня там все знают, — отвечал лама, гордо расхваливая ... Его спутники самодовольно смеялись, дескать: «Что? Шутка? Братский?»

— Гм... а не знаете ли князя У⁴⁸? — спросил я.

— Ну да, он мой хороший знакомый, был у него в гостях, — отвечал лама без запинки.

— А ты знаешь кого-нибудь из моих этих знакомых? — спросил он меня.

— Да, я знаю. Знаю и Куропаткина, военного министра. Был депутатом от своего народа, когда он проезжал через Читу, — говорю я, стараясь хоть на вершок подняться перед загадочным ламой.

— А не знаете ли господина Андрея Руднева⁴⁹? Он молодой ученый, знает монгольский язык —спрашиваю я.

— Да, знаю, — отвечал мой собеседник, уже несколько упавшим голосом.

— И он мой хороший приятель, сотоварищ по занятию. Не знаете ли г. Ольденбурга, знатока нашей религии?

— Знаю, — был ответ, спустившийся на несколько градусов.

— Может быть, знаете господина Семенова, большой нойон. Все они мои знакомые, —говорю ламе.

— Знаю, как же, — отвечает он, но уже неохотно, как будто с тревогой.

— Ну, уж посрамлю я тебя, — думаю я в это время и предложил вопрос. — Вот удивительно и очень приятно, что у нас есть немного общих

знакомых. Значит, Вы были долго в Петербурге, но, к сожалению, мне не удавалось видеть Вас... и не знаю, кто Вы такие. Вы же не хотите сказать. Были Вы и у бурят, может быть и у калмыков? — спрашиваю незнакомого незнакомца.

— Был! Прощайте нойон, — проговорил чуть слышно и быстро вышел вон, очевидно, не желая продолжать разговор с мелюзгой...

— Ну, теперь возрадуйтесь, товарищи — из рабов в четверть часа сделался нойоном, — говорю спутникам, и долго смеялись.

Разговор вертелся сперва вокруг Дара-Эхэ, потом к другим воплощениям и кончился на самом Богдо-Гэгэне, уже на квартире за ужином.

18 июля. Опять ничего не делал. Доставал билеты спутникам, которые должны были выехать. Аюр болен. Даю хинин в коньяке. Завтра уезжают. Позабыл спросить прорицателей о судьбе домашних.

19 июля. Еду с одним ламой (по имени Шираб Дондубай, из бурят селенгинского ведомства) на морни надан (празднество коней) или скачки. Такие скачки происходят через каждые 2 года на 3-й, когда вся Халха (7 хошунов: 5 светских и 2 ламских) подносит Гэгэну данчиг (подношение), умоляют и просят его жизни на многие лета. Данчиг сопровождается борьбой и скачками. Съезжаются со всех концов Монголии. Остановились в одной из юрт, поставленных в распоряжение Русского консульства. Юрты были плохи: всего 3, да 2 палатки. Слишком мало уважения.

20 июля. В верстах 30-ти от Урги по Кяхтинскому тракту, на долине р. Ху[й] раскинулась тысяча палаток и юрт, десятки тысяч обитателей степи всех возрастов и положений, начиная с самого Богдо-гэгэна и амбаней (монгольский и русский консулы) и кончая последним нищим...

Устраиваются скачки разных родов лошадей: иноходцев, рысаков, бегунов, трехлеток, четырехлеток, жеребцов и пр. по несколько сот сразу.

Собралась такая масса народу и так широко раскинулась по долине, что теряется с первого разу. Палатки и юрты расположились приблизительно так, как расположена Урга, двери как всегда в Монголии и Бурятии, на юг. Центром служит Шара ордо — желтый дворец Гэгэна, образованный из громадной палатки. В нем он не живет, это скорее храм, временная палатка Гэгэна — на правом краю. На левой стороне (восточной) от центра — миряне, официальные учреждения — ямун (присутствие амбаня), русское консульство. Направо от центра — ламы, на северо-востоке базар — место кутежа. Преобладают ламы и девицы: парами и компанией.

20 июля. Сделал до 11 снимков — виды на адана, и записывал загадки. Чувствую себя скверно, нездоров.

21 июля. Сделал несколько снимков, обозревал вместе с Софокловым (студент восточного факультета) верхами весь временный город с его многообразными картинками.

Своеобразны типы палаток (майханов), юрт, обохоев (род шалаша), начиная с маленького для одного человека назначенного, и кончая громадными палатками, телеги, вертящиеся вместе с осью, телеги, крытые войлоком, берестой, камышом, материей. Но преобладает верховая езда. Куда ни смотри, везде всадники и всадницы, по-мужски, конечно, [сидящие], и едут все быстро-быстро, вскачь. Во всем видна свобода, простор, воля.

Бега начинаются.

Седоками служат мальчики, лет 10–15, в красных и желтых костюмах, на маленьких сидельцах. Съезжаются группами, держа во главе флаг. Перед отправлением объезжают место, где полукругом собралась публика, в нарочно поставленных палатках, начиная с Богдо и кончая русской палаткой (палатки ставит гэгэнская казна). Мальчиками (до 300) водительствоуют почтенные люди — ламы и светские. Мальчики все орут-поют своеобразную молитву: «Ом-а-марани-мам сууха», — дабы не приключилось несчастий с лошадьми. Мотив с перепевами, но однообразный. Делаю снимки.

Выезд Гэгэна из желтого дворца (шара ордо), благословение народа, прибытие лошадей. Стремление массы к Гэгэну и усмирение их ламами путем биения. Описать отдельно.

С Софокловым раз подходим в палатку — кухню Гэгэна, что в стороне от города, просим испить чаю или водицы. Гэгэна не было, в горле у нас пересохло.

— Здесь пребывает Богдо. Убирайтесь вон. Нет обычая, чтоб поить прохожих. Прочь.

— А мы думали, что у Богдо скорее всего утолим жажду. Мы страдаем.

— Вон! Вон!

Разговор произошел вне палатки. Мы ретировались, пока нас не отлупили.

— Вот свинство! — ворчал мой спутник.

22 июля. Познакомился с бурятским гэбши из Арья Бандидын хийд⁵⁰. Заказал собирать сведения, у кого какие имеются, исторические книги в окрестностях его монастыря. Там учатся все монголы. Ничего не делал.

23 июля. Записал песню «Харцал», распеваемую бродячими ламами, просителями милостыни во имя Будды. Снял его. О нем будет речь в других местах. Вернулся с Ширапом в Курень (город). (Описание наадана — в другом месте).

Денежная единица монголов — чай и хадак, и я охотно ими расплачиваюсь с монголами. Виделся с молодым бурятом, моим приятелем. Недавно приехал из Аги. Он сватал одну бурятку из нашего

улуса, а увез другую — тунгуску в тот день, когда отец его поехал с подарками к будущей невестке. Увез среди белого дня с обона. Дело было пьяное, гнались за ним тунгусы, но не могли догнать. Примчались оба верхом на почтовую станцию (за 50 верст), сели на почтовых в Читу, оттуда по ж.д. до Верхнеудинска, написал отцу беглянки письмо, что едут неизвестно куда... Из Верхнеудинска — в Гусиноозерский дацан, в Кяхту и в Ургу. В дороге беглянка захворала, но поправляется. Положение обоих трагикомическое, ибо волхвы объявили, что болезнь приключилась потому, что местные духи и родители оскорбились беспримерным в истории бурят поступком обоих. Как родители, так и население бурятско-тунгусское пришло в страшное негодование. Ж.Ж. ждет больших неприятностей.

25 июля. Иду по улице, надо было купить кошму. Исходил все лавки и ряды, но тщетно. Вдруг подбегает ко мне лама, лет под 25 и предлагает:

«Не угодно ли бурханов? Заказать? Купить? У меня все есть. Я один из лучших зурачинов⁵¹, но человек бедный».

— Хорошо, мне нужен сборник всех перерождений Джебзун Дамбы. Если рисунки будут хорошо исполнены, я хорошо заплачу, — сказал я.

— Вот и отлично, пойдемте ко мне, — говорит незнакомец.

Пошли. Маленькая комнатка, в ней одна лавочка — кровать и надоконное изображение Ваджрапани. Прошу показать другие образцы. Приносит копию с *84 волхвов*⁵² из книжки. Копия исполнена на промасленных листах карандашом.

— Эта откуда снята? — спрашиваю зурачина.

— Из Тибета, из Лхасы. Мне знакомые привезли.

— Только отчего бумага-то русская? Да, очень интересно. Нет ли у Вас лишней копии рисунков. Я бы охотно купил.

— К сожалению, достать нельзя, даже во всей Урге эта копия единственная у меня, больше ни у кого нет, поверьте. Но я рад познакомиться с Вами, и дружбы ради готов Вам дешево и хорошо нарисовать любой краской, — говорит лама.

— Сколько возьмете?

— По рублю с рисунка берут, но так уж быть, сделаю за 15 рублей 22 рисунка Богды. Будете очень довольны, — уверял он.

— Покажите, пожалуйста, изображение какого-нибудь бурхана маленького формата!

Приносит изображение Будды с ладонь величиной и расхваливает. А рисунок грубый и небрежный, краски безобразно густы, тона не соблюдены.

— Я посоветуюсь со знакомыми. Если решу заказать Вам бурханов, сам зайду. До свидания, — и я вышел.

Прихожу к брату Гэгэна Лубсан Вандану. И рассказываю — так и так.

— Да есть *84 волхвов*. Печатаются здесь в курене. Какой Вы доверчивый! Не якшайтесь с такими господами. Лучше выпьем-ка чаю, поговорим. У нас есть знакомый зурачин. Лучше довериться ему, — отвечают мне оба — Лубсан Вандан и Гомбожап-габжи. Просидели до вечера.

Утром на улице встретил двух мальчиков, пристали они ко мне:

— Дай милостыньку. Дай милостыньку, барин, дай поесть.

— Откуда ты? — спрашиваю одного.

— Из Майма Хото (торговый городок в 7 верстах от Урги). Оба мы оттуда.

— Знаете загадки, песни?

— Знаем, знаем, как же.

— Ну, пойдем ко мне на квартиру, — и пошли, весело разговаривая. Босоногие мальчуганы прыгали рядом, звонко смеясь и ликуя. Я люблю этих бойких и доверчивых малых, и всегда рад поговорить с ними. Знаю, что они на мою искренность ответят тем же, знаю, что они откровенно скажут то, что знают, что они будут довольны и счастливы, если напою, накормлю и дам по одному чаю (т.е. полкирпича ...), будут вознаграждены вполне.

Продержал довольно долго, записал песни и загадки (не особенно много), накормил досыта, дав по 40 копеек, конфет, сахару, и отпустил. По здешнему ургинскому курсу плата очень щедрая для детей. Они помчались на всех парах домой (тот день был для меня одним из светлых дней, словно надышался чистого воздуха в цветущем саду). Записал песню «Похвала дому» из уст ламы Балихугабжу⁵⁶, 51 г. из Гандана. Человек восхитительно добрый и любезный. Песенка — не что иное, как доброе пожелание дому за гостеприимство.

27 июля. Записывал песни и загадки кударинских бурят, приехавших в Ургу закупать лошадей.

28 июля. Ездил в Даши Чойнхорлин, монастырек в 8 верстах от Урги на север, где происходил «цам». Сделал до 9 снимков. Встретился здесь же с одним монголом с юга, из Ордоса⁵³ (Горо Тохой), при самой гробнице. По его словам, в погребальнице Чингиса имеется книга, толщиной до 3-4 пальцев, четырехугольной формы, довольно широкая (около 1/2 аршина), писанная на белом поле черным. Буквы похожи на монгольские, но не понятны. Называется «Алтан дэптэр»* (по словам бурятского ламы Ширапа). В ней содержатся указы Чингис-хана, читает ее лишь один человек, по прозванию Хухэ, который учится читать [ее] у своего предшественника. Перед смертью он свое тайное знание обязан передать своему заместителю. В Ордосе живет теперь историк Чимед, брат моего собеседника. Он читает толстую монгольскую историю под заглавием «Хухэ тужи» — «Синяя история»; есть еще «Шара тужи» — «Желтая

* Слева надпись: Об алтан дэптэре.

история»⁵⁴. Обе книги писаны (кем?), напечатать никому не отдаются.

30 июля. Вчера, как и всегда, ничего не делал, записал немного загадок. Боже мой, когда же найду человека, нужного для моих целей. Куреньская жизнь очень тягостна для меня. Грязь, вонь, нищета, блохи — все это — взятое вместе и плюс неудача в поисках за народной литературой (изустной), прямо-таки выводит меня из тарелки.

2 августа. Записывал загадки от бурят, приехавших покупать для русских овчины (до 30–40 тыс. штук) от 65 до 120 коп. Справлялся у лам, что означает хас-тамага (свастика). Этот вопрос заинтересовал Талько-Гринцевича⁵⁵ и он попросил консула Люба расспросить об этом лам. Последний поручил мне. Никто, кроме Лубсан Вандана не мог ответить. Несколько слов сообщил габжу Элбэк из Гандана, человек добрый, честный, каковые в большинстве случаев встречаются среди пожилых лам в Гандане и Курене. Есть между ними очень симпатичные старики, настоящие багши.

Все сообщения о хас-тамаге сводились к тому, что тот знак обозначает постоянство, продолжительность, благополучие. Подобные сведения отосланы Гринцевичу с В.Ф.Люба.

3 августа. Записывал одну поэму «Галзуу Баатар» из уст обурятавшегося халхасца по имени Даба или Гомбожап. Живу у Жапа в доме Бадмаевых, где несколько меньше блох. Поэма не кончена. Обещал досказать после, до отъезда. Он едет в Агу со спутниками (покупатели тибетских лекарств для г. Бадмаева) на днях. Боюсь, как бы не улизнул, не докончив начатой поэмы, интересной с лингвистической стороны. Запись сделана стенографически. Построение слов сохранилось почти точь-в-точь, каким было в устах рассказчика. Герой борется с дьяволом.

4 августа. Записывал вчера до 2 часов ночи после поэмы «Галзуу Баатар» другую героическую поэму «Эрийн сайн Залуудай Мэргэн» («Залуудай Мэргэн — лучший из молодцеватых мужей») из уст монгола Магная, сторожа Бадмаева. Не кончил. Поэма рассказывается в прозе, но слова и сочетание их воспроизводится точно, с соблюдением знаков препинания.

Описывать решительно нечего, хотя очень много материала для зрительных впечатлений. Воображение почему-то спит, слова не вяжутся. А писать дневник по заказу — сверх моих сил. Записал две басни, одну большую — «Два брата и сестра» и одну маленькую — «Мальчик с пальчик». Сообщил очень умный хуврачок⁵⁷ из Гандана по имени Гонгор (см. запись).

5 августа. До 2 ч. дня записывал «Залуудай Мэргэн», но не кончил. Дописывал до 11 часов ночи, но не кончил. Содержание поэмы таково: «25-головый Мангатхай у царя Залудай Мэргэна

отбирает жену, подданных и богатства при содействии предателя табунщика. Залудай Мэргэн спасается с двумя верными соловыми конями. Ему после больших трудов и испытаний удастся при помощи коней (действуют словно люди) царевну Наран Гуа-дагини⁵⁸ [взять] в жены себе, которая, зашив ворот его рубашки, дала возможность победить врага, наказать изменника и вернуть свое добро с женой во главе. Молодую жену отдает сыну, сам остается с прежней». Действующим лицом являются, между прочим, Царь-птица Хан-Гарди⁵⁹ и небесная дева (дагини). Все отличаются (начиная с коней) сверхчеловеческими способностями. Произведение героического периода. Речь современно-народная, особенно с синтаксической стороны.

Жигжитжап Батоцыренов записал по-монг[ольски] 2 небольших предания об остроумном царевиче и о том, как один монгол спасся от рук чертей.

У халхасцев нет обычая ставить гостям баранью голову (төөлэй) при выдаче невесты замуж, [невесты] не отнимаются (басага буляалдаха), как у бурят.

Записывал загадки. См. 2-ю тетрадь*.

6 августа. Ничего почти не делал. Записывал по-русски сказку вроде басни «Гахай Тулгуши», т.е. «Свинья-ворожей» из уст бурят Цырен-Доржи Дашиева и Жигжитжапа Батоцыренова и Дава (молодой рассказчик «Галзуу Баатара»).

Комическая басня о том, как некий дурковатый человек лишь благодаря случайностям и недоразумениям получает славу великого лекаря и знахаря. Сперва исцеляет больную царевну, а потом одного царя. Получает хорошее вознаграждение. Рассказчики говорили, что басня имеется в Шидди Хуре⁶⁰, по характеру принадлежит скотоводам.

7 августа. Видел тибетский цам⁶¹, продолжавшийся 3 дня, при дворце Гэгэна. Тибетский цам скорее похож на европейские театральные представления, нежели мистерию, каковыми являются монгольский и бурятский цам. Сцена происходит довольно живо: лица разговаривают по-монгольски и тибетски, поют, дерутся... со свойственной тибетцам живостью. Маски и костюмы, роли лиц разнообразны и жизненны. Играют лишь тибетцы, они постоянно проживают в Урге (ибо Джебзун-Дамба-хутухта⁶² — сам из Лхасы). Сюжет трудно уловим, благодаря незнанию языка (да и не удалось видеть сполна). Народ (монголы) видит без понимания смысла. Все лица танцуют под аккомпанемент барабана и цимбалы. Сюжет виденной сцены, кажется: Лус⁶³, или кто другой, находит драгоценность чиндамани⁶⁴, но не знает, что это значит. Показывает одному отшельнику. Тот берет камень себе, а взамен дает хорошень-

* Слева надпись: Смотри маленькую синюю тетрадку.

кую женщину. Лус последнюю дарит одному ной-ону или царю, а взамен получает подарки. Происходит в сцене дуэль на саблях между мужчинами из-за женщины или оскорбления.

В заключение играется комическая сценка по адресу лам-джодчи. Это было в первый день.

Познакомился с ламой Дондуб-Доржи, 54 лет. Он брат покойного Тушету-хана, учился в Лхасе 23 года, а во время его отсутствия умер брат-хан. Престолонаследие должно было перейти к Дондуб-Доржи, ибо ни детей, ни других братьев не было у хана. Приехал Дондуб-Доржи из Лхасы, был принят как законный наследник в ямуне (губернское управление) — как хан, с большими почестями, но, оказывается, вдруг — приближенные покойного хана сообщая с младшей женой его повели в Пекине дело в пользу молодого человека (18 лет), сына незначительного родственника хана, в обход прямому наследнику, и Дондуб-Доржи формально проиграл дело, разорившись вконец.

Он, между своими жалобами, рассказал следующее: У Абтай-Сайн-хана была книга *Алтан дэб-тэр* в двух экземплярах, на небесном языке (уйгурский) и на монгольском. Первый экземпляр был положен в 16 веке вовнутрь бурхана в монастыре Эрдэни-Дзу⁶⁵ (что к западу от Урги, см. у Позднеева). В какого бурхана — определено сказать трудно. Вероятно, в Ваджрапани⁶⁶ или Гомбо или Дзу. А монгольский экземпляр утерян при нашествии Галдана⁶⁷, когда в Халхе правил Гонбо-Доржи-хан⁶⁸ и Первый Тараната⁶⁹ в Халхе (17 век).

В Ордосе при гробнице Чингиса живет 8 хухо, 8 *зайсанов*, 2 *гатос* и резаки лошадей, овец⁷⁰ и пр. Все эти должности суть наследственные и идут со времен жизни Чингис-хана. В Ордосе имеется какая-то историческая книга Хуху Туухэ — по-монгольски (справиться у Г.Н. Потанина).

8 августа. Дописал «Гахай Тулгуши», записывал героическую поэму в стихах (не всегда выдержан стих) из уст Манглай, рассказчика «Залуудай Мэргэна». Царь по прозванию Богдо-нойон Чжанрай-хан, встречает на охоте мальчика Боролзой-хуу и делает его дворовым мальчиком-караульщиком коней. Поставил на этот пост — сам предаётся наслаждениям в течение 77 лет, забыв про мальчика. Последний обижается, что его не сменяют, и грозит. Потом поднимается на небо. Он оказался сыном от младшей из трех небесных сестер, а спустился на землю, чтоб страждущим помочь, и спустился, обратившись в плохонького по виду мальчика. Расстаются мирно.

У хана имеются 4 богатыря. На Чжанрай-хана нападает исконный враг Хабхай-хуу Хара Сойо. Четыре богатыря встречают врага и погибают. Царица поднимается на небо. Сам Чжанрай-хан не в силах победить врага. Посылает на небо своему знакомому жаворонка с письмом. Боролзой-хуу

спускается. Под землей живут два старика — муж и жена. Они делают волшебную саблю для хана. Этой саблей обоим удастся убить врага с войском. Празднуют победу. Рассказ небольшой, но живой.

9 августа. Дописывал «Богдо-нойон Чжанрай-хан».

10 августа. Записывал по-русски из уст одного старика, Элбэк-габжу, ламы из Гандана (очень милый старик 56 лет), басни: 1) Черепаха, лисица и волк как вино нашли и пили; 2) Бедный человек как разбогател (целая повесть); 3) Три человека: а) с седой головой, но усы черные, б) с седой головой и усами, в) с седой головой, но, ни усов, ни бороды. Записано в синюю тетрадь. Он же дал мне неоконченную рукопись «История Ундур-гэгэна» неизвестного автора. Он происходит из рода Тушету-хана и имеет связи в Пекине.

11 августа. Манглай начал рассказ «Бедный и богатый юноши». Запись дословная, монгольская речь. Едут в Лхасу за счет богатого; проев все, занимают в дороге у одного богача 13 лан серебра. Прибыв в Лхасу, пробуют сделаться бурханом, но это не удастся, потому что они позабыли вернуть долг. Тогда оба отправляются к богатому: бедный перерождается в теленка, а богатый — в барашка. Теленок-корова народила массу других коров, да и молоко у нее было неистощимое. Барашек сделался большущим бараном с чудной и неистощимой шерстью. Перед смертью корове удалось еще спасти своих благодетелей от разбойников, предупредив их. Богач в страшном горе от потери коровы и барана (в один день пали), утром приходит лама, рассказывает правду о баране и корове, советует угостить, отдарить и рассказать (если потребуется) разбойникам о событии. Разбойники, услышав рассказ о трогательной благодарности двух юношей, уразумевают свою вину и, сбросив свои вооружения, летят с обрыва, но, чудом поднятые на небо, делаются бурханами вместе с богачом. А на небе их ждали оба юноши-ламы, теперь уже бурханы. Небольшой рассказик. Манглай очень ценил идею сего рассказа.

Собрались все знакомые буряты, агинцев и хоринцев всего до 10 человек. И устроили пиршество. Многие уезжали, а мы, значит, устроили проводины.

12 августа. Закончил рассказ Манглая о юношах. Кто хочет познакомиться с китайской архитектурой, в особенности с орнаментом, тот пусть едет в село Маймачен, что в 7 верстах от Урги к востоку, иначе Майма-хот, наз. Хуху-хото. Там живет много китайцев, есть и монголы. С антропологической стороны здесь интересно бы исследовать так называемых эрлизов, людей-ублюдков, происшедших от китайца и монголки*.

* Слева надпись: «Об эрлизах, помесь от кит. и мон-ки».

Так как здешние китайцы все не имеют при себе жен, то очень часты случаи, когда монголки рожают детей от китайца. Приходилось видеть девишек, рожденных таким путем. Они, по общему убеждению, никогда не рожают, весьма сладострастны и пополняют ряды многочисленных проституток. Так как они в большинстве случаев бывают довольно симпатичными, имеют успех среди богатого класса. Хотя чрезмерная свобода ургинских монголов и монголок, быть может, повела к уменьшению рождаемости, но никем из местных жителей не отрицается способность монголок рождать, а от упомянутой помеси — отрицается. Необходимо проверить.

13 августа. Скучища адская. Записывал из уст Цырен-Доржи Дашиева два рассказа «Шидди хура»: «Семь молодых и девица Сурун-Дава». Надо будет сравнить с писаными рассказами «Шидди хура». Набрисывал описание наадан (скачек) и вида Урги. Но ничего не делается, все валится вон из рук.

14 августа. Ничего не делал. У хоринских бурят есть поэма «Болод Хуурай хубуун»⁷¹. Знает ее рапсод Бадма Цыбикиев, недалеко от ж.-д. станции Онохой. Начал сказку «Дегирмеджид-хан»⁷² из уст Манглая.

Живут два брата, старший женат, второй — Дегирмеджид — нет. Он привозит себе из моря Махун — одну Дагини — цветочек Утпала. В море (озере) росло 3 цветка, один из них и сорвал Дегирмеджид. У Дегирмеджид-хана был пастух, а у него сварливая баба — Даргай Хара. Видит — качается у него чудный цветочек. Взяла этот цветочек, бросила в воду, а сама легла и заснула на месте цветка. Проснулся Дегирмеджид, удивился. «Ваш народ завистливый, ты видел мою красоту, а теперь до поры до времени мне необходимо иметь некрасивую форму», — говорит подставная жена. Дегирмеджид поверил. В то же утро жена брата пошла по воду, увидела и принесла оброненный цветок, мужу показала, а тот отправил цветок Дегирмеджиду узнать, что за цветок есть. Дегирмеджид удивлен, показывает жене, а та говорит: «Ну что ты! Мало ли похожих с виду цветов бывает! Мои сестры не могут сюда прибыть». Успокоился Дегирмеджид и на охоту уехал. А баба Даргай Хара велела отнести цветок в степь и сжечь, но посланные дети пожалели и оставили его на горке. Вернулся царь, а жена сказала, что она цветок спрятала в сундук. Цветок был отнесен в келью отшельника. Тот поставил его перед бурханом. Девушка принимает свой настоящий вид и делается младшей сестрой отшельника. Хан на охоте, увидав ее, берет в младшие жены. Рождается от нее сын — с золотым верхом (туловищем), с серебряным низом.

Дегирмеджид уезжает на войну или по управлению. Старшая жена, пригласив младшую (да-

гини) с ребенком, опаивает ее крепким вином (ядом), та сваливается, тогда злодейка убивает сына, режет на куски, кровью и мясом обмазывает губы, руки и заявляет, что мать убила своего ребенка, ела мясо... Пришел народ и глазам своим не верит. Мать лежит пьяная, безобразная, держит в руке сердце ребенка, рот и руки все в крови... Приехал царь Дегирмеджид, узнает из уст старшей жены Даргай Хара о преступлении молодой жены, отправляет преступницу в безлюдную степь, повелев искалечить и бросить. Посланные пожалели красавицу и хотели оставить целою, но она сама потребовала, чтоб ее рассекли пополам и бросили — одну половину от другой на шесть взглядов (около 300 сажень). На том месте, где убивали красавицу, образовалось море (озеро), а от переднего туловища — красный сандал. Где раньше не было ни воды, ни дерева — и вода оказалась, и деревья выросли. Охотился царь, устал и заблудился было, но наехал на озеро и деревья. Удивлялся чуду, расположился отдыхать... Прилетели две птицы Галеванга (райская птица) и попугай, сели на два зандана, и начал попугай рассказывать сказку другой птице. Рассказывает о всех похождениях Дегирмеджид-хана вплоть до данного момента. Хан, услышав рассказ и узнав свои ошибки, несколько раз падает в обморок. Кончив рассказ, птицы улетели в пещеру отшельника. Пошел туда и хан. А там сидят жена и сын. Поклоняется ламе-спасителю. Получают все благословение, едут домой, праздновать освобождение от страданий. Злодейку Даргай Хара, виновницу всех неприятностей, подвергает хан жестокой казни (все жилы вымотали), зарыли в землю, семь хороших лам совершают похоронные чтения, дабы не поднялась опять ведьма. Зажили в счастье и довольстве.

15 августа. Тоже ничего не делал. Дописал текст вчерашней сказки. Записал несколько песен и загадок.

16 августа. Начал записывать повесть (текст) о бедном Бадарчине (нищий лама). Шел в Баруун Джу⁷³. Один старик дает ему четки, протертые от частого употребления, прося отдать Банчен-богдо⁷⁴, дескать, столько мани⁷⁵ прочитал. Старик и старуха посылают с ним хадак Банчену, с просьбой указать суженого жениха единственной их дочери. Идет дальше, заходит в юрточку, там старуха сидит. Напился, наелся, спать лег, старуха разбудила и просит поскорее уйти: «Сын мой стал людоедствовать, и он тебя съест». Бадарчин остается. Приходит людоед, собирается резать гостя. Бадарчин просит повременить, дабы он мог помолиться бурхану. Людоед соглашается. Людоед вдруг вспоминает, что Банчен-богдо повелел ему, съев 99 человек, на сотом срезать свои сердце и легкие и представить Банчену. Лю-

доед рассекает себе грудь и отдает сердце с легкими Бадарчину для передачи Банчен-богдо. Сам умирает. Бадарчин уходит прочь, взяв посылку. Приходит в Баруун-Джу (где, по простонародному понятию, обитают Банчен-богдо и Далай-лама), посылка провоняла ужасно. Бадарчин, не посмев взять в монастырь такую вещь, оставил за монастырем, а сам пошел к Банчен-богдо.

— Ну что, никто мне ничего не послал? — вопрошает Банчен-богдо.

— Да один старик послал четок целый куль.

— А еще кто что посылал?

— Нет, никто ничего не посылал.

— Так-таки ничего?

— Людоед послал свое сердце с легкими, а я... оставил за городом, провоняло все...

А Банчен-богдо велел принести посылку и поставил перед бурханом. Дал одного ученика показать монголу храм, дабы помолился он. В храме было очень много бурханов, были бурханы, известные монголу, были и неизвестные. Один бурхан был точь-в-точь в людоеда, когда он вынимал свое сердце. Сказал об этом Банчен-богдо.

— Вот видишь, он самый и есть. За то, что искренне поднес мне свое сердце, сделался здесь бурханом, которого ты видел. Он раньше тебя прибыл, — говорит святой.

Посмотрел четки старика, а в мешке — все безголовые черви. Старик-то для показу читал маны, да и то неверно — пропустив *ом*. Оттого и сделались черви безголовыми. Удивился Бадарчин, обратно на свою родину идет. Зашел к старику, что четки послал, но не посмел правду сказать, сказал, что Банчен-богдо доволен, похвалил. Зашел к старикам, что о дочери спрашивали. Об их заказе вовсе позабыл, вспомнил, когда увидел юрту. Поднял с дороги собачий череп, обмотал шелковыми нитками и отдал.

— Никому не показывайте, спрячьте подальше и молитесь. Суженый жених придет сам. Так говорил Банчен-богдо, — говорит Бадарчин.

Те поверили, так и сделали.

Раз неподалеку от юрты остановился лагерем богатый китаец; его слуга по воду пошел да подслушал, о чем молятся старики. Стал вне юрты, как раз против бурхана, и говорит: «Отдайте дочь свою за слугу сего китайца. Он суженый вашей дочери». Услыхали старики, поверили бурхану и отдали дочь свою, в приданое дали всех своих немногих коз. Рассчитался китаец-слуга со своим хозяином, стал жить с женой. Подумал раз китаец: «Убью-ка я свою жену, трудно жить бедному. Присвою ее приданое, всех коз, возьму на них другую жену и буду жить-работать». Решил и уложил свою жену в сундук, снес в пески и зарыл, а сам ушел, забрав всех коз, ушел к другому китайцу, юрту поставил.

Охотился молодой царевич, неженатый, со своей свитой ехал. Увидали бугорок в песке, царевич выстрелил, в крышку сундука стрела ударила. Достали сундук, а в нем девушка лежит. Стали расспрашивать ее, она все рассказала. Царевич велел своим людям поймать двух молодых барсят (щенят барса) и положить в сундук, и в прежнее место в песок зарыть. Так и было сделано. Взял царевич девушку и вернулся к себе.

Китаец сказал своим соседям: «Я буду ночью своему богу молиться, быть может, услышите крик и плач мой, не смейте подходить». Китайцы согласились. А наш китаец пошел к тому месту, что жену свою зарыл, достал сундук, притащил в свою юрту, заперся получше и закрывать стал сундук, чтоб жену зарезать. А оттуда как выскочат барсята, да как схватят злодея — взвыл китаец, но соседи подумали, что он своему богу молится, никто не пошел спасать. Звери разорвали китайца, выломали юрту и убежали. И китайцы ушли, узнав о загадочной смерти соседа.

С того времени, как царевич девушку в жены взял, вся страна в царстве подверглась различным бедствиям, засуха была страшная, все повысохло, ничего не родилось, скот падал, на людей мор напал. Все, от мала до велика, стали обвинять молодого царевича, говорили, что он женился бог весть на ком, на найденной несчастной. Наша девушка, наследникова супруга, пуще всего страдала, не знала, просто, куда деться.

— Хоть бы сжалился надо мною наш бурхан, от Банчен-богдо посланный, — думала она и плакала, и молилась.

Раз, рано утром, приехал чудный лама на двух прекрасных соловых конях: один — на поводу, на другом сам сидит. Приехал и остановился у царевича, назвался братом несчастной и царю об этом заявил. Сказал, что не знал, где его единственная сестра, услышал от людей, что она стала супругой царевича и приехал повидать и приданое дать. «Посмотри-ка, милая сестра, — говорит лама, — не видать ли моих людей?» Посмотрела — впрямь: целый караван идет: все верблюды, верблюды, все навьючены, а сверху красным чехлом покрыты. Остановился караван недалеко, обширным и роскошным лагерем расположился. Лама отправился к своим, 7 суток там пробыл, и после этих 7 суток в стране все к лучшему пошло, все ожило: воды потекли, травы и цветы, кусты и деревья расцвели, и птички и мотыльки запорхали. Потом лама всех пригласил к себе в гости, пригласил от хана до последнего раба, малых детей не оставил. Угощал 3 дня непрерывно, отдал драгоценностями в изобилии и отпустил своих гостей, оставив на время свою названную сестрицу, царевича жену. Когда все ушли, лама сказал сестре, что он есть ни кто иной, как сам Банчен-богдо.

— Услышал искренние молитвы твои, и вот я сам прибыл к тебе. Будешь отныне счастлива, никто тебя не обидит. Твои родители давно уже умерли. Все, что ты здесь видела, весь красивый лагерь, все богатство, все это один обман, пусто. Смотри! — при этих словах ламы все исчезло, остались одни развалившиеся куски от старой юрты, да сам лама.

— А вот остатки юрты твоих родителей, — продолжал лама, — так знай и верь, что я Банчен-богдо, посетил тебя, всегда помни меня и молись. Но никому не говори, не хвались, что я посетил тебя и облагодетельствовал, нельзя этого делать. Если есть у тебя человек, близкий к сердцу, можешь говорить! А теперь прощай, — и исчез лама. Хан умер, царевич занял престол, и жена его стала старшей царицей.

Текст — в прозе, но записан, как и все тексты, как можно точно, почти стенографически, с соблюдением особенностей звука и словосочетания. Здесь в пересказе подробности опущены, как и в предыдущих пересказах содержания поэм.

Рассказчик — Манглай, 45 лет, долго жил в Урге, происходит из олетов, но превратился в халхасца. Человек всевышней степени набожности, имеет жену и одну дочь, очень любимую им. Жена же сбежала, будучи легкого поведения.

17 августа. Поклонялись Шара ордо (желтый дворец) в Курене, уплатили по рублю. Здесь находятся статуи гэгэнов. В полумраке плохо видны, ламы страшно торопят, но все же успел рассмотреть статую восьмого (нынешнего) Гэгэна. Очень похожа, работа монгольская, слеплена из бумаги (по словам прислуги-ламы). С нами была жена Жамцаранова Жапа. Так как в Курень и Гандан женщинам воспрещается (недавно) входить, мы должны были бы взять разрешение от главного управления ламством, но во избежание волокитства и расхода, решили идти напролом, опираясь на то, что мы русские подданные, приехали издалека... Чтобы внушить уважение, надели крылатки-дождевики (было сыро), взяли зонты и трости и пошли важно, словно нойоны. Благодаря ли этой хитрости, или случайно, нам неприятности не делали. Поклонившись Майтрейе в 80 локтей, храм (как большинство других ургинских храмов) содержится не особенно чисто и далеко уступает по роскоши и по числу бурханов нашим бурятским дацанам.

Поклонялись, и познакомился я с тибетским ламой Бартай Римбучи⁷⁶, или Барити-гэгэн, который был командирован Далай-ламой — учителем Джебзун-Дамбы, но последний отказался (поздно учиться уж было), поставив в неловкое положение Римбучи. Бартай Римбучи очень интересовался, как и все тибетцы, положением Лхасы и вообще Тибета, интересовался русско-японской

войной. Знаком был с географией из книги Замлиншайбшад⁷⁷, сочинение, кажется, Миндол-гэгэна. Весьма симпатичный лама, как человек, монах, собеседник. Он слышет, особенно в Тибете, за великого предсказателя, и Жигжитжап и я спрашивали кое о чем. Он бросал кубики и сейчас же говорил. Жигжитжапу категорически заявил, что для него кроме торговли никакое другое занятие не выгодно, а образование получать он неспособен (хотел ехать в СПб). На мой вопрос, как вообще можно предсказывать будущее, когда все зависит от массы причин и условий, лама отвечал, снисходительно улыбаясь: «Уже в предыдущей жизни (в бесчисленных перерождениях) человек накапливает карму, которая уже с необходимостью предreshает нашу эту жизнь. Кем и каковым быть Жигжитжапу, чем ему заниматься суждено с успехом, или в чем он не будет иметь успеха — дело, предreshенное предыдущими деяниями. Так как все происходит по закону причины и сопричины (условий), и все будущее и настоящее необходимо связано с прошедшим, является возможность предсказывать будущее». Таковы были слова ламы. Дописал текст о бедном Бадарчине, содержание которого передано выше.

17 августа. Почти ничего не делал, кроме описанного.

18 августа. Ничего не делал.

19 августа. Тоже ничего не делал. Записал анекдот-басню из уст Элбэк-габжи. Покупал ремни для подпруги и узды. Начинаю собираться в дорогу. Куплено было два верховых коня, оба соловые. Один — за 27, другой — за 25 руб. Обзавелся седлом, обошлось в 27 руб. Трава в окрестностях очень плохая, чуть не утомил коней. Вязанка сена фунтов пяти стоит 20 коп., мясо барана — до 3 руб., ремень за маховую сажень — 15–20 коп., сахар русский, пиленый — на 20 коп. дают 60–70 штук, чай кирпичный — 40 коп., полкирпича (монг. ед.) — 20 коп., за него дают 3 *даши* хадака⁷⁸, а на 1 целый кирпич (40 коп.) дают 1 *вандан* хадак. На полчая дают также 1 *серши* хадак. Сии хадаки ходят вместо монет. Чай байховый, довольно хороший — 30–40 коп. фунт. Майхан хороший (палатка) на 5-6 и более человек — от 17 до 25 руб., только сделана из бумажной непрочной материи. Это все от нечего делать.

20 августа. Ничего не делал, небо и воздух готовят что-то, скорее всего — снег.

21 августа. Падает снег.

22 августа. Снег продолжает идти. В окрестностях на хребтах дошел, говорят очевидцы, до брюха коня. Как же поедем домой!? Нечем коней кормить, нечем огонь разжечь. Скучища невозможная, делать нечего, хоть полезай на стену.

23 августа. Вдруг написал корреспонденцию в Санкт-Петербургские ведомости.

24 августа. Записывал загадки на листах.

25 августа. Записывал несколько песен от монгола-скрипача (Лувсан хурчи)⁷⁹, между песен — одна прочувствованная песенка влюбленного. Был с визитом у младшего брата Гэгэна, Хайдуб Чойжина, состоящего в должности Гужирханбо (министр двора). При нем — девица. Просил писать из Питера, сам обещал отвечать. Увидим. Был с визитом у Мунко-Галдана — ямунский переводчик и письмоводитель. Подарил ему сборник «300 бурханов»⁸⁰ из соображений о будущем. Получил монгольскую биографию Джанджа-хутхты⁸¹ с рисунками, описание-похвалу Утайшаня⁸², плохой рисунок Таранаты и другие незначительные вещи, рукописи. Обещал отыскать и дать монгольскую Панчаракшу⁸³ с рисунками и Мани Гамбум⁸⁴, но не смог найти. Человек образованный (монгольский, тибетский, маньчжурский, немного китайский), простой и разговорчивый, но отнюдь не болтун. Всегда чем-нибудь занят. На меня произвел очень отрадное впечатление.

26-27 августа. Собирались в дорогу. Наняли в проводники и работники одного монгола из чахар, по имени Цаган. Он долго жил в Урге, бывал в Бурятии, вместе с Жигжитжапом баранов гоняли. Наняли его до р. Ульдза⁸⁵ — Ундур Дабун за 10 руб., а если поедет до юрты Жигжитжапа — 25 руб. Конь его. Харчи наши. Он должен запрягать, варить пищу, смотреть по ночам за лошадьми. От Урги ночей 5 необходимо покараулить коней, притом в оба глаза, а то уведут. Распрощался со знакомыми. Гомбожап-габже сделан заказ *Таранаты* за 15 руб.

28 августа. Выехали наконец-то. У нас две телеги, набитые вещами. Жигжитжап везет свою домашнюю утварь, несколько вещей торгового дома *Бадмаева и К.* в Акшу. Ургинский магазин Бадмаева был распродан при мне, со служащими рассчитались, а Жигжитжапа попросили перевестись в Читу. Так вот едем все верхами, а обозик ведем на поводу. У Жигжитжапа имеется 3 коня: два — под телегу, один — под него. На моем заводном коне едет его временная жена (вероятно, разведутся). Я пользуюсь телегой и палаткой, за что плачу 10 руб. Цагану и даю коня до половины пути, где имеется конь Жигжитжапа. Если его не окажется, даю коня до дому.

29 августа. Ночевали в 25 верстах от Урги у одного древорубца. Его занятие — рубить лес и продавать дрова, жерди, чурбаны... Денег у нас очень мало. У меня 16 руб., да у Жигжитжапа 20. Что сделаем, если выкрадут у нас лошадь? Едем довольно поздно, взяли несколько полешек, ибо дальше нет топлива, земля мокрая, стало быть, и аргала не достанешь. Небо ясное, прекрасное, а ночь была восхитительная. Одна упряжная лошадь, данная торговым домом, собирается

богу душу отдать. Променяли с одним монголом на другую клячу, прибавив 2 руб. Обедаем на р. Тола, свернув с пути налево (север). Пришли двое монголов — один старик, другой мальчик. Стали милостыню просить. Старик уверяет, что он на востоке живет, а мальчик — тут же. Очевидно, незнакомы друг с другом. Даем сухари, мясо, суп. Ушли мы коней своих ловить, остался один Цаган с Лубсаной палатку убирать. Вдруг мальчик обращается к старику: «Отец, пойдем домой!» Посмотрела на них Лубсана, они оторопели и ушли. Эки мошенники: чтобы больше выпросить, вздумали обмануть нас. Встретились с одним богатым монголом, он свой табун поил. Говорим ему о случившемся.

— Да что вы смотрите на них, гоните прочь от себя! А то они своруют что-нибудь. Я их знаю, у них есть несколько коз, баранов. Пасут они чужое стадо. Далеко не нищие.

Едем дальше.

30 августа. После обеда ехали до поздней ночи, не могли добраться до воды, пришлось свернуть с дороги и заночевать. Не разводили костра, не ставили палатку, дабы воры не заметили. Ночь была холодная. В первую половину ночи за лошадьми смотрел Цаган, а во вторую — Жигжитжап. Завтра моя очередь. Встаем утром, до солнца, оказывается в одной версте вода была — *Зурхэ зуунэй [?] булаг*. Чаевать стали, шашлык изжарили. Проехали верст за 20, пообедали у ключика.

30 августа. Ехали до поздней ночи, все время рысцой — на ровном месте или под гору, и шагом — в гору. Так ехали и раньше, так же будем ехать все время. Выдержат ли кони двухнедельной такой езды? Ведь они бессменны... Перевалили через высокий хребет Шурганту, где свирепая гора Хуца. Если кто осмелится произнести название хребта или горы — пропал: или громом ударит, или воры выкрадут, или же захворает. Я не знал этого и произносил по дневнику отца, который он вел в 1892 году, и испугал Цагана.

Конь Лубсаны зевает, всю дорогу зевал. Сорока на перевале встретила и несколько раз зачирикала, подпрыгивая рядом. Наш бурято-монгольский оракул объяснил, что кого-нибудь ожидает радостная встреча. Отъехали верст 10 — навстречу нам трое лам, тунгусы, знакомые Лубсаны (она тунгуска), они передали ей поклон от ее учителя с хадаком. «Уж раз конь зевает, непременно что-нибудь хорошее случится», — говорила уверенно Лубсана.

31 августа. 3-ю ночь ночуем в одной пади: 2-ю половину ночи караулим коней от 12 до 5 часов утра.

31 августа. Под вечер приехали в Зуун Хурээ, на правом берегу р. Керулен. Ночуем 4-ю

ночь. Один упряжной конь захромал, остановились менять. Зуун Хурээ основан, по словам делопроизводителя при Хурээне, младшим братом 2-го хутухты Таранаты, в год железного зайца, около 200 лет тому назад. Лам набирается до 1000. Школы суть чойра (цаннид), джуд, дуйнхор, бадма-йога.

1 сентября. Остались искать коня. Цаган познакомил меня с Дэмчиг зайсаном (упомянутый писарь). Подарил знакомства ради хадак (в 1 руб.), мыло в красивой обертке и пузырек с ничтожным количеством шафрана. Получил взамен рукописи: «Историю (повесть) Наран Гэрэлдагини»⁸⁶, «Оюун Тулхюур»⁸⁷ (Ключ разумения), Положение о наказаниях за маловажные преступления и письма.

Лица наши загорели от солнца и ветра, особенно правая щека, обращенная к югу при езде на восток. Чтоб спастись от дальнейшего загара, обмываемся сырым супом. Это единственное верное средство от загара, применяемое степняками Монголии и Бурятии.

2 сентября. Ночевали на левом берегу Керулена, отъехав от места прежней ночевки на 4 версты, у перевоза. Утром знакомый Жигжитжапа, лама-гэбкуй Лубсан Балдан привел коня, променял с хромым, мы дали в придачу 8 руб. Караулили во вторую половину ночи. Палили из браунинга, чтоб враг знал, с кем имеет дело. Здесь кража коней вошла в славу. Продрог так, что зуб на зуб не попадал. Шубы у всех легкие, летние, а холод — поздней осени...

Переехали Керулен на быках за несколько раз. Жигжитжап потерял ремешок от сбруи и беспокоился, видя дурное предзнаменование. До этого в Урге он потерял свое кольцо с печатью и, несмотря на тщательные поиски, не могли найти. Потеря кольца означала очень плохое предвестие. Смерть хозяйки, болезнь, потеря друга или близких вообще людей. Несмотря на мои доказательства о случайности потери, Жигжитжап впал с того времени в уныние, обращался к ламам, но ничего не помогло. А один мошенник предсказал, что какая-то ведьма горы собирается напасть на него. А он поверил. Сейчас он страшно изменился в лице, говорит, что сны у него зловещие, что лучше застрелиться, нежели потерпеть несчастье. Свои револьверы я решил никому не давать, ни ему, ни Цагану. У Жигжитжапа был маленький *Смит Вессон* с тремя только пулями. Жигжит берет их. Раз Цаган выпустил одну, другую: ему почудилось, что враг крадется. Осталась одна пуля, и Жигжитжап приказал не расходовать ее. Ехали долго, сильно.

3 сентября. Обедаем на берегу речки Юдук. Путники не называют, но местные не церемонятся. Реки Керулен и Тола⁸⁸ считаются братьями.

Первая — старшим, а потому до перевала нельзя называть Толу. Керулен обидится, что предпочитают ему младшего брата — Толу. А потому Цаган сообщил об этом поверии только здесь, когда отдыхали подальше от Керулена. Сначала Керулен тек на запад, но потом по чьему-то велению повернул на восток. Едем. Поели свежее мясо. Перевалили через знаменитый перевал Юдук, на перевале — громадный Улу⁸⁹, куча хворосту и валежника, конусообразной формы, увешена ленточками, хадаками и проч. приношениями путников. Ж. бросил 2 коп., Лубсана — конфеты, Цаган — табак и кругом обошли, а я выстрелил в гору и леса. Была ранняя ночь. Когда я произнес громко: «Ну вот Юдук, отныне ты обязан охранять нас до дому, от ворогов и обманщиков оберегать. Иначе плохо будет!», — Цаган, остервенев, бросился ко мне, крича: «Ты — русский! Крещен, да!?» Так же были встревожены и мои товарищи.

— О! Не беспокойтесь, ничего не случится с нами, — говорил я уверенно. Проехали еще 25 верст до полуночи и заночевали. Цаган выпустил последнюю пулю. Встали утром, двух коней нет — мой и Цагана. «А что? Извольте, нойон, разыскать их!», — говорит Цаган. А мне так хочется полежать, выспаться на славу.

— Что же, взыщем с хошуна, — отвечаю Цагану и поворачиваюсь на другой бок. А Цаган не дает спать, кричит, сон разогнал, всех на ноги поднял. Смотрим, только четыре коня пасется, двух и след простыл. Что за оказия! Цагана послал я сходить на бугорок, посмотреть на все четыре стороны. Лошади оказались как раз под бугорком в пади. Теперь уж пришла очередь мне ликовать.

4 сентября. Перевалили через перевалы Юдук и Табун Толгой (тоже не называемый). Обедаем в долине Хурха. Записал по-русски из уст Цагана содержание поэмы «Эрээдэй Мэргэн-хан» и «Тоодор Мэргэн-хан» (см. синюю тетрадь III).

5 сентября. Ночуем в Хурхе. К вечеру приехали к знакомому Ж. — Дансрон Хабуну на Хурхе. У него была кобылица Ж., оставленная в прошлом году. Нас приняли как гостей. Записал по-русски пересказ героической поэмы «Мэргэн-хан» и «Уртаа Шара-хан» из уст Цагана.

6 сентября. Ночуем у Дансрона. Угощали вином. Купили барануху за 3 руб. Ж. свою кобылицу променял на коня, прибавив 12 руб. Нас отпустили кисетами и хадаками. Дансрон — человек чохоточный, одна половина легких (левая) уже погибла. Увидав мою дорожную аптечку, Дансрон очень просил взять от бурятских медиков лекарства и послать ему с Цаганом. За это дал около 4 ланов серебра. Взял серебро, чтоб ему лекарства купить. Выехали в полдень.

7 сентября. Девятую ночь провели на берегу речушки Зуун Баян. Обедали у пруда Дунда Бурду.

8 сентября. Десятую ночь провели на берегу реки Сайхан. Обедаем на Цаган Нур, безводное, солончаковое место. На берегу озерочка с соленой водой вырыта ямка в 2 аршина глубиной, а в ней хорошая вода. Незнакомый путник ни за что не отыщет. Спасибо Цагану.

9 сентября. Одиннадцатая ночь проведена в верховьях р. Ульдза. Обедаем в долине Ульдза, в 20-25 верстах от Ундур Добуна. Цаган отказывается ехать дальше, говоря, что у него лошадь чужая. Надо заметить, что в Урге его лошади вовремя не прибыли, а Цаган взял взамен на свою лошадь знакомого. Хочет ехать обратно. Так как одна упряжная лошадь у нас очень дика, и каждый раз запрягаем ее силком, благодаря только ловкости Цагана, мы очутились в довольно тяжелом положении. Соглашаемся отпустить Цагана, снабдив котелком и остатком мяса и чая. Цаган начинает колебаться, принялся ворожить на четках и соглашается ехать с тем, чтоб сверх [дали] 15 руб. (с прежними 15, всего 25 руб.) помогли ему променять коня.

Двенадцатую ночь провели в долине Ульдзы, сварили чай водой, взятой в бутылках. Чаюем и обедаем, отъехав верст 25 от ночевки на Ульдза же.

13-ю ночь провели на Ульдза же, где до рога отходит на Баян-Дун — северо-восток, а Ульдза — на восток. Купили барануху за 5 руб. Цаган убивает барануху один, опрокинув вверх ногами, распарывает брюхо чуть пониже ложечки, засовывает правую руку, процарапав диафрагму, добирается до артерии и отрывает ее пальцем. Чтоб животное не дрыгалось, правую свою ногу кладет на задние ноги жертвы (через пах), а левой рукой держит передние ноги. После освобождения правой Цаган переводит левую руку на глотку, чтоб животное не кричало, а ноги держит уже правой рукой, побывавшей внутри животного. Так режут овец и коз монголы и буряты. Кровь, которая через пораненные артерии наполняется во внутренних полостях животного, собирается в сосуд, наливается потом в очищенные кишки и желудок и варится. Здесь провели 13-ю ночь.

14 ночь провели на берегу речки Турген. Обедаем на Замай Булаг («Ключ пути»). Встретили трех тунгусских мальчиков, приехавших в монгольскую степь тарбаганить. На обед мы сварили лопатку. По поверию монголов и бурят, лопатку (далын хуулдаса) нельзя есть одному. Иначе плохо будет. Цаган рассказал следующее: «Ехали два человека — один старик, добрый, другой — молодой, прожорливый, злой. Ночевали в одном месте. Утром молодой убил коня старика, пришел и сказал: «Твой конь издох». «Не может быть, — отвечал старик. — Мне 70 годов, до 70 лет ни разу не ел один лопатку (далын хуулдаса — мясо на

гладкой стороне). Не может быть, чтоб мой конь пал. Ступай проверь». Пошел тот и видит — его конь убит, а не старика. А молодой-то был прожорлив, все один съедал лопатку. За это и поплатился конем». Лопатку (кость) нельзя бросать целою. Необходимо разрубить, чтобы кто-нибудь другой (злоумышленники) не взял и не стал ворожить. Мы с самого начала выезда несколько раз ворожили лопаткой о благополучном пути, о будущем каждого и пр., хотя в дороге ворожить считается не особенно позволительным. Жигжитжапу пророчило, что перед ним масса преград и неприятностей. Цаган уверенно говорил, что или лопатка врет, или Ж. не доедет до дому. Мне выходило, что одна моя половина умерла или умрет, а другая благополучно прибудет в намеченное место, в СПб.

— Если есть у тебя любимая жена, с ней что-нибудь случилось, — говорил Цаган.

Если кому-нибудь пришлось есть в дороге баранью лопатку, он должен хуулдаса (задний мускул) налепить на свое кнутовище (ташуурайгаа бурээдэ няахо), иначе плохо будет. Один бурят ночевал в лесу, сварил себе ужин из бараньей лопатки, но хуулдаса съел, считая суеверием — не есть. Вдруг через его плечо протянулась рука, большая, некрасивая, скрюченная внутрь, и слышался глухой голос «Дай мне». Бурят испугался, бросил все мясо, какое он не успел съесть и ускакал прочь (сообщил Цэритор Барадийн, хори-бурят, ходанца, шарайдского рода, Агинской волости).

Надо заметить, что о костях животных (барана) существует масса поверий и правил, существует строго установленный обычай, как резать, как ставить, и кому тот или иной кусок мяса (цельную кость). Некоторое указание о костях имеется в рукописи покойного агинского бурята Цыбика Онгодова⁹⁰, которая находится у Андрея Д. Руднева или в Троицкосавском отделении Географического общества. Рукопись во многом интересна и как произведение бурята, и по содержанию (обычай, игры, и пр. пр.). К сожалению, мне не удалось списаться.

13 сентября. 15-ю ночь провели на р. Хорин. Обедаем на летниках русских пастухов (Умархуйн Зуслан).

14 сентября. Ночуем недалеко от г. Акши.

15 сентября. 17-я ночь проведена в уездном г. Акше (небольшое село). Познакомился со своим однофамильцем — Жамцарановым (вернее, отчество, а не фамилия), служащим, столоначальником при полицейском правлении. Встретился с товарищем по школе — Ринченом Шагдаровым, переводчиком при полиции. Если что-нибудь нужно перевести с монгольского на русский или обратно, посылают в Акшу (это из Читы!). Выехал с

Жамцарановым верхом, оставив с Жигжитжапом в Акше свои вещи.

18-я ночь у Жамцаранова, в Кулурукте (Шандали).

19-я — у Батоцыренова, отца Жигжитжапа — в ожидании прибытия обоза. Достал у одного медика лекарства для Дансрона, поднес серебро и хадак, а получил за это 61 порошок. Запаковал, приложил подробное указание, как принимать, что соблюдать, и отдал Цагану, прибывшему с обозом ночью. Жигжитжап со своей женой отправились к родителям.

20-ю ночь — у родителей. Приехал домой поздно, перед рассветом, на тунгусском ямщике (верст 50-60) за неимением передаточных станций. Издали нас заметили, конечно, собаки, а они злы и круты у нас. Подъезжаем к юртам, на летнике стоят, хотя пора уже на осенник. Встречает нас человек в 100 сажнях.

— Что за диво? Неужели не спят? — думаю про себя, и тунгус удивляется. Оказывается, перед нами мамаша стоит. На мой вопрос, все ли здоровы, — не отвечает, попросила в юрту войти. Вхожу — свеча теплится перед бурханом, еще больше удивляюсь. Раздобыли огня, большой костер зажгли. Папа на кровати спит, а мамаша такой измученный вид имеет, на десять лет постарела. «Ну как? Здоровы все?» — спрашиваю я. «Ах, кто лучше из нас — умер, кто похуже — остались!» — разрыдалась. «Наш Базар умер. Ничего не могли поделаться. 3-4 дня болел, сердечный, под правой подмышкой опухоль вышла. Пригласили ламу, он лечил. Пригласили и эмчи-ламу⁹¹... Все думали, болезнь пустяшная», — и т.д., и т.д. А слезы так и лились по опустившимся щекам мамаша. Отец разбудился. Тоже зарыдал. Были рады, что я к ним заявился, а не уехал через Кяхту. Удар был для меня чересчур тяжелый.

Родители приняли все меры, чтоб покойный родился в стране беспечальной, и утешали себя лишь тем, что их сын был бесконечно добр, помогал всякому, чем мог, был любим и уважаем всеми, и что оплакивают его не только родители, но и все общество.

Брат Базар умер на 23 году по-бурятски, и на 22 году по-русски, около 18 июля, холостым. Вел запись некоторых обычаев своих сородичей (обычай гостеприимства — как угощают мясом — төөлэй туруу), брака; вел запись современных ему песен и загадок, все — на отдельных листочках, за последнее время был занят совместно с отцом собиранием бумаг по избавлению от реформы; родословные таблицы нашего хухуура (ходанца-шарайд), составленные отцом, очень интересовали брата, и он принимал близкое участие в нем. Эти таблицы находятся в чужих руках — на пользовании. Один экземпляр рукописной бурятской истории, составленной Шираб-Нимбу Хобитуевым⁹², принадлежащий брату и им переписанный, представлен в числе материалов, данных для пользования.

Вернувшись из Урги, я пожелал собрать бумаги покойного, но большинства их не оказалось. Вероятно, они находятся на руках у кого-нибудь, если не затерялись во время смертной суматохи. Покойный окончил Агинское бурятское училище (начальное)⁹³, а монгольскую грамоту получил от отца, как и я, пишущий эти строки. Да простят мне, что я так много распространился о частном, лично для меня интересном вопросе. Прощай, дорогой брат! Пусть останется хоть маленькая память о твоём кратком пребывании на печальной земле!

Родители хотели было задержать меня взамен покинувшего их брата, но ламы (учителя) убедили не делать этого, пока я не кончу образования.

Кроме того, собрано несколько рукописей, записки и сочинения бурятских авторов, интересных, как с бытовой стороны, так и со стороны содержания.

Описание праздника *морни наадан*⁹⁴ прилагается особо.

Провел в дацане и в Аге, селе, двое суток, и все время был свидетелем безостановочного, почти стихийного течения богомольцев в Ургу, к Далай-ламе.

5 сентября. Сел в поезд и мчимся в Европу. Опись материалам и сами материалы будут представлены отдельно.

Примечания

¹ Печатается по публикации; Цыбен Жамцарано. Путевые дневники 1903–1907 гг. / сост.: Ц.П. Ванчикова, В.Ц. Лыскова, И.В. Кульганек. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография». 2011. С. 97–129 (примечания: С. 241–245). При передаче текста дневника были сохранены его орфографические особенности с исправлением явных орфографических ошибок. Имена собственные, географические и этнические названия, различные термины, имеющие разночтения и разновариантные написания по мере возможности унифицированы по преобладающей форме, а некоторые термины — по принятой и устоявшейся в традиционной научной литературе форме. В случаях, когда слово или предложение отражают особенности диалектного языка, они передаются в тексте на языке оригинала, а перевод их на русский язык приводится в квадратных скобках [...] или в примечаниях. В квадратных скобках приводятся слова, дополненные составителями для уточнения смысла, знаки вопроса при сомнительных или непонятных оборотах и терминах, расшифровка слов или текста от издателей.

Примечания автора дневников даны постранично. Приписки, сделанные автором на полях или других местах, воспроизводятся как продолжение текста рукописи вне зависимости от их месторасположения и оговорены в при-

мечаниях. Числа, обозначенные буквами, переданы арабскими цифрами, собирательные и архаические формы обозначения чисел сохраняются словами (полтора, семеро и т.д.).

Для передачи текста фольклорных и диалектных записей на бурятском языке мы стремились сохранить особенности оригинала рукописи. При этом руководствовались разработанной Ц. Ж. Жамцарано системой транскрипции, хранящейся в его личном архиве [ЦВРК ИМБТ. Ф. 6. Д. 12. Л. 10–12], и использовали опыт бурятских фольклористов по изданию фольклорных памятников на современной бурятской графике: обозначение долготы через тире над гласными буквами а, у, и, о, э передано удвоением этих букв (улан — улаан); дифтонги: oi — ой, ai — ай, ei — эй, ui — уй (хоимор — хоймор); знак палатализации согласных: je — е, ja — я, jo — е, ju — ю, nij — ные, ние (жабаба — ябаба); буква о, у с диакритическими знаками заменены на у, о (хул — хуул, бо — боо); буква i в начале или середине слова — и; буква е в начале, середине конце слова — э; буква ы в начальном слоге — э.

² Ага — центр Агинского Бурятского округа, от звенк. *ага* — равнина, степь, поле, тундра, болото, сравн. с монг.-бур. — *агуу* — великий, обширный. Ныне — Агинское — поселок гор. типа, возник в 1811 г. Река Ага — левый приток р. Онон, Читинской области.

³ Нагаса — дядя, родственники по линии матери.

⁴ Т.е. из рода *цаган, саган* (бур. *сагаан*).

⁵ Ганжур (Ганджур, Канджур, Ганчжур) — букв. с тиб. «Заповеди Будды», собрание буддийских канонических сочинений в 108 томах, переведенных с санскрита. Известны разные его издания, как на тибетском, так и на монгольском языках.

⁶ Банди — монастырский послушник, низшее монашеское сословие буддийского духовенства.

⁷ Сан — религиозное воскурение (сан санзай — парн.) — воскурение сухих благовонных трав, измолотых в порошок, специально составляемая по рецептам смесь трав и благовоний.

⁸ Могойтуй (от бур. *могой* — змея) — населенный пункт в Агинском Бурятском автономном округе, ж/д станция, восточнее протекает река Шилка.

⁹ Сэтэр — обряд посвящения животного духам или божествам, при этом совершается обрезание ушей, к рогам привязываются цветные ленты или полоски ткани. ¹⁰ Ученик ламы, послушник дацана.

¹¹ Цаннит, цаннид, букв. переводимое с тиб. как «истинное свойство», — буддийское богословие и философия.

¹² Дондонжуу, дон-дун-чжу (тиб. don-bdup-cu) — начальный учебный курс по изучению «Парамиты».

¹³ Адагалик (Адагалик) — от бур. *адаг* — низовье реки, ее конец, устье.

¹⁴ Ингода — река, берущая начало южнее Яблоневого хребта на юге Бурятии, течет на восток, впадает в р. Шилку.

¹⁵ Занги — низшее должностное лицо, истор. — предводитель рода.

¹⁶ Токтор — от бур.-монг. *тогтох* — останавливаться.

¹⁷ Харчи (бур. харша) — забор.

¹⁸ Гэлун (от тиб. dge-slong) — буддийский полноправный монах, принявший все обеты. Бгай — почтительная форма обращения к ламам.

¹⁹ Нирва-бгай — монастырский казначей.

²⁰ Гандан — монастырь Гандантегченлинг в Урге, современном Улан-Баторе. Главный буддийский монастырь Монголии, основан в 1838 г.

²¹ Джамьян Шадба — титул настоятелей монастыря Лабран, перерожденцев Агван-цзондуя или Гунчен Чжамьян Шадба Дорчжэ (1649–1723), крупного амдоского ученого, философа, автора собрания сочинений (сумбума) в 15 томах, основателя монастыря Лабран-дашийнчил. Его учебниками руководствуются все богословские факультеты Амдо, Монголии и Забайкалья.

²² Цогчин, цогчен — букв. «великое, большое собрание», общее собрание монахов всего монастыря.

²³ Самбара, самбар — грифельная доска для письма.

²⁴ Хухуур — бурдюк, мешок из кожи для хранения продуктов.

²⁵ хаал (hal) — обряд угощения родителей невесты родителями жениха.

²⁶ Название местности к востоку от Агинска, неподалеку от р. Онон.

²⁷ Дылгиров — Агван-Галсан-Жимба (1816 — после 1874 г.) — 2-й настоятель Цугольского дацана, автор, комментатор, издатель и переводчик с тибетского на русский язык многих буддийских сочинений.

²⁸ Населенный пункт, находящийся в 40 км. к юго-западу от Агинска, место рождения Ц. Жамцарано.

²⁹ Тобоев Тугулдур — главный агинский тайша, автор исторической летописи «Прошлая история хоринских и агинских бурят», написанной в 1863 году.

³⁰ Т.е. японцы.

³¹ Махагала (Махакала) — «Великий черный», в буддийской мифологии — идам и дхармапала, темно-синего цвета, из разряда грозных божеств.

³² Букв. «Все хорошо, прекрасно». Здесь возможны 2 варианта прочтения этого выражения как в прямом смысле, или как названия какой-то местности.

³³ Наадан (бур.), наадам, надом (монг.) — народный праздник у монголов, сопровождающийся спортивными состязаниями и конными скачками.

³⁴ Данчиг (даншиг, даншог) — религиозные церемонии, посвященные Ундур-гэгэну и сопровождаемые разными обрядами и жертвоприношениями. Совершались раз в три года, но при VIII-м Богдо-гэгэне стали отмечаться каждый год. Проводились в последний летний месяц.

³⁵ Гэгэн, богдо-гэгэн — VIII-ой богдо-гэгэн.

³⁶ Чойчжин (чойчжон) — букв. «духи-хранители учения», в тиб. и монг. буддизме — прорицатели и оракулы.

³⁷ Хутухта — букв. «преисполненный святости, святой», титул иерархов буддийской церкви.

³⁸ Хамбо (хамба) — высший духовный сан в буддийских монастырях, первое лицо в крупных монастырях. В Бурятии — глава буддийской церкви.

³⁹ Гун — титул знатности, владетельный князь.

⁴⁰ Бэйсэ (бэйс, бэйцзы) — маньчж., четвертая степень княжеского звания.

⁴¹ «Проходите, проходите».

⁴² Занья (монг. зангиа) — узел, талисман в виде шелкового шнура с узелком посередине.

⁴³ Шамбала (Шамбхала) — мифическая страна со столицей Калапа, которую обычно считают расположенной к северу от Индии. Вопрос об отождествлении Шамбалы остается дискуссионным в исторической историографии, место ее нахождения ищут в Гималаях, на Памире, на Алтае.

⁴⁴ Изречения, приведенные Ц. Жамцарано в классическом письменном монгольском написании, мы воспроизвели в общепринятой транслитерации.

⁴⁵ Здесь Ц. Жамцарано повторяет монгольское произношение фамилии Куропаткина А.Н.

⁴⁶ Данжинов Доржи-Жигмед, монашеское имя Сумати Ваджра (? — 1899) — с 1876 г. — настоятель Агинского дацана, автор более 30 дидактических сочинений, известен своей издательской и переводческой деятельностью.

⁴⁷ Дара-Эхэ-лама — перерожденец богини Дара-Эхэ (санск. Тага, тиб. Долма, досл. «Спасительница»). Наиболее популярное женское божество в центрально-азиатском буддистском пантеоне. В Монголии был монастырь, в котором пребывал ее перерожденец.

⁴⁸ Вероятно, князь Ухтомский Э.Э.

⁴⁹ Андрей Руднев — Руднев Андрей Дмитриевич, русский монголовед, преподаватель Санкт-Петербургского университета, автор ряда работ по монгольскому и бурятскому фольклору, лингвистике, учитель Ц. Жамцарано. В 1918 г. остался в Финляндии.

⁵⁰ Арья Бандидын хийд — монастырь во Внутренней Монголии.

⁵¹ Зурачин (монг.) — живописец.

⁵² 84 волхвов — изображения 84 сиддхов, аскетов, знаменитых своими сверхъестественными способностями, эти иконописные жития неоднократно издавались монастырскими печатнями, один из вариантов которых опубликован венгерским тибетологом (The Eighty-four siddhas/ A Tibetan blockprint from Mongolia. Ed. by Alice Egyed // Debter: Materials for Central Asiatic and Altaic Studies. Fontes Tibetani II. — Budapest, 1984).

⁵³ Ордос — во Внутренней Монголии, где Жамцарано побывал в 1909–1910 гг. и на основании этой поездки впервые дал научное описание культа Чингис-хана, опубликовал тексты и перевод на русский язык культовых сочинений, читаемых при совершении обрядов, посвященных Чингис-хану. См.: Ц. Жамцарано. Культ Чингиса в Ордосе. Из путешествия в Южную Монголию в 1910 г. // САУ, vol. VI, 1961. P. 194–234.

⁵⁴ Шара тужи (туджи) — монгольская историческая летопись XVII в. анонимного автора. См.: «Шара туджи» — монгольская летопись XVII в. Сводный текст, перевод, введение и примечания Н.П. Шастиной. М.; Л., 1957.

⁵⁵ Талько-Гринцевич — Ю.Д. Талько-Гринцевич — первооткрыватель гунских поселений Северной Монголии.

⁵⁶ Габжу- монашеская ученая степенъ.

⁵⁷ Хуврачок (монг. хувраг) — хувараг, ученик ламы, послушник дацана.

⁵⁸ Дагини (монг. дагина < от санскр. Dakini) — фея, женский персонаж буддийского пантеона.

⁵⁹ Хан-Гарди (Хан-Гаруда) — персонаж древне-индийской мифологии, царь птиц, ездовое животное бога Вишну. В буддийской мифологии огромная птица, вечно враждующая со змеями.

⁶⁰ Шидди Хур (монг. «Шидэт хуурийн улгэр») — распространенный в Монголии сборник сказок индийского происхождения, известный под кратким названием «Волшебный мертвец».

⁶¹ Цам (монг. цам, тиб. чам.) — религиозная мистерия, совершавшаяся ежегодно в буддийских монастырях Тибета, Монголии, Бурятии, Непала, Тувы. Известны несколько видов цамы: разговорный с многочисленными диалогами и импровизациями, пантомима, с участием от 4 до 108 человек, посвященные разным событиям буддийской истории. В Монголии и Бурятии приурочивался к летним праздникам буддийского календаря.

⁶² Джебдзун-Дамба-хутухту — титул главы халхаской церкви, впервые присвоенный в 1650 году Далай-ламой V-ым сыну правителя Тушету-хановского аймака Монголии.

⁶³ Лус (луус) — дух, хозяин воды, морей и рек.

⁶⁴ Чиндамани — магический камень, исполняющий все желания.

⁶⁵ Эрдэни-Дзу — первый буддистский монастырь на территории Монголии, построен в 1586-1587 гг., связан со второй волной распространения буддизма в Монголии.

⁶⁶ Ваджрапани (санскр. «Держащий ваджру»), буддийский гений-хранитель Монголии. Один из бодхисатв в мифологии махаяны и ваджраяны. Наряду с Авалокитешварой и Манджушри является одним из основных персонажей буддистского пантеона.

⁶⁷ Галдан — Галдан Бошокту-хан (1645–1697) — духовный ученик далай-ламы, хутухта, глава Джунгарского ханства после победы над чоросскими феодалами в XVII в.

⁶⁸ Гонбо-Доржи-хан — Гонбо Тушету-хан, халхаский владетельный правитель, участник Джунгарского съезда 1640 г.

⁶⁹ Таранта — Таранатха, Дараната Гунга Нынбо (1575–1634) — тибетский историк, крупный религиозный деятель, знаток санскрита, последний крупный представитель школы чжонангпа. Его перерожденцем был объявлен сын халхаского Тушету-хана — Ундур-гэгэн, с которого началась преемственная линия перерожденцев халхаских Джебдзун-Дамба-хутухт, богдо-гэгэнов. Существуют разные варианты их биографий, как на монгольском, так и на тибетском языках.

⁷⁰ Перечислены названия должностей и отдельных исполнителей культа Чингис-хана в Ордосе.

⁷¹ «Болод Хуурай хубуун» — досл. «Молодец Железный Подпилоч», главный герой одноименного бурятского улигера.

⁷² «Дегирмеджид-хаан» (монг. «Бигармижид-хан») — главный персонаж произведения «Бигармижид хааны тууж», переведенного с санскрита в XVII в., имевшего широкое устное распространение в тибето-монгольском мире. Неоднократно переводилось на монгольский язык, существует в творчески переработанных монгольских версиях.

⁷³ Баруун Джу — монгольское название одного из крупных и известнейших тибетских монастырей.

⁷⁴ Банчен-богдо (панчен) — тибетские духовные деятели, считающиеся перерожденцами будды Амитабхи, титул наставников далай-лам, перерожденцев бодхисаттвы Авалокитешвары, считающегося духовным сыном Амитабхи.

⁷⁵ Мани (санскр. mantra — стих, заклинание, магическая формула призывания богов, основанная на вере в древнюю магическую силу звука) — самая известная буддийская мантра, превратившаяся для рядовых буддистов в повседневную молитву — ом мани пад мэ хум, один из переводов которой: «Ом, ты сокровище на лотосе!»

⁷⁶ Римбучи (тиб. ринпоче) — букв. «драгоценный», титул, присваиваемый признанным перерожденцам тех или иных знаменитых лам.

⁷⁷ Замлиншайбшад — название известного географического сочинения Миндол-ламы. Переведено на рус. и англ. языки.

⁷⁸ Даши хадаг, вандан хадаг, серши хадаг — разные названия ритуальных шелковых шарфов, используемых в церемониях религиозного и светского характера.

⁷⁹ Лувсан-хурчи — Ульдзей Лувсан-хурч — певец-рапсод конца XIX — начала XX века, его слушали и с ним работали российские фольклористы-монголоеды: П. Берлинский, Б.Я. Владимирцов, С.А. Кондратьев.

⁸⁰ Сборник «300 бурханов» — сборник изображений 300 божеств, известный под названием «Древо собрания трехсот изображений» или «Сборник трехсот бурханов». В 1903 г. был издан в серии «Bibliotheca Buddhica» (т. V) С.Ф. Ольденбургом по рисункам воспроизведенным бурятским художником по ксилографу, изданному в Китае в XVIII в. Джанджа-Рольби Дордже. Тибетский алфавитный индекс к данному сборнику был составлен Ц.Ж. Жамцарано и Б.Б. Барадиным.

⁸¹ Джанджа-хутухту — титул монгольских перерожденцев высшего ранга.

⁸² Описание-похвалу Утайшаня — священной горы, по буддийской мифологии считающейся местом обитания бодхисаттвы Манджушри, является местом паломничества. Существуют разные сочинения, связанные с Утайшанем: описания святынь, оды-восхваления, монастырей. Включена в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

⁸³ Панчаракша (монг. Банзарагч) — индийское буддийское сочинение, переведенное на монгольский язык с тибетского в XIV в. Чойджи Одзером.

⁸⁴ Мани Гамбум (тиб. Mani bka' 'bum) — название популярного религиозного трактата, представляющего собой сборник сочинений разного содержания от канонических работ и ритуально-обрядовых текстов, житий и биографий, до поучений и наставлений, авторство которого, согласно традиции ньингма приписывается Авалокитешваре. Но более распространено мнение об авторстве Сронцзан Гампо.

⁸⁵ Река в Чойбалсановском аймаке Монголии.

⁸⁶ «Историю (повесть) Наран Гэрэл-дагини» — хранится в монгольском фонде СПб ИВР РАН в коллекции Ц. Жамцарано. См.: А.Г. Сазыкин. Каталог монгольских рукописей и ксилографов ИВ АН СССР. Т. 1. М., 1988. № 328. С. 87.

⁸⁷ «Оюун Тулхюур» — «Ключ разума» — под этим названием известно несколько сочинений. В данном случае сложно установить, о котором из них идет речь.

⁸⁸ Тола — река, берущая начало на севере Монголии, течет сначала на юг, затем на северо-запад, впадает в Орхон.

⁸⁹ Обо.

⁹⁰ Цыбик Онгодов — Убаши-Цыбик (Цыбак) Онгодов (1831–1911), бурятский просветитель, краевед, народный учитель, родился в местности Сагаан Шулуутай Агинской степной Думы. О нем см.: Г.Н. Румянцев. Описание архива У.Ц. Онгодова. Улан-Удэ, 1959.

⁹¹ Эмчи-лама — лама-лекарь.

⁹² Шираб-Нимбу Хобитуев — автор летописи «История бурятского народа 11-ти родов», написанной в 1887 г., зайсан галзутского рода, помощник главного тайши хоринских бурят.

⁹³ Агинское бурятское училище (начальное) — основано в 1842 г.

⁹⁴ Морни наадан — конские скачки.

Публикация Ц.П. Ванчиковой

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПРЕДОСТАВИЛИ

Батсайхан Оохнойн — доктор исторических наук, профессор, зав. сектором России Института международных исследований Академии наук Монголии

Ванчикова Цымжит Пурбуевна — доктор исторических наук, директор Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ)

Василенко Виктория Александровна — кандидат исторических наук, доцент Иркутского государственного университета, докторант Восточно-Сибирской государственной академии образования (г. Иркутск)

Дацышен Владимир Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

Дубникова А.В. — аспирант, Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

Зулькафиль Маулетийн — доктор исторических наук, профессор, кафедра журналистики Монгольского государственного университета

Ильина Елена Викторовна — начальник отдела использования и публикации документов Государственного архива Иркутской области

Кузьмин Сергей Львович — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник сектора Монголии Российской академии наук (г. Москва)

Кузьмин Юрий Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры мировой экономики и международного бизнеса Байкальского государственного университета экономики и права, Почетный доктор Монгольского госуниверситета (г. Иркутск)

Маланова Анна Валерьевна — аспирант Восточно-Сибирской государственной академии образования, директор архива п. Баяндай (г. Иркутск)

Полянская Оксана Николаевна — кандидат исторических наук, доцент Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ)

Скородумова Лидия Григорьевна — доктор филологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)

Старцев Александр Владимирович — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой востоковедения Алтайского государственного университета (г. Барнаул)

Чойсамбаа Ч. — кандидат филологических наук, доцент Монгольского государственного университета

Шинковой Анатолий Иванович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Областного краеведческого музея (г. Иркутск)

* * *

Архив внешней политики Российской империи
Архив Министерства иностранных дел Монголии
Архив Польской академии наук в Кракове
Государственный архив Алтайского края
Государственный архив Иркутской области
Национальный архив Монголии

Научное издание

Россия и Монголия
в начале XX века
ДИПЛОМАТИЯ, ЭКОНОМИКА, НАУКА

Книга 3

Часть 2. История отношений России и Монголии в документах

Сборник архивных документов

Издается в авторской редакции

Дизайн обложки и подготовка оригинал-макета
Т. А. Лоскутовой

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 21.05.14. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 27,3. Тираж 500 экз. Заказ 6091.

Издательство Байкальского государственного университета
экономики и права.

664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в ИПО БГУЭП.